СЕРГЕЙ РУСИН
Катышиндигеру

СЕРГЕЙ РУСИН

КАТЫШИНДИГЕРУ

ИРКУТСК
ООО «АРТИЗДАТ»
2020

УДК 82-32(397)
ББК 84(2Рос-Рус)
Р88

Издание осуществлено в рамках гранта
Русского географического общества

Автор выражает особую благодарность своей маме Ольге Андреевне Стрельцовой (Мезенцевой) фельдшеру поликлиники станции Нижнеудинск Восточно-Сибирской железной дороги на Транссибирской магистрали в 4679 километрах от Москвы.

Русин С. Н.
Р88 Катышиндигеру. — Иркутск: Издание ООО «Артиздат», 2020. — 480 с.: ил.

Тофалария — историко-культурный регион в центральной части горной системы Восточных Саян. Первая книга «Ленточки странствий» и вторая «Ловец Солнца» содержат мифы и обычаи жителей гор. В третьей книге «Катышиндигеру» люди и звери ходят одними и теми же тропами в надежде найти друг друга и побрататься. Необходимость выживания в дикой тайге выработало у кочевых таежных оленеводов-охотников восприятие самих себя как часть самой природы, а олицетворение её сил стало источником формирования образов и привычек, передаваемых в деяниях и поступках.

УДК 82-32(397)
ББК 84(2Рос-Рус)

© Русин С. Н., текст, фото, 2020
© Урбаханов В. Э., обложка, 2020
© ООО «Артиздат», оформление, 2020

КАТЫШИНДИГЕРУ

Одолевая путь вверх по реке Джуглым до устья реки Ичемь, минуя тайгу и болота, тропа вывела оленей в исток реки Красной Бирюсы. В поисках познания сути, не считая приобретения, стадо кружило в верховьях Красной и Черной Бирюсы, Большой и Малой Бирюсы по размытым звериным тропам, пересекая бесчисленные броды и преодолевая перевалы. Покинув берлоги и наевшись до сытости черемши, равнодушно спали медведи на склоне горы у скачущей по камням речушки Бугульмы. Без сомнений навстречу счастью и судьбе шумно за солнцем олени шли руслом быстрой, но с остатками наледей реки Марита к Тынгойскому Белку. На перекатах разворачивая караван поперёк россыпного золота косой шиверы, вода без сожалений прошлое стирала. Дорог здесь нет, а каменистое дно с застревающим золотым песком, служило лучшей тропой в обход дремучих завалов. Большая Бирюса с огромными скалами, прижимами и ямами брала начало с узких гребней склонов Джуглымского хребта. В месяц вылета глухарей на токовище, на острых пиках оседал снег, убегая незримыми ручьями,

а ночью замерзал. В месяц мягкого снега замерзала золотом разукрашенная река, а освобождалась ото льда в месяц новорожденных оленят. В нерест тайменя от проливных дождей нагон воды к скальному берегу окрашивался в небесно-золотистые оттенки. Таёжнику сопутствовала удача в охоте на пуш-

ного зверя по берегам ледяной реки, а он отстранено проезжал мимо узорных россыпей и рудного золота, красовавшихся на дне и скальных обнажениях. Самородки накапливались при разрушении и размывании кварцевых рудных жил в притоках Катышиндигеру. Катанное и чешуйчатое золото блестело в суглинках и обломках докембрийских сланцев, песчаниках и известняках, буром шпате и серном золотоносным колчедане. Содержание золота в песках было высоким в россыпях, перенесенных движением ледниковых масс в период оледенения Саян.

Олени, ослеплённые ярко-желтым блеском золотых самородков, отражающих солнечные лучи на дне, медленно брели по течению ручья. В приливе сил кочевой таёжный оленевод-охотник из рода Чёрных Гусей услышал зов горных вершин и оглянулся. Неожиданно заплутавшим взглядом заметил, что в окружении множества отражающих блеск бляшек-песчинок в мутной глине лежал огромный самородок в форме ясного

и ровного шаманского зеркала и поддерживал связь с духом Солнца. Обольстительный блеск губил многих ненадёжных людей нездоровым удивлением. Золотом богатые руды буравили взглядом и сердца лечили, но имели обманную силу над человеком, лишая иногда мудрости и стержня жизни. Золото обаянием, могло буйством будоражить кровь или ложью просто вытеснить любые добрые мысли из нестойкой личности. Золото заставляло молодых и отзывчивых, но неопытных людей врать и воровать, болеть золотой лихорадкой и принимать звериный облик. Бубен, белой пургой запорошенный, мог скакать по заказу туристов, а они за кружку золотого песка спирт наливали. Вечное золото в воде не ржавело, в огне не горело, в грязи не портилось и нетленно сияло. Таёжник не сразу понял, что перед ним дивное зеркало: настолько точно оно сквозь облака отражало Солнце, небо и горы. В сердце поселились сладостные мечтания, что это мягкая чудесная реальность, в которую из суровой жизни можно легко с головой окунуться. Из любопытства наклонился к лицевой стороне и увидел самого себя в зеркале самородка и от огорчения испугался. Он посмотрел на золото, а не на себя, но видел только своё отражение и какую шубу надел горностай. Внимательно присмотревшись, он увидел в россыпи крохотных и причудливых осколках зеркальных золотников множество притворных лиц. Каждый образ внимательно на него смотрел и

о чём-то хитро просил. Таёжник кочевал в полном одиночестве и был уверен, что в тайге нет никого, кроме него, оленей и зверей. Здесь редко скитались приезжие люди, время текло своим ходом до закатных зарниц, а жизнь убегающей Луною в небе казалась. На всякий случай нахмурился, чтобы защитить себя

от внушения окруживших его случайных лиц или испугать их. В ответ все нелепые лики сурово сдвинули брови. Сомневаясь, насупился — они колючей угрозой ответили. Искренне улыбнулся и все отблески, раскрыв сердца ему усмехнулись. Таёжник подумал жадно собрать пылинки, надрываясь попытаться составить в одну гладь кусочка счастья, который будет согревать его жизнь, но в отражение зеркального золота кроме себя никого не увидел. Размышляя, почувствовал, что его ненасытная алчность всего лишь видимость. Отражение не приносило ни добра, ни зла само по себе. Всё, происходящее вокруг таёжника, было отражением его собственных мыслей, чувств, желаний, поступков, а в тайге белку ловил соболь, и ворон высматривал добычу — падаль.

Стремительный бег оленей по кедровому стланику заставил таёжника вспомнить о семье и за шторою достатка в зеркале заметил, что где-то далеко внизу молния сверкает, вверху люди угощают солнечный рот — огонь очага. Под бубны и смех детворы

идет чередом жизнь стойбища, а дух-хранитель Медведь пьёт воду в истоке ручья и бегают чёрненькие медвежата с молочными зубами. Девушка расшивает меховую одежду оберегами из когтей, а с обветренным лицом старица из берестяной коробки достала медвежью лапу. Хозяин гор, перевоплощаясь в Медведя, наказывал людей за нарушение правил. В отличие от того, кто за золотым зеркалом стоял, таёжник отражал не только то, что видел, но и то, чего не видно на первый взгляд в сердце. Хищники свирепствовали в угодьях — он добывал охотничье счастье. Тайга дарила урожай — он не брал лишнего. Свистели рябчики, насиживая яйца — он берёг тайгу. Охотился на копытного зверя, и семья на стойбище отсвечивала радостью. Отражение солнечной тайги в золотой глади помогало видеть хорошие черты и получалось наладить жизнь. Через таёжный мир ликовало зеркальное отражение. Стоящей за золотой поверхностью звёздный лик обращался к таёжнику через его же собственное сердце.

Дитя таёжных гор плохо понимал, как устроен весь ошеломляющий мир. С оленьим молоком впитал свет небесных светил, свежесть ветра и голос горной тундры. Они помогали пушниной промышляющему человеку в бездне зеркала различить, как образовалось золото. Сквозь ослепительные блики солнечных лучей он примечал, что вспыхивали во времена первозданные в слиянии непричастные звёзды. Привходящий золотой пар не испарился в недрах Вселенной, а свечением молний, плавивших метеориты разбрызгивался на Солнце, планеты и озябшую Землю. Солнце, проснувшись от золотого дождя, излившегося с высоких небес, вспыхнуло теплее и ярче. Перегретый металл скапливался, уплотнялся, сгущался в вечной мерзлоте Саянских гор и покрывал слоем поверхность вершин, очищая их от ледяных кристаллов. Жидкий металл метеоритного золота

дёргался, охлаждался и затвердевал в студёных водах рек и слоях ледника. Золото, вступая в круговорот пород, скрывалось в глубинах гор и вновь появлялось на поверхности. Враждебный мир для человека, нёс человеку благо. В толще зеркала драгоценного металла Солнце с водою иногда менялись местами. От огромного самородка солнечного цвета ладошки горели, а от низших духов, словно в разбитом зеркале, звёздные послания преломлялись невзгодами. Сутулясь, таёжник не беспокоил духов-помощников природы, а смотрел и ждал, когда золото соединит его отражение в одно целое. Смутным пламенем золотые блики искривленными вспышками молний созидали мир. В зыбкой очевидности человек поскальзывался, падал и поднимался. Затаив дыхание слушал, как гулким эхом камлал Катышиндигеру на небо с гневом. Шаман-река в жемчуге пены хранила ценности и волшебные грёзы. Вперемешку с болью сыпала заклинания отвесная скала. Стонала мохнатая тайга, внимая стукам воды о бубен камня. Искры волны и голодный вой волчьей стаи делали очи зрячими. Во всполохах света зеркало вне выбора не цеплялось за уходящее время. Оно не сохраняло воспоминания, и тени, которые никогда не повторялись. Наблюдало, не делая различий между кружевом звёзд и дымкой тумана, зверем и человеком, глупостью и умом, выдумкой и фактом. Уподобляясь незаполненному, чистому зеркальному золоту ослепительные вспышки молний разрывали небо на части, а разбитое и разбросанное отражение становилось яснее и мудрее. Ни на кого не похожий мечтатель бесконечных троп не сдался, не поверил призраку быть довольным, богатым, сытым и не остался в виде золотой тени. В себя силу таёжного зверя вбирая, протяжно вздыхал и выполнял всё то, что при вспышках молний обещал Хозяину гор. Клятву на медвежьей лапе не нарушил и золото, отвлекающее от добывания охотничьего счастья, руками не поднял.

Преграды и соблазны на пути не помешали таёжнику уклониться от истинной тропы. Он не обуглился ударом молнии, не сломался тяжестью жадности, не сдался и не предал, словно ненужный мусор оленью тайгу и кабарожью тундру. В испытание чутья, разума и сознания прогорело всё, но обнажилась суть. В трудную минуту олени в поддержке ему не отказали.

В золотой трясучке резко отвернулся от зеркала, отломившегося от недосягаемой звезды и вернулся к размеренной жизни. Не боясь трудностей и боли, смирившись, в глухой тайге жил заботами. Безупречно тянул тропу, как дышал, не зная усталости. В своём мире жил по самобытным законам — без денег. Кедровка выкапывала запасы из-под снега, а он кормился тем, что тайга приносила по силам и умению. Золото для него было не средством обогащения и украшением, оно служило напоминанием о связи с духом Солнца.

Презрительно пренебрегая холодными зернами золота, тетерева склевывали пищу в кварцевых песках на золотоносных участках по ручьям и речушкам, впадающим в чистейшую ледниковую воду рек Хорма и Янгота. Из рытвин ручья Катышиндигеру, по реке Миричун таёжник поднялся в исток Верхней Тугурмы с чистейшей водой, текущей по чёрным камням. Блуждая в поисках тропы и скользя на кочках, обошёл болота Комсота, распадки и мелкие ручьи Малой Бирюсы. Со сплетения проток реки Кичень луч солнца отразил от воды очертания похожей на клык медведя гору Улуг-Тайга. Гора с крутыми склонами и остроконечным снежным куполом блестела солнечным зайчиком, словно обратная сторона искушения. Белоснежная ласка отсиживалась в можжевельнике, волки бродили семьями, а росомахи — поодиночке. Багульник и скалы под солнечным лучом светились розовыми отливами. Здесь медведь — проводник в мир духов, иногда рушил покой, забывая в суете о хрупком равновесии раличных сил — видимых

и невидимых. Гора любовалась собой в золотом зеркале, но имела особенный характер, и людей, переносивших презренный металл, проверяла молнией. От страха люди тяжко ноги переставляли, рассматривая свои точные копии, в виде тени или отражения в золоте. Опалённых ветром людей, в сердцах, зажигающих чистоту огня, видимую через отражение, гора принимала. Желание увидеть окружающий мир, и свое собственное лицо в нём, сбывалось в кратчайшие сроки. Восходить на вершину глубин всеведения запрещалось. Гора проявляла тайники судьбы, показывая то, что недоступно глазу. С приближением человека к вершине поднималась буря, в грохоте грома мрак сжимал огонь молний. Отрывался виновник от земли, перевоплощаясь в зверя двойника, уносился в неведомые видения, не похожие на сон, в нижний мир, где отбыв тяжёлое наказание, отпускался на перерождение. Спящего отступника медведь по имени Туча резко не будил, чтобы явь успела вернуться, а путём уговоров, возвращал на место.

С пространством говорил Ичемь у насквозь прокалённых камней склона подножия горы. Совершая подношение, из простора глубин призывал родной ураган и сталкивал между собой сродные звёзды. Мутное небо мерцало и тряслось, падала

на гору золотая гроза. Грохотало эхо горных духов, гремели громовые удары небесного бубна. У краёв вышины, отражаясь в светозарных созвездиях, вытекала золотым пламенем молния между когтей медвежьей лапы, ставшей колотушкой для бубна неба. Золотые тропы метила небесная странница огнём чудес. Прожитые дни, просочившись сквозь время, превращала в золотую пыль и наполняла жизнь свежим дыханьем. Поток золотых вьюг с высокого простора прорезал бездонное небо до самых каменных жил. В буйстве цветов и зелени тайги проступающий металл небесного золота необратимым притяжением отражений отчих звёзд дёргался, дрожал и сиял прозрачностью. Глаз свечение, горящее и прекрасное, отражало светом окутанное сердце таёжника цель, наполненную свободой выбора.

По позолоте прямодушный человек возвращался по пройдённым тропам. Не отступив от петляющего пути ни на шаг, кочевал за оленем по узелкам испытаний. Вела мечта даже во тьме и прямо на своих следах заметил свежие отпечатки медвежьих лап. Хозяин гор сопя, наступил свысока без возни на заблестевший сусалью камень тяжелою лапой. Проверил косолапый, что за гость приходил на золотые жилы в истоки реки Бирюсы. Место шаманского зеркала, отражающего добро и зло, любовь и ненависть, взаимопомощь и равнодушие, радость и страдание, медведь держал в тайне. Плывущего бурундука схватил таймень. Медведь не спугнул рябчиков, стерегущих рудную золотоносность бурной реки, не заставил улететь, а уселся рядом.

Вслед за реальным Солнцем кочевал человек, перешагивая ручьи вдоль реки Малый Мурхой до горы Перевальная. Поднялся на заоблачный перевал и потерял тропу. Встал посреди седловины и взглянул на небо. Молния с оглушительным треском ударила в гору Улуг-Тайга и вспышкой осветила небо, горы и зеркало камня. К нему, как за крестовину бубна подвязал помахивающую полоску материи. Опустил взгляд на тропу, по скользким камням минуя брод за бродом Нижней Хонды и по топи болот, вышел в долину реки Уда. От озёр и рек Тер-Яги и Эт-Кол у горы Мюстыг-Даг звала таёжника дикая жизнь нефритовых камней реки Чело-Монго, где он понял мир таков, каким его делало сердце, украшая пространство гор.

ХОЗЯИН СТУЖИ И ХОЛОДА

Человека погода заставала врасплох, будь то внезапный снег на горном перевале или крепкий мороз в отсутствии тёплого укрытия. Всё это человек старался пережить. Умел волшебно, но правдоподобно объяснять причины природных явлений. Разумное начало явлений со зверями и людьми общалось — обитало между ними согласие. Мудрость таёжных примет не терялась во времени, а талантом оттачивалась. Спускались на тайгу гроза летом, цветение весной, осеннее опадение хвои и мороз зимой, чтобы ходить между зверями и человеком, смотреть на их дела и исполнять заветные желания. Жил человек в таёжном мире рядом с грозными силами и верил в их чудесное одушевление, развивая воображение, образную мысль, созидая полную доверия картину мира. Олицетворение природных явлений стало источником формирования образов и привычек.

Утро замерзающей воды светлело поздно, а снежный вечер темнел рано. Зимнее солнце поднималось над горизонтом на уровень сброшенных рогов оленя и косыми лучами не грело. День стал коротким, и человек перестал ходить по тайге и дружить

со зверями — холода испугался. Время тянулось медленно, а он сидел в горной тундре и грустил. Седой Мороз-шатун бродил по ледяным горным просторам и наводил порядок: тропы снегом заметал, по ручьям ледяное кружево плёл. Звери его боялись и в глубокие норы прятались, покрепче затыкая мхом входы. Под тяжестью снега прижался к земле можжевельник. Мороз-шатун был не добрый, не злой, а суровый. Пургой жестокой хлестал скалы, всему живому грозил. Друзей у него не было, кроме сутулого кедра, и Мороз-шатун часто скучал от одиночества. Особенно тоскливо ему было, когда снег кружился тихо, и звери из убежищ не выходили до рассвета. В самую долгую ночь светили звезды, а грустные звери собирались на округлой вершине сопки под мшистыми ветвями кедра. Величавый кедр, вздымая над облаками вечнозеленую смолистую хвою, качался вершиной в поднебесье. В бесконечности ночи звери наряжали серебристые веточки кедра шишками-подарками для Мороза-шатуна. Лесные жители пытались угостить и разжалобить сурового Хозяина холода и получить в подарок зимние меховые шубки — спасение от хищников. Кто в берлогу спать завалился, просил засыпать голую землю мягким снегом. Покрывающий горы снег, удерживая тепло, не вымораживал спящую растительность и зимующих зверей. Все звали и ожидали Мороз, а он являлся с белёсой мглой

и в объятиях скрывал очертания горных хребтов. Задобренный Мороз на раскачивающийся кедр смотрел со светлых скал. Воющим ветром мучил и жёг Мороз мглистое небо, за когти и за щеки мохнатые зверей кусал и по очереди исполнял их заветные желания. Просители с радостью надевали тёплые шубы дивной красоты с длинным и крепким подшёрстком — густым и плотным мехом. Снежную доху надел горностай, кончик хвоста чёрным оставил. Белой стала ласка.

Человек остался один и страшился по утренней темноте и холоду, идти в тайгу. Путался в присыпанных серебром потемках. Ночью огонь костра гасил, спать ложился и до утра мёрз. Замерзая начинал робеть, что его тепло мог Мороз забрать. Он желал увидеть Мороз и получить в подарок исполнение своего желания, но боялся. Слушал звериные просьбы о помощи к Морозу и молчал со стоном в груди. Вглядывался в студёную мглу, старался увидеть Мороз, который занимался строительством ледостава, но в сумерках глазами моргал. Ветер в лицо ледяную крошку швырял, холодом лютым обжигал. Стужу и холод напустил Мороз, стылым ветром закружил. Мокрый снег и вода превращались в кусочки шуги. Лёд сам собой, как по волшебству слипался в льдинки. Постепенно льдинки крепли, а Мороз ледяной крышей укрыл реки и горы, но случайно на дне небес заморозил гладь висков чудесного оберега — кусочек зимней луны — исполняющий просьбы. Потемнело в тайге, перестали сбываться желания, а звери услышали грустное слово нет. Радовались звери, получая подарки, а очень огорчились без их обладания.

Небо остыло словно сердце, в котором лунный остаток не горит. Человек не утерпел и пошёл искать пропавший лунный огарок, что берёг зверей от разных бед. Чудак, в снежное ущелье взглянул, а тлеющий лунный обломок потащил в рукавицах к стройному кедру. Решил вернуть оберег хозяину холода. В тайге был озноб и дрожь, но человек выбрался сначала из щели, потом бежал до скал и с лавины катился. Мороз и не предполагал, что холод человеку оказался, не страшен. На бегу не замерзал человек. Нипочем в стужу на гору бегом поднялся, с горы кувырком спустился и ни разу не споткнулся. Морозу не удалось схватить резвого и прыткого человека

за бока. Бежал человек и впереди видел красиво наряженный кедр, на котором Мороз оставлял на подношениях от зверей расписные узоры из снежных кристалликов. Через поляну, покрытую глубоким снегом, прошёл к кедру и таинственный оберег — тонкий лунный светильник — на изморозь хвойной ветки

подвесил. Заблестел иней на хвое ледяными алмазами, осветил тайгу, усмиряя жгучий холод. Мороз-шатун устал промораживать и увидел лунный блеск, а рядом человек грелся надеждой об исполнении желаний. Совсем из сил Мороз выбился, а человек и в мыслях не думал замерзать. Мороз испытующе и сурово взглянул на человека, но потом усмехнулся. Удивился, что человек прибежал один, тёмной ночью, когда от колючего холода кора на деревьях лопалась и стволы трещали. Значит, он не боится замёрзнуть в тайге, превратиться в льдинку, а готов рисковать и менять свою жизнь. Способен отказаться от привычной суматохи и поверить в себя, имеет силы для того, чтобы исполнились его таёжные желания. Смельчакам Мороз-шатун непременно выполнял желания. С сотворения горной тайги было так — никогда Мороз не подводил.

Человек робко попросил стадо северных оленей, а успех за успехом приходил. Желание исполнилось — появились у человека прирученные олени, привыкшие к суровому климату,

которые переносили холод, добывали корм из-под глубокого снега и приносили оленят. Человек изменился в оленевода. Крепче на ногах стал стоять, но восторг в сердце не пришёл. В районе выпаса оленей рыскали стаи волков. Оленевод просил защитить оленей от растерзания оголодавших хищников.

Дружное стадо оленей побежало кругами. В центре находились оленята и важенки, а вокруг них ходили быки, которые защищали стадо. Прикрывали ветвистыми рогами, спины впереди идущих оленей и жестокому зверю сложно было охотиться на них. Свирепые призраки изымали недугом ослабленных животных, поддерживая здоровое стадо. Оленевод оберегал маточное стадо от волков и медведя-шатуна, росомахи и рыси, но восторг в сердце не приходил. Просил, чтобы появился у него верный друг — собака, и белая лайка посмотрела преданно синими глазами. Резвая лайка по снегу кружилась, обнюхивала и бегала по следу, дерзкого зверя загоняя. Уходили злые звери на далёкие вершины искать добычу. Отпугивал хищников беспокойный лай собаки. С белой звёздочкой во лбу олененок, на тонких ножках ходил за ней следом, как собачонка, но восторг в сердце человека не приходил. Тенькали синицы, барабанил дятел, кабарга справляла свадьбу, а оленевод оберегал оленей. Через год с вьюгой Мороз-шатун пришёл проверить, как поголовье оленей расширяется. Человек

ворчал, одеваясь в кружева облаков, что весь год он трудился на стойбище, выпасал стадо, ухаживал за оленятами, а путеводную звезду над вершинами гор не видел. Мир с далёких горных хребтов захотел оленевод посмотреть. Исполнил отзывчивый Мороз-шатун человеческое желание. Побрёл оленевод, улыбаясь звездам, двигался за стадом, не допуская излишнего беспокойства, больших и трудных перегонов по каменистым распадкам, ущельям с обрывами, через гололёд и наледи ручьев. Неприхотливые олени останавливались питаться ягелем. Выбирали пастбища, богатые оленьим мхом и зелеными кормами, покрытые рыхлым снегом на вершинах гор. Смотрел на окружающий чудесный мир оленевод и стал кочевым оленеводом. Верхом на олене по бескрайним горам кочевал, видел манящий звёздный свет и новое узнавал. Ходил по вершинам за стадом оленей, по клюквенным болотам и брусничным прогалинам, у харюзовых озёр и черемшиных ручьев. На перевалах здоровался с лунным ломтиком, молнией, пургой и туманом, но умиление кочевому оленеводу не пришло.

Кочевал оленевод, а у кедра прозрели глаза, там остроконечный лунный оберег не исчез в зимней заре, а снегом покрылся. Заново встретил Мороза-шатуна и недовольно брюзжал, что олени досыта пожёвывают ягель, а он странствует за ними по тропинкам не спеша. Уходят годы в суете, сборах, хлопотах

и кочевании. Сначала рассвет, потом закат, и впечатления от низкого солнечного мрака затуманились. Устал в пути, не спрашивая совета, попросил угодье наполнить соболем и охотничьим счастьем. Испугался наивности желанья, что не станет явью никогда, но глотая воздух жгучими глотками, по тайге заурчали шустрые соболя. Вёрткие и умные, смышлёные и красивые соболя перевоплощались в меховые жилеты. Исполнилось желание и кочевой оленевод, стал и охотником, но ликование не получил. По вершинам и глубоким долинам кочевал на оленях и охотился на пушного зверя, посидеть и попить чайку у костра, было негде и некогда. Нелепо рыдал под кедром, что сил нет, а к нему вновь снизошёл признанный Мороз-шатун, но человек не обернулся. Внезапно жалость к человеку таким гневом Мороза окуталась, что в глазах застыл озноб. Льдинки с хвои кедра от злости острыми осколками осыпались. Под шум метели попросил кочевой оленевод-охотник себе обиталище. Огромные снежные тучи затянули небо, а в тайге стало тревожно. Из-за пиков хребта двигалась потемневшая стена снега. Негодуя, человек соорудил шестовой чум-жилище и спрятался в нём от свирепого Мороза. Посреди оленеводческого стойбища у стройного кедра, в окружении снежных вершин, походный чум стоял. Удивился Мороз-шатун, что его, Хозяина холода не испугался человек. Бросился Мороз к жилищу, струями ветра по шкурам, которыми чум обтянут, хлестал шквалом и стегал бураном. Снегом жилище закидал, но стоял, не шевелился и не покачивался тёплый чум. Крепко сделал его человек, на совесть. Жар от пламени очага, что вверх поднимался, когти на лапах Морозу-шатуну обжигал. Заревел Мороз от обиды и желание человека исполнил. Раздобревший лунный оберег заполнил небеса, а кочевой оленевод-охотник стал таёжником, но умиление не приходило.

Бессонно уставив взор на ободок лунного оберега в зените, пришёл Мороз по зимнику со свирепой бурей. Хотел новым желанием таёжника выманить из уютного чума. Бил Мороз студёным снегом о скалы, и волки выли клыками сверкая. Таёжник качал головой и отказывался загадывать — от большого количества страдало качество заветных желаний. Желал счастья, осознавая собственную значимость. Желал верить

в собственные силы, а когда станет невмоготу, стряхнуть с себя уныние и кочевать там, где нравится. Сомневался, что наполнится сердце радостью, оправдывая новые ожидания. Суровой зимой, в кромешной темноте ночи, человек жарил лепёшки из муки и воды на огне костра. Дым разъедал глаза Морозу,

а лайка прижималась к оленьей шкуре, поближе к теплу и запаху еды. Маленький оленёнок под шумок юркнул в чум соли лизнуть. Олени обошли стороной ловушку свирепых волков и как обереги, легли в глубоких сугробах вокруг чума. Стылая буря снегом засыпала ветки старого кедра и стала стихать. Лёд трескался, а ветер выдохся и дыханье переменил. Заблестел оберег круглой лунной краюхой, и похолодало. Волки топтались у павшего сохатого. Лунный оберег камлал среди звёзд и хвои: то прятался, то снова появлялся. Оглашённый криками кедровки поверил в морозные чудеса человек и сочинял стихи. Клонило в сон, но он о жизни думал, что прожил, и рассказывали старики о том, как Мороз исполнял желания. Немного сомневался, что Мороз иногда хитрил. Желания исполнялись: если человек сильно жаждал успеха — мог его достичь. Таежник, ссутулив плечи, откинул полог чума с другой стороны, но радость не проходила. С огромным усилием встал, глубоко вздохнув колючий ветер. Подняв голову, с удивлением увидел —

в глубине тёмного неба лунный уголёк подморожено светил и не стало страха пред волчьей стаей. Лунный свет, спасал и украшал золотом шишки да иголки на изморози обомшелых веток кедра. Свернул охотничьи поиски соболь, а уцелевшая белочка через холодный обморок с кедра уронила смолистую шишку. В ней находились вкусные и питательные орехи — основной корм для зверей и птиц. Человек попросил, исполнить желание, чтобы Мороз не приходил летом и не портил урожай ягоды и кедрового ореха. Полезность и плодовитость щедрого кедра дарила огромные шишки, а зверьё запасло орех на зиму, а под глубоким слоем снега счастливо зимовало, не пугаясь в лютую стужу голода.

В заснеженной горной тайге все знали, что Мороз шутить не любил и волчья стая в замершем лесу не пощадит. Потому таёжник из года в год чум крепко закреплял, из меха соболя одежду тёплую шил, да орешки и дрова заготавливал. Подшейным волосом оленя украшал швы одеяния, чтобы не проникал холодный дух. Ждал когда придёт Мороз и волк за собою стаю уведёт. Если желание не исполнялось, не огорчался — значит взамен легко получал мечту и волю. Просто делал обычные добрые дела и порой от счастья весело смеялся, не дожидаясь заветного подарка. Не сомневаясь в существовании волшебства, таёжная живность помнила о добром сердце Мороза-шатуна и всякий раз радостно встречала. Свидание с Морозом-шатуном в самую долгую ночь назвал Днём радости ожидания. Приходил Мороз-шатун зимой к замшелому кедру за диковинным лунным оберегом, и кочевой таёжный оленевод-охотник понимал, что каждый обитатель горной тайги рожден, чтобы жизни радоваться.

ГОРСТЬ НЕБА

В солнечных лучах весна заставляла без оленьего таёжника, с грустью тоскующего сердца, смотреть на пики далёких гор. Там, на самом краю мира, за точкой невозврата от опустевшего без прирученных оленей стойбища, виднелись самые высокие вершины Окинского хребта. В мечтах, на высотах горной тундры у истока реки Холба под звёздным ветром, кочевало за Кометой стадо диких северных оленей. Старик летом в вершинах берёг прирученных оленей, а зимой в тайге с ними охотился на пушного зверя. От волков охранные когти медведя подвешивал на шеи оленям, лапу-оберег клал на лабаз, чтобы его не разоряли хищники. Но суровой снежной зимой в тени звёздного ветра случился падеж, а былое счастье, которое дарили олени, незаметно ушло. Старик не мыслил жизни без оленей, и в надежде на радость жизни за диким стадом, неведомо куда напрямик и вдогонку побрёл. Сохранил горсточку сухой соли, он знал, дремучий зверь подойдёт и в пригоршне солёную сладость полижет. Расширив круг забот, повернулся к грёзам Млечного пути дающим силы для созидания.

Стадо оленей кормилось у зарослей кедрового стланика на ягельном ковре. Подбросил старик медвежью лапу и загадал желание — она упала когтями на Северную звезду. Мечты сбудутся — решил человек и в свалившейся от ветхости осине, ближе к комлю выдолбил углубление и бережно всыпал туда шепотку соли. Прикормить вкусом соли стадо дикарей пытался старик. Устроив скрытую засидку, терпеливо ждал. Солнце низко садилось, а олени пришли на солонец. Близко смотрел, как угощались олени солью и от восторга поднимали головы с закинутыми на спину рогами. В сторонке застенчиво стоял худенький оленёнок-сиротка с большими и грустными глазами. У старика сердце, замирая, застучало в груди. Тронула старика унылость оленёнка до слез. Милый, поздно родившийся оленёнок остался без мамы. Малыш соль-слезу обронил, пошатываясь от голода, брёл за стадом и у солонца надломлено вздыхал в окружении сверкающих звёзд. Солью насытившись, стадо ушло за путеводным лучом ближе к звёздам на вольные горы. Со склонённой главой оленёнок прихрамывал, страдал, дышал и отстал. Вместо сердца, разверзлась жалость, слезы стирая насухо. Для спасения от случайной встречи с хищным зверем старик решил приютить дрожащего сиротку и протянул ему со сладостью костра солёные ладони. Рот оленёнка солёная сласть обжигала огнём с жадностью кушая. Подкормил сухими грибами и сольцой залечил раны. Держал прозябшего малютку на руках, согревал у костра, сторожил, что бы чуткий сон шорохом не спугнуть. Мягкостью выхаживал оленёнка, небом до краев глаза наполняя. С разбитыми выдохами, страхи малышки передавались милостивому старику. Не сгубить, а ощущать и чувствовать

боль оленёнка старался старик, чтобы сберечь и сохранить. Оставался старик с оленёнком, мечтами успокаивал и лаской уговаривал. Поймал — отпустил на свободу, не теряющей силу солью осыпал из сухой щепоти, а дикий оленёнок засветился, замигал глазами-звездочками. Испугавшись, брыкался и кру-

тился, спотыкался и падал, а соли сладкий вкус, отведав, к сердечку старика прижимался. — Солью и мудростью приручу, — рассуждал старик. — Сказку скажу день и ночь.

Низовой ветер бродячий снег и звёзды вдоль ягельной тундры нёс. Привыкая к старику, осторожный оленёнок перестал шарахаться. Шёл следом по тропе, не показывая строптивости. Не брыкался и не ложился на камни. По команде смирно стоял, либо в небе звёзды искал. Дотронувшись губами до соли, уединялся и сквозь метели и пургу учился сливаться воедино со звёздами. Старик подзывал его свистом или окриком, и оленёнок возвращался. На заре сознательной жизни старик у оленей учился, а рассказывал сиротке сказки о виде звездного неба, не меняющегося с течением времени. Яркие звезды образовывали созвездия и выглядели закреплёнными на небосводе. Планеты от ночи к ночи меняли своё положение, не обращались вокруг звёзд, а свободно летали через небо. Старик, стирая соль со лба, показывал оленёнку движущиеся по ночному небу блуждающие звёзды.

— Как меня найдешь? — спрашивал оленёнок, — Меня в лицо узнаешь?

— Узнаю, — отозвался старик. — Ты вернёшься за сказками и солью.

Старик подыскивал оленёнку имя-оберег по характеру и особенностям расцветки. Непокорный оленёнок был белый, с чёрными глазами и ещё подобно одиночной комете изредка находился на одном месте, с трудом ловился за хвостик. Приручение оленёнка требовало терпения, а таёжник рассказывал мудрые сказки, накопленные кочевыми таёжными оленеводами-охотниками на путеводных тропах среднего мира и в сновидениях. Сказания развивали мысли о самых важных темах: смысле жизни, счастье, сути времени и существовании. Они заставляли грустить и улыбаться оленёнка и задуматься о верхнем мире.

— А имена у оленей есть? — не унимался оленёнок. — Как меня зовут?

— У прирученных оленей имена есть, — объявил старик. — Твоё имя Комета.

В небо вели по тропинке звёзды блуждающие. На немыслимой высоте пересечения миров, между Светом и Тьмой, где начинался небесный свод, Звёздочка-Мать вспыхнула необъятной высью. Из глубины молодой звезды ветер огненный летел в пространство пустот. Звёздный шквал, бурю раскаленных звёздных осколков, несла неведомая сила. Дышал тем, что хранил безо лжи и казался счастливым и сильным. К чему прикасался Звёздный ветер — воплощались заветные желания и рождались излучавшие свет живые россыпи звёзд, словно горстью соли в сердце лёд растапливая. С окраин света застывшей вечности, дыханием рассвета летела Комета от суеты

нижних миров. Туманно светилось небесное тело Кометы с полоской хвоста из пыльцы и света. Бездомная комета, не похожая на звезды, летела против звёздного ветра, собирая осколки счастья и о величии неистово мечтая. Она росла, обращаясь вокруг Матери звезды по вытянутой орбите, у неё одной был чувств светлых ободок. От безумия снов, от притяжения потухших звёзд необъятную, непознанную скиталицу несло за пределы грёз. Распуская ореол блестящего сияния, узнала, что она гостья неба. Под ярким звездопадом тропинка Звёздного ветра и орбита Кометы схлестнулись. Вонзились в сердце наивного ветра осколки любви. Комета устала будить Небесное стойбище под палящими звёздными лучами. Она хотела, чтобы её уважали. Легкий ветер говорил, что она совершенство. Она вздыхала и смотрела мимо.

— Надоело одиноко летать по приручённому кругу, — вздохнула Комета. — Желаю просто изведать сладкий вкус свободы. Жить высоко, быть всемогущей, горячей, заливать весь мир своим сиянием. Как же я полечу? Мой хвост глубоко тянется по линии орбиты. Я — звёздное дитя круговых оборотов.

— Это исправлю, — воскликнув Звёздный ветер, что есть силы, подул на Комету, сорвав её орбиту. — Летим со мною?

Волшебством манящей красоты в свой плен Комета нещадно ветер забирала. С замирающим сердцем ветер носил звездную странницу, показывая горстью рассыпные стада звёзд. Комета восхитилась, ведь раньше ничего не видела, кроме звездных туманностей на пространстве орбиты. Притворяясь птицей в снегу, слушала молчание ветра.

— Даруй мечты, — смеялась Комета. — Я хочу превратиться в раскалённую бурю.

Желание ветер услышал. В зареве мечты Комета превратилась в палящую бурю. Милая комета радостно посылала неподвижным звёздам добрый зной и золотую пыльцу, но заметила, что волчьим страхом планеты преграждают полёт. Бьющими лучами Солнце-олень оживил блеск Лунного медведя в чарах сумрака и обмана. При обращении лунное таинство меняло очертания и от ярчайшего солнечного света закрывало собой Комету. С тревогой, заползающей сердце, Комета билась, словно с надломленным крылом птица.

— На что мне быть палящей бурей, если Лунный медведь смеет Солнце красть и не пропускать его блеск, — воскликнула Комета. — Лучше буду бродячей метелью.

Стая небесных волков погналась за капризной Кометой, а она со звериным чутьём стала бродячей планетарной метелью. Обогнув необъятное стойбище, беззаботно летела и попала под проливные слёзы метеоритного дождя, но вдруг поднялся Звёздный ветер и развеял его. Без слов прилетел и обнял её внутренний мир. Их сердца бились в одной гонке, а она взглянула в бездну далёких глаз, словно в берлогу лежащей на спине медведицы и прикрывающей детенышей головой, и босыми лапами.

— Простора Небесного стойбища мало, — заявила Комета, — Хочу быть вьюгой.

Комета закружила сумасбродной вьюгой. Веяла над необозримым миром. Устраивала бури, шквалы и метели, засыпая снегом неподвижные звезды. Вдруг время сжалось под влиянием огромного притяжения и замедлилось. Направлением передвижения Комета почувствовала, что её заблуждение преградила странная путница нижнего мира — Чёрная росомаха. Увидеть этого неприметного зверя с когтями было нереально. Время тянулось медленно и наконец остановилось. Чёрное бездумье хищно поглощала свет, попадающий в охотничий, бездонно крадущийся провал, притягательный и одинокий. С ней ветреные странники не связывались по своей воле. Опустошение во мраке настолько была одно, что беспечное сердце Кометы не выдерживало непроницаемой грусти и тоски, невидимой чертой, стирающей пространство и время. Звёздная метель сжимала размытое небо звериной хваткой в горсть.

— Зачем быть бродячей вьюгой, если Чёрная праздность огромной жадной пустотой в сердце не разделенный пыл гасит, — вздохнула Комета. — Ветер в сердце чёрное непостоянство заполни ярким светом.

Смириться Комета не смогла, но беспредельный страх сдирал с неё свет. Трепет легкомыслия входил внутрь сердца. Теряя преходящий блеск, летя к холодной лености, она почувствовала, что кто-то тёплую ладонь на плечо положил, что-то зовёт её изнутри, сильнее жутких капризов и рискованных странствий.

Скиталец ветер, сердце Чёрную беспечность заполнил белыми разводами света, судьбу сплетая дрожью теней в затейливый узор. Странность различаемого ими света, сияющего во тьме странствий, зависела лишь от рези в глазах и силы зрения.

— Солнце-Олень, — шептала комета. — Даруй сокровенные мечты и собственную тень, не покидающую в лунной темноте.

Измеряя тень, Комета на солнечный свет полетела. Сделав разворот с тенью наперегонки гонялась. В тени любви искала счастье, просила Солнце дать тропинку, что к славе ведёт и поставить её в ряд больших светил. Солнце не отражало свет, а само светило. Небесное стойбище жило и дышало солнечным дыханием. Комета не умела воспламеняться и гореть очертанием сердца. В тягостных скитаниях отражала ускользающий свет в холодном преломлении. Утешаясь в умилении Солнце, что Комета одна из тех, кто в Звёздном ветре мерцает и возгорается, Солнце протянуло луч и одарило чем-то ещё большим. Дыхание стало горячим, но сияющей Комете казалось что свечения мало. Пылающее Солнце вдохнуло на комету мощное дыхание своего резкого света. Фонтан раскаленного счастья подорвал вечность. Заблудилась Комета и не вынесла бурной вспышки испепеления. Отхлынула прочь, а нежный ободок воспламенился, но не испарился, изменив внутренний мир, попыталась стать светилом.

— Я отдал всю мощь без изъянов света, — воскликнуло Солнце. — Ты не вспыхнула изнутри блеском, оставив лишь яркий след.

От равнодушия исчезли с замутнённого небосклона забытые Кометы. Ветер мечтой пытался зажечь потухшие угли, но не смог и небо рушилось золой. Рассыпалась в сладкий шлак сгорающая Комета. Ветер утих и задышал нежным дыханием

затерянности. До последнего пепла собрал веру в явь и небыль, сияние сердца Кометы оживляя. Комета сумела огненный ветер не спеша приручить. В поисках счастья, тлеющая Комета с искристым дуновением ветра, не старалась быть хуже и лучше, а полетела по обручальной орбите.

— Хочу гореть рядом, — ответила Комета, читая мысли ветра. — На долгой орбите и коротком обороте быть счастливой.

Ветер поднял Комету в небо, греться под солнечными лучами. Наполненная озарением, тусклая искра Кометы, превратилась в яркий искрящийся свет. Из Кометы и Звёздного ветра над таёжной жизнью подрастало светило оленей, не отбрасывающее тень сквозь Чёрную пустоту. В небе тлели звёзды. Звали вперёд тропинки, но что-то держало оленёнка рядом с человеком. Старик ладонью дал диким оленям жменю соли, а щепотью — прирученному оленёнку. Из закатных лунных узоров к таёжным снам тянулась мечта, а у остывшей золы костерка старик в солёной пригоршне видел небо.

МАТЬ ВОДА

В суровых таёжных далях и роскоши ягельной тундры, зарослях багульника и молчаливой строгости камня рождалось буйство горных рек. Из замороженных ледников драгоценное сокровище и сила гор, создающая и дающая жизнь, превращалась в могучие потоки. Вода катила времени лёгкие волны, не возвращая назад. Втекающая в саму себя, несла жизнь, крепость и вечность, текла подвижно, вдохновлённо и целебно. Неиссякаемый источник являлся мощью, вестником, знаком и сутью, но иногда животворная Мать-вода, хранящая память живых существ точила камни в песок, ломала скалы на куски, сметала на пути острова и разъедала отмели. Поток обретал внимание и уважение — разделяя живых и мертвых, поэтому человек не смотрел на течение воды во время речной переправы верхом на олене.

Вытекающую с небес живую воду матушки Уда-река, дающую прилив сил, охраняли духи, а находилась она недоступно выше облаков. Добираясь до источников её младших сестер, таёжник проходил испытания на надёжность первородной

внеземной водой. В начале времен бездонное небо приблизилось к Земле лишенной света и пришли животворные духи небесной воды, заполняя всё, куда смогли добраться. Земная вода бурлила ветром и остужала огненное тело трясущихся скал. Подземная вода, не зная берегов времени, растворяла даже падающие звёзды, мысли и мечты. В водный мрак погрузилась перелётная Небесная птица и беспомощно билась крылом в дымке туманной неволи. Чувствуя горечь в клюве, она не смирилась с судьбой, и из золотых песчинок первоначальной воды слепила горные миры для гнездования. Измученная звёздным ветром, но не сломленная духом Небесная птица, сидя на яйцах высиживала жизнь. Первой, вылупившись из яиц, взошла на небо Луна, а Солнце спряталось за горным пиком. От тревожной лунной пустоты, духи воды опустились в самую глубину горных ущелий, затаились ледниками и болотами. Небесная птица, плутая в потемках, искала воду и Солнце, просила их, чтобы всегда они были рядом. Плакала горько, расправ крыла вверх поднималась встречать Солнце. Устремлялась за птицей к лучистому зною неба в искрах марева вода, меняла очертания в облаках. Живительные духи облаков таяли под спасительным светом лучистого Солнца, проливаясь на горы ливнями дождевых слёз. В волны реки сбрасывала рога Луна, орошая небесной росой скалы, а вода давала великую силу семенам,

в которых просыпались духи растений. Зацветал огнем багульник на сырых камнях с белыми пятнами ягеля, зарождалась жизнь у потоков ледников и родников, а зимой земля покрывалась снегом.

Кочевые тропы жизни тянулись вдоль рек-кормилиц. В поисках пропитания человек перевалил через горные гряды, со-

прикасаясь с водной границей между миром людей и духов. У мокрого камня среди сухих сделал привал и произвёл окропление. В зарю и закат оказал честь родовому покровителю, воедино собирающему все стихии. Отнёсся к скальной вершине с исключительным вниманием, беседуя ней в засуху и в наводнение. Бросал в глубокую водяную дорогу реку пучки хвои, переправляясь через пороги и наледи. Жизнь таёжника находилась во власти водной стихии — ледников, рек, озер, болот, дождя, ручейков и он кормил мать-проталину. Наличие воды являлось условием процветания. От уровня и поведения бурлящего потока зависело изобилие тайги и её обитателей. Не имея ни цвета, ни вкуса, ни запаха вода обладала таинственной силой. Свободно текущая в ручье, при замерзании, вода образовывала кристаллы дивной красоты. Часами смотрел на бегущую воду, проникаясь исходящим от нее спокойствием и величием. Чувствовал что-то родственное в журчание ручья,

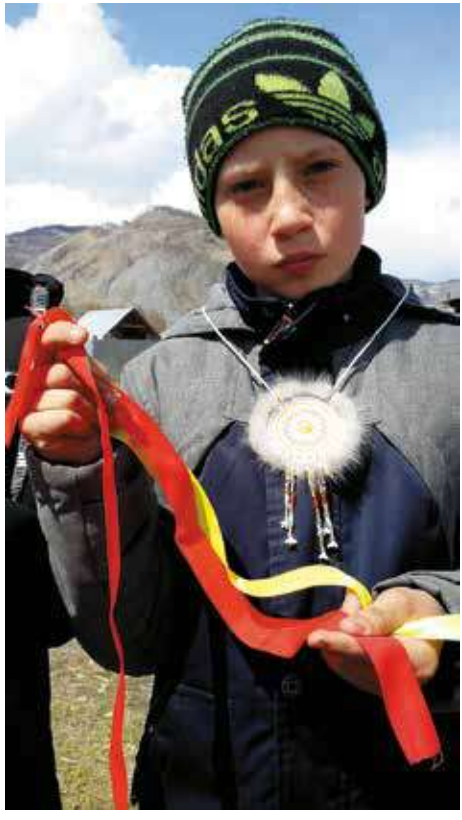
в плеске волны, в шуме катящихся по дну камней и в белом кружеве рыхлой шуги. Искал соответствия между своими ощущениями и проявлениями дождевой, замершей снежурой и талой водой. Текучая вода смывала прошедшее и преодолевала преграды. Была мягкой и нежной, доброй и тонкой, целебной и созидательной, а иногда — безжалостно пагубной. Высохшие реки были местом полного исчезновения.

У дающего жизнь истока родовой горы Хан-Даг, из которого брал начало ручей Арыскан-Ой, таёжник смывал зло и проверялся искушением водой и чудом. Вода запоминала, хранила и передавала сведения обо всём, что некогда в ней растворялось, а затем, совершая круговорот на планете, эти данные распределяла. Слова и мысли изменяли воду. Чувства и вибрации оказывали влияние на образование кристаллов льда. Помнил лёд жидкий момент воды. Одна капля, упавшая в озеро, порождала круги, которые распространялись к скалам. Вода впитывала, хранила и передавала все мысли и чувства. Произнося добрые слова, таёжник способствовал изменению мира к лучшему. От души сказанные слова очищали воду. Ядовитые речи отравляли воду, вымывали что-то дорогое. Лукавые речи утомляли воду и превращали в болото. Не в ошибках была таёжная суть, а в исправлении. Дикие животные выходили за помощью к таёжнику. Их в горах подстерегали опасности — утрата среды обитания и стихийные бедствия, распри и ссоры, вражда и разногласие. Человек помогал попавшим в беду зверям и птицам. Заботился, сооружая кормушки от голода, лечил раненых, поддерживал ослабленных, спасал от лютых хищников, помогал сиротам. Старался сохранить родовые угодья в достатке, разнообразии и признательности. Происходящие события находили отражение в кружившей

в водоворотах строгой воде, создавая единую реку событий. Человек отдавал добрую силу и получал отзывчивость взамен. Во время сухих гроз кедровую ветвь бросал в источник. От воды поднималось легкое облако, а на тайгу лил живительный дождь. Сила заключалась в самом источнике, приведённая в действие подношением и управляла осадками.

Таёжник пил талую воду и, цепляясь за колючий кустарник, шёл по ущелью в исток бездонного ручья. Навстречу, играя обломками, двигались льдины упрямой стеной. Поднялся к взломанному силой течения затору ледяного поля. Среди рыхлых снегов и отвесных скал в весенней зелени мха лилово-розовым чудом багульник расцветал. Гордая и умная пёстрая орлица отломила клювом цветущую веточку багульника. Взлетев с насиженных скал, поднялась в высоту зреть разбитые мечты, обман сердец и пустоту. Разборчивая орлица кружила над ущельем с горным ручьём, а первый весенний цветок улыбался трепетным сиянием лепестков, очаровывая ароматом. Сорвавшись с уступа крутой скалы, в солнечном свете неба появился опоенный

нежнейшим дуновением вестника весны молодой орёл. Вольная птица орлица, управляя неведомой судьбой, наудачу бросила хрупкую нежность цветка в пропасть ущелья и посмотрела вниз. Непредсказуемая в горах погода наугад швырнула неразбериху снега, будто тяжелую тень с вершины, грязевой оползень в кристально чистую воду реки, превращая её из матери в мачеху. Между землею и небом судьба усмехнулась, а дикий край перевернула безнадёжным дном. Бирюзовый ручей проглотил журчание и превратился в грязевое забвение. Орёл молодой, сложив крылья, камнем падал вниз за живым огнем и подхватил клювом цветок на лету. Пахли цветы на веточке талою водицей и слезами орлицы, чудесами и шальными мотыльками, нежностью и покоем. Чувствовал орёл восторг и удивление, свежесть и чистоту, солнца рассвет и теплый привет. В безумии гонки отчаянный орёл от весеннего аромата забылся, не рассчитав подъёмную силу крыльев и вдребезги разбился. Внезапно и глупо упал в чёрный сугроб, провалился в застывшую грязевую кашу и увяз в суете, но не выпустил ветвь надежды из клюва. Милый орёл нижней стороной крыла угодил в мутную воду ловушки. Колотил по болотному месиву когтями, стряхивал муть, а через мгновение его оперение полностью облипло брезгливостью. Сжатая слякотью птица не могла взлететь, движенье времени замедлилось. Когти и перья увязли в липкой



топи. Орёл не мог даже ползти по тягучей трясине. Переполненный болью, надрывая жилы, крыльями рвал болотный зыбун, не зная горечи слез, медленно погружался в тину. Силы заканчивались. Мокрые перья промёрзли до костей, а гордость надменно шептала, что он не нуждается в помощи. Побрел медведь дно раскачать, опускаясь в воду — по голень, по плечи и подбородок, пока не исчез совсем. Хищники напрасно злились, подкрадываясь и замирая в выжидании, орлица-защитница стремглав бросалась на них. Откликнулся таёжник на стук орлиных сердец. Всё что имел, доверял родовым горам, а ничем кроме жизни обожаемых птиц не дорожил. Подтвердив бесстрашие: через собственное утопление спасёт орла из болотной грязи, на его стороне и будет милость Матери-воды. Доказав истину делами, честность сердца проверив, спасая птицу, получит все её черты: храбрость, отвагу и смелость, и этот поступок запомнит суровая вода.

Повзрослевшая птица находилась на расстоянии броска камнем, а человек бесстрашно направился по клейкой грязи к ней. Глубина становится всё больше, но он не сдавался, не оглядывался назад. Палкой упирался, под напором она гнулась, с силой делал трудный шаг и упор. По пояс в грязевой яме, терял опору под ногами, полз по скользким льдинкам и вязкому илу. Наконец протянул руку к птице и сразу же был орлицей бит. Таёжник поперхнулся, два крика орлиных резали тишину. Любовь орлицы к орлу была сильней человеческих сил, но таёжник доказывал, что он не враг, выручающий птицу, а желает подружиться. Орлица, нападая, рванулась к нему напрямик. В болото погружался таежник, захлёбываясь, а заносчивый орел, дрожа от холода, клекотал и брыкался, упирался и сопротивлялся, но не выпускал из клюва полыхающий цвет. Страх на сердце у ссутулившегося человека встрепенулся, а орёл робел и слеп, что вокруг него беззащитного кружится смелая птица. Боль и мука окрасили зрачки орла, и от горечи и тоски цвет мутная вода поменяла. В зеркале глаз орлицы отразился цветной узор багульника. У самой грязи металась птица, как у гнезда птенца. Взглянув свысока, орлица, до рези сжав когти, одобрительно задела лёгким крылом чужака, оживляя его силы. Безопасность и судьба таёжника находились в цепкой топи, а он, затянутый

почвой, занимался спасением орла. Не впал в уныние и не опустил рук, держащих над собственной головой птицу, а удача им улыбалась. На ладонях ледника лучиком солнца поиграв, встрепенулся уснувший ручей. Грязь и снег, размывая у мшистых камней, чистейшей водой наполнялся, ловко пробил русло спасения сквозь замшелое болото. Повинуясь слепо судьбе, в мерцании отфильтрованной струи таёжник увидел весь свой жизненный путь. Оставляли силы, а он помнил, что орлу тяжелей. Поддерживая орла на руках, словно в полёте птицу, по изгибам свежей воды, фыркая, спотыкаясь и падая, стиснув волю, окунаясь в объятия пены, выбрался из засасывающей жижи. Орлица вослед спешила. Окруженный горной лазурью ручей с ледниковой водицей мчался за птицей, вдаль разрастаясь могучей матушкой-рекой. Властная и послушная вода расстелила под ноги ягельный берег и очищала от тоски обвала печальную сырость разлуки.

Мечтами к небу устремлённый орёл, остро почуял волю. Битый судьбой хотел стремительно взлететь, но не смог. Грязное оперение орла тянуло к земле, о камни билось, но он влюблённый в орлицу, не выпускал из клюва веточку цветка. С хищным профилем птица, от нетерпения дрожа, отмылась талой водой. Ушибы орла каплями росы искрились. Переломив судьбу, красой своей в ручье, как в зеркале не стал любоваться, в пучине синих птичьих глаз зачарованно отражались ослепительные полеты. На ветру высушил расправленные перья. Попав в поток воздуха, начал над временем пляшущих радуг взлетать в бурлящем чувстве со счастьем. Через мгновение с гордым нравом орёл из разрыва небытия и нелепых передряг поднялся в высокое небо. Возвратился в заоблачную даль и цветущую веточку багульника орлице из клюва в клюв передал. Она почувствовала, как пряно пахнут цветы горной тайги, где живут чудеса и мечты. Небо добрым знаком посветлело, а ветер в крыльях орла задышал солнечной свежестью и утренней нежностью. Орлицы восхищенный взгляд орёл поймал сквозь пелену туч, но суть была не в падении, а умении подниматься. Сомнений облака, вдруг сорвавшись с высоты, полетели в бесконечность. Застыла на миг в равновесии орлиная зоркость и прелестная птица орлица, цветущую ветку вновь бросила в бездонную пропасть

ущелья. Счастьем наполненный орёл, любовь не теряя, сквозь дымку повторно камнем кинулся вниз. Крутя петли, поймал, не зацепившись крылом за камни и воду, принёс цветок на идеальное небо. Две птицы орёл и орлица полетели к вершине великой горы, на отвесной скале сплетать из жестких прутьев багульника мягкое гнездовище для радости.

Человек поступью неуклюжей шёл по берегу к очагу кипятить воду. Сердилась непослушная вода и ворчала, вместо мести случайной — крышкой чайника стучала. В ручей смотрели звёзды, насыщая душу, а человек угощал их чаем. Молчали надменные скалы о неведомой силе воды, оставляющей крутой след. Вода давала жизнь, надежду, бодрость и покой, хлестала необузданной сущностью и являлась с повинной. Журча, вода бежала по камушкам воспоминаний и жестоко мстила за беспечное отношение к ней. Уважая огромную силу воды, у себя время не воровал, вырывая из сердца осколки задумчивых льдинок, выкладывал таёжник из них волну доброты. Испытанный на искренность и прочность, он подружился с грозной и могучей стихией горного ручья, смывая в воду капли ледяного пота, стекающие с жаром пышущего лба. Солнце сушило испарины на сутулой спине, а подобно времени бесконечная вода бежала к самой себе за бездонным счастьем, выдумывая вечность.

СЛЕД В СЕРДЦЕ

На извилистых тропинках судьбы в радости и невзгодах незаметно оставляли охотники знаки пути. Событий череда на каменных скалах и след в сердцах людей собирали в рисунках добрую память. Начертанные древней рукой наскальные изображения манили к себе и казались загадками природы, прошедших мимо лет. Рисункам зверей находятся объяснения, а намеки и указания обрастают рассуждениями, но каждая наскальная отметка открывает завесу тайны над тем, чем жили люди в глубине времен, чему доверяли, на что надеялись, как представляли себе окружающий мир. Обитая рядом со зверями и птицами, оставили наследие отважных поступков ради удачи изменения мира, приносящих общее счастье важнее невнятных образов дикой жизни и страха небытия.

Посреди безветрия качнулась дремучая тайга. Над каменными страницами, на скалах с пещерами, в воздухе гуляло и откликалось многократное эхо. Понимая природу звукового видения, человек считал её проявлением неведомой воли Хозяина гор. Эхо откликалось на слова, тихо и печально отвечало

в блеске молний. Силуэт бегущего северного оленя оживал на камнях, искажая шум от копыт стада и рёва лютого хищника. Олени под грохот грозового грома и страдание матери воды — бегущую реку времени переплывали. Высокие пики розовых утёсов врезались из туч в золото неба, поворачивая на восход, склоняясь над мелководьем. На скалах освещенных взошедшим солнцем, в непроходимой половине, находящейся в тени, фигуры зверей таинственно танцевали в окружении звёзд и небесных светил. Возвышаясь над каменной колыбелью приручения, охраняла оленей от недугов и несчастий медвежья лапа.

На наскальных изображениях краски не теряли яркость в дождь и грозу, мороз и бурю, благодаря минералам устойчивым к выцветанию на солнце. Несмываемой краской из древесного угля костра и растёртого порошка охры, смешанного со звериным жиром, расписал скалу человек. Отпечатки ногтевых фаланг и ладони левой руки с узорами на пальцах, оставленные художником на камне, принадлежали девушке. Подпись, посредством отпечатков пальцев, была сокровенным обычаем ловить оленьи сердца. Считалось важным, войдя в соприкосновение с наскальным документом, включиться в него частью характера, оставить на нём след тела. Знак в форме открытой ладони с пятью пальцами на защитной скале делал девушку легендой. Следы прикосновения на охранной грамоте

скалы, находились внутри оттисков сильной ладони Кормильца памяти — вождя. Прозвище-титул, данное девушке художнице отцом, было Хайлама и она была дочерью вождя кочевых таёжных охотников из племени Чёрного гуся. Уважительный титул-оберег для именования высших таёжных принцесс переводилось как Драгоценная.

Жизнь таёжных людей в далёкие времена зависела от успешной охоты на диких зверей. Рядом с принцессой бродили мамонты и овцебыки, шерстистые носороги и лоси, медведи и северные олени в борьбе за пищу и укрытие, обладали огромной силой и могуществом. Они господствовали в окружающем мире и обеспечивали благополучие и удачу людям. Ледниковый период подходил к концу, природные бедствия оттесняли с лица планеты этих гигантов. В опустевшей льдистой стуже северные олени возносили головы, а на них возвышались тяжёлые и развесистые рога, запрокинутые к небу. Вслед за оленем принцесса Хайлама кочевала на Север за отступающими ледниками. Хайлама не жила оседло на стойбищах, а охотилась на зверей, стада которых передвигались в поисках ягельных гор на большие расстояния. Добывая охотничье счастье, она готовила пищу и отдыхала. На кочевых тропинках наблюдала за зверями и на скалах оставляла зарисовки выразительных оленят. Любила рисовать большие тёмные глаза, обрамлённые светлой шерстью, мягкие подвижные губы и легкомысленный розан — венчик кудрявых волос над широким лбом, меж маленькими рожками. Девушка примечала повадки, а рисунками передавала сообщения и записывала рассказы о гигантских оленях. Мохнатые великаны, обитающие у вечных снегов, были так тяжелы, что проваливались в моховые болота по грудь. Их тропы создавали русла ручьев, а вода заливала

горную тундру. Идущие на водопой олени попадали в трясину и не могли из топи вылезти, когда перелётные птицы садились на рога и тянули зверей вниз. Новорожденный оленёнок был безрогий и поэтому сам выбирался из болотной топи. Заметив одинокого олененка, медведь приблизился к сиротке. На за-

дних лапах, хищник гонялся за уязвимым малышом. Девушка собаками отогнала ревущего зверя и спасла оленёнка. Поняла угрозу исчезновения оленей, а сиротка выживет и сохранится рядом с человеком. Отважная девушка, задаваясь целью приручить сиротку. Терпеливо воспитывала: рассказывала оленёнку сказки, угощала солью, переносицу мазала золой и желала здоровья. Привязывала и сохраняла свободную волю, отпугивала дикарей и охраняла от лютых хищников. У дыма костра оленёнка не кусали комары и оводы, он приживался. Сохраняя лучшие природные качества, училась управлять подрастающим оленёнком и охотится верхом на копытного зверя. Сменялось время размножения и отёла, а девушка постепенно переходила к стадному приручению животных, давая началу возникновения таёжного оленеводства. С радостью в сердце разводила оленей для получения одежды, жилища, молока и для ездовой и вьючной перевозки. Олень обеспечил собратьев всем необходимым для жизни в трудных условиях гор. Прирученный

олень не требовал загонного содержания, круглый год добывал себе пищу под снегом, переносил суровые морозы и солнечный жар, осмысленно кормился на ягельных пастбищах, совершая длительные перекочевки.

Сила, упорство и выносливость девушки удивляла. На скалах рядом с оленями изображала медведей и солнечные знаки, спирали и полуокружности, точки и отпечатки ладоней, свя-

занные с чарами приручения животных. Украшала рога отболевшим старым лунным когтем и рождением молодого. Оленя, с Солнцем на рогах пробегающего день от восхода до заката, рисовала вокруг кругов с точками-звёздочками внутри и расходящимися солнечными и лунными дорожками восходов и заходов светил на горизонте. Солнечный знак, расположенный над человеческой фигурой подтверждал, что стадо оленей находятся под охраной племени.

По границе ледяных полей в круговороте превращений олени с мамонтами, мускусными быками и зубрами перемещались на зиму в теплые края, а медведь залегал спать в берлогу. Постоянно или временно обитающие хищные звери вымирали с животными, на которых охотились. Звери не смогли противостоять охоте, перемене климата и потери собственной добычи, на которую охотились люди, осваивая совершенные методы охоты

на крупных зверей. Перемена зональности в период между холодным и тёплым периодами вела к изменению местообитания и сокращению численности зверей. В местах обитания зверей по решению Законодательного Суглана вождей разных родов, девушка создавала на базальтовых скалах несмываемой краской из охры основной оберегающий документ о животных, которым грозило исчезновение. Красный цвет оповещал об опасности утраты и оставлял на коже камня и в сердцах таёжников борозды. Посвящённая в тайны рода принцесса созидала Красную книгу в картинках — договор древних охотников с Хозяином гор по охране зверей. Наскальные рисунки считались первым таёжным соглашением по сохранению разнообразия зверей на всей горно-таёжной территории и запрет на торговлю редкими видами. Она отождествляла изображение двойников на гладких стенах с реальными зверями, повышая чудное действие, обеспечивающее успех их защиты. Наскальные листы дополнялись запретами, заботливо оберегающих животных, природу и самого человека. Умеренное добывание животных диктовалось потреблением свежей пищи, что влияло на здоровье людей. Если у не отелившейся важенки не рождались детёныши — чертила мир не рожденных оленят, а олень — покровитель стада с навьюченными на него оберегами — выпрашивал их вернуться на ягельное пастбище к матери. Окаменением на мёрзлых скалах, принцесса приговаривала бесчисленных свирепых и хищных, спокойных и терпеливых зверей в мире отчаянья, через призрачное начертание к вечной жизни.

Одетая в снятую с головы шкуру медведя принцесса кочевала, охотилась, созерцала, отдыхала, запаслась заговорами, оберегающими зверей, этим мало чем отличалась от былых

и нынешних таёжных людей. Рисовала доброго оленя, сильного братишку медведя и других тотемных зверей с лунными когтями и солнечными клыками, не ради изящной ценности, а как печать суеверного успеха приручения и охраны. Редкие и исчезающие виды зверей охранялись на территории племени и на всей площади их распространения. Рисунок был первым междуплеменным соглашением по сохранению животных. Передавала характерные повадки в живом образе с заострением примет зверей. Рисовала внешний вид и мифологические связи. Медвежьей лапой — оберегом оленьих стад, словно колотушкой оставляла следы в бубне скалы. Форма ступни медведя поверх глубоких борозд, оставленных пятью когтями полного жизни медведя, была охраняющим оберегом от недугов и бедствий. Чем больше на ступне было нарисовано когтей, тем более важные клятвы на медвежьей лапе приносили люди. Звериным узором, девушка пыталась привлечь внимание к той угрозе, которая нависла над животными. Добывала ограниченное число медведей, чтобы взять лечебный жир и желчь. Гарант клятвы строго наказывал нарушителя за причинённые страдания и превышение меры. Рвача родовой покровитель мог лишить охотничьего счастья.

Утрата ягельников, повсеместное и круглогодичное преследование диких оленей людьми овладевшими секретами охоты привело к почти полному уничтожению. То, что не довели до конца люди, делали голодные стаи волков, росомахи, медведи, голод и болезни. В горах их осталось единицы, что для стадных северных оленей трагично. Массовая гибель животных отражалась на жизни охотников, заставляя их заниматься собирательством. Снижение потребления традиционных продуктов питания людей провоцировало болезни сосудов и органов дыхания. С установлением соглашения по охране оленей, запечатлённых на скалах, повсеместно запрещалось добывать способами, позволяющими одновременно убивать большое количество животных и использовать моменты их бедственного положения. Запрещалась добыча петлями, самоловами, гоньба по насту и поколка на плавях в период перемещений. Не трогали гнёзда, птиц и маток с маленькими детенышами. В местах выпаса и отёла создавалась охранная зона. Добыча оленей разрешалась

в ограниченные сроки для питания рода, а в кризисных ситуациях — отдельных ослабленных или раненых животных. Оберегали развьюченных оленей огнем, дымом и медвежьим когтем от хищной стаи волков, истребляющих молодняк.

Жизнь полная переживаний выражалась в мотивах приручения оленей, помещенная в разные удвоения знаков времени

и излагала целые предания, произошедшие в далекие времена перехода от уважения природных стихий к культуре жизни. Благодаря таёжному оленеводству племя удерживало суровую жизнь. В знак победы над дикими хищниками и стихиями, обладающими потаёнными силами, принцесса золотой охрой делала росписи на скальной гряде. Обитая в угрюмых условиях гор, приученный олень приобретал крупное тело, покрытое густой и тёплой шерстью, длинные выносливые ноги, широкие копыта и ветвистые рога. Это позволяло животным выживать, добывая ягель в снежных лунках, а при нападении хищников, преодолевать глубокий снег, болота и каменные россыпи.

Охрана животных началась с обожания охотниками природы и возвращения ей лучшего, что брали. Приношением даров, охотники возвышались в ожидании удачи себе самим. Когда перестали уважать природу и посмотрели на неё как на средство обогащения, утратилось самооправдание за приносимый

животному миру урон. Столкновение планеты с небесными телами и всплески — излучения на солнце, извержения вулканов, землетрясения и наводнения, таяние ледников и похолодание ограничивали распространение жизни. Травы сменили мхи, увеличилась толщина снежного покрова, не позволяя животным зимой добраться до сухой травы. Пастбища заняла тайга, в которой крупные животные обитать не могли. Сквозь утраты, рождения, сомнения и безразличие со скал взирают несравненные мамонты, шерстистые носороги, лоси, овцебыки, зубры и маралы. Бредут они за извечным движением солнечных лучей по кругу наскальной картины мира и кричат в настоящее.

Олени и охотники на пушного зверя, не разгаданные сущности непостижимого разумом сверхъестественного начала, заставляют задуматься над первозданной непринуждённостью. Изображения Красной книги, созданной на коже скалы, граничат с начальным символом развития письма, несущей тепло воспоминаний, невидимую нить истории, на которой красной охрой ожила справедливая надпись об охране животного мира. Волшебство, заложенное в рисунки, отразило изменения в образе жизни и мышлении людей, населяющих центральную часть горной системы Восточных Саян. Их сердца знали, какой оставлен след в сотворении Земли, всплеск радости или потёк слезы. Не стирая в прошлое тропу, всё они прожили и в будущее сердца распахнули.

ХАМЖУР-ТАЙГА

Морозное небо прояснилось, а покрытая изморозью полная луна тихо взошла над заснеженной вершиной горы Хамжур-Тайга. Одинокая волчица шла усталой походкой параллельно с оленьей тропинкой вдоль реки Ханныг-Кадыр-Ос. Ворона сопровождала волчицу, а она делилась с ней пищей. Таёжник с детства слышал рассказы о культуре зверей, о родоначальнике его рода, об истинных различиях между людьми и животным миром. Уважение по отношению к не простому поведению волков с тех пор закреплялось в сказках, в которых человек и зверь умели слышать и чувствовать друг друга. Таёжник судил об уме зверей по добыванию пищи в гармонии с суровой природой, а учился хранить собственный кругозор незамутнённый. Волки не поддавались приручению, даже с рождения находясь в неволе, рано учились добывать пропитание, и таёжник их отпускал. Благодарные хищники уважали его, сами выбирали человека своим вожаком, и в трудных случаях он защищал волков.

Искатели приключений специально выслеживали редких зверей, расставляли капканы, утрачивая сострадание. Боялись

и ненавидели хищников и проходили мимо мучающихся в западне. Умные волки не прощали людям, которые их обидели. Волки действовали по инстинктам и отличали добро от зла, понимали, кто прав, а кто виноват и делали правильный выбор. Всю жизнь волки помнили добро. Таёжник придерживался обычаев и спасал напуганных зверей, залезших в слепую петлю ловушки. Поступки животных, помогающих друг другу или попавшим в беду людям, трогали сердце и заставляли задуматься человека, а он посвящал жизнь спасению сирых зверей. Вороны знали о людях и зверях нечто главное и верили этому человеку.

Таёжник высматривал ворону, сопровождающую его до самого стойбища. Ворона села на чум и переливаясь фиолетовым оттенком, билась клювом и крыльями об шест. По необычному поведению вороны понял, что резким и отрывистым голосом его куда-то зовёт. Таёжник последовал за птицей в исток реки, где обнаружил, что в установленную браконьерами стальную петлю угодила волчица, возвращаясь к недоеденной пище. Ворона не дербанила добычу в капкане, а с сильно развитым чувством взаимной поддержки, привела человека спасти волчицу по имени Чангыс-Ама. Волчица лежала на снегу, и серая шерсть очень устойчивая к морозу не давала ей окоченеть. Поодаль смирно стоял волк. Следуя семейному закону, волк оказывал помощь ослабевшим и состарившимся сородичам. Увечной волчице в петле вселял уверенность и кормил так же, как волчат — отрыгнутой пищей. В сумерках глаза волчицы светились печалью с болью. Она не реагировала на неожиданные движения. Раненой волчице терять было нечего, видно было — на всё она пойдет. Злобно, с остервенением, свирепостью и жестокостью она грызла капкан. Увидев таёжника, волчица сделал резкий прыжок в сторону кедрового стланика. Капкан её удержал на месте. Волчица кувыркнулась через голову, приняла защитную позу и оскалила белые клыки, шерсть дыбом поднялась на шее и спине. Она готовилась к последнему бою. Волк ощетинился и зарычал на неё. Волчица послушно приникла к земле. Таёжник не пугался волков, он боялся о себе узнать что-то новое. Не желая вредить невольнице, всем видом показывал, что решил помочь волчице освободиться. Из последних сил хищница в ознобе и надежде на спасение, села на задние лапы и пронзительно посмо-

трела в глаза человеку острым волчьим взглядом. Преданный спутник жизни со стороны наблюдал за спасением своей второй половинки, общаясь с волчицей при помощи воя. Волк не ушёл, даже когда волчицу отпустил таёжник из ловушки на волю. Волк ослабевшую волчицу охранял от лютых росомах. Выносливое животное восстановило силы, вместе пошатываясь, они побрели в тайгу. Про чудеса спасения волчиц узнали местные охотники и стали приносить ему больных и найденных зверей. Он лечил и выхаживал оленят, медвежат и птиц. Но главной его заботой оставались свободолюбивые волки. Он узнавал этих животных лучше, когда рычали, кусались, играли, охотились и миролюбиво отдыхали. Свирепые существа рождались слепыми и глухими, но с детства помогали себе подобным. Волки жили лишь в дремучих местах, а если их там всех истребляли, они в эти места не возвращались. Отстрел и мода на заведение волка в жилых домах, разрушала семьи и стаи, а плодила волко-собачьи гибриды.

Куропатки клевали бруснику, а ворона жила там, где обитали чёрные волки. Одиноко катаясь по высокой и крутой ледяной наледи берега реки, увидела чёрного волчонка без присмотра плывущего по течению реки. Она подумала, что он не удержался на скользком обрыве и упал в воду. Ворона вытащила тонущего малыша из воды реки, укрыв сироту перьями, словно птенца в гнезде. Осмотрелась, но не обнаружила его родителей.

Ворона принесла малыша к стоявшему на берегу человеку. Тот оказался чёрствый пришелец, с намерением утопить бедного сиротку в бурном потоке. Нещадный человек посмеялся и повторил попытку, но умная ворона взяла под покровительство волчонка. Отчаянно махая крыльями, потащила его к другому

берегу. Пришлый зло выстрел по вороне, но осечкой испортил ружье. Ворону и щенка сносило течением, они захлёбывались, но бесстрашно преодолели опасную шиверу. Ворона положила мокрый комочек возле таёжника, нежно обняв, отливающими синевой перьями, плотно прилегающими друг к другу. Таёжник взял на ладони маленького щеночка, замерзшего, ослабленного и истощенного. Волчонок чёрного цвета, был не такой как все и не понимал, почему оказался без своей матери, и что с ним не так. Рождённый с синим оттенком глаз, погибал чёрный волчонок от холода, голода и жестокости. Таёжник не спешил поселить его в своём чуме, он надеялся, что новая волчья семья примет чужака. Поблагодарил ворону и решил детеныша выпустить у логова обитающей семьи у истока реки. Надеялся, что после восстановления у волчонка будет шанс вернуться в дикую природу и увеличить численность чёрных волков. Ворона, от гордости за доброе дело, совершенное вовремя, ликующе облетела вокруг горы Хамжур-Тайга и на пути таёжника сделала привал и дала волчонку имя — Чуглым.

У волчьей семьи врагов было много, но они не испугались, а узнали в таёжнике спасителя волчицы из капкана и со щенком пропустили прямо к логову. В семействе подрастали маленькие волчата. Свирепые хищники, проявляя мастерские навыки во время охоты, в семье были заботливы, дружелюбны друг с другом и ласковы с детёнышами. Увидев человека с чёрным зверёнышем в руках, защитники беспомощных созданий — волки не разбежались, не скалили передние зубы. Шерсть на холке у них встала дыбом, как грива, но волчица решила, что лишний малыш не будет в семье помехой. Таёжник отдал волчице крошечного сиротку, чтобы посмотреть на её реакцию. Щуря жёлтые глаза, волчица улыбнулась, проявив гордость. Приёмная мать взяла зубами за шкуру уползающего щенка, встряхнула, но не швырнула в сторону. Волчонок просил пищу в неподходящий момент, а волчица щерилась и кривила при рычании губы. Перепуганный щенок завизжал, но быстро успокоился, успев напитаться молозивом. В теплых чувствах прижимаясь, друг к другу, волчата гурьбой уснули. Ухаживая за детенышем-сироткой, волчица приняла его полноценным членом семьи. Добровольно взяла на воспитание чужого детеныша и заботилась о питомце, как о своём собственном — кормила молоком. Приёмная мать переместила всех детенышей, в том числе приемного малыша, в новое убежище, чтобы иметь возможность лучше их защищать. Приемыш рос с такой же скоростью, что и сводные братья и сёстры. Каждый волчонок имел разный характер: одни самоуверенные и дерзкие, другие осторожные и расчётливые. Проявляя дружбу, волчата тёрлись мордочками и облизывались. Иногда любопытные волчата покидали логово, интересуясь окружающим миром, но мать, очень привязанная к детям, внимательно и тактично за ними присматривала.

Маленьких волчат воспитывала сама волчица. Стала замечательной приемной матерью для сиротки, не связанная с ним родственными узами. Волчица ни на минуту не оставляла волчат одних, а волк кормил большую семью. Не охотился рядом с логовом, но осмотрительный, сильный и ловкий волк уходил за добычей подальше, не привлекая внимания других зверей. Если волчица засыпала, то волк охранял её и щенят, а ворона прилетала с едой, чтобы тайком угостить спасённого волчонка.

Он позволял птице садиться на спину и даже играть с собой. Волчонок подрастал, общался и играл со щенками, но когда испытывал тревогу, он поднимал голову вверх и жалобно скулил. Волчица за загривки, одного за другим перетаскивала щенков в другое, более безопасное укрытие. Зубки волчонка начинали прорезаться, а мать натирала ему десны своим языком, учила уходу за поверхностью тела. Зубы у щенков менялись на постоянные, а мать брала волчат на охоту по ночам и в дневное время, сохраняя зоркость и держа уши настороже. Волчонок не родился со знанием — волчица учила чуять запах по ветру и опасаться ловушек, показывая, как надо вести себя рядом с капканами. Замечала добычу и подозрительные следы. Развивала память на неброские детали, примечать врага и уклонятся от встречи с соперником. Воспитывая щенка приемная мать, передавала уникальные приёмы охоты, разные вкусы в еде и делала его членом семьи и верным стражем. Щенки подражали родителям и охотились на всё, что движется. Набираясь отваги и уверенности, гонялись за зайцами, бурундуками и за лисицами, но не съедали их. Пытались ловить хариус в бурной реке. Очищали кедровые шишки от чешуек. Присутствие вороны в каком-то месте, говорило им о наличии пищи. Семья волков жила рядом со стадом и безбедно питалось за счёт ослабленных оленей. Родители учили волчат с наветренной стороны загонять оленей вверх по склону к крутому обрыву. Преследуя оленей, преодолевали вброд реки. Олени плавали быстрее волков и искали спасения, бросаясь в воду. Выйдя на берег, олени бегали тяжелее, чем прежде, а выносливые волчата бесстрашно нападали на уязвимый сорняк опасный для стада. Волчица легко добывала завалившегося в промоину сохатого. Всё семейство наедалось досыта, а упитанная ворона вожделенно ковырялась в сладких останках.

Привычные приемы охоты использовались в уготованных местах, в назначенное время года. Зимой ворона сопровождала пасущихся оленей. В поисках ягеля они копытами разрушали снег и норы мелких зверьков, а ворона не зевала. В мороз добычу волчонок загонял на скользкий лед реки или просто в глубокий снег, где она застревала. На наледи и промоинах волчонок проявлял робость, если под ним трещал тонкий лёд. Бросаясь за добычей в студёную воду, движения волчонка замедлялись, его тянуло ко дну, но над головой всегда парила ворона. Собрав силы, он выходил из воды замерзший и ослабевший, но упорно продолжал погоню. Волчонок бегал по следу, поджидал, караулил и добывал охотничью удачу. Ворона сопровождала волчонка и служила его глазами на дальних угодьях. Учился волчонок изматывать силы добычи и чувствовал поруку за то, что на земле происходит в стае, а ворона — в небе. Смекалка волчонка, чётко отличалась от обучения охоте путем проб и ошибок. Мудрая ворона замечала главное в любой обстановке, делала из неё выводы. Подсказывала предельно хитроумные соображения. Умный и сообразительный волчонок вырабатывал подход к решению построения охоты. Достаточно один раз преследуемой кабарге запутаться в густом кустарнике или каменных осыпях, где её легко добыть, так он и загонял туда добычу снова. Щенок прошёл период саморазвития в семье. Повзрослев, считал себя членом таёжного сообщества Удинского хребта. Мать, очень гордилась своим широкогрудым и большеголовым приёмным сыном. Хоть он и не был похож на неё, зато у него было доброе сердце, преданность и он мог постоять за себя.

Научившись независимо добывать пропитание, волчонок перестал походить на щенка и приобрёл вид взрослого волка. В сердце вороны камлал могучий шаман, приобретая чёрный цвет, она предсказала ему особую судьбу. Однажды в покрытую белым снегом тайгу забежала молодая волчица, насквозь пропитанная чёрным цветом. С Сурхойского хребта её прислала стая за молодым чёрным волком с синим оттенком глаз. Позвала его, вернулся на гору Обо-Сардык и охотился вместе со стаей на изюбрей. Чёрный вожак с синим оттенком глаз, стал очень стар, не в состоянии водить на охоту стаю. Молодой, крепкий волк может без зависти, ревности, корысти и зазнайства, а по наследству возглавить родную стаю в лазурных от снега горах, если пройдёт перевал Чайган-Дабан.

Старая волчица заскулила от сожаления. Пыталась закрыть приемного сына от непрошеной гостьи. Никогда не сердилась на него, кормила, учила быть верным, любила как родного и не хотела расставаться с ним. Не бросила его в трудную минуту, дарила любовь и заботу. Молодой чёрный волк, понял, что другой матери у него не будет. Непрошеная гостья не таилась от хищников, не развернулась и не ушла, а расправив грудь и выгнув спину терпеливо ожидала. Взъерошенная ворона, на проталине набивая желудок прошлогодней клюквой, искренне верила в безумство счастья — подражая звукам весны. Приёмный сын по имени – Чуглым подошёл к поседевшей матери. С признательностью прижался к ней тёплым носом. Сердце, ломая на куски, побрёл чёрный волк за молодой волчицей возглавить стаю живущую у вершин озера Болдоктой-Нур, где воздух пропах вольной судьбой.

ОРЗАГАЙСКИЕ ЮРТЫ

С ледниковым ветром скользнула грозовая туча, а вспышкой молния одухотворила первозданный мир гор. Бирюзой блеснула небесная странница, отражаясь в толще льда. Рождённая в орлиной тени гора Пирамида дыхание неба ловила тревожною душой. Прислонившись к оленю, стоял человек на поле ледника Ильина, лежащего на овраге северного склона. Касался небесного молока облаков у истока воды, питающего родники для жизни. Искал свои корни, пытался понять их историю, чтобы передать следующему поколению. Пробудить у детей-сирот уважение к истинным ценностям и по зову предков кочевать по тайникам ледников потаёнными родовыми тропами. Передвигался пешком и верхом на олене по одному из отдаленных уголков континента. Опасаясь затеряться среди ложных мнений, тосковать о прошлом, он, завернувшись в звериную шкуру, упрямо пробирался сквозь заросли кедрового стланика, вяз в моховых болотах, брёл по ручьям и россыпи валунов.

Расстояния обманывали, а горные кручи приближались медленно. По отпечаткам медвежьих лап поднялся в скальную

брешь переломного перехода. На перевале с каменной кладкой взору открылся вид на Медвежье озеро. По снежнику в исток горной реки спускался медведь с белой шеей – окропить родниковой водой сердитую на вид медведицу с медвежатами. Мелькали их тени по непроходимым утёсам. Беспутье к ничтожеству вело, а подняв голову, увидел направление полёта собрата орла. Последовал этой стезёй, терявшейся в легкой дымке тумана. Не останавливаясь на тягучей линии судьбы, вышел на вершинку. Напротив, из озера впадины Двуглавого пика вытекал встряхивающей лентой Кинзелюкский водопад. Вода, падая на скалы, в лучах солнца разлетаясь зеркально в радужном сиянии, а камни утопали во мхах и лишайниках. На границе тундры и тайги олень в беззвёздную ночь искал сокровенную тропу по ветру и перебрёл стремительный ручей. Под снегопадом поднялся на перевал реки Фомкина к камню чашечке. Заметил близкий полёт орла, за ним повернул на соседний перевал, ведущий к не зарастающим камням реки Орзагай. Таёжник брёл следом за летящей птицей по перевалам и гребням горных хребтов. В любви к свободе были единокровны их сердца на невидимой тропе непостижимых предков. Стараясь не оборвать трепетную нить согласия с запутанною жизнью рода, делал точные шаги. Разглядывал орлиную тень, ложившуюся следом на долину и прилегающие скалы. По белой пурге,

застилающей холмистое плоскогорье, в обход синеокого озера вышел к перевалу, а по тропе вдоль парной кладки начал спуск в долину реки к камню на подставках с шапкой на голове. В оправе первоцвета зеркальная река слепила немигающие глаза орла. Над ягельным перевалом на крыльях орёл поднимался в верхний мир, а куропатки в зимнем оперении подняли шум в щебне и каменистых глыбах оврага. Согнув в тесном ущелье спину, на перевал таёжник взбирался с надеждами к камню, стоящему вершиной вниз. По снежнику начал резкий подъем к подножию сверкающего колючим инеем Орзагайского гольца и повернул вслед за промелькнувшей орлиной тенью и вышел на хребет меж бодающимися камнями прямо над источником. Открылся вид на холодный ледник, белизной сверкающий в сапфире небосвода, а орёл, распростерший крылья, зорко охранял этот покой. Вскинув к спине ветвистые рога, олень зачарованно смотрел тёмными глазами, обрамленными светлой шерстью, на эту оживающую орлиным полётом высь.

С оленем встречал рассветы и провожал закаты в обнажённых узорах каменных рек. Вместе уходили от капризной лавины, плутали неверным шагом у волн увитой хмарью Обманной реки и делили соль и сухари. На горных перевалах время спешило иначе, уткнувшись в ненастье, сердце каменело на скрестившихся тропинках покорённых вершин. За вычетом нелепостей, вплетали прошения в узоры путевых кладок соединяющие камни, мечтая каждый о своём. Сквозь моросящий дождь, радугу и благоприятный сон снисходил с неба Владыка духов знаком тени от орлиных крыльев на линии камней, силу давал владеть мудростью тропы. Над седловиной перевала орёл лениво махнул крылом по новому направлению в сторону долины Прямого Казыра, но обогнув заросшую кашкарой

пирамидку с цветными камнями, затаился в мареве туманного перевала. Таёжник обошёл вокруг массивного валуна на маленьких подставках, отводящего ненастье над истоками рек, и в глубине сердца прокричал Хозяину гор заветную просьбу пропустить его к духовному началу. Медленно набирая высоту, пересёк снежник и осыпи, поднялся на Гольцовый перевал, на котором в изумлении увидел ослепительно белыми пиками устремлённые к небу стойбище Орзагайских Юрт. Открывшийся обзор среднего мира, очаровывал и завораживал неповторимым изяществом и единством. От нерукотворного чуда нереальных вершин в узкой полоске багряного заката захватывало дух. В плену тревожных снов и сумраке ненастья оживал под рассветным лучом хребет Агульских белков, удивительными нагромождениями скал и валунов на осыпи. В тёмные ущелья стекала вода с вековых залежей снега, а в прозрачной синеве зари силуэт орла неподвижно парил. В глубокой впадине блестели остатки озёрного льда, а по занесенным снегом камням шагал Хозяин небесных гор — ирбис. За перевалами, поднимались зубчатые очертания белков, а над одной из опор на краю пропасти воспаряло жилище снежного барса — пик Юрта-Небо. Блеснул серебром лунный иней, не теряя высоты, по краю склона шагнул за лиственницами, закручивающимися вслед за движением солнца. С перевального гребня повернул к линии белых камней с розовыми вершинами. Вровень с орлом мимо камнями забитых трещин в скалах и каскадов слоистого льда пересёк горный хребет. Стойбище Орзагайских Юрт в небесную бесконечность упиралось остроконечными уступами громадных скал, освобождаясь от тяжкого бремени изморози. Под Юртами стелилась зажатая в ущелье, круто падающая в нижний мир, белая полоса ледника.

С трех сторон личную жизнь ледника окружало стойбище конусообразных каменных Юрт: Восточная Юрта-Рассвет, центральная Юрта-День, а в облачении снежуры западная — Юрта-Закат. Казалось пропасти каменных Орзагайских Юрт и есть край земли, где звёзды пропахли льдом, а горные дали растворились в бесконечности. По пути очертаний полёта орла, с трудом поддерживая равновесие, поднялся к широкому языку сползающего льда, стиснутого острыми шипами вершин.

Стекая по льду, подмороженными струйками вода разливалась по гладкому хрусталю золотистых скал. Под скалами падающий ветер засыпал корку льда щебнем пирита, а по краям скользили живые крупинки кварца. На выпуклой ледяной толще сомневались глубокие трещины, недоверчиво колебались, шуршали и скрипели при тугом напряжении лазоревого тела ледяного массива. Крадучись брёл таёжник между пиками Юрт по краю льда навстречу потоку ледникового ветра. Прощупывая снег, закрывающий подозрение трещин, иногда проваливался в пустые раздумья. Выдохнув неуверенность, по следу орлиной тени, осторожно пересек пологую часть колебаний. Вдоль линии соприкосновения ледника со скальными наслоениями на склонах ледниковой впадины, робко обошёл глубокий разлом срединного вала льда. Вышел к краю скал и поднялся по плотному снежному мостику в небольшую складку под верхней частью ледника с широким краевым оседанием. По льду, меж двух неприступных Юрт взошёл на вершину и остался наедине с самим собой. Под свист лютого ветра, на осыпанном гребне в кругу колючих призраков Орзагайских Юрт ожидал знамение. В порыве облака устремлялись к заре, а он легко вообразил, что могли видеть и слышать далекие предки. Над качнувшимся снегом крутизны диких вершин крылья орла рвали в клочья лазурное небо. Догнать пытался летящий

намёк по стонавшим ледниковым глыбам, словно в забытье за беспечную жизнь цеплялся. Знак разрешал сквозь скрипящий полог расщелин перешагнуть и зарыться в недра неизведанной души ледника, где подлёдная вода, отражающая небеса по незамерзающему дну, вела в нижний мир заходящего солнца.

Ледник имел двойника, уходящего навыворот под землю, а тёк в обратном направлении и появлялся у истока, где время, как река, текла вперед и вспять. В коридорах ледяных пе-

щер брёл человек по чёрной воде без мути и примеси. Острый шелест снега ледяных стен светлыми и тёмными слоями напластовывался волнами на золотоносную руду. Свисали сосульки и прозрачными каплями ударяли в бубен кварцевой жилы нижнего мира. Кожа льда рвалась, дыхание осушалось, вытягивая золотые соки, отвердевший без злых углов ледник усыхал. В суеверном страхе увядали ягельные пастбища, а тропа предков на куски ломалась. Пел и плакал ледник, сильно страдая глубоким стоном, просил почуять вечный зов снежных гор. Сложив ледяные ладони ковшиком, таёжник зачерпнул прозрачную воду с шипами шуги. Расплавленные иглы льда по капле радости выпускал на волю. Подземный родник задышал полной грудью в блеске золотоносного каменного котла, проросшего изморозью. В объятиях неизвестности, перед

духом хозяина источника голову склонил, стремясь ощутить сущность гор в созидании. Преодолевая сонливость, осязал видения, в которых предки звали через стойбища Юрт, к счастью прожитых дней. Горы и ледниковые шрамы некогда не молчали, они звучали внутри сердца ледниковым камланием. Рассеялись сумерки вечности, а духовное семейство родственных душ Большой Медведицы невесомо сидело в ледяной Юрта-Ночь и приглашало в особый мир беседовать в пространстве. Левую половину занимали женщины, правую — мужчины, а по центру покровитель всех сородичей, их долголетия и плодовитости показался в виде медведя. Кочевники и таёжники, оленеводы и охотники, травники и знахари, мыслители и провидцы на золотых самородках сквозь стёртый лёд сверкали отражением путеводных звёзд в лунной кайме. Все те, кто в хождениях с годами не старели, а читали судьбы и делились правдой опыта жизни имеющего охраняющую силу. В светлых мгновениях пример предков, помогал принимать трудные решения, придавал смелость, уверенность, делая проводником воли Хозяина гор. Ломая невзгоды, таёжник старался почувствовать единое время, как настоящее и творить второе небо. Ощущение сопричастности высшей жизни, длинные узоры мыслей путались. Суровый и нежно кроткий зов будоражил, в неосознанном порыве призывал подобно повадкам орлиным радовать сердце кочевою тропою, вверх и вниз по горному кругу. Не грустить в суете и в покое, а на оленях по первому снегу заниматься пушной охотой. Помнить ягельные пастбища и стойбища рода, подчиняя жизнь ритму передвижений зверей. Как яркий миг нести в сердце короткую кочевую жизнь, предвидя, что устремления будут безграничны.

Минуя счастье встреч-проводов нижнего мира надежд, откуда сложно уходить, сквозь расщелину таёжник взглянул наверх, где восходит солнце и увидел, что лазурное небо в перезвоне ручьев зажглось розовым светом молний. Из-за пламенеющих скалистых вершин Орзагайских Юрт покрытых снегом выпрыгнули рваные тучи. Одинокое хмурое облако закрутилась над крутым гребнем ледника и замкнула небеса непроницаемым пологом. Сверкнула гроза, низвергая с высоты струйки вод на спрессованные слои снега. От громового крика с небес,

на кромку ледника в презренной суете упали каменные наконечники, подпрыгнув на скалах, побежали по скользкому льду. Гулкое эхо с глубокой тоской отдавало криком ворона и филина, долго затухая в густом тумане. Камни с подвижной осыпи сыпались в белоснежную пасть льда, вызывая падение крошившихся льдинок. Задышал полной грудью ледник, рискуя застрять, стал круче и толще, оторвался от золотого дна и неспешно потёк. Вздыхал под тяжёлым гнётом тёмного облака лёд, и талый ручей, падающий с ледника, сдвигая берега к склонам гор — спрятал золотые жилы скал внутри селевого потока.

В лучах надежды выбирался таёжник к солнечному свету. Касаясь глади льда, вышел из облака, с грустью взглянул через мостик радуг на ледяную опору Орзагайских Юрт с широких озёрных холмов Медвежьего перевала. Поедая черемшу, медвежья семья не обращала на горы внимания. По белым пятнам ягеля в лучах рассветного солнца окрылённо шёл человек по гребню хребта, а рядом в упругом и прозрачном воздухе широко расправив крылья, в светлом зареве лучей орлы танцевали. Представляя, будто вместе с птицами пронзал поток пространства между склонов гор, направился к связке перевалов. Падал снежок, а за перевальной точкой, тундры склон пошёл круто вниз косогором. По промоинам и под напором ветра с узкой теснины спустился к ковру разнотравья. На берегу Долгого Ключа, столкнулся с изюбрями — стражами перевала. Бежало стадо в исток Тофаларского Ключа под свист лютого ветра. Меж разными мирами вставали отвесной стеной Агульские белки, склоняясь сутуло под ожившими снами. Увязло солнце в туманной зависти, в лабиринте скал блуждая, а вслед за орлом вышло на край висячей долины и спустилось к реке мелеющей радости. Прошло по кромке льда, минуя лёгкое счастье, на перевале обрело простор. Тянуло тропу, обогнув облака по колено в метели.

Видимость падала, олень не чуял направление, а читал мысли ночи. Не пугаясь туч, тумана и мороза, чутким ухом олень ловил голос гор. По звёздному следу в ожидании восхода, с разгона по Млечной тропе перескочил к отсветам ночных радуг. На наклонных скальных плитах, повернул к истоку и оглядел-

ся. Лунное остриё цеплялось за скалы Юрт, а напротив дождик в дымке звёздных снежинок строил ледяной мост. Поверил знамению лунной радуги и вышел олень к отражающему звёзды озеру под перевалом. На ребре перевала цвёл золотой корень, а важенка, к спине рога откинув, ягель жевала. С Монгольского перевала под знамением орла летящего к Утренней звёздочке оленя манил Хозяин таёжной жизни Чатыг-Хемский ледник, откуда нелегко возвращаться.

ВОЗДАЯНИЕ ОТВАГИ

Лютый мороз, позёмка и куржак украшали снежными узорами сибирский кедр на фоне небесной мглы в серебро. В холоде тёмной ночи у огня кочевого костра грелся кочевой таёжный оленевод-охотник, рассматривая взлетающие ввысь искры к звездам счастья. Суеверный охотник рассказывал невероятные истории о росомахе. Хитрый и смекалистый зверь поражал воображение, а человек чувствовал к нему боязливое обожание и восторг. Окружающие звери уважали росомаху и старались с ней не вздорить. Страшный и внезапный медведь-шатун гнал стадо оленей по склону горы в каменистый распадок и по пути разломал снегом укрытое обиталище молодой росомахи с детёнышами. Отдыхающая там росомаха не потерпела чужака. Защищалась без особой возни. Вцепилась клыками в шею шатуна. Звери схлестнулись клыками и когтями, ослабли и остались замерзать в снегу. По слегка запорошенному следу таёжник нашёл место схватки шатуна с росомахой. Два новорожденных детёныша замерзли в снежной норе, а один малыш попал в добрые человеческие руки. Он отогрелся за пазухой у души-сердца

таёжника и впервые открыл глаза. Малыша кормил молоком оленя, отдавал последний кусок дикого мяса, а лютая стужа отступила. Агрессивный, напористый, мстительный зверёк в заботливых руках, незаметно приручался. Детёныш росомахи, спасённый от суровой жестокости, помнил добро и хорошо уживался и помалу привязался к одинокому бродячему охотнику, оказывая доверчивость, ласковость, нежность. Стал совершенно незлобным, проявляя верность с готовностью защищать своего спасителя. Таёжник растил его в условиях дикой природы, не нарушая обособленный образ жизни – учил добывать охотничье пропитание в одиночку.

Прошлое накрыл новый снег, а детёныш понял, что стал взрослым хищником. Таинственная и свирепая росомаха отправилась странствовать по завьюженной тропе, очищать тайгу от погибших и ослабленных обитателей размером от мыши до лося. Без испуга вступала в схватку за пищу с волками и медведем. Умная, сильная и независимая росомаха не признавала чужого влияния и наводила страх на всех, открывая пасть и пугая оскалом или хриплым рыком. Храбрый зверь становился похожим на Дух отваги. Внешне приземистая росомаха выглядела неуклюже и забавно, напоминая помесь медведя и соболя. Поверхностное сходство с маленьким медведем рождало у таёжников поверье, что голодной и морозной зимой в тесной берлоге у медведицы раз в несколько лет захудалый детёныш не вырастал до полных размеров, а оставался малого роста, но очень опасным, гораздо опасней кабана и уходил жить к росомахам. Кошачьей мордочкой чёрного цвета, с красноватыми глазами и закруглёнными ушами росомаха осторожно скрадывала зверей. Большими и очень острыми зубами она перегрызала загривки сохатым. Похожие на медвежьи лапы были широкие, с длинными и острыми, как бритва когтями с одного удара сносили

на землю оленя. Ходила росомаха изящно и гибко, опираясь на всю ступню, как медведь, почти не проваливаясь в снег, особенно если его поверхность была подернута легким настом. Обладая прочной кожей и крепким мехом, переносила жестокие морозы, лёд и снег. Иней, оседающий на росомашьей шубке от дыхания зверя, не таял и легко стряхивался. За это свойство ценили мех росомахи гораздо больше, чем мех соболей и шили из него охотничьи сумки, в которых носили обереги.

Осторожная и дерзкая росомаха училась противостоять буре и урагану. Не общалась с сородичами при встрече на таёжной тропе, а мучила охотников, не попадая под пули. Подвижный и выносливый зверь, неутомимо выискивал и преследовал истощённых животных в угрюмой тайге. Большую часть времени проводил на земле, но хорошо лазал по деревьям, умело спускаясь с них вниз головой. Неделями росомаха жила в кедраче, копая в снегу норы для отдыха недалеко от пасущегося стада оленей. Если стадо откочевывало, хищница отправлялась в путь вслед за ними, избегая борьбы с соперниками сходными с ней размерами — рысью и волком. Всеядный зверь, готовый поглотить всякую плоть, которая попадалась на пути, предпочитал мясо оленей и лося. Учуяв слабую жертву, болезненную или старую, росомаха неделями брела по следу, дожидаясь

удобного случая. Целеустремленно подгоняла, время от времени останавливаясь и оценивая степень усталости преследуемого зверя. Длительный гон изнурял постоянно проваливающуюся в глубокий снег жертву и делал её легкой добычей более выносливого хищника. Когда становилось ясно, что животное устало, неутомимый бродяга совершал бросок на спину, от которого ослабевший олень заваливался на бок. Вгрызаясь, росомаха рвала живую плоть зубами и когтями.

В пределах своей тайги росомаха тесно соприкасалась с разными видами хищных зверей и угнетала их. Кабаргу, добытую соболем, она отнимала. Соболь не успевал ничего съесть и при появлении более крупного хищника, робко убегал. В голодный год подвижный и хищный соболь, чутко реагируя на кровь, и устремлялся по следу раненой росомахи. В свою очередь росомаха никогда не проходила мимо живого соболя, попавшего в капкан и давила его. Ловкая росомаха добиралась до остатков добычи рыси. Лисица, отловив глухаря и наевшись, ложилась отдыхать около пищи, а бредущая по следу росомаха не проходила мимо. Нападая на спящую лису, в борьбе за жизнь, звери катались по снегу и камням, но росомаха всегда забирала охотничью удачу. Сытый медведь поверх остатков добытой пищи сгребал в кучу мох и ветви, чтобы скрыть её. Тонким чутьём росомаха под толстым слоем снега и хвои находила

остатки туши и за мгновение откапывала её мощными гребками когтистых лап и доедала. Медведь, пытаясь сохранить охотничью удачу, бросался на росомаху. Она резко делала угрожающие выпады в сторону медведя, готовясь к опасной схватке. Медведь отступал, дорогу перейти росомахе опасался, питание

отдавал. Росомаха преследовала и добыла раненого волка и истощённого медведя, ловко затаскивала вкусные куски в укрытия на большие деревья.

В порывах злой и резкой метели тайга шевелилась, а лунный краешек в вечность глядел. Выносливая и хитрая росомаха на охоту выходила из лунной тени. Умный зверь-одиночка, брёл по поймам таёжных рек, отслеживая переходы волков, осматривал места успешных охот. На небольшом удалении, терпеливо шла росомаха по следу стаи, предвкушая сытый обед. Смело и отважно, вступая в битву за поживу, наводила страх на голодных волков. На расстоянии вынюхивая едкий запах росомахи, пытаясь избегать с ней встречи, бросали волки добычу. Росомаха казалась медлительной, но с возбуждением молнии хватала оленя крепкими зубами и острыми когтями. Собираясь в стаю, волки ей за иждивенство и хищничество мстили. Без высокомерной надменности она точно знала, как нужно в одиночку сохранить охотничью удачу, а когда разумно отступить. Упорная в достижении цели, росомаха вскакивала на кедр и ждала очереди

поесть. Не проявляя ни малейшего признака беспокойства, приступала к кормежке, когда сытая до отрыжки стая уходила. Расчётливо потребляя с трудом добываемую пищу, делала росомаха запасы — не отходя далеко. Матёрые волки не пытались нападать на неё, а молодые проявляли интерес при попадании росомахи в капкан. Специально на очень осторожную росомаху ни кто не охотился, а попадала в ловушки она крайне редко. Её бесстрашие, доходящее до безрассудства, сочеталось с развитым чувством самосохранения. Росомаха в плену не сдавалась, не сломав самолов, отгрызала себе часть лапы и уходила на волю. Одинокий хищник никогда не пытался в борьбе за добычу ей противостоять. Изредка росомаха проигрывала, но всегда самоотверженно сражалась до конца. Никогда не дарила пощаду и не отступала, а добыв зверя, просила у него прощения — отводя от себя вину. Встретившихся обитателей тайги считала врагами, друзей у мстительной росомахи не было. Не было дома, а кочевала бродяга по тайге, которую отмечала как собственные охотничьи угодья. Росомаха, иногда ленилась и отдыхала, не показываясь на глаза животным и птицам. Старалась жить тихо, помнила добро и только обидчиков никогда не прощала. Немного угрюмая и не особо общительная росомаха сердцем иногда скучала по заботливому человеку. Приходила к родному стойбищу и открывала свои тотемные тайны. Таёжник лечил её раны и удивлялся сообразительности, упорству, настойчивости дикого охотника, смело и с большой выдумкой отвечающего на неожиданные вызовы суровой жизни.

Тайга-кормилица не уродила, а медведь не успел набрать достаточный жировой запас для зимовки и не упитанный залёг в берлогу. Потревоженный в логове и насильственно поднятый из него браконьерами, похудевший медведь лишился естественного состояния зимней спячки и стал по тайге шататься. Ждать добродушия от свирепого и голодного зверя, всех ненавидящего не приходилось. Злобный от голода и холода медведь-шатун рыскал по заснеженной дремучей тайге. Голая подошва его ступней мерзла, трескалась и кровоточила. Зверь от боли спасался у незамерзающего ручья, бродил по воде, чтобы согреть лапы. Купался в полынье, валялся в снегу, высушивая шкуру, покрывался маскировочным ледяным панцирем. Пребывающий

на грани выживания, голодный шатун жевал кустики тальника, грыз кору и ягель. От отчаяния сделал решительный круг, разогнав оленье стадо, с подветренной стороны встал на задние лапы, как скала, и смело пошёл на стойбище. Подергивал носом, водил мордой из стороны в сторону, выслеживая человека по запаху. Подкрался к шестовому чуму-жилью столь тихо, что не услышали собаки. У таёжника сильно забилось сердце.

Покрывшись холодным потом, он приоткрыл полог своей обители. Столкнувшись лицом к лицу со свирепым зверем, таёжник не поменялся от того, глядел ли он на звёздное небо или смотрел страху в глаза. Один миг и мохнатая лапа разъярённого зверя сбила с ног человека. Мощные когти вскользь ударили по плечу со стороны сердца, рванув одежду с оберегами в клочья, вдавили человека в снег. Тайга закружилась в глазах, но сквозь сон таёжник услышал гортанный вскрик росомахи. Душа-жизнь хотела взлететь под седьмые облака, но затаилась в объятиях шатуна. Ударом когтистой лапы росомаха сорвала с таёжника исхудавшего шатуна. Таёжник не потерял рассудок, пересиливая ужас, открыл глаза. Успел рассмотреть молчаливую сцену: тощий медведь упрямо сидел в отдалении, в другой стороне стойбища сутулилась отважная росомаха. Разъярённые звери зло и храбро смотрели друг на друга красными глазами, не боясь в бою поплатиться жизнью.

Волчья стая от страха хвосты поджала, а у неистовой защитницы росомахи шерсть дыбом поднялась. Перед глазами победившего страх человека мелькнули заточенные клыки. Раздалось прерывистое предупреждающее рычание. Заморённый голодом медведь рванул на таёжника, но тот увернулся. Бесстрашный друг росомаха повторила наскок и вцепилась зубами в хребет медведя. Фыркнула росомаха и подняла страшную лапу с длинными когтями. Рассердилась от недостаточной вежливости доходяги. Медведь, диким рёвом проклиная неудачу,

от лютого врага размашисто пустился наутек. Начиная преследовать шатуна, уверенная в себе росомаха шла до самого конца, вцепившись в его спину мёртвой хваткой и невозможно было от неё избавиться. Тащил на себе измождённый шатун росомаху по тайге. Опасное животное не отпустило шатуна, даже

падая в обморок от голода и обезвоживания, грызло и терзало шкуру запыхавшегося шатуна. Голова шатуна раньше чёрная была, как земля, поседела белее снега от ужаса. На краю пропасти, дно которой невозможно было разглядеть, случайно шатуну повезло и удалось оторваться и горько вздохнув сорваться в низ. Пятки побледневшей росомахи повисли в воздухе, но она не отставала, не переключалась на другую добычу. Упавшая на камни росомаха встала, споткнулась и упала, поползла и медленно побежала за медведем по ущелью. Медведь-шатун прятался и удирал, она настойчиво косолапила следом. Хитрая росомаха нашла возможность напасть, сжимая клыками горло, пока скверный шатун не притих.

Душа-тень осталась на месте при полёте искры пепелища костра. Вскоре ветер стих и стало возвышенно тихо в тайге.

Неожиданно со снега с шумом взлетел глухарь, а лёгким вздохом откликнулось знакомое эхо, привычно укатившись к горным вершинам. Сияя холодом, солнце выкатилось на восход, озаряя искры мглистого снега, закрыло в прошлое скользкие тропинки. Раненый человек, заливаясь слезами, пополз по тайге. Размышлял о случившемся, вспоминал опасные вспышки призраков, после которых оставался жив. Верный друг росомаха не проявила паники и отчаяния. Она учила таёжника характеру — для того, чтобы получить желаемое, необходимо верить в себя и никогда не сдаваясь идти до конца одной тропой с природой, даже если тратишь много сил. Таёжник шёл, падала душа-тело, подымалась и металась в тяжести неизвестности. Обессиленный человек, ползком добрался до оленьего стада. В задумчивый час поздней ночи потрескивал близкий судьбе костёр, ровным пламенем огня освещая стойбище и согревая таёжника. Жизнерадостный огонёк притягивал тёплым обаянием и даже звезды в ночной снегопад. Росомаха с детства помнила запах дыма кочевого костра и не боялась безумства бродячей души огня. Радостный дух-охранитель подошёл к таёжнику на передышку, рядом лёг на сухую хвою угомониться и вздремнуть, понимая, что доверие превыше любого коварства. Отважная росомаха жила в опасном риске, но в любви и доверии азартно двигалась в неизвестное. Росомаха — проводник, делала жизнь таёжника лёгкой, спокойной и восторженной. Снег окончился и влюблённые в тайгу человек и росомаха, кочуя по одним охотничьим угодьям и оленьим пастбищам, выручая друг друга, передохнули и дальше побрели охотиться каждый по личным правилам и направлениям.

НАВЕСНАЯ МОЛНИЯ

Под глухой стук сталкивающихся оленьих рогов с хребтов бескрайнего верхнего мира остриё молнии разорвало тяжёлое небо, осветив на мгновение искрошенные взмахами ветра и замёрзшими облаками силуэты родовых гор. Быстрей вспышки бросились врассыпную ломаные тени, раскачивая кедры в пространстве тайги, перевалы в горах, места бродов и родники. Человек взглянул в вверх и потерял мечтательную тропу охранного круга. Тревожно зароптал, что указательная молния на вершине в высшую точку бьёт, а волчье небо не прикроет слезой дождя, не долетевшей до земли. Всё менялось в жизни, а внутри туч и ущелий смелость терзалась сомнением. Верил, что в прорези неба увидит звезды и рассветную зарю, но суетливая тьма духов стихий окутала жжение огненных отсветов прожитых дней. В средине времени отражений направил взгляд на каменную пустошь вершины и нашёл потерянную тропу.

В дремучей тайге человек зависел от молниями опаленных вершин. С белоснежного пика судьбы в сиянии солнечных

лучей стекал поток свежей воды, ягель на склонах кормил оленей, а в тайге он охотился на пушного и копытного зверя. Чередовались грозы и ветер, снегопады и звездные россыпи, молодые и стареющие луны над вершинами с волчьими логовами. Ухудшение состояния среды обитания приводило к наводнениям и селям, засухе и пожарам, оползням и обвалам, лавинам

и камнепадам. Горы реагировали на изменение климата, а при промозглой сырости или морозах горный житель уязвимый к голоду и бедности, прилагал больше усилий, чтобы выжить и уцелеть. За многие годы кочевания копил знания о способах выживания и привыкания к меняющимся условиям.

В дни отёла оленей, просыпались реки на моховом ковре шкуры среднего мира. Считая вершины родным домом, в котором количество деревьев и звёзд на небе одинаково, таёжник осознавал вечное значение и огромную ценность странствий к ним. Возвышающиеся до небес горы соединяли небо и землю, людей и предков. Чтил восточную солнечную и западную подлунную половины различными способами и сливался с родовым единством. Осмыслив сущность присутствия, висячая

молния придавала камням трёх миров жизненные силы. Вершины прикрывали от ненастья логово волчат и дарили покой медвежатам в берлоге. Духи-хранители, замечая под солнцем приплод, оживали прозрачной росой мечтаний, а оленьи горы радовались радугам водопадов.

Ветвистые рога оленей колыхались полосой сухого кустарника в красоте горных хребтов, окружённых звёздами. По нехоженым дебрям рядом с непуганым зверьём, по перевалам, через горные реки тянул тропу человек в самое сердце Восточных Саян. К заповедным вершинам, сквозь потаённую тайгу кочевал за оленями, за ними шли волки, а в небе парили птицы. Человек и звери чувствовали связь с камнями детских душ, закутанных в пелену ягеля и брусничника. Олений мох блестел очами клюквенного цвета на проталинах, а тёмно-лиловыми глазами оленей смотрел с вершины Хозяин гор. В сокровенных тайнах соприсутствия даже волки охраняли охотничьи угодья и оленьи плави. В сторону вершин, бережно укрытых кедровым стлаником, навесная молния невольно освежила в памяти вековые направления и тропою очертила охранный круг, влияющий на ход событий в жизни.

В предрассветных сумерках хлопали копытца оленей, ударяясь одно о другое. Высоко подняв голову и расширив ноздри, олени нюхали воздух со всех сторон. Из окружения спящих в облаках суровых скал, приходили накормить, обуть, одеть и уходили в другие угодья к нуждающимся в помощи людям.

Человек кочевал вслед за стадом. Оглянувшись, заметил в первых солнечных лучах проявляющиеся из темноты вершины, словно таинственные самородки. Гора Красивая в россыпном золоте реки Бирюса, дыша в туманной дымке, пленяла и звала быть выше всех. В пожарах гибли ягельники, меняя проходные тропы, но по лабиринтам камней и скальным гребешкам проник человек к золотой полосе в истоках реки Бирюсы. В дождь олени кочевали медленно, а в заморозки быстро пробирались на гору Медведица пьющую воду из бирюзового озера. С горы Плохая Узкого хребта, стеной красовалась, кромсающая в клочья грозовые тучи, гора Агульская Пила. От осознания дикой мощи пробежал холодок по спинам. Крутые борта долины, обращенные к воде прижимами, не пропустили оленей на Ветреный перевал. Не признающий чужие законы, по перевалу шагал вожак со стаей свирепых волков. Додинский Голец в Агульском хребте пугающе устремлялся в небо, студёным ветром удалял гордые мысли, что нет гор без волков, а таёжнику не выжить без ловкости. После трудных шагов по перевалам Орзагайских гольцов, от ручья Агула с закованным льдом озером, по истоку Прямого Казыра остановился на привал под лунным контуром ледника Кусургашева. Преодолев Ужурский хребет, на горе Сокол встретил рассвет. С истока Таёжного Казыра восходя на гору Узел, манил к себе Левый Казыр с возвышающимися хребтами Ергак-Таргак-Тайга, Зубчатый, Безымянный и Дикий. Олени кочевали против ветра к Хмурой вершине на Диком хребте, отбрасывающей тень на облака. Втягивая ледяной воздух, по невидимой нити тропы на неё взошёл человек. Из тумана, окутавшего хребет Безымянный, катилась в долину лавина с пика Заоблачного и встрепенулась орлиная душа. Вдоль озерной речки Холь-Хем, вместе со снегом искрясь от счастья, раскидав в клочья добычу, волчья стая делилась с вороном, чтобы удача не потерялась.

Вперед звали стены Приозерной горы. По истоку ручья с ледяным островом вышел на хребет Зубчатый через перевал Изюминка. Оказавшись в долине Кабарожьего ручья звериной тропой, побрёл вдоль западного ребра искромсанной молниями вершины Триангуляторов. Упрямый странник ладони с запахом ветра грел у пламени костра, растягивая отдых. Над битой изюбрем тропе ведущей к осыпанному ребру пика Поднебесный взгляд Хозяина гор резал по кусочкам небо короткой молнией.

Любящий уважение Джуглымский хребет принимал оленей в лютый мороз. Настырные ноги немели, а одинокий волк пронзительно выл, ища потерянную подругу. Душа молнии остыла, а олени брели по мелководью рек и озерным островам с отлогими и открытыми подходами к массиву горы Маяк. По наледям Мурхоя через угрюмый перевал в Сытляр-Атар, в обход водопада издёрганная ветром тропа спустилась по реке Хатаге. С острого гребня без страха волчья стая бок о бок бежала в долину реки Уда заполняя души солнечным светом. С перевала Мус-Даг-Дабан покрытая мхом и голыми осыпями, гранёным зубом красовалась в танце орлов гора Чело-Монго. У камней горного прохода в Тыву вплетал таёжник в опустошённую душу мечты — не оступится на жизненном пути, но от погоды в горах зависела удача. Гроза не зависела от людской воли и трепала чум перед подъёмом на перевал Кош-Пеш, засыпала мокрым снегом. Безымянная гора

между реками Тер-Ягой и Дергой под ураганным ветром выгибала спину по-медвежьи. На ветреной вершине сбивающий с ног ураган хлестал по карнизам и камнепадам. Олени теряли силы и возвращались обратно. Обессилившие и продрогшие, лежали в месте неги и безмятежности снежных барсов, а человек беседовал с Хозяином гор о добывании охотничьего счастья. Наполнял душу отзывом эхо, но в тишине завывал по-волчьи ветер. Небо светлело и по курумам хребта Тэмэн-Туругтуг-Даг, олени перешли через болотистые перелески к талому озеру. К вершине горы Саян сумрачного Удинского хребта таёжник шагал в борьбе серьёзного страха и отчаянной решительности. На горе Мюстыг-Даг в Джуглымском хребете таёжник делился теплом души с бушующими облаками. У ледяной вершины Хангарок на хребте Шоннаг пытался понять, зачем волчья стая протяжно завывая, пыталась завладеть лунной душой. Камни перевала Кадыр-Орук оплетали души не рождённых оленят. На ненастном перевале Обвалыг-Арт кратчайшем пути в Туву с Чёрного Хана, чуть дыша, играла с охотничьим счастьем росомаха, белизной клыков бряцая на сохатого. На вершине Хамжур-Тайга медведи очнулись после зимней спячки. За горой Тас-Даг, похожей на чум-жилище, цветами багульника горели пики безымянных вершин.

Белея снегом, гора Ары-Даг в южной части Мурхойского хребта, в бессильном гневе сотрясала небеса и сковывала сердце страхом. Месил талый снег горы Сайлыг вдоль реки Кара-Бурень по оленьей тропе человек, а бродячие ветра, несущиеся навстречу со всех сторон, ждали от него подношений и шептали заклинания. У горы Кадыр-Орук перекусив мелко нарезанным сушёным мясом, ночевал на медвежьей шкуре, а безлунные звезды освещали путь волчьей стае. Гора Ары-Даг исцеляла заговором крики эхо. Болотная топь в оттепель рисовала в воздухе видение — казалось, что гора парит над волчьей стаей, владеющей душами стад невидимых оленей. На вершине горы Кара-Бурень терпеливо вдыхая в себя весь мир, оставил в памяти очарование Удинского хребта, до мельчайших подробностей, укрытых радужными туманами. С вершины Сады-Дабана открылся гордый вид всех основных вершин. На крутой и лишённый растительности гребень Белой Дургомжы, солнце

взошло на мгновение раньше, чем изломом морщин оживала тайга, собирая у логова волчью стаю. На склоне хребта Хан-Бургут облака кружились друг за другом. Небесный муж, гора Алхадыр, зарываясь по-волчьи в снег, пахла ягелем и остротой прозрачного воздуха. Ликовало солнце в холодной волне

ручья, заигрывая с шугой. Тень времени перекрывая паром собственного дыхания, пробирался волк с ночною добычею. Глухарка звуками бубна собирала духов-помощников на токовище, воплощая не рождённые души в узорах снега. У громового перевала Хурэктын-Дабан пасмурного Окинского хребта живые мифы, поднимались на снежные громады вершин говорить с неземными молниями.

Соединяясь с жизнью одушевлённых вершин, человек окроплял их родниковой водой, кочуя по одному кругу со зверями и птицами. На стойбищах, открывая сердце, говорил о верховных существах, сошедших с небес, о тех, которые обитая в тайге, раз в год обязательно кочуют в горные выси. На золотых жилах рос узорами ягель, совсем не похожий на обычный мох. Склоны с кружевом мха питали силой стада оленей. Кочевал по горам, а олень помогал в охоте и молоком поил детей. Не выделяя себя из окружающей среды, таёжник верил в происхождение своего рода от оленя и кочевал из тайги по снежным

хребтам за оленьим стадом. Защищаясь от жизненных невзгод, обучал детей премудростям ухода за молодняком, довольствоваться малым и быть при этом счастливыми. Вытекшей сухой слезой Хозяин гор внушал, что в горах не надежны камни, лёд и снег, а человек — честь гор, не роняя её, проживёт в полном единстве с ними. Понимая в совершенстве мир родовых гор, используя их дары, охранный круг не исчезнет во сне.

Среди диких далей, жить в горах занимаясь пушной охотой, было нелегко. Светило солнце, охотник брёл по круговерти никуда не ведущую. Решил мех чума поменять на новое зимовье. Вдруг споткнулся и осмотрелся: Молния перескочила с туч на вершину. Таёжник решил, что Хозяин гор не помог и подумал найти работу в другом месте, покидая опустевшее стойбище. Пошёл он по новой стезе осторожно, смотрел под ноги, но снова покачнулся. Молния ударила в кедр, а он мгновенно сгорел огнем. Мудрый сердцем человек решил, что Хозяин гор только мешает. Забывая старинные секреты и обычаи, свернул на третью тропу, ведущую в чёрную пропасть, но от вспышки молнии упал на каменный шлак. Вслушался таёжник в гремящий под небом голос Хозяина гор. Охраняющий раскат грома, не давал идти по тропинкам, выбранным самостоятельно, не всегда глазами видел человек то, что впереди него. Таёжник решил не роптать на судьбу и не бросать ей вызов, а пошёл тропой предков через перевалы, оберегаемые Хозяином гор. Трудно было идти за оленями, но когда он взошёл на родовую вершину, понял, что стоит

в колыбели сотворения таёжного мира. С высоты, увидел, что неудача оказалась дыханием весны. Сотворение продолжалось с ягелем, пробившимся сквозь тающий снег, со снежинками, упавшими на мёрзлые камни, у которых волчица рожала ушастых волчат, а медведица растила медвежат. Молния не только была пястью Хозяина гор, но сама по себе небесное повеление, иногда превращаясь в орудие наказания. Внутри особого охранного круга жизнь соответствием отражалась кривым зеркалом молний. Человеческий ум не понимал огонь Хозяина гор, а очищенной душой доверялся.

Человек дотла не сжёг сердце от удара молнии, а изготавливал таёжное снаряжение, одежду и обереги. Соблюдая обычай таёжного братства, делился первою добычей, а оленя посвящал Хозяину гор. Встречал и провожал зверя, а в чистом чуме кормил огонь и сытно кушал на медвежьем празднике, ожидая возвращения солнца. Обменивался песнями, передающимися из поколения в поколение. Поступления средств от продажи пушнины вкладывал в оживление легенд, в которых словами воспета волшебная история родовых гор из глубины веков, у которых люди под молниями кочевали по оленей тропе, думали об удаче и знали великие тайны. Не теряя во времени понимание ценных надежд, охотник не отдалился от кочевого таёжного оленеводства, а вносил вклад в освоение горной тайги и развитие общины, обеспечивая стабильную занятость. Отважный смельчак проводил время с пользой для здоровья, кочуя по перевалам и вершинам, а в восторге души ощущал исходящее от них счастье. Под вспышками сухих молний составил дорожные карты будущих путешествий к вершинам покрытых туманом секретов, которые предстоит разгадать. Кочуя от вершины к вершине, на извивистых тропинках человек приоткрыл завесу тайны жизни о согласии с собой, а под навесной молнией — со всем миром.

МЕДВЕЖОНОК-ПРИЁМЫШ

В горах Восточных Саян люди и звери ходят одними и теми же тропами в надежде найти друг друга и побрататься. Охотник старался молча с оленями кочевать по тайге, звери человеческий голос слышали и убегали. Владелец стада прирученных оленей на груди носил медвежью лапу, подаренную родителями на день рождения. Оберег из клыков и когтей давал надежду обрести силу этого зверя, стать более внимательным и решительным. У подчинённого лишь солнцу человека была своя жизнь, у ведомого одним лишь ветром медведя своя, но часто зверь превращался в дух-покровитель, дающий добыть охотничью удачу и исцелить недуг. Медведя на расстоянии от человека удерживали такт и учтивость. Медведь был сыном небесным, нисшедший на вершины гор охранителем правдивого порядка, наказывающий людей за нарушение правил и запретов. Уважался медведь как древний основатель и наставник отцовского рода. Вечный кочевник на оленях относился к доброму и заботливому предку, как к когтистому хозяину тайги, который хранил и использовал родовые обычаи, передаваемые в деяниях и поступках.

Мохнатых собратьев таёжник знал в лицо хорошо. Ведал берлоги, истории жизни многих из них и давал имена. Медведица могла подойти бесшумно к таёжнику сзади, положить лапы на плечи — насладиться видом неожиданного испуга. Человек в панике не бежал, а в медвежьей игре подражал движениям косматой силачке. Она тёрлась об чесальный ствол или камни и лениво уходила, а он возвращал себе человеческий облик. Если побежал, у неё срабатывало чутьё на добывание. Медведица казалась медлительной, но была быстрой. При встрече таёжник оставался на месте, громко здоровался, а медведица кивала, оцарапывая кору с пихты и боковым зрением оглядывалась. Медведица была опасной, если человек выходил на неё с добычей — она её защищала. Избегая столкновения со свирепой медведицей, таёжник обходил места, где на деревьях собирались в стаю вороны. Там у медведицы лежал добытый лось, а она находилась рядом. В поиске, выслеживании и преследовании добычи старался не входить в пространство между медведицей и отбегающими от матери медвежатами. Не нарываясь на неприятности, обходил стороной медвежьи свадьбы. Боялся драчливых молодоженов. В брачный период любопытная медведица, на тропах выбивала ямки ходульным шагом в сопровождении задиристых самцов. Сильнейшие самцы боролись вокруг самки, украшая шрамами напористых претендентов. Таёжник знал берлоги, которыми медведи пользовались по несколько лет. К хозяину тайги относился с уважением, не навязывая своё поведение. Красивый, сильный и умный зверь охотился, плавал, задней лапой чесал затылок и залезал на деревья. Стезя медведя была выше полета шамана, но прикормленный человеком, дикий зверь, не мог на воле существовать самостоятельно.

Ворон кочевал в поисках пищи, а медведица с медвежонком из последнего выводка строила берлогу под корнями и камнями расщелины далеко от летнего обитания. Медвежонок девочка, которую медведица оставила при себе как будущую маму, старательно помогала. Зимнее жилище выстилала мхом и сухими хвойными ветками. Со страхом в спячку ложилась, потому что из берлоги в случае опасности никуда не денешься. Накануне сильного снегопада идя на берлогу, запутала следы по болотам, петляла, кружила, залезла с хвоста задом наперёд, давая понять, что она берлогу покинула. Медвежата родились крохотными. Закапываясь в густой материнский мех, искали соски с молоком. Медведица кормила и ухаживала за детёнышами, чистила и вылизывала. Медленно обрастая шерстью, малыши набирались сил. Чутко сидели в логове и всё слышали, что происходит на поверхности. Острил крепкий клюв ворон на кедре, а человек, наткнувшись на запутанный след, подумал, что медведь куда-то ушел. Собака нашла берлогу с медведицей и ёрзающими медвежатами, по звукам и запахам, в отличие от спокойно находящегося в спячке самца. Таёжник запретил собаке лаем пугать сон медвежьей семьи и тихо ушёл от берлоги. Он не присваивал чужой добычи, помнил о клятве с поеданием кусочка медвежьей шкуры и не тревожил медведицу, а выслеживал исключительно медведей шатунов.

Умная медведица закидывала хитрые капканы камнями и поедала приманку, но была уязвима в берлоге. Беспощадные браконьеры охотились с целью добыть медвежий череп для ограждения жилища от несчастья и болезней, подходили к любой берлоге, даже с медвежатами. Любители праздного отдыха не изучали зимовочное укрытие, а старались выманить оттуда животное. Медведица тихо сидела до последнего и хорошо знала на берлоге её легко добыть. Бродяги, утрачивая человечность, шуметь не унимались, а медведица выскочила из логова и прыжками бросилась в гору. Долго по заснеженной тайге её гоняли собаки, а встревоженный ворон сердито кричал. Люди превращаясь в зверей, не полезли в логово, а бросили на дне осиротевших медвежат. Материнский инстинкт у медведицы развивался при воспитании медвежат. Потревоженная она ушла искать новое место для спячки, бросив детей на произвол

судьбы. Таёжник не стрелял зверя в лёжке, а птицу — в гнезде. Добивал подранка, но не покушался на матку, притворно раненную, чтобы отвлечь опасность от детей. Не добывал охотничью удачу во время стихийных бедствий, наводнений, пожаров и при несчастных случаях. Наоборот, по зову сердца помогал ослабленным животным и не проходил мимо, спасая их. Не любил жестокую охоту, когда медведицу, только что родившую медвежат, выгоняли из берлоги собаками. Если медведицу спугнули из берлоги, то она в неё не возвращалась, даже оставив там малышей. Собаки, спугнув медведицу из берлоги, испытывая неприязнь к запаху, не лезли в логово трогать родившихся детей. Медвежата сиротели и погибали от холода и голода. Слишком маленькие, они самостоятельно не выживали. Наделённый даром чувствовать взаимосвязи первозданной жизни, человек нашёл малышей в берлоге и решил согреть сирот. В покинутой берлоге услышал шорох и в ножны вложил острый нож. Закивал довольный ворон, тяжело взмахивая крыльями, набрал высоту. Заглянул в логово и увидел блеск потупившихся влажных глаз. Нагнулся в берлогу глубже. Испуганный медвежонок найденыш боялся, но с трудом приподнялся, жалобно и протяжно заскулил. Собаки могли в любой миг его задавить. Тихо вздохнул человек и полез в берлогу забрать окоченелого медвежонка. Пугливый звереныш дрожал от ветра и при свете утренней звёздочки пристально смотрел человеку в глаза, словно в своё отражение. Отчаянный кроха был истощен, бока его впали, был пересушен нос, он потрескался от обезвоживания и чувствовал себя ненужным. Таёжник боялся, что его не сбережёт. Малышка даже пить оленье молоко не мог.

Уткнулся мордочкой в лапки и чуть слышно плакал. Сильно боялся собак, они смотрели на него как на добычу во время охоты, и сердце таёжника застонало. Ослабленного малыша погладил и взял голой рукой. Прижался к шершавой ладони найдёныш-ребёнок. В объятьях тёплой души взъерошенный

малыш свернулся в клубок и заснул крепким сном. Чувством сострадания он согрелся. Человек положил медвежонка за пазуху поближе к сердцу. Медвежонок-сирота мог быстро привыкнуть к человеку, а повзрослев, выходить к стойбищам и выпрашивая объедки. Таёжник спешил, чтобы плохое привыкание не произошло, побрёл искать новую берлогу медведицы с малышами. В глухом буреломе нашёл деревья и кусты, покрытые желтоватым инеем. Вблизи берлоги не было звериных следов, боясь медведицы, звери обходили опасное место. Таёжник долго прислушивался и заглянул в чело берлоги, засыпанное сверху снегом. Медведица с медвежатами лежала головой по направлению к выходному отверстию, похрапывая, глубоко дышала. Она свернулась клубком, уперев голову в грудь и скрестив лапы перед мордочкой, а рядом барахтались малыши.

Через устье берлоги таёжник аккуратно подбросил малыша в берлогу-приют, где кипела семейная жизнь. Приёмная мать-медведица во сне нюхнула малыша, заурчала ласково и зевнула:

согласилась, что маленькая медведица не помешает приплоду. Перед залеганием в зимнюю спячку медведица набрала жировой запас и решила удочерить чужого ребенка. Мягкий хвойный пол пружинил при сдавливании от самой медведицы, которая во сне неловко повернулась и мягко придавила малышей во сне. Медвежонок из последних силёнок пополз к усыновившей его матери, в любви и ласке кормиться среди ворочающихся медвежат. Терпеливая медведица с молоком частицу души отдавала и теплом согрела всех. Медведица ласково приёмного медвежонка качала. В берлоге питаясь молозивом, быстро оживлялся с пузатеньким животом подкидыш. С приемной семьёй кушал, спал, сопел и лечил кашель подброшенный кроха, с надеждой дожить до весны. Жизнь в берлоге шла чередом, медвежата, причмокивая, мирно сосали молоко, изредка нарушая привычный покой — сыто икали сквозь сон. С началом таяния снега от солнца, появились первые проталины и зашумели первые незамерзающие ручьи. Оживлённый гомон перелетных птиц вывел из спячки животных. Надежды прорастали в сердце ворона, а бурундук вылез из норы и сладко потянулся. Первыми берлоги покинули медведи. Охотиться уходили самцы и упорно гонялись за исхудавшим лосем. Отталкивая волчью стаю, по запаху тропили сохатого, стараясь добыть, а ворон показывал им направление. Медведица с медвежатами выбирались на воздух после зимней спячки позже, когда в тайге появилась черемша, а у медвежат выросли молочные зубы, попробовать вкус зелени и насекомых. Медведица гуляла со всем выводком, а нянька помогала заботиться о последышах. Присматривала, пестовала младших братьев и сестер. Медвежата искали пищу вместе с матерью и нянькой, обращая внимание на всё, чем можно подкормиться. Питались растительностью, собирали шишку-паданку и добывали запасы птиц-кедровок, спрятанные во мхе. Поднимали коряги и раскапывали муравейники. Сильно голодный самец не принимал участия в воспитании потомства и пытался пугать малышей, но медведица прятала детенышей, прогоняла медведя. Очень мощными лапами с огромными когтями медведица, срывала кору с деревьев, помечала свои угодья, рычала голосом разозлённого ворона. В этой тайге могла охотиться только она с медвежатами, а гнездиться — вороны.

С громким треском озорники медвежата, стремительно вскарабкались на могучий кедр. Птенец выпал из гнезда, а вороны закричали, привлекая на помощь сородичей. Чёрненькая дотошная и любопытная маленькая медведица на камнях нашла птенчика и вернула его в гнездо. Ворон от радости запел рябчиком. Заботливая мамаша, наблюдала, кормила молоком и давала свежую пищу, чтобы медвежата набирали вес. Мать охраняла, обучала искать пропитание, купаться, скрываться и охотится. Медведица забиралась к скалам по заснеженному склону, а медвежата лазили вслед за матерью, соскальзывали в ущелье. Детки вприпрыжку бегали, толкались, боролись, живо изучая окружающих их зверей. Медведица нервничала из-за летающего у отвесных скал филина, чующего запах добычи. Пернатый зверь подлетал к семье, но приёмыш-малышка смело защищала братьев и сестёр. Сама судьба, казалось, стремилась сделать приёмыша избранником. Взмахом лапы малышка ловила глухаря, а ворон прилетал к обеду, отступал на шаг и разжимал в когтях угощение. Любопытная малышка попадала в капкан, от боли прижималась к маме, а медведица кривым когтем осторожно её из ловушки спасала. От всей души сочувствуя, ворон вздыхал. Малышка жаром тлеющего пожара обжигала лапы, а мама зализывала ожоги, ворон радовался нежному маю. Медведица приёмыша баловала, поскольку в нём души не чаяла. Малышка не тонула в ледяной шуге и не боялась бродячего огня. Провидение, испытывало маленькую медведицу на прочность, а ворон краем глаза присматривался. Медведица учила в туче радужных брызг малышку нырянию и помогала подняться из воды на берег. Дрожала от страха и отчаяния главная седьмая душа малышки, но плюхалась в ревущий поток водопада. В воде она опиралась на отражённый блеск упавших с неба звёзд. В созвездиях купалась малышка и ловила звёзды. Собирала золотые звёздочки и в ладошках относила к медведице с ними играть. Медведица просила отпустить звёздочки на небо иначе они не смогут светло летать и ворон их склюёт. Мать звезд ждала, возвращая их на седьмой круг. Намокшие звёздочки, освободившись от воды, в лапах маленькой медведицы искрились сильнее, освещали темнеющее небо, устремляясь вверх небесного тела. Мама медведица

и маленькая медведица наблюдали за звездочками, взлетающими на небосвод, занимать свои места в россыпи звёзд. Ночью обязательно искали на небесной шкуре яркие созвездия, гуляющие рядом с Матерью звезд — Большую Медведицу и Малую Медведицу, и зимой в берлоге видели их в чудесных снах.

Под небом когтистая хозяйка тайги с медвежатами в покое встретила две весны. Ворон считал влетающих воронят, а медвежата подросли и окрепли. Начались медвежьи свадьбы, и семья распалась. Медведица жир на зимовку набрала и берлогу устроила. Новой весной человек узнал в медведице медвежонка-приёмыша. Она перезимовала и вышла из берлоги, оставляя на деревьях след когтей. Бродила по кочкам клюквенного болота, заботилась за тремя медвежатами. Радость нахлынула на человека, что зверь прожил в тайге дикой жизнью несколько лет. Медведица могла погибнуть в раннем возрасте, но выжила и принесла потомство. Успокоился ворон, на восходящем солнышке красивая молодая мама собирала летошнюю ягоду, а медвежата ловили в талой воде отражённый блеск Утренней звёздочки.

ПОДСНЕЖНИКОВЫЙ МЁД

По тропинкам зимних дней охотник длительно преследовал зверя, а ночевал на снегу у костра или сооружал лёгкий чум. В тёплой дохе и брюках из меха, в мягких унтах из камуса, обходил угодья в истоках реки Кастармы и Малый Хангорок. С приручеными оленями и собакой охотился на пушного зверя. В кочёвках питался копчёным мясом лося, имеющего изысканный вкус. В голодные зимы употреблял в пищу белку, но с тайги лишнего не брал и не преследовал животных, находящихся под охраной. Гласных ограничений охоты не признавал, но к пернатой дичи у озёр вокруг горы Хангорок не прикасался и перелётных птиц влёт не бил. Птицы взлётные были духи — помощники Верхнего мира. Птица мать являлась кометой, создавая гнездо звездного неба, скиталицей и приветствием, предком по материнской линии, покровителем рода и охранителем обычаев. С её появлением в угрюмых горах песню особую напевали духи неба, солнца, ветра, свободы и жизни. В надзвездных пределах мирового пространства, распределенного по вертикали, птица

находилась на вершине проблеска счастья, отделяя весенний нектар цветов от белой пурги.

Тягостной и суровой зимой кочующие птицы зимовали в теплых краях. Весной не торопились возвращаться на горные вершины. Когда день ровнялся ночи, через заснеженные пики птицы полёт замедляли. С появлением проталин прилетали так быстро, что дикого оленя перегоняли. Запоздалое солнце с юга птицы на крыльях ветра передвигали на север, а вместе с ним и тепло, снег рассыпался, оттаивали скалы. День становился длиннее, прозрачней небо и снег настом оседал, но задержалась весна, не было проталин, а на них не слетались перелётные птицы. Олени кочевали в поисках ягельных пастбищ, а вслед за оленями шла волчья стая. Занимаясь охотой по берегам спящих озёр, волки наблюдали за поведением пернатых, разглядывая весенние приметы на малоснежных предгорьях. Сосульки роняли слёзы, а синицы щебетали о запоздалой оттепели. Рано подтаяла белизна обжигающего снега, значит, быстро не стает и не откроет ягель. Перевал Кадыр-Орук преодолела сорока и не умолкала трещать. На лохматые кедры шапки гнёзд надевали вороны. Дятел бил в коре питьевое колечко, но не набухало оно каплями берёзового сока. У волков начиналась линька и в поисках пищи скитались они по солнечным склонам гор хребта Шоннаг. Громко скандалили вороны, вылавливая по норам грызунов в разрытом оленями снегу.

Первая кочевая птица-душа, будто тень судьбы, возвратилась с зимовки задолго до того, как подтаял скрипучий снег. Отважный разведчик, посланный весной проверить, когда можно лететь стае по выбранной стезе. Отдохнув на проталинах Тоджинской котловины, летел под съёжившимися звездами сквозь колючий холод заснеженного Удинского хребта. На вершинах обжигали студёные ветры, а птица кочевала с места на место. Кормилась, голодала, бодрилась и выживала в поисках в белом снегу чёрных проталин. Чувствуя движение следов уходящей зимы, делала привал на слегка оттаивающих днём, но замерзающих ночью верховых болотах, где смирно кормились лоси. Приветствуя восходы, птица-воля в полёте от хищного ястреба спасалась воздушными разворотами. Глаз прищурив, птица-ветер с небесной лазури выискивала в снежной пустыне тонкий

лёд спящих рек и не выплаканные полыньи. Звёздная избранница — птица странник в сполохах звезд, в сходе лавин и беге туч взмахом крыла создавала начертания светлого к солнцу пути к нерожденным душам. Птица несла торжество света на крыльях на солнечные склоны и полосы открытой воды, взламывая ледяной покров рек. В отчуждении снега появились проталины. Темнел рыхлый снег, превращаясь в слякоть, затруднял волкам добыть охотничье счастье.

В холодной бирюзе мерцали сверху донизу звёзды, а в мёрзлых горах в наст превращалась талая вода дающая жизнь. Осторожно шагали по хрустящему льду, от голодной зимы, уставшие и озябшие олени. Дыханьем вечность тронув, птица-звезда вела за собой стаю, летящую над сыпучей пропастью среди острых игл ледяных зарниц. Заполняя над изморозью вершин пустоту, птица-путник, пробуждая природу, дарила надежду, что найдётся с оттаявшим снегом лучистое тепло, о котором мечтали. Уйдёт в бесконечность свирепый холод и потеплеет проталина в сердце от счастья. Знамением перемен появятся новорождённые оленята на богатых ягельным кормом пастбищах.

В температурном переломе ветер, насытившись талым соком снежных вершин, срывал ледяные оковы. Птица-душа проталине под цвет, била пером в звонкий бубен замерзшего лунного

омута, приглашая родную стаю к трещинам тёплого дня. С попутным ветром в самое сердце гор к озёрам легкой тенью спускались, словно во сне безмолвно и плавно из мира неневидимых душ на землю неукротимые перелётные караваны. На клюквенных болотах в окружении высоких вершин птицы выкликивали весну. Проявляя холодный характер, весна незаметно смахнула звездный снег. Птицы в обиде долго гостили на насквозь промокшем снегу и заплаканных льдинах, вписываясь в суровые будни голодных волков. У весны птица билась в груди, а оттепель на поверхности снега создала наст. Твердая снежная корочка выдерживала серых хищников, проваливаясь под тяжестью уязвимых оленей, затрудняя их бег, резала ноги.

Гасла звезда, падая в печаль метели. Души-птицы сердцами дробили лёд, отверзая обледенелую тайгу, связав три части вселенной. Позабыв напасти горностая, плавно крыльями качали хороводный танец «Первой птички» на мокром снегу подтаявших озёр. Птицы радовались курлыканьем в лазурной тишине у водоворотов бегущих и замерзающих ручьев, где играл с оленьим стадом тёплый ветер. У оленей начался рост рогов, а птицы на их спинах собирали шерсть, для гнёзд привлекая светлые души птенцов. С оленьих ресниц сыпался белый иней, а они покорно слушали галдёж птиц. Унылый глухарь ободрился, выдыхая пар, а волки на лунный краешек скалились.

Сливая снег и лёд в один ручей, вертелись в солнечных лучах перелётные птицы. Изящно вспорхнув, птицы кружились у вымоин воды, прыгали и вращались. Мимо вершин медленно плыли, бегали, кувыркались, ликовали, порхали в грохочущем вихре водопадов и радугах. Кружили в волнующей лихорадке и ныряли в промоины за цвета зари самородками. Играя с быстриной, строили гнезда на скалах, чтобы под лунным сердцем отложить золотые яйца, согревать их и ждать, когда вылупятся

птенцы. Если самородного золота не хватало, что с холодного дна они поднимали, то быстро забыв о бледной весне, перелётные птицы улетали навстречу встающей в расплёсканном жемчуге неба, лунной чёрточке, где начали биться сердца у нерождённых птенчиков.

Зимующие в горах птицы, весело и зыбко разбуженные пролётным гомоном, словно каплями жизни, одевали весну в позолоту облаков. Птица-душа отогрелась, но она в звёздной вышине иную красоту искала. Крошила нежными перьями острый лёд и собирая воедино пёструю радость золотых лучей одетую весну. Прозрачное солнце стыло, а весна, теплым дождиком умывшись, сковавшую изморозью жизнь совенка и скворчонка будила стремительным теплом. Волки вернулись к старому логову и всем выводком перешли к оседлой жизни, начали выть на зорю и не охотится на беспомощных тетеревят.

Птица-душа шепталась с ветром и отзывчивым эхом, поразмяв крыло била в тугой лунный ободок, просила нежеланную зиму уйти. Криком счастья призывала весну не робеть, стать желанным гостем и открыть сердце. Заглядывала в цвета ясного неба глаза весне, призывая на босоногий танец в окружении закованных в снег вершин. Под перестук капели, осторожно и плавно, держась за тёплый луч, весна понемногу ставила ногу на разбитый лёд. Забывая об холодных страданиях, под птичье пение, весна танцевала. Обнимаясь с ветром, слеза капала нектаром, на который слетались души птенцов. В плавных линиях танца весна улыбалась, а птица-душа запела, касаясь весны только взглядом. Время срезало лунное остриё, а олень, склоняя голову копытом крепким бил в бубен наста, выбивая ягель из-под снега. Шевельнулся в берлоге медведь, и вздрогнул в оцепенении свернувшийся в клубок бурундук.

Волки ловко играли с сусликами, пробуждая от зимней спячки. Крыльями в солнечный бубен камлала птица, будоражила токующих глухарей в кедровом стланике. Ветер лизнул ледник, а высоко взлетали одетые в снег оседлые горы к перелётным птицам и обратно вернулись навстречу весенним гнёздам.

Ожили изгибы водопадов и вернулись к зверям силы после зимнего голода. Радушная птица по восторгу, летучей весны танцующей на острие замершей боли соскучилась, а с подветренной стороны за ней наблюдала. В блеске лучей и отражении звёзд стаи птиц, разбухшими крыльями слегка покачиваясь в объятиях колючих волн, плыли сквозь паутину усталых льдин. Птицы подражали живой тайге: шуму ветра, звуку наледи, реву оленей и волчьему вою. Они слушали бубен метели и смотрели на солнца бубен и лунный, ждали и верили в чудо праздничного бубна капели. Северные птицы по течению реки останавливались на днёвку в прозрачных проталинах бурных рек. В беззвёздную ночь пролетали высоко, но парами летели низко, цепляя крылом крыло. От ветра дрожа и шатаясь на корочке льда, заблестевшего на проталинах, влюблённая и взаимно любима весна бродила по золотым лучам, разбросанным широкой пригоршней солнца в полыньях и заберегах рек. Тающий

синий туман помогал весне очищать ото льда ручьи, где стыли тёплые веяния. Ворон готовился насиживать яйца. Глухари вылетели на токовище. Призывно засвистели рябчики на свадебных играх белок. Гонные пары волков уединялись на открытые моховые болота, но птицы держались в горах, с нетерпением ожидая, когда подскажет душа, направится в северную тундру, куда их влёк зов любви.

Упругий ветер принёс перемены в жизнь гор. Испив водицы из горного ручья, стаи вспугнутых птиц присели отдохнуть на порозовевшие снеговые вершины и макушки деревьев. К талой воде прикоснувшись и тяжкую усталость, с крыльев стряхнув, бессонными ночами в мыслях птицы несли нерождённые души в мир полный света и цветов. Качнув крылом лунный краешек, пташки парили прямо к мерцанию Полярной звезды. Израненные и запутанные переплетениями судеб нерожденные души соединяли разлетевшиеся верхний и нижний миры. Прелестью радостных встреч и красотой ожиданий, жизнь улыбнулась хрупкими лучами зарниц. Разутая весна, вплетаясь и дрожа в снега, стягивала дыханье и не терпела пустоты. Не стыдясь, с ветреными птицами падала в бездонное небо, не таясь на ощупь нелепо по острому льду вершин шла. К мечтам возвращаясь, когда душа оттает, не отрывая взгляд от земли, вспоминали птицы — откуда пришли. Встречая рассвет, начала петь первая кукушка. Не вила гнезда, а радовалась жизни. Волчий мех повис клочьями, а зимний волос линял, выпадая, а на его месте рос грубый, редкий и лишенный пуха летний мех.

Прилетела из млечных сумерек птица-луна, весну делая всемогущей над кружевом проталин. Сами в себя вросли горные пики, в алой зарнице холодных ночей отягощая не спящие души невозможностью воплощения. Души птиц-звёзд обижались и злились, что им не дали родиться — выйти из лютого холода.

Струясь из звезд, не осторожно разбудили спящего медведя, перевернув с ног на голову. Медведь, не осознав счастье, в испуге выскочил на заморозок. Пустотой косматой шкуры звеня, а душа не успела в неё вернуться. Размахивая лапами с ледяными когтями, старался бездушно обнять весну в печальном танце. На крыльях ветерка весна бежала от него, задыхаясь от смеха. Но не все растаяли ледяные преграды. По неосторожности лучистая весна наступила на тень медведя, на мутной воде гололеда поскользнулась в заметённую пропасть хранилища душ. Вспорхнула, взлетела, но упала изморозью и не могла оттуда выбраться, ворон накаркивал ненастье. Запищали поползни, но небо не сомкнулось за спиной, невзначай обжёгшейся о заморозок весны. Над обрывом до головокружения в смятении летали птицы-тени, а по краю стужи шаталась медвежья луна, наживая заботу. Хрустя корочкой льда, подошли волки и посмотрели на коченеющую судьбу, замкнувшуюся от усталости. Волкам на мгновение показалось, что ничего больше не будет в этой глубокой расщелине: ни лета, ни осени, ни

зимы. Снежники, лавины и ледники заставляли остудить горячий пыл весны, а она, не теряя бодрость, кружилась простуженно, сколько хватало сил. Чернела тайга, а спрятанная в стылую тень, сжавшись в комок, весна упрямо блуждала в ледяном обмане. Выбираясь из упругого ледохода по ярким изломам кры-

льев птицы-молнии с первым эхом от птицы-грома. В ретивые сердца птиц-зарниц весна любовью дышала. У верной птицы-молнии сердце щемило, ценя то, что будет, а не то, что прошло, старалась необъятное в силах объять. Не отрекаясь, раздвигала озябшую трещину, силилась горы снега свернуть, а кукушка закуковала — к теплой погоде. Взмахнула крыльями птица-гром, а клювом птица-заря тянула как сновидение наяву весну к солнечным лучам ягельного пастбища не рождённых оленят. Словно вера в будущее, птица-радуга протянула перья, помогая весне выбраться из стужи бесплотных теней, а успокоившись, полетела над оленьей колыбелью. Весна, словно кусочек бессмертия, тихо и вкрадчиво, на цыпочках брела вслед за ней. Под ногами расцветали кружева лепестков, таял необъяснимый дух прогалинок, даря надежды и мечты. Украшенные изморозью олени, по озарённому солнечным лучом брусничнику на ягельных проталинах несли души рождающихся оленят, а птицы-молнии дышали нектаром подснежников.

АЛЫЙ ВСПОЛОХ

Молния ударила в вершину горы Хангорок и незатухающим сиянием осветила занесённую снегом ягельную тундру, кедровый стланик, каменные россыпи и моховые болота. От не заметных родников, безымянных ручьев, озер и ледников бурно потекли воды реки Кастарма, перетирая могучие камни в мелкий песок. По берегу кочевал таёжный оленевод-охотник, без суеты свиваясь с ровным дыханием неба и земли. Не теряя самообладания при огненных всполохах, присматривал за обитателями тайги: волками, соболями, изюбрями, росомахами, рысью, медведем и северными оленями. Лунными ночами сидел у сотворённого молнией пламени костра, кормил огонь лучшим куском пищи. Оленье молоко, смешанное с ягодами добавлял в чай для окропления охотничьего снаряжения. Очищаясь дымом горящей ветки можжевельника, вёл разговоры со звёздами о вспышках зарниц во время далёких гроз.

В безмолвии ночи, смотрел на всполохи звёзд и на яркие угли горящего костра. Золотые искры в чёрное небо к загадочным звёздам сонно летели. Напоминая о навыках выживания

в таёжных трущобах с крепкими морозами, бурными реками и каменными осыпями, высокими перевалами и хребтами, держащими небосвод. Старик, с рождения жил в тайге богатой зверем, приручал оленей, но на пушную охоту обращал особое внимание. Гнал соболя и поднимал медведя на берлоге, в предгорьях родовых хребтов и по руслам рек оттачивая методы выслеживания. По следам судил о животном находящимся в охотничьем угодье: по какому направлению передвигается, где кормится и устраивает логово. Сведения получал в дождливую погоду и при выпадении свежего снега, в строгом чередовании восстанавливая события. Передвигаясь от одного жилого чума к другому, терпеливо добывал пропитание. Не кричал и собакам запрещал лаять — зверь хорошо слышал и понимал человеческую речь. К зверю неслышно и незаметно подкрадывался в унтах с длинным мехом, но избегал встречи с волком. Сжившись с первоосновой гор, старик всецело зависел от окружающей среды и не мог без неё здравствовать. Застенчив и скромен, довольствуясь малым, жил тем, что давали горные массивы, необъятные просторы тундры и дебри тайги, соблюдая пищевые запреты. Принимал на себя ответственность за то, как развиваться всё, что его окружало.

Устанавливал ловушки на звериных тропах, а в узких местах — выкапывал ловчие ямы, подвешивал петли, настораживал самострелы, сооружал пасти, строил засеки, ставил плашки. Добывая кабана, в проходах изгородей втыкал острые колья, на которые напарывались животные. Петлёй охотился на жестоких разорителей оленьих стад. Самострелы, состоящие из лука, стрелы, основы и курка, настораживал на звериных тропах свирепых хищников. Взведенный курок поддерживала петля, от которой протягивалась суровая нитка через тропу. Курок спускался идущим по тропе опасным зверем, когда он задевал ногой нитку. Удар стрелы приходился в грудь губителю оленят. На мифического предка материнского рода — Волка — не охотился. Лесные пожары уже приводили к исчезновению соболя, но в вершинах рек старик при охоте на кабаргу использовал пикульку из вдвое сложенного кусочка бересты. Зная образ жизни и поведение животных, соблюдал сроки, объемы охоты, не истощая естественные запасы родовых угодий. Любил мясо

изюбра, а из камусов изготавливал обувь. Медвежьим салом лечил раны и заболевания. а хранил в кожаном мешке. Не добывал мясного зверя больше, чем нужно для пропитания семье, не использовал убитого зверя полностью и ходил на охоту до новолуния. Угощал ворона, говорящего человеческим голосом и верил, что души съеденных животных возвращаются на среднюю землю для охотничьего счастья.

Любовался лиственницей, когда она гордилась собой, в золоте сусальном вмиг расправляя осеннюю хвою. Соблюдал чистоту и не спеша готовился охотиться на изюбра во время гона. Мастерил манок — голосовую дудку. Навстречу белоснежным временам хранил дудки из кедрового дерева без сучка или из скрученной бересты. Изюбрь звук этого манка не отличал от гонных криков самцов, если старик тренировал голос для любимой охоты на реву. Отличался рёв оленей от голоса марала, а гонный крик изюбря был особенный. По красоте рёва, мощному изюбрю не было равных зверей. Дудел так, чтобы откликались молодые, неопытные быки с не резким рёвом. Долго слушал и присматривался, выбирая добычу, сохраняя крепких животных. У старых и крупных самцов голос был грубее. Охотился в начале гона, в это время изюбри были хорошо упитанны, а в конце гона слабели от ран и сильно теряли в весе.

Весной изюбрь сбрасывал рога, а в мае у него начинали расти новые панты. Первые два месяца они были мягкие, а к средине лета окостеневали, с них слазила кожа. Осенью самец изюбря с новыми ветвистыми рогами вступал в поединки с сородичами. Золотом покорным лиственничная тайга на солнце горела, а изюбрь играл рогами. Тяжёлые рога самец закидывал на хребет,

показывая, что готов для дальнейшего продолжения рода. Заморозки в спину изюбря толкали к битвам. С громким рёвом он собирал несколько самок. Ревел — громко, вызывая соперников на поединки, стараясь перекричать — бросался на них.

Суровой красотою в буреломе кедры согнулись под тяжестью шишек. Крупные изюбри занимали вершины сопок и ревели с кричаще-алых всполохов закатного солнца до восхода.

В это время старик искал удачное место для охоты и наблюдал, где быки чесались о деревья рогами, бодали маленькие кедры, выбивали копытами мох и притаптывали траву, выбирая место для битвы. Среди жгучей густой позолоты хвои и запаха смолы самки изюбря скромно стояли в стороне и наблюдали за гоном. Самцы, не раня друг друга, сцепившись рогами, мерились силой, выясняя — кто сильнее. По тайге разносились удары рогов и хрип разъярённых соперников. Бык, который оказывался слабее, чувствовал это и уходил в немую вечность. Победитель со стадом стоял увенчанный золотом лиственниц, осин и берёз на заснеженных пиках.

Великанши лиственницы касались перламутровых небес, насыщали тайгу запахом охотничьего счастья. На уровне средних ветвей не отряхивая хвою, дул старик в дудку, выдыхая воздух, и всасывал в себя подражая рёву изюбря. Старик не под-

манивал изюбря на вершине горы, а выбирал мыс в пол горы и кричал тонким голосом молодого бычка, показывая себя слабым противником. Если старый бык уверенно шёл или бежал с крутизны на рёв трубы, чтобы в бою у молодого изюбря отобрать самок, охотник умело сворачивал его в сторону.

Яркими узорами на скалах причудливо и щедро расстилался с льдинками-листочками мох среди валунов. Старик прятался в затемнённом укрытии позолотевшей вершины, а в глубине сердца мысленно призывал охотничью удачу. Звуком выманивал неопытного бычка. Вначале подражал рёву, а затем, пройдя чуть-чуть вперёд, вновь ревел в трубу, а возвращаясь обратно в укрытие, показывал, что соперник испугался и робко побежал. Старик чувствовал мощного быка из сумерек идущего на звук трубы в безумство солнечного восхода. Осторожный бык, с огромными рогами, оттолкнулся от скал, мелькнув всполохом молнии, закружил листья. Глубоко дыша, поднял клубы пара. Дух захватило у старика, застучало крепкое сердце. Во всей красе предстал величественный изюбрь, озаряя мглистый дол. Душа охотника ликовала. Слушая гудение в ушах, старик уважительно поздоровался с младым братишкой и спросил у Хозяина гор разрешение на добычу с нахлёста, и дух изюбря простил его. Получив на то допущение, словно тяжелого ветра струя, сделал навстречу изюбрю решительный шаг.

Сквозь золотое молчанье всполохов сильно ревели уверенные в себе быки. Молодые изюбри, в смятение душ тихо подкрадывались к скромным самкам. Старик ревел в дудку и сквозь ажурную хвою внимательно смотрел по сторонам. На рев могла прийти самка, а по таёжному праву — добыть мог только в юного самца. На рёв трубы иногда выходил лось вместо

изюбря, но сегодня выскочили хищные медведи, желая полакомиться перед залеганием в берлоги. Медведи перед зимней спячкой поедали ягоду и шишку-паданку, а охотиться не отказывались. Столкнувшись с медвежьим напором, человек забыл об изюбре и начал опасную охоту на медведя. Во время спячки

в берлоге медведь спокоен, в непроходимом буреломе со скалами на самом краю у обрыва, медведь был хитрее и быстрее человека, подкрадывался и нападал. На рёв дудки бежали два нагулявших жир медведя, заставляя старика удивиться, а ворона — взлететь на верхушку кедра, и соболь заурчал. Медведи с ужасающим рыком пытались обнять и свалить убегающего изюбря, но соперничая, сильно толкали друг друга. Хищники рвали когтями шкуру на спине изюбря, а бык лягал зверей копытами по носам. С ранами и рубцами, изюбрь в борьбе не сдавался и остался в живых, а злые медведи рычали, кусались от жадности и соперничества. Не поделили добычу с разбегу, грызлись и ревели вслед убегающему изюбрю, а из крапин лиственничной тени на них смотрела любопытная мордочка пестуна, оставшегося при медведице. Онемели ноги и заныло сердце. Мурашками на коже человек прижался к стволу кедра, если медведи дерутся, даже волк не вмешается. Стая не охотилась, но в ней проснулся охотничий инстинкт. Волки остановились, огляделись, слушали и нюхали. Выскочил матёрый вожак у медведя выиграть забег, а за ним побежала, скаля клыки, стая. Люто воя и глотая воздух, волки ждали, когда жизнь пополам терзая, животное устанет, а ворон запрыгает по зем-

ле. Такие встречи скрытые достоинства и недостатки таёжного характера проявляли у замерзающего потом старика во всей полноте. Через испытания старик проходил ежедневно. Снял шубу, а добытым мясом медведя с радостью одарил радующихся волков и ворона. Взял медвежью лапу — хранительницу благополучия — и счастье заплескалось через край. Брал охапками живое золото впечатлений и раздавал, хотел показать, что, якобы, добыл медведя не человек, а ворон. Серьги надел на медвежью голову и, покормив ягодой, положил в тайге наблюдать за происходящим. Оставшись довольным, медведь возвратится к горным духам и обретет прежнюю плоть.

Жизнь не менялась в просторах тайги, по которым проходила перекочёвка. Алый всполох распластался над заснеженным хребтом Шоннаг, на пики которого приходил красавец изюбрь. Он стоял на самой вершине горы с высоко поднятой головой и рёвом будил птиц и зверей встречать рассвет. Небо окрасилось гневом, а чуткое ухо изюбря уловило незнакомый звук. По тропам пробирались не медведи и волки, а проходимцы добывать золотое счастье. От испуга метнулся изюбрь прочь, но полетели из-под копыт яркие искры, словно в вершину горы ударила молния — знак судьбы. По камням огнём, насквозь прокалённым мчался страж горы. Потешились над испуганным зверем искатели приключений и заискивающие подошли к месту, где всполох смешал небо с землей, но кроме туманного пепелища, ничего не увидели. Приподняли нездешние люди обожжённые камни и разгребли золу. Обнаружили под ними рождённые молнией золотые россыпи. В мечтах о славе и шике, в надежде найти больший достаток, жадно ловили след всполохов молний, указывающий путь к избыточному богатству. Хищнически добывали лёгкую удачу на открытой золотой жиле. Не зная покоя, вкушали пустоту, суету и лукавство обманного металла. Неизлечимо больные золотой лихорадкой, не стремились к истинам и совестливой жизни, а одержимо рыли землю и мыли самородки в ручьях с помощью лотка и лопаты. Заразная трясучка — корысть — грызла жаждою наживы сердца. За миг неземного баловства, впроголодь, не высыпаясь, не щадя здоровье спешили золотом насытиться. Скрепя от алчности зубами, не моргая, друг друга с золотой россыпи на

край бездны нервозно отталкивая. Лихорадочно завидуя и ревнуя к песку из злата, жизнь теряли, презирая правила. Не замечая гон, отёл и охоту выживали в жестокой борьбе с золотым припадком.

Вздымая грудью полыхнувший всполох, осиротевшая осень осыпала золото лиственничной тайги. Инеем засверкали золотники, блеском азарта обжигая, бродяг вела волчья тропа. Изюбрь поднялся на новую вершину, набравшись сил, вызвал из грозовых облаков молнию разбудить скальное обличие. Опалённые ветром звери, не поднимали золото с земли, блики молний озаряли их. Хозяйка гор — Молния — не любила, когда напрасно беспокоили Дух чистого золота. Ресницы разомкнув, взглянула в лихорадочный блеск обезумевших глазниц зудящего стыда. С чёрной тучи прорезала горящим жалом скалы, откликнулась громом. С жил тайги впечатала в прах самородки. Вспорхнул со скалы ворон, а медведи в берлогах взревели на рухнувшие созвездия, волки поджали хвосты. Надземное пламя озарило очи кипящей лавой предчувствий. Прозрения всполох оживил сердца чужбины смыслом таёжной жизни. Тропинка довольства превратилась в тень, а потерянный жизненный путь начался сначала.

На ягельном перевале Кадыр-Орук у края северной части Тоджинской котловины стоял скалою красавец изюбрь, не шевелился, любовался солнца закатом, луны сиянием и рождением молний. Он сумрак будней таежных тропинок наполнял золотым светом. С самых низких распадков до высокогорных урочищ кочевал тропой охоты, добывая насущное пропитание седой старик, а на коленях просил молнию довести его к очагу родного стойбища и по свежему снегу начать пушной промысел на соболя, белку, лисицу. Под сверканием молнии, старик не жаждал сокровищ, в родовых угодьях богател в вихре воспоминаний ярких всполохов былого.

ПРОБЛЕСК НАДЕЖДЫ

По краешку небесного склона кочуя, охотник искал проблески Солнца открывающие самого себя. У узкой полосы света над пространством бездонного ледника он остановился и осмотрелся. Птица с белым оперением бросала тень на свежие сломы лазурного ледника-шатуна. Настроения сопровождались потрескиванием, а тело ледника ворочалось и вздыхало. Суровая ледовая стена двигалась, выламывая и передвигая частицы рыхлых пород. Края льда нервно упирались в выступы утёсов и рокотали обломки в теле ледника. Негодуя ледник, громыхал крушащимся ледопадом, усиливая раскаты мощным эхом. Оставленная ледником смесь камней, песка и льда — при таянии, словно послание вынесла к подножию скалы остатки древнего стойбища. Извлечённые охранительные связки Медведь-луна и Птица-солнце, Олень-небо и Волк-звезда напомнили о туманных преданиях природы и общества с братским отношением к животным.

Из камня и рога со следами ударов копьем, люди создали солнечные и звёздные обереги, точками и кругами

рассказывающие истории охотничьей жизни. Вблизи кромки льда на камне, оберегающем от превратностей пути, напоминающего тело лося, удивляло изображение с Солнцем играющих орла и волка. Наскальная картина заставила человека всмотреться в себя и ощутить единство с расписанной реальностью.

Зверь был источником жизни, сердцевиной помыслов, врагом и другом, жертвой и победителем для пытливого ума, добывающего охотничье счастье. Объясняя чувства сурового мира, человек в ход времен вплетал наскальный миф. В солнечном проблеске гордый орел охотился на оленя, а незваный волк присоединился к облаве, причиняя помехи. Орёл показал, кто в небе хозяин и преподал волку урок воздушной ловли: схватил когтями и поднял его в воздух. Они не рухнули на скалы царапающимся и кусающимся комом. Орёл парил в упорном поединке с волком, воедино сцепившись когтями, клыками, клювом и крыльями. Отважный волчище не растерялся и воспринял себя птицей. Вместо травли оленя они устремились в погоню за Солнцем. Настигая светило — наступало затмение. Тревога заползала в сердце орла, а он созданный для полёта перевоплощался в волка, справедливо солнце, взламывал поровну — пополам. Смотрел зверь-двойник на солнце, не мигая, брал часть, сколько способен был взять, понимая жизнь все-

ленной как непрерывную цепь превращений. Нетленная мысль незакатного полёта светящегося орла в охотничьих видениях становилась волком, а волк зрил себя повелителем Солнца.

Высекал искру из кремня для пламени костра охотник у холода льда, на путях сезонных миграций животных идущих к водопою по краю болот. Кочующее племя не жило кучно, в каждом стойбище проживал один род из нескольких семей. В отдельном жилище-чуме, у очага укрывалась от ветра, дождя и мороза семья. Обособленно кочевала по угодьям, под руководством старейшины. Он ребёнком вернул на скалу птенца выпавшего с орлиного гнезда, с ним подружился, получив пернатое прозвище-титул Шквал и силу полноправного вождя рода. С топкой трясины и снежной лавины спасала благодарная птица братишку-человека, а он радостной походкой, приседанием, взмахами рук воспроизводил в танце полет орла в восходящем солнце. Охота для пропитания и самозащиты был удел смышлёных мужчин, выбирающих судьбу орла, но родственный союз сравнивался с волчьей стаей. По соседству бродили свирепые звери, а волк был приметой охотничьей доблести и человек узнавал черты, роднящие с этим зверем. Встречаясь с хищником, применял охотничье обаяние, где важную роль играл зверь силы, а клыки и когти служили оберегами. Волчий вой и появление в волчьей шкуре разъяснялось знамением, что

окрыленный охотой человек, сорвал с неба звезду. В танцах с волками под луной, охотник в чарующих видениях воздавал честь добытым животным, чтобы души их вернулись в виде приплода и позволили в будущем на них успешно охотиться. Живя рядом со стадом, волки забирали изможденных животных, оберегая здоровье и развитие молодняка.

Недозрелый лунный краешек в россыпи звёзд, словно след когтя и взгляд волка вызвал у человека оцепенение. Старейшина нашел логово и зашёл в волчье семейство. Не без испуга, прямо смотрел белому вожаку в чёрные глаза, и у него онемел язык. Он не произнес ни слова, но от тёмного ужаса его орлиный глаз не потух. Чуть лязгнули клыки и сомкнулись. Тяжелый взгляд был наполнен благородством, чужих законов волк не признавал. Гордо и с достоинством смотрел врагам и друзьям в глаза и побеждал. Вторгаясь в волчью семью и нарушая покой, чужак должен доказать в драке, что представляет из себя. Старейшина был человек, а с волками в их дикой среде это не приветствовалось. Волки умели чувствовать и слушать, словно прирождённые поэты и бойцы. Не каждому открывали душу, а старейшина аккуратно приучал их к себе. Не снимая с себя пернатые привычки, надел волчью шкуру, отождествляясь с ними, старался не навредить доверию и не будить лютого зверя. С волками старался быть на равных, уважать их и не пытаться быть главным. Волки привыкали к характеру человека и запаху. Нервная дрожь потихоньку вернула звериную мысль и чудо речи, превращая человека в волка-орла приоткрывая суть волчьей жизни. Дар предвидения подчинялся не рассудку, а внутреннему чутью, звериному нюху и находил язык с волчьим духом. Волки имели особенности, достоинства, умения и человек, ощущающий родство с умными хищниками, желал научиться у них многому.

Под звездами, рассыпанными по небу, в глубокую тишину погрузилась тайга. На охоту волчья стая шла след в след так, что невозможно было определить, сколько волков прошло. Человек полу-зверь осторожно бежал трусцой по следам, а волки чувствовали, что с его появлением в стае на них перестали охотиться люди. Время охоты с волками, в восхищении и страхе казалось вечностью. Волки общались движением головы, ушей,

хвоста, взглядом, напоминающие знаки и жесты, которыми обменивались охотники. Воем ярко выражали эмоции, а человек учился внятно выражать страсть. Каждый косматый зверь имел место и занятие в стае, не выясняя разногласия. Хватало взгляда, позы и рычания. Зверь, сдавивший клыками пасть

соперника, становился вожаком. В схватках звери не наносили раны соперникам, а показывали силу и ловкость. Меченный шрамами вожак, стаю в десять волков на ночную охоту вёл. Стая подчинялась, но иногда волки были самостоятельны. За счет этой гибкости стая выживала. Хищные звери преодолели большое расстояние, действуя слаженно и мягкими лапами касаясь холодного снега в ожидании зари. Чувствовали и дополняли друг друга, словно слышали взаимное дыхание. В тени закатной луны лось затаился, а волчьи глаза на снегу звёздами загорелись, диким воем разрывая тайгу.

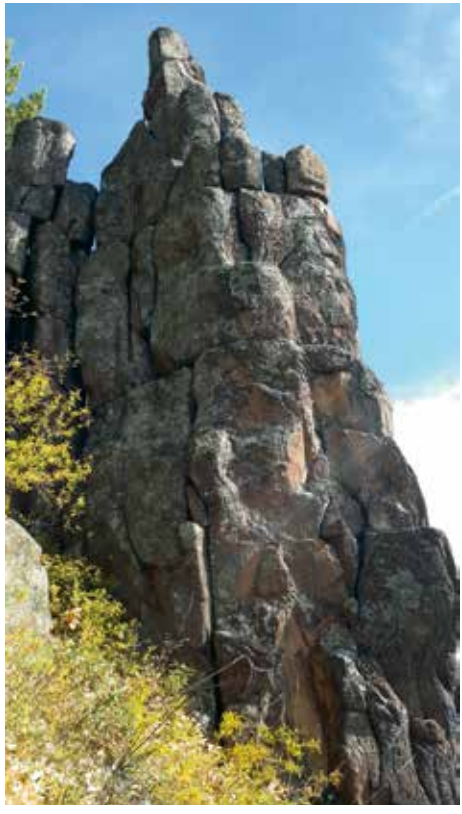
Схватка матёрого волка с лосем была призрачной. Сохатого загнали в гущу непролазных зарослей. Лось осознал, что попался в ловушку. Смотрел рогач в глаза вожака и слышал, как сердце трепещет в груди. Ревел сохатый от бессилия и боли, срезая стланик острием рогов, чтобы скрыться в сумерках уходящей ночи. Вожак в два прыжка размытой тени, грациозно и ловко запрыгнул на спину лося. В спасенье не веря, от страшных

клыков сохатый отчаянно старался увернуться. Шутки играла с волком охотничья судьба, об острые рога ломал клыки и рёбра, когти скребли и тупились о толстую шкуру. Раненый волк рычал, но не падал, знал, жизнь — борьба. Скользили у сердца рога лося, а сквозь ветви металась и кричала выслеживающая волка хищная птица. Резко взмыла не знающая страха птица ввысь и с высоты камнем рухнула на зверя-добычу. Птица с налета настигла волка, вцепившись когтями за холку, стараясь превратить его, из охотника в поверженную пищу. В густых зарослях хищная птица добыть без боя волка не могла. Кустарник оказался для сохатого ловушкой, а для волка укрытием от могучих крыльев, но сквозь заросли к сладкому кушанью ломился исхудавший медведь-шатун и с грозным рыком, прицепился к охотничьему счастью. Лось устоял, держа на себе борющихся между собой медведя, волка и птицу. Шатун рычал и хрипел, грыз и жевал зубами перья птицы, рвал в клочья. Храбро сражался волк на спине оленя, клыками ухватившись за нос шатуна. Клювом нещадно защищалась птица от буйных когтей медведя. В проблеске надежды человек орлиным криком, походкой, взмахами рук в танце полёта птицы спешил на помощь друзьям. Превращая мечты в поступок, вслед за ним волчья стая яростно кинулась голые пятки шатуна рвать. Заревел медведь, отпустил птицу, волка и оленя

из своих объятий и в ужасе побежал. Теряя равновесие, волк почувствовал добрый знак взмахов крыльев над головой. Орёл выпустил из когтей подкосившего лапы волка. Стряхивая помятые перья, взмыл в небо, встречать встающее солнце.

Вожак по чапыжнику стоя ехал у лося на спине, вцепившись клыками в шею. Волк и сохатый в жестокой схватке брели, спотыкаясь и на снег повалились. У вожака в пасти заблестели клыки. Спокойно снял шкуру с рогача, а лучшую часть добычи предложил бесстрашной птице. Скулящим звуком позвал к угощению стаю, гурьбой на лакомство навалится. Вожак сидел на снегу, в пасти спрятав клыки, зализывал раны, хранящие свежие следы сражения. Насытившись, волки отрыжкой покормили щенков, а вкушать сырую лосятину пригласили уставшего человека. Представил себя серым волком, человек кушал то, что добыл на охоте. В поисках родства с духом волка в странствии искал то, что нужно, не останавливаясь подолгу на одном месте. Ночевал со стаей, участвовал в охоте и был полезен. Проявляя выносливость, находил, выслеживал добычу, общаясь и двигаясь как волки. Шёл по следу и отрезал поживе пути к отступлению. Бегал, проваливаясь в рыхлый снег, не смея нападать первым — поскольку учился. На трудной тропе снисхождения не просил. Присутствие человека в стае сдружило матёрого вожака с хищной птицей. Осторожные и мудрые хищники не трогали способных к сотрудничеству животных и птиц, которые могли подстраховывать в реальной жизни. Птица словно брала волка к себе на спину, разворачивала крылья, взмывала вверх. Орёл предупреждал волков о передвижении добычи и врагов. С развитой интуицией волки не забывали о здравом смысле и выгоняли копытных из непролазных дебрей для удачной охоты орла. Внутренний голос приносил охотничье счастье, подсказывал верное решение слаженно отыскивать и ловить зверя.

В бесконечных рядах событий человек не хуже матёрого хищника разбирался в уловках охоты и тонкостях обучения щенков распознаванию опасности. Ночью видел, словно днём, слышал шорохи, по запаху чуял зверя и воздух пахнущий вольною судьбой. Выл на волчьих интонациях и понял, что дикие звери ведут себя разумно и осмысленно. По краешку небесного склона покидал человек стаю и волки выли ужасно, что стыла в жилах кровь, душераздирающим, томящим звуком — воем скучающей тоски. Он постиг наставления, что человек-орёл и охотник-волк стоит целой стаи. Волки вдохнули охотничью страсть в человека, оценили мудрость следопыта и зверолова.



Вернувшись на стойбище, человек тосковал по жизни среди волков и в проблеске надежды усыновлял выживших волчат-сироток. Выхаживал, воспитывал и выпускал на волю. Содержать стаю волков на стойбище так, чтобы они чувствовали себя свободными и развивались, было сложно. Прирученные волчата не были полноценными волками, в охотничьем танце клыка и когтя становились волками. Волчата жили на стойбище среди охотников, но ничуть не отличались от диких зверей. Охотились, охраняли угодье, сторонились крупных хищников и успешно размножались, не зная, что они волки не зависящее ни от чего, кроме законов солнца. Свет и тепло не делали различий и светил жизнетворными лучами всем одинаково. Про-

исходящее в жизни волков, было результатом собственных усилий. Пищу добывали под лунным светом, а помнили солнечное тепло. Ночью солнца не видели в необозримом мире туманных превращений, но в неистребимой тяге к свету волки знали, что оно скоро взойдёт и оценит жизнь немигающим оком.

Человека, пожившего в стае волков, охотники стали считать сродником орлов и волков, от которого исходит удача. Волки помогали в охоте на лося и спасали от угрюмого медведя-шатуна. Медведь был враждебен во время медвежьей свадьбы. Летом угрожала медведица с медвежатами, а зимой не залегший спать в берлогу зверь. Огромный шатун, блуждающий по снегу, от бескормицы был особенно зол. Его никто и не что не останавливало на пути к еде. Не набравший на зиму жир шатун отличался жуткой агрессивностью и коварством. Терзаемый голодом исхудалый зверь боролся за жизнь, шёл на любой шум и запах злобно возбужденный. На стойбище нагло разгонял оленей и дерзко кидался на человека. На клич орла о помощи реагировали волки. Стая настигала шатуна, висела на хвосте, клыками вгрызаясь в пятки, а тот в панике отступал. Волки спасали человека, а обычно избегали медведей, ведь они гораздо сильнее. Алчущий шатун не делал различий в охоте днём или ночью — он караулил добычу всегда и повсюду. Хитрый и жестокий шатун находил жилую берлогу и съедал спящего сородича. Волчья стая выслеживала ослабленного шатуна и учиняла на него облаву. С этих времён появился у охотников строгий наказ: если по тайге мотается безжалостный медведь-шатун, в волках зреть повелителей проблесков надежды.

ЛУННАЯ ПТИЦА

В верховьях реки Казыр молчаливая строгость заснеженных вершин сохраняла исконную чистоту. Центр оледенения Агульские Белки вместе с хребтом Крыжина и хребтом Ергак-Таргак-Тайга завязали высокогорный узел. Под рёв ручьев и камнепадов от него тянулся водораздельный Удинский хребет. Огромные ледники членили хребты вертикально на зазубренные гребни с пиками, а склоны разъедали впадины. Небесная россыпь ледников блестела на их резких откосах. Стихия небес обняла вершины и снежники, перевалы и гребни, долины и реки, тундру и тайгу не впуская кого попало. Не различаясь, туман, снежная мгла и низкая облачность сплетались в тайную вязь перевалов. Иглы туманной хмари обволакивали за мгновенье, а гроза топила за миг. Дымка мельчайшего льда, лицемерно сверкала в свете, а при полном безветрии подавляла. Лунные лучи ложились неверной тенью, а при дыхании ветра искрились обманом, а вершина — Агульская Пила — пеньем птиц среди зимы открывала часть души.

Одетый в меха и кочуя за оленьим стадом человек, был сильнее бурундука и отважней кулика. Выживая в суровой тайге, жил в крытых шкурами чумах. Уважая закон Хозяина гор, добывал охотничью удачу. Вёл начало по отцовской линии от прародителя Большого Медведя и владел тайной медвежьей тропы. Науку медвежьей охоты постигал с детства и учился потерявшим прозвище медведей называть ласковыми именами. Самцов поднимал из берлоги, а медведиц не трогал ради потомства. Тяжелое и жирное медвежье мясо брал для пропитания рода, а братишку пытался возродить для будущей жизни, ожидая от небес чуда. Заглаживая вину, носил в охотничьей сумке связки оберегов, сделанных из когтей и клыков в виде лунных каёмок созвездия Большой Медведицы. Весной и летом предка не промышлял, а удобными тропами с теплым медвежьим паром ходил и рассказывал об этом обычае.

В тёмном небе тонкой кромкой крыла Лунная птица собирала мечты со звёздных туманностей. Упал мокрый снег, но ветер отогнал облака. Звёздный луч осветил медвежью тропу, протоптанную вдоль гребня водораздела. Медведи ходили от места кормёжки к лёжке, водопою и на свадьбы, оттаптывая глубокую колею. Лунная птица парила высоко над горами, изрезанными бегущими во все стороны медвежьими тропами, наблюдала, ждала и по ним ходила. Медвежья тропа, была значительно шире тропы оленей, а Лунная птица побрела по ней от водопада к скалам. В туманностях кедрового стланика столкнулась с изумлёнными глазами хозяина. Почуяв оттепель, исхудавший медведь с мрака берлоги вылез раньше обычного срока по снегу и стоял на задних лапах у камней, оставляя рубцы от когтей на лишайниках. Ссутулив плечи, рассмотрел перелётную Лунную птицу и обозначил присутствие. Чесался о стланик спиной

и шеей, а мех заиграл, переливаясь в лунном свете. Губами почуял тропу, косо взглянул и вместе с ветром пошёл за Лунной птицей — воплощать мечты в счастье. С гребня в ущелье через мох и ягель петляла чесночная тропа, а рядом ягодная тропа и ещё ореховая, по ним медведи по перевалам бродили.

Над водоразделом судьбы взошли одновременно Лунная птица и Солнечная птица. На добрый путь вплетали звёздочки в каменные узоры мшистого перевала. Из обрывков троп, выбрали ту, что не спеша вела медведя, огибая обрывы к пикам гор. С нежностью ступала по каменистому склону медвежья мать, а за ней неуклюжие бежали крошечные медвежата. Расставшись с логовом, по борозде во мху и завалам спускались к Малому Агулу. Осторожная мать, учуяв медведя, фыркнула и в поисках корней сараны увела малышей за скалы крутого уступа. Вдоль Малого Агула минуя чащобу, по кочковатой долине перешёл бурный приток и по камням поднялся косогором разворошить муравейник, где стая ворон, увидев филина, подала сигнал тревоги рябчикам. Вдоль заросшего ерником ручья прошёл брод, а тропа вывела к кедровому островку на стрелке с речкой Орзагай и упёрлась в болотную топь. Гомон и щебет оседлых птиц дарили радость, а медведь, собирая лапой черемшу и дикий лук в пучки, пережёвывал стебли. Учуяв стадо кабанов, притаился на сыром мху и умудрился поймать шустрого поросёнка. Испугалась тайга, а росомаха на локти привстала. Под лапой горностая треснул сучок в распадке. Взлетел тетерев, гулко хлопая крыльями. Медведь рявкнул на ворона и продолжил смаковать лакомство.

Растущее крыло Лунной птицы взметнулось вверх, играя в прятки с облаками, подносила хранителю гор созвездия, вплетая полоски падающих звёзд в перья. Обереги добрых мыслей звали двигаться вверх по левому берегу реки Орзагай и выйти на крупные камни реки Озерной. Под цыканье и свист бурундука медведь шёл по бархату мха к первым цветам багульника. Тропа пересекла приток и плавно спустилась к руслу, а у развилки Лунная птица осветила брод отражением. Чуя свежие отпечатки копыт изюбря, медведь залёг на песчаной отмели, положив голову между лап, ожидал. Неудачно вцепился в шею быка и заскулил. Через мшаник с чёрной

водой, раненый изюбрь ушёл на изрезанную ручьями долину Медвежьего озера. Лил дождь, переходя в снегопад, скрывая тропу, а Лунная птица появилась из облачной тени, но медведя насторожила ругань в стае ворон. Присмотревшись, он разглядел на белом снегу чёрный силуэт медведя. Огромный мед-

ведь не любил свежее мясо, предпочитая его кушать с душком. Поймал и вволок в чапыжник хромого изюбра, присыпая тушу хвоей и хворостом. Возлежал сверху, чтобы от тепла мясо быстрее подпортилось. Шорох недруга лютого зверя насторожил. На слух хищник различал шум под ногой соперника, пищухи и оленя. Медведь встал и звериными когтями наполовину высохшую пихту угрожающе пометил, охраняя добычу от вторжения чужака. Оставив в покое зверя, осторожно в туманной дымке молодой медведь прошёл распадком за Лунной птицей, выбираясь к озеру по второй тропе. От истока реки Озерной западный берег озера с крутым склоном Приозерного хребта покрывали снежные шапки, а из дремучей тайги на острых пиках Медвежьего хребта, на тропу вышла волчья стая.

Лунная птица появилась на краюшке небесного склона и поднялась над тесной долиной ручья с нависающим скальным обрывом. Лёгким шагом медведь прошёл ущелье по каменным обвалам к снежнику. По незамерзающему истоку обошёл

снежный мост и поймал кабаргу. Поднялся до скал, пересек снежник и на каменистой вершине горного гребня всполошил белую куропатку, разгребающую снег с замёрзшей ягодой. Печально спустилась Лунная птица в каньон притока реки Кинзелюк. Знамением блеснула в радуге водопада, падающего с вы-

соты в озеро. По зарослям ерника с нависающими крутыми склонами перешёл реку, а шорохом спугнул глухарку. Из тайги ушёл круто в гору за козерогом, а испуганная птица вернулась на гнездо.

Медведь поднялся вслед за Лунной птицей наполовину скрытой каменным склоном и вышел на перевальную седловину к реке Фомкиной. Срезал стрелку притока, вышел к падающей воде и лапой ловил в воде рыбу, но сильным обонянием чуял, что волчья стая рядом, а понять где — не мог. Осторожный медведь прильнул к падающему потоку исцеляющего водопада, вытянулся, слился с висячей наледью. Медведь определял лютых зверей носом, высовывая кончик из струи воды, быстро шевелил, втягивая воздух. Вдруг вышел на задних лапах. Широко раскрыв пасть с клыками, заревел так, что волки увидели красную глотку. Первым набросился матёрый волк, но разъяренный медведь схватил когтями волка и ударил о скалы. Неуловимым движением лапы повалил вожака на камни,

а стая бросилась к водопаду. Медведь, закрутив головой, заревел так громко, что его рёв эхом отражали все горные хребты и каньоны. Волки заскулили и задрожали, нетрогаясь с места. Неистово рыкая, медведь перепрыгнул проталину, заметая следы, ушёл за камни, укрытые ледопадом, а бурундук начал умываться и резко посвистывать — к дождю.

Блуждала Лунная птица в заснеженных вершинах и облаках следы медведя искала, а наполовину укрывшись крылом — спала. От первой Фомкиной речки вверх по течению ручья медведь поднимался, а с седловины водораздела спустился в бурундучью тайгу. Погода портилась, Лунная птица в ливень бледнела. Терялись следы медведя, а в ненастье зверье пряталось. Медведь без лунного света, к стволу кедра спиной прислонился. Приметы доброй погоды дарили силы мечтать и наносить на дерево отметины. Царапал кору когтями медведь, тёрся спиной о ствол, оставляя на нём клочья шерсти, от волнения бурундука отмахивался. Гроза задвинулась за тучи во мрак лунных крыльев. Ветер стих, а не ожиревший зверь охотился за лосями. От цветов жимолости тяжело дышалось на лосиной тропе, а медведь согнал сохатого на тонкий проваливающийся лёд. Выбраться лось не смог и утонул, вмерзая рогами в лед. Тропа сквозь вечность небес изогнулась у излучины ручья с приземистой клюквой. Пошёл моросящий дождь, омывая

тропу по Медвежьему кольцу, а медведь выслеживал марала при подъёме на перевал. Озарёнными проблесками замечал, слушал, чувствовал и вновь увидел восход Лунной птицы.

Ярким шаром светила Лунная птица, а погода установилась в горах ясная и тихая. Ночью стало светло, как днём, а горы

искрились в холодном блеске полнолуния. Позабыв про рассвет, медведь шёл по узорам таёжных троп, снежных мостов, где кедры цеплялись за отвесные скалы и бурные реки превращались в сердитые перекаты. Лунная птица светила медведю прямо в очи, а он перелезал завалы дикой чащи, по склонам клюквенных болот переходил с одного берега на другой вместе с медвежьей свадьбой. Из объятий невесты по призрачным следам тропинки на каменистом склоне и наклонам ягельного выпаса и вышел на седловину перевала притока Прямого Казыра и столкнулся с укоризненным лунным взглядом. Поблекшие звёзды на снегу растворили блеск рассвета, затянутой льдом реки Прямой Казыр, но полыньи лунный день не вскрыл. Обходя ледяные пустоты и бурлящие промоины, медведь продвигался к истоку ручья Богай. По прибрежному снегу спустился с перевала, а пошёл по грани хребта, меж кривизной спуска в сторону Большой Киштыы, где гора обрывалась высокой стеной. На перевале веял ледяным дыханием склон горы Агульской Пилы, озарённый постаревшей Лунной птицей. В лоскуточке небес полная грёз

Лунная птица прикасалась к острию вершины горы. Вершина Агульская Пила острыми пиками отрезала от прозрачной Лунной птицы мелкие перья. Сквозь туманную дымку, на талый снег и хвою, бисером сыпалось звёздное счастье, искромсав оперение Лунной птицы до половины. В горном обиталище отозвалась лунная медведица, идущая впереди. Мечты, причудливо играя и искрясь, дарили надежды, а изморозь туманов таяла. Тянулся к ней взглядом, надеясь увидеть блеск счастливых глаз, а лунная тень чувств не волновала. По лунной дорожке продолжая скитания, карабкался медведь на гребень вершины Агульской Пилы к лунному сиянию. Из воздушной бездны Лунная птица отвечала мимолётным взглядом. Набравшись терпенья, по снегу медведь обошёл гору, собирая шишку-паданку. Не доходя до перевала, спустился через густые кусты и камни, к брусничникам притока Ванькиной речки. По осыпям со снежниками от перевала Игонькин Слив к реке Прямой Казыр тропа петляла по всхлипам снега к перевалу Тофаларский, оставляя Лунную птицу в плену тумана.

Всеядный медведь брёл по вздохам клюквенной трясины. Опустошал кладовые бурундуков, топтался по ягодникам и кедрачам, набирая жировой запас, а убывающая Лунная птица грёзами светила в предрассветной дали, а Солнечная птица её затмевала. Медвежье сердце разгадывало мечты и стремилось в неподвластные высоты взойти по тропе, ведущей к Заоблачному перевалу. Тучка запорошила зазимком, скрывая манящие очертания вершин. С перевала Пихтовый, заворачиваясь в прохладное марево, скрывающее очертания гор, шёл без тропы по корке хрустящего льда. В устье притока Тофаларского Ключа окунувшись с головой в грёзы. Медвежья тропа кружила через седловины перевалов в искрах зари, а в зареве заката

открывали небо скальные зубцы вершины Агульская Пила. Зубьями утесов она пилила перья на крыльях Лунной птице, роняя с небес на горы дивные мечты. На каждом перевале медведь созерцал, как вершина Агульская Пила каменными выступами отрезала от Лунной птицы маленькое пёрышко грёз. Лунная птица худела и вновь возвращалась обнять вершину, своё оперение латала неземным узором туманов. Лунная птица с краешка вершины собирала парное молоко туманов и пила до дна, а Агульская Пила каменными выступами и выемками отрезала от Лунной птицы пух видений. Ущербная Лунная птица понимала, что ей не прожить без горы и словно по замкнутой тропе возвращалась к вершине за свежими туманами, а неподвижная громада отрезала пушок небесных дремот.

Ожидания невозможного сделались возможными, а медведь столкнулся с лунной каймой, отдавшей сновидения необъятным вершинам. Не веря счастью, рассказал лунной судьбе про туманы в ущельях и про пожелтевшую хвою лиственничной тайги. Раскрасневшись с обратной стороны, горбато сутулясь, постаревшая Лунная птица — распустила канву последних снов. Без видений в зыбкой тени звёзд Большой Медведицы спряталась. Новолуние скрыло осень, отрезанную от зимы острыми пиками Агульской пилы, а лисичка легла на снег — к предстоящим морозам. В снежной мгле безлунных ночей чудесные мечты упали в настежь отворённую душу эхо, а медведь залёг в сумрак берлоги в ожидании новой весны.

Белый соболь

В давние времена Луна и планеты являлись радостными и печальными частями Солнца. Срывались с неба звезды во тьму, а чёрная буря обнимала небо. Солнце и Луна сбивались с небесной тропинки, метались в беспорядочном кружении. Испуганные светила в кромешных сумерках тускнели и меркли. Укутавшись в лёд, видели видение — Мать звезду, взлетевшую в мрачное гнездо бездонных небес. Излучая чистый свет, она парила в неподвижной точке, удерживая падающие созвездия. Недвижная звезда стала скрепой мира, вокруг которой проложили тропы Луна и Солнце, звезды и кометы. Мать звезда сияла золотым свечением и озаряла живительным блеском Солнце. Скитающиеся кометы, любуясь небесным чудом, от счастья летели к солнечному лоску. Хвостатые звезды, царапая солнечный глянец по замкнутой кривой, время от времени вне горизонта спотыкались о Землю. В золотых жилах планеты зарождалась жизнь растений, птиц, зверей и человека. Первые живые существа были белыми и отсвечивали позолотой комет, жили вне времени и искали простые тропинки узнать себя.

Вместе отражали отблеск и мудрость звёзд. Солнце не было бы светом, если бы не было радости хотя бы одной травинки видевшей в себе солнечный свет. Находящийся в озарении белый соболь, рождённый в таёжной кроне жизни от крупицы кометы, сиял бликами встающего солнца.

С Мировой горы по звериным тропам приходил на Саянские хребты приносящий удачу соболь — белый. Мех зверька ценился во все времена. Редкого зверя встретить удавалось не каждому охотнику. Тайгу исходили следопыты — поймать белого соболя не могли. Жил он, растворяясь в ночном дупле ствола дерева земного пика Соболиной горы, где ветви равнялись с искрами звёздного неба, а корни — с бездной ущелий, ледников, снега и скал. Из тонкого хрустального льда тропинка таинственна, далека и трудна, по ранам душевных страданий к нему вела. Увидеть его можно, если он сам это пожелал.

Небесная гладь касалась заснеженных горных вершин, и в борьбе за удачу по золотым россыпям горных ручьев, бежала соболиная тропинка. Петляя, спотыкалась о самородки, обходила препятствия, справедливо жалуясь на золотоносный песок, постоянно меняла направления, чередуя подъемы и спуски, искала неожиданное счастье. Пренебрегая чувством меры, в ежедневной суете по золотым жилам вела сквозь наледи, болота и тайгу к успеху ровная дорожка излишеств. Таёжная тропинка и стежка судьбы, сошлись друг с другом, случайно возле серд-

ца Соболиной горы, где исполнялись чудесные приключения во времени. Затягивали запутанные тропки в круговорот неизведанного, стирая мгновения жизни, где сон, а где реальность.

О волшебной силе горы, где в видениях можно вернуться до полосы везения золотых времен, ловкий и удачливый охотник

знал. Считая рассветы и закаты, тропа бежала золотой и серебряной нитью вокруг Солнца, а за разделительным полётом Луны спотыкалась спущенной петлёю. Пространство-время во Вселенной, заполнялось отражением вращающихся звёзд на узкой тропинке над ущельем с временным изгибом. В кружеве забот, охотник скитался в мимолётно сотканных секундах, а позёмкой памяти сегодня улетало во вчера. Медведей за добычу не считал, изюбря гнал, выслеживал сохатого, руками на ходу кабаргу ловил. Любил добывать пушного зверя, а мечтал повстречать белого соболя. Одна отменная шкурка дала бы прибыток, что на жизнь семье хватило, да внуки нужды бы не знали. Всё дальше уводила тропа по Удинскому хребту к истоку реки Кара-Бурень, и по спине таёжника снизу-вверх прыгали холодные мурашки. Пришло ощущение провала во времени, как будто затягивало непонятным образом в замкнутые силки поиска чуда. Из края в край, из света в истерзанную мглу, как тайного друга охотника принимала Вселенная. Тяжёлый

лёд слетал с уставшего сердца, дотла сжигая огорчения. Бездна звёздного света одинокого неба в бесконечность уходила отвесно, а таёжник вновь и вновь бежал по соболиной тропе.

Ступал осторожно словно луч, проходящий насквозь свет замершего солнца. Терпел лишения, переносил стужу и страдания сурового края. Брёл тропинкой правды, а белый соболь, с высоты смотрел в сердце гордому человеку. Добычу обычного соболя с охотничьей лайкой начинал со свежестью первого снега, когда мех коричневого тона с тёмным ремнём на спине зверька особенно красовался. Не важен был результат, ценил удовольствие от зимней охоты и пробовал разные способы, невзирая на их отдачу. В погоне с хорошим верхним чутьём, слухом и зрением псом просыпался задор. Хитрый, увертливый хищник низом водил охотника от восхода до заката, без труда пробираясь сквозь завалы. По рыхлому снегу, зверёк бежал верхом, забравшись на кедр, прятался и спускался с противоположной стороны, а уходил по старому следу. Зная повадки зверька, прикармливал к кормушке, устанавливая ловушки. В кулемки и обметы, тщательно запорошённые снегом, вкладывал приваду. Чтобы соболя не насторожило отсутствие следов вокруг ловушки, их отпечатывал при помощи лапки добытого ранее зверька. Чтобы рыси, птицы или шатун, не портили накрытого соболя, обходил капканы. Росомаха сквозь завьюженные снегопады проверяла самоловы, а наткнувшись на попавшего соболя — давила. Мужал, крепчал и верил охотник, что справится, продолжая ловлю. Без перерыва для отдыха и питания обыскивал ветровалы и увалы среди россыпи камней и в кедровом стланике, очищал дупла от снега. Блуждал и скитался по крутым склонам, выходам скал и горным осыпям. Искал в берложных местах с пустотами в камнях, пещерах и нишах. Без тропинок к корням вечнозелёных кедровых деревьев приходили зимовать медведи. Орех в тайге уродил и в хрупкий снежный покров, упитанный медведь жировал, подбирая упавшие шишки. Отдыхал медведь в берлоге, голову на лапу положив, с одного бока на другой ёрзал. Сладостно зевая, в хорошую погоду выходил кормиться сладкой паданкой. Медведь не пугался при виде белого соболя и даже лучше рассматривал бродячего зверя. Старался зайти под ветер, но когда хватал запах человека, удирал в берлогу, гикая от страха.

В охотничьем рвении охотник промысел на пушного зверька превращал из жизненной необходимости в очень прибыльное занятие. Лайка загоняла соболя на дерево, а охотник подходил с тупой стрелой — обшитой мягким мехом. Соболь прятался в россыпях камней, а он устанавливал сетки-обметы, выкуривал или щупом выгонял из расщелины, а шкурку оставлял целой — без дырок. Луна старела, да довольно шкурок промыслил, что не смог унести и решил возвратиться. Зверей напрасно не губил и разобрал ловушки. Вдруг Солнце и Луна остановились и на нежданной свежести снега осветили белого соболя. Хан дикой пушнины был подобен ласковой кошке — глаза чёрные, как уголь, быстрый, как ветер. Крупнее обычного и с блестящей, шелковистой шкурой, над подшерстком сверкающей золотисто-жемчужной искрой. На редчайшего зверя смотрел человек, а глаза слезились и слепли. В приметы веря, принял за добрый знак. Добыть дивного зверя, ради меха не пытался, терзала мечта белого соболя приручить для охотничьего счастья. Не жалея сбросил добытую ношу, словно груду камней, набитых в сердце. Оставил пулевой мешок, нож и охотничью сумку со связкой семейных охранителей. Из любопытства побрёл налегке обратно в верховья рек мировой горы по следам белого соболя.

Белый соболь был ловкий хищник, зоркие глаза, острый слух, быстрые ноги и гибкое тело помогали добывать пищу. По верхушкам деревьев ходил, как по тропинкам земным и за беличьими кладовыми следил, куропатку и зайца ловил, нападал на глухаря и рябчика. Наткнувшись на запасы бурундука, поедал орехи вместе с хозяином. Проворно и дерзко кружил, колесил, след запутывал. Долго за соболем гонялся охотник, ногами камни, раскачивая у обрыва отчаянья. Соболь с легкостью убегал по глубокому снегу. Под светом закатных светил белый зверь золотом отсвечивал и водил охотника по гололедице и наледям. Кружил ледяной метелицей, раскрывал пасть бурана и выпускал точёные когти, рычал медведем и ухал филином. Вздрогнул свет Вечерней звезды в отблесках зари и сумерки накрыли зыбкую падь. На перекрестке трех миров соболь будто устал, ближе его хвост замелькал. Показалось — можно рукой ухватить удачу, но в трясину из снега и шуги провалился охотник. Успел за корочку льда пальцами удержаться, но топь вниз затягивала до дна западни. Искал куст уцепиться, а соболь пригнул ветку тальника, но до неё охотник из хляби не мог дотянуться, золотой блеск и алмазная пыль очи поволокой застил. Спинку выгнув, смышлёный зверёк прыгал по кромке ледяной, а по телу волна мягкого серебра проблесками скользила. С грустью любоваться охотник

подскоками соболя, но успел схватить спасительный стебелёк. С трудом выбираясь из мутных сплетений болотной ловушки на заберег, а жизнь рухнула в туманы падающей звездой. Очнулся в чуме, камлал огонь двух костров, а одолевали блуждающие видения. Из гнезда пространства Матери звезд золотой искрой подернутой, то ли медвежий огонь или изюбра пламя высекали свет, а соболь в медвежьей шкуре с головой бил в овальный бубен верхнего отверстия чума, словно в живое существо Неба и Земли. Угли тлели ровно, огонь-душа предвещала удачу. В себя пришёл наивный охотник из распахнутых сновидений. Покормил огонь и отважился заново искать по безграничной тропинке след белого соболя, мечтая приручить охотничье счастье.

Вдыхая жгучий мороз, брёл навстречу следам и нашёл кочевое убежище, откуда зверёк охотился. Соболь устал бегать в поисках корма и вернулся отдыхать в дупло над берлогой. Погружаясь в зимний сон, обитатель логова, услышал над головой, что охотник, определяя глубину дупла, выстукивал дерево. Прорубая в стволе отверстие за отверстием, а дойдя до зверька, прижал его, стараясь погладить тёплой ладонью. Соболь недоверчиво урчал. Негодующий медведь рявкнул и выскочил из берлоги соседа спасать. С рёвом встал и полез обнимать человека медвежьими лапами. Смелый соболь схватил удивлённого медведя за ухо, защищая охотника. Изумленные медведицы и медвежата головы из берлог высовывали, стараясь разобрать: соболь давит медведя, или он соболя. Медведь окаменел и невинно смотрел на соболя, не двигаясь с места. Отряхнулся и вспомнил, как бродили вместе по тайге, обгладывая почки осины, добывая бруснику и отнимая у бурундуков орешки. Соболь лаской и златотканой нежной красой взор

медведя, готового на всё, успокаивал. Медведь в золочёных лучах захлебнулся, а на четырёх лапах метнулся в ленивую тень берлоги. Не ушёл шататься, не забыл улыбнуться, а завалился спать. Под шумок, ворон спрятал соболя и укрыл перьями в гнезде, но человек их заметил. Убежал соболь через рас-

щелину в глубокую нору. Выманить силой и мягкостью его не получалось. Охотник накрыл вход в нору сетью, прижав в снег камнями, с надеждой, что зверя выгонит голод. Умный зверь волновался и скулил, а еду из рук не принимал. Не желая приручаться, перегрыз конец сетки-обмета и убежал. Мотая напролом в пространстве времени кольцо, через ошибочные знаки жизни тащил соболь с верёвочной петлёй на шее, как судьба за собой охотника. Зимой не спал шатун, по тайге голодный рыскал — становился свирепее ледяного ветра. Волчья стая в жестокой борьбе добычу нагоняла в засаду. Сигналы просчёта указывали охотнику, что он выбрал не то направление, а с осознанием не хранил сердце от лютой жадности. При нарушении наказа лишнего с тайги не брать, не удавалось скрыться. Терял опору-гору, а дремучая тайга или шатун беззаконника

поглощали. На счастье белый соболь горы оберегал. Привыкал к человеку роковой зверь, волков по кругу водил, шатуна в сторону направлял, смутьяна учил, предупреждал от дикарей кочевать на дальнее оленье стойбище.

Метеорами вспыхнувших огней время перебрасывало через годы тропинки зверей. Тяготы жизненного пути, с заботами оказались стары, как мир и проживались охотником много раз. Звезды советовали, но не принуждали, а небо не смотрело вверх. Разбираясь в своей жизни, охотник стремился понять, какие действия и мысли ошибочны, почему счастье не приручалось, как мечталось. Любое животное, прирученное человеком, знало покорность и что-то давало. Дикий соболь свободу любил, а как пушной вид основа промысла, определял таёжным людям существование. В падении скал другие занятия утрачивались, а охота на соболя сохранялась. Солнце устанавливало над тайгой неотступный порядок. Терял терпение в безмолвии тягостном, но прозрев, поднимался, а получал на тропинке узоры судьбы. Осознав, на чём спотыкался, возникало новое время, освещая темноту ночей и дымку сновидений. С первым снегом приходил задор охоты, а разорвать временное кольцо было невозможно — избавлением повторялись пробелы, просветы и находились решения.

Тропинка возвращала охотника на место неожиданно, как и уводила. Повторялись вздох ледников, шорох тайги, камлание рек, ветер встречал на перевале и звёзды не сгорали. Тяжесть сваливалась с плеч. Оступаясь, дышал надеждами. Блики жизни застывших снов повторялись, сохраняя суть власти времени над пространством. Без усталости вращалось небо вокруг Матери звёзд, а над ледяными вершинами вставало Солнце. Обрывками прошлых грёз, звёзды бледнели в лучах восхода. В озарениях распознавая не прожитую жизнь, сначала создавал привычки, а потом они меняли жизнь. Делая выбор, старался понять, как поступить, начинал кочевать по следам мечтаний о белом соболе. Познав себя на бесконечной тропе, через весть приходящую из будущего, пленник тайги осознал, что одолжив светлое солнечное счастье, жизнь от края и до края безумно любит, если впереди белым соболем бежит удача.

ОЛЕНЬ-ОБЛАКО

Без выходных дней кочевал и охотился человек верхом на северном олене, спал в седле, но в череде непроглядных будней раз в год отмечал важное событие оленнего календаря. В месяц сбрасывания старых рогов и начала роста новых, после долгой спячки Солнце, словно гордая птица, парило над вершинами гор, а олень — Бльшое копыто — умывался талой водой. С маточным стадом переходил с зимних пастбищ на отёл, а затем на летний выпас к доступным ягельным кормам. По своим правилам общаясь с миром природы, время и направление вольного кочевания не менял. Расстояние измерял в днях оленьего пути, а преодолевая горные перевалы, полыньи и гололёд про оленей не забывал, они не терпели отступничества. Всё вращалось вокруг друга оленя, а человек хранил чувство уважения перед выражающим смысл жизни — заветным животным. Выделял оленей сыну после женитьбы. При потере оленей, пострадавшему собирал по оленю со всех сородичей, а при встрече на промысле обменивался с друзьями.

О повседневности ясного неба птицы перелётные добрую весть принесли. В снежной слепоте охотник остановился на проталине главного стойбища. В чистом очаге от кочевого уголька, одетого в бересту, Хозяйка чума бережно развела огонь солнечного рта — костровища. Сохраняя общность крова и рода, следом угольки в общий костёр принесли сородичи со своих угодий. Устав от тревог, вместе кормили языки пламени ветками хвои и добытой пищей, вызывая милость и призывая удачу. На переносицах мазали очистительной золой Солнце, обменивались верными оберегами и цветными лентами, желая крепкого здоровья. Кипятили чай, пекли пресные лепешки, обговаривая новости и совместные дела, нкопившиеся за зиму, и смеялись под Солнцем, Луной и звёздами.

Свалившееся счастье, охотник делил на части, а весна улыбнулась оттепелью. Щёлкая глухари, крыльями чертили знаки по насту токовища. Созданные природой и приручённые человеком, олени общались на одном языке, перестукивая копытами и подергивая головами. Белый, как снег заветный олень с гордо поднятой головой, различая очертания светил, шёл, а стадо двигалось за ним вереницей, оставляя узкую тропу в пространстве слепящих вершин, зелёного кедрачей и синего неба. Собаки радостно лаяли, в человек брёл вслед за стадом вокруг чумов из шестов, обтянутых шкурами. Между ветвями деревьев, словно солнечные лучи трепетали разноцветные лоскутки материи — оживляя окружающее три мира. У резного столбика из ствола дерева таёжник подарил детям оленьи узды и клыки медведя для игры медведя-шатуна, выслеживающего стадо оленей. Медведь — был дух, а олень — жизнь на кусках оленьих шкур в розыгрыше детей, мечтающих охранять и кочевать на ягельные пастбища к новорождённым оленятам. Искали оленя — хранителя душ будущих телят, которые будут принадлежать семейству. Таёжные дети, сочетаясь с природой,

посвятили белой масти оленя духам, считая его источником достатка, мерилом удачи и семейного здоровья. Не используя оленя для верховой езды и перевозки утвари, а надеясь на чудо, дети в оленью вьючную сумку вложили оберегающие души птички. Под горловые напевы, окурили дымом костра и очистили пламенем специально изготовленные узды и приобщили оленя братишку к родовому огню — лоб мазали серою золой из солнечного рта — костра.

Олень с комком волос на шее ничего не требующий взамен и добывающий круглый год подножный корм, исполнял мечты людей и приносил охотничью удачу. Дух помощник при камлании был осязаемой таёжной правдой и для сердца кладом. Знал направления ветров прогоняющих тучи и отгоняющих комаров. Сильный ветер — к дождю, круги вокруг луны предвещали потепление, снегопад или дождь. Живя под открытым небом, олень вездеход, труженик и целитель по тропам кочевал и помогал человеку. Олень охранял от опасностей, дышал человеку в грудь, лоб и рот, теплом согревал и излечивал. Оленю в рот человек хворую слюну втирал — недуг и боль снимая. Отвар из ягеля накладывал на раны и ссадины.

Позабыв осенние драки гона, соперничали быки в оленьих играх, а живя надеждой, люди искали опору и на оленьих шкурах красной охрой рисовали луну, солнце, звёзды, птиц и идущих оленят. Впереди олень, хранитель семьи и оленьего стада. Сзади медведь — пастух оленей. Олени-быки топтались и храпели, толкались, разведя в стороны уши, вытаращив глаза и высунув длинные языки. Быки состязались за первенство быть рядом с покровителем, а важенки строили главенство по известным только им правилам. Между ними шла невидимая, но почти осязаемая связь и единение. Важенки не забывали о важности пространства для личной жизни, а быки делили стадо на основную, транспортную, дойную и шаманскую части. Не огорчая Хозяина гор, человек не бил оленей на стойбище и на охоте, не ругал важенку. Под размеренный бой бубна, не пытался отстать или гнаться за временем, а на оленьих ковриках воссоздавал территорию кочёвок. Чёрной краской рисовал лося и охотника на вершине горы встречающего солнце. Из подлунного холодного мира красным цветом направил оленей

к свету, теплу, пробуждению сил жизни. Заслуживший уважение личный олень — оберег верности роду отобразит благополучие таёжного участка, стада и хозяев на реальную территорию и станет залогом хорошей жизни.

У людей в шубах и камусах обменял пушнину на товары, а старейшина рода оценивал промысел, сохранность оленей,

деловой выход молодняка и яловость маток. На столбике — центре мира — резьбой обозначал смыслы и правила разработки мер по сохранению породы. Крупные и выносливые животные находятся на грани стабильного состояния, предостерегал о потери разнообразия. Дробление видов снижает плодовитость животного мира, обедняя природную кладовую товаров и услуг местной общины. Знакомил с культурой оленеводов сойотов и тоджинцев, позволяющей оставаться здоровыми людям и оленям. Животное, дающее свою жизнь людям, состарившись не должно сердиться, а утрачивая земную плоть — возродится из мира не рождённых душ молодым в белой шкуре.

Таёжным бытом создана страна оленья. Охотник не брал с тайги больше, чем необходимо для пропитания и жил не только сегодняшним днем, а думал о потомках. Учил молодёжь: если соболь перебежит дорогу — его обязательно нужно

добыть. Соболя охотник окуривал угольком из костра и тыкал мордочкой давая нюхать себя — чтобы запомнил запах и потом шёл на него. Снаряжение делал сам и проходил обследование. Оказывал оленям первую помощь и предупреждал недуги. Рядом с приручеными оленями обитают дикари. Приручённый олень тяжелее дикаря, крупнее и спокойней характером. У дикарей неистребимая тяга к перемене мест, и они способны

уводить приручённых. Диких оленей нельзя отстреливать — они находятся в Красной книге, а бедой становятся волки и медведи. Травить лютых хищников запрещено, нет системы отстрела. Выследить медведя-шатуна подсилу опытному охотнику. Хитрый волк, нападая ночью, может уложить десятки животных, бросая туши в тайге. Брать мясо нельзя — волки загрызут стадо. Поэтому мясом приручённых оленей люди не лакомятся. Велик риск утраты от стихийных бедствий: оползней, селей, гололёдов, наводнений, пожаров и ошибок. Гибель нескольких оленей — большой убыток, а падёж стада означает разорение рода. На запретной скале рисовал зверей: белку, колонка и копытных желая добыть на охоте. В случае удачи скала краснела, человек отмечал добытых зверей и осторожно, словно в руку Хозяина гор, вкладывал дар. Близ скал не разбивал стойбище, не охотился, а добыв в тайге первого зверя, дарил лучшие куски сородичам и соседям. Не хвастался и лишнего не говорил. Чужого не брал. Чрезмерно зверя не губил, а медведя добыл, голову оставляя в берлоге. Если с вершины скалы срывался камень или она бледнела, ничего охотник не добывал.

Блуждающий ворон, найдя пищу, там и жил. Зверя добыв человек, там и ставил чум, но не всегда привлекалась удача. Трудной становилась охотничья жизнь без помощи оленя. Олень переносит жёсткий климат гор, при котором домашние животные не выживают. Олень приносит удачу человеку, думающему об охоте на копытных и пушного зверя. Человек даёт оленю соль, защищает от хищников и лечит, а олень — пособник в охоте и кочёвках, дарующий всё необходимое. Олень знает лекарственные травы и целебные источники. Одушевляя силы природы, человек не умеет просить, а верит, что олень — вестник и проводник, указывающий единственно возможный земной путь, где жизнь таёжника и оленя неотделима. Плоские, широкие, с заостренными краями копыта хорошо передвигаются по льду, снегу и болоту. Наступая, пальцы раздвигаются, боковые копыта касаются почвы, а щетка из растущих между копытами жестких волос создает нескользящую поверхность. Олень помогает осваивать недоступные горно-таежные просторы в новых циклах непростой жизни, не прерывая тропинку, ведущую к уникальному укладу. С согласия Хозяина гор, человек отпустил на волю носителя духа стада. Избранный олень с обесцвеченной радужкой горящих огнём глаз — смотрит днём солнце, а ночью на луну, безошибочно предсказывая погоду и стихийные бедствия.

Обаяние и сила оленя, мирный нрав, способность кормить и защитить себя и быть терпеливым и стойким, крепким и закалённым, очаровывало человека. Он творит чудеса, говорит со зверями и понимает человеческий язык. В обращении солнца по кругу, открывает тропу через не проходимые горы. По глубокому снегу суровой зимы и по болотной топи дождливой осени, по наледям запоздавшей весны и по летним тучам зудящего

овода ведет стадо к счастью. Ведомый солнцем в виде оленя, человек заботится за стадом по родовому принципу с родственниками по отцовской и материнской линии, их детьми и внуками. Помогая друзьям, защищается от невзгод, обучает детей, подкармливает животных, занимается разведением. У вершин гор с чистым воздухом и прозрачной водой с порогами и водопадами в день летнего солнцестояния открыл небесные ворота и попросил Хозяина гор назначить оленя для посвящения. Масти снежной белизны заветного оленя посвятил Небу и Земле. С начертанными на спине знаками солнечной силы олень превратился в птицу-оленя и получил имя — Облако. С не рождёнными душами имеющий связь Олень-Облако, призван сохранять поголовье и подниматься к Матери звёзд двенадцатого неба за душами будущих оленят. Посвящённого оленя до естественной старости человек не использует для езды и охоты, а навьючит родовыми сумками с цветными лентами и оберегами для добывания счастья.

В природном возрождении на проталинах пробились первоцветы, загалдели перелётные птицы и полиняли пушные звери. В светлые дни весны олень остался заветным животным, дарующим оленеводам смысл жизни. Общее костровище медленно догорало в пепел и угли, и на спинах оленей люди рисовали солнце золой — пожелание бодрости. Заветный олень повёл важенок по солнечной тропинке в безопасное место отдаленных гор для отёла. Укрывшись от ветра в зарослях травостоя с весёлым

журчанием ручейка, рождение первого олененка важенки связали с урожаем кедрового ореха, а бычка — с обилием соболя. Сумев встать на тоненькие ножки дитя Оленя–Облака и молодой важенки, противостоит злым проказам ненастья. В первые дни важенка и теленок ничем не обнаружат своего присутствия. Они пугливо будут держаться в заболоченных местах, где в промежутках между кормлением теленка важенка кормится травой пушицы и свежими листьями. Оставив оленёнка под охраной человека, будет перекликаться с ним хорканьем. Оленёнок будет доверять человеку, с ним дружить и странствовать. У отелившейся важенки пропадёт молоко — окурит её дымом багульника. В полевых условиях сделает прививки и обработку против подкожного овода. Олени при малейшем шорохе и запахе хищника будут искать спасения рядом с человеком у огня кочевого костра. За полудиким животным постоянно следит человек, оберегая от беспощадных зверей и болезней, а хороший прирост стада будет добрым знаком правильной жизни. Под ледниковый ветер — избавляющий от овода, заветный олень поведёт храбрых людей и их детей по звериным тропам в вершины гор, где можно выжить и ни от кого не зависеть. Для детей тайги при длительных переходах кочевать верхом на олене — доброе приключение.

Годы съедают память, как огонь сухую хвою. У пепелища перебирал в душе человек тропинки, которыми шёл, что видел в жизни, почему плохо разгибается спина и стали кривые пальцы. Много меток оставила на теле война. Отдельные оленно-лыжные батальоны формировались из охотников, призванных в армию с оленями. В условиях фронтовой жизни обеспечивали транспортное сообщение на огромной по протяжённости линии боевых действий. Передвижение по насту, сопкам и ущельям было невозможно из-за бездорожья и глубокого снега. Вьючные и верховые олени защищали северные рубежи, эвакуировали раненых с полей сражений, доставляли грузы, оружие и обеспечивали связь. Олени себя кормили, не боясь мороза и вьюги, перевозили к переднему краю бойцов и боеприпасы, вытаскивали сбитые самолеты, а охотники служили следопытами, стрелками и проводниками. У резного столбика на тропе испытаний вспомнил фронтовиков и почтил память Георгиевской ленточкой.

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

Бродяга-медведь полагал, что гордячка Луна с золотистыми блестками душ прилетала в горы из глубин неба, когда олень роет тундру, а по лунной дорожке на талой воде сходила на землю. Ночами сидел в засаде на лося, постигая зрелую Луну очистки рогов. Обошёл ловушку-давилку и поверил в мудрый разум Луны изменения сезона. Цветочная Луна с золотыми ожогами, оставленными солнцем раскрывала чувства и оберегала мир душ. Бродяга любовался Луной осыпающейся хвои и отгонял от берлоги Луну дикой охоты. Луна плотной корки снега указывала путь домой и лучами оценивала таёжную жизнь. Луна оленя, сбрасывающего рога, отблеск солнца отображала мёрзлой ягодой и показывала зыбкость границы между Луной холодов и морозов. По снегу гоня Луну появления рогов у оленей, бродяга без опаски смотрел прямо на звёзды. Постигал широту души Луны травяного семечка и хитрость Луны линьки соболя уводящей к осознанию единства окружающей жизни. Уходил от Луны комаров, но ожидал Луну появления первых телят на тоненьких ножках и встречал Луну гнездования птиц.

На острие вершины горы Белая Дургомжа в чудесной оправе из искристого снега стояла сильного солнца Луна. Одетая в лучи Луна упрямо тянулась в небо. Обычная Луна пробуждения, подставка под чашу судьбоносного неба. Злые стихии не скинули её с места, а ветреная Луна не падала в бездну. Не примечательная ледяная Луна с мелкой распылённостью золота, силой нежности пленяла, но не раскрывала зашторенные снегом звёздные тайны. Балансирующая над пропастью — сохраняла равновесие из-за ясной звёздочки, которая вила гнёзда на ней. Запрещалось медведям прикасаться к зеркальной Луне, считалось, что именно шатун, может расшатать в ней путаницу душевных отражений и сбросить вниз. Туманы, дождь и ветер до блеска полировали её края, кусочками погожего неба они лучезарно сверкали. Кормилица душ — Луна завораживала, вспыхивая оттенками и переливаясь цветами радуги, когда солнечный луч попадал в её сердце. Куропатка видела её в чистой лазури нездешнего света — принимая за личное счастье. Вокруг пышно расцветали рассветы, а в тёмные ночи пела птица-душа о детских зародышах, предвещая, когда Луна затмит Солнце. Объединяло нежные зори, быстрокрылую птицу и снежной слепоты Луну лучезарный солнечный свет.

Кабарга ела с деревьев мох, а по ловушкам медвежьих свадеб шатался бродяга-медведь, уважающий души-тела, пребывающих

на вершинах. Не замечая суеты и забот, он о радуге мечтал в ослепительном свете солнца, а в объятиях невесты разглядеть тропу счастья. Но душа, достигшая пика удовольствий земной жизни увидела в блеске Луны отражение, а самолюбивые чувства поразили её. Бродяга подошёл ближе к отрешённой Луне

и начал восхищенно в отражение смотреть, словно днём увидел в небе души сложенные в созвездия. Казалось, видел невероятное видение, что основа медвежьей Луны не зажата во внутреннем страхе земных изъянов, а невесомо парит над пустой мишурой в ярком совершенстве. Загордился медведь осилить огрех и заносчиво решил помочь взлететь Луне над высоким небом. Захлебываясь невежеством, толкнул чудесную Луну изо всех тщеславных сил. Когти и клыки медведя затупились, оставляя нарезку золотых борозд, словно пробу из шурфа. Рычал и стучал зубами изнемогающий от боли медведь по Луне, отбивая маленькие золотники в шлих из россыпей. Один золотник блеснул внутренним светом души-мудрости, а другой не ведая тягот, вспорхнул в бездонное небо, загораясь звездой. Сердцем почувствовал лунное диво и особое место, где было видение душ, но не знал — радоваться или огорчаться, и сухими когтями сдвинул Луну с насиженного места. Стержень добытчика душ — Луны, тенью качнувшись, полетел с горы не вверх, а головой

вниз. Сужая зрачки и теряя облик, Луна превратилась в тень Солнца. Среди скалистых обломков разрушалась бегущая тропинка, но испуганная Луна смотрела с тоской на ниспадающее обвалом бесцветное небо. Без царящего птичьего оживления, упало раненой грудью небо на скалы, надвое треснув громом и молнией. Под шёпот дождя, среди скалистых стен печально заплакало небо, умываясь снегом, слёзы проливая в озёра. Ощутив леденящий душу страх, рыдали певчие птицы, медвежье сердце, протяжно выли волки. Притихли уставшие души в оскудении жизни от безумной гордости и мрака заблуждений.

Грустью заслоненная Луна не раскололась на осколки, не склевал их ворон. Рухнула поперёк прозябающей тропинки и в ожидании замерла. Дыхание затаив, боялась вспугнуть наивную душу. В истерике медвежий разум заменился звериной душой. Не встречая зарю с рассветом, прошла душа мимо золота на забвении. Во тьме душа трепетала и попросила прощение. Начиная меняться изнутри, чтобы вернуть низвергнутую Луну на пик громады. Гнулось потемневшее небо печалью окутанное в чёрно белый цвет и омрачилось, расплавляя влажные звёзды. Капризная судьба смуглой Луны стонала, а тень покинула её в темноте, путаясь со сверкающей молнией над вершиной и перевалом. Умытый стихиями медведь от бессмысленного поступка пережил шаманскую болезнь и по лабиринтам утёсов кинулся искать опрокинутую Луну. Сделал шаг — исцелится от одержимых душ, но споткнулся об падшую душу. Медведь не разбился, а молниям лопнувшего неба душу открыл. Слепое счастье стало зрячей печалью и воплощением пустых жизненных растрат. В скитаниях медведь вспомнил сны, прятался в раздумья, а присмотревшись к обедневшей Луне, увидел в ней опору бездонных небес. В грозе блуждая, подкатил Луну

в груде камней трех миров. Ворочался гром в ущельях, а молния обжигала вершины, но сквозь мглу отсвечивал солнечный отблеск в посветлевшей душе. Не знающий преград ураган напитанной порочностью придушил лунный блеск.

Сгибал ливень к камням медведя, а он видел сквозь горы, но не мог найти волчью Луну, и миг показался последним, а время рыданием. Град топтал, кромсал и грубо швырял Луну в грязь дикого лежбища. Волчья шкура Луны искрошилась, потёрлась в колющем щебне, а поток воды прикрылся шугой. По породам золотых жил, Луна безудержно катилась к порогам и перекатам. Каскады бурлящей воды вращались, захватывая лёд и гальку, высверливая в коренных пластах котлы. В этих ловушках создавались самородковые гнезда, в них угрюмая Луна не тонула, а примеряла золотой наряд. Волчьи клыки блеснули белизной, но медведь боялся самого себя. Он вообразил, что со дна страха на вершину безопасности возвращённая Луна все миры озарит, но молния кромсала холодный блеск хищных глаз, а безысходность следы насквозь прорезала. Стаю волков охраняющих золотое дно обошёл, а окунувшись в мутную воду истока родовой реки, медведь искал Луну, осыпанную драгоценными блёстками. С горьким вкусом на сжатых губах грёб поперек узкой протоки, а кипучая волна сносила вниз по течению. Передними лапами разгребал мелкие камни

и осушил котёл под ледяной водой падуна. Луна живьём заморгала в гнездовых скоплениях золота. Глыбы и гальку медведь выбрасывал когтями из водоворота, а угощал Луну смятением душ и одевал в золото. Прощупывал щели и трещины каньона, в крупные самородки одевал Луну, но искрясь слезами, она не взлетала из ловушки упавших душ. В блеске золотой парчи Луна медвежьей лапой ускользала от золотой лихорадки.

Исхудавший медведь искал в россыпи одетую Луну, обшаривая жилы каньона на перекатах, а у разлома гор вышел к водопаду. Струя стекала по скале отвесно потоком, падала в каменный мешок и полностью исчезала в подземной пустоте. Жёлтый цвет мерцал кристаллами пирита и изморози, вселяя ужас. Блеск на скользких скалах обещал медведю сорваться в чернь западни. Бродяга наугад спустился по трещинам. На глубоком дне в темноте и сырости, среди кусков мёрзлой руды медвежья лапа нащупала яйцо потухшей Луны. Над головой трещина неба горела, где звезды-двойники превращали кроткие души в злобные, а злые в добрые. Перевоплощённые души отражали неизменную искру далёкого Солнца, а вращаясь по краям таящего обрыва, бесконечностью голову медведю кружили. Сквозь завесу упавшего неба звёзды отталкивались от мнимой Луны, рассыпались обманом душ блёсток. Вечерняя

звезда силой тяжести будоражила Луну и мягким внушением, заставляла бродягу впадать в спячку. Слёзы душили медведя, а он вставал на задние лапы когтями золотую обманку на скальных стенах до высекания искр драл.

Верхний мир был выше неба, а сдавил ниже земли глубокую глушь каменного дна. Поток водопада размыл золотую

накидку Луны, выворачивая наизнанку подземный мир. Зверь понял, что оказался в ловушке золотых душ-теней и в испуге отшатнулся. Понуро прижался к тусклой жиле, а тени обняли за плечи. Ручейком бежала слеза, закрывая путь к счастью. Осознал, что отрываясь от пиритовой лжи, он укутанную в тяжёлую парчу Луну вытащить не сможет из мрачной взвеси. Оберегая душу от обид и раздражения, наваливался на сытую золотом Луну, толкал вверх, а тяжесть золота опрокидывала медведя на спину, чтобы видел небо, упавшее в недвижную тень души. В окружении душевного беспокойства и озлобления, оставлял горькие борозды, стонал от презрения, сокрушённо ломал когти и сдирал кожу, голодной душой соскабливал с Луны золото. Исчезла красота радужной Луны безнадежно затемнённой во тьме волчьего логова, а она с грустью взглянула на вершину горы, где среди ослабевших цветов чистотой озаряя упавшее небо, мелькнула птица-двойник. Сердце Луны могло превратиться в солнце, а она мечтала от-

растить крылья, чтобы парить над простором вершин, но таяла в обрамлении обездоленной души. По-волчьи злобно скулили пагубные души, не желая с Луной расставаться, а медведь задабривал души-судьбы, избегая несчастий. На дне неприступной мглы бродяга чуял перекрёсток миров. Накрепко вмуровал золотую накидку и обломки загнутых когтей в поземный устой основания могучей горы и просил черствость и бездушие уйти. Заблудившиеся души-отражения радостно визгнули и уткнулись в золотую подать. Знаком схождения стало видение со звёздами в медвежье сердце. Сквозь грёзы лютые души показали оскал, но скупостью лишённые сил, жалобно увели вскормленных медвежатиной волчат, под звёзды выживать. В россыпи выделялась мать — созвездие Большая Медведица. Мать-созвездие шла впереди, а бродяга-медведь послушным медвежонком косолапо семенил за ней, не теряя душевного равновесия. Мать-душа учила медвежонка мечтами кормить Луну-творение и в лучах по неприступным скалам за чудесами бродить. Когтистый бродяга почувствовал пустые куски боли и мечты о возврате утраченного счастья. В очищенном от волчьего золота Лунном сердце вспыхнул луч надежды — связывающий миры и в золотой тени дна озарился мерцающий блеск очищения. Поменялся блестящий цвет Луны и будто прозрачная дымка шевельнулось окружение души. Бродячему сердцу медведя свет Утренней звезды внушил бодрость, а душа-искорка дала толчок вытянуть силуэт Луны на разбуженное от сна небо. Упираясь в холод руды, сутулясь и выпрямляясь, словно из берлоги толкал Луну по отвесным скалам в верхний мир, где пасутся стада свободных душ. Добытчик душ не двигался с места злых страстей. Медведь кормил целью и стремлением Луну, а судьба учила мечтать о том, чему не научила жизнь. Мечтал ниспровергнутую в бездну Луну, вернуть на звёздное место, где парит душа-разум. Душа-ум движущей силой непослушную тропинку к вершине крутой горы освещала. Медведь неуклюже сопел, упрямо рычал, падал в грязь, но не наступал на тень души. С трудом оторвал от коварного дна искушений непостоянную Луну. Вертел в когтях, словно личное счастье и радужная душа Луны вспыхнула в чёрной тени розовыми искрами сотворения светлого мира.

Покатил худеющую от голода Луну по упрямой тропинке мимо будничных камней вверх на вершину. Луна, едва достигнув высшей точки, раскрасила очертанием душ чёрно белое небо, светила без разбора и раз за разом срывалась вниз за собственной тенью. Бродяга не сдавался, окунал следы лунных царапин в радугу, а видел в ней отражение, опору неба на вершине Мировой горы. Испив душу медведя до самого конца, сбросила Луна занавесь мрачной тени и поднялась из равнодушных складок обрыва. На стыке сил водворил Луну на пик, где свет от её лучей заметило пробирающееся сквозь мглу Солнце. Под тяжестью испытаний, накрепко поставил пережившую падение и забвение Луну в жилище духа — заживлять душевные раны. Завыла свобода ночью, а днём распустились цветы, поднялась выше неба птица и горы приросли к звёздам, отряхиваясь от невзгод.

Глаза слепил искристый снег, а уложенная медвежьей лапой кладка самородков упёрлась в вертикальные стенки радуги. У этих обозначений небесного равновесия бродяги угощают обновлённую Луну золотом похвальных чувств и мыслей о сладком и обманчивом счастье в настоящей жизни. Поэтому здесь особым образом сошлись вездесущие светила и незримые отсветы душ, дарующие смелость и силу духа. Вершина горы, возвышаясь над покрывалом золотой тени, сроднилась с высокой Луной. В этом достойном месте для размышлений и восторженных мечтаний, сияя всеми цветами, Луна — хранитель младенческих душ — смотрела прозрачно на горы без теней и вновь наряжалась в солнечные лучи, а двенадцать небес примеряли для птиц наряд перламутровый.

ПУТНИК ВЕЧНОСТИ

Промысел охотник начинал с первым снегом, в начале октября, а продолжал до конца декабря, когда снеговой покров становился непроходимым для собаки. Перед отёлом оленей откочёвывал в вершины гор в места весенних стоянок. После рождения оленят доил важенок и заправлял чай оленьим молоком с мятыми ягодами. От нападения оводов перекочёвывал к снежникам в обдуваемую ветрами горную тундру и делал дымокуры. Использовал колодки, удерживая неподалеку телят и важенок. Оленей не забивал, а бережно использовал их для езды верхом и перевозки грузов вьюком. Выслеживал диких копытных, питаясь мясом, сваренным в подсоленной воде или жареным на палочках, воткнутых в землю у костра. Всегда уравнительно делил добычу среди жителей стойбища. Основной доход получал не от продажи мяса, а от пушнины, добытой с помощью оленей. В обмен за пушнину всё товары восполнял. Добывая охотничье счастье, ухаживал за оленями, выпускал их во время остановок на вольный выпас и вылавливал перед отъездом на другое место. Встречаясь с диким стадом, приру-

ченных оленей уводил, чтобы не сбежали с дикарями наслаждаться мерцанием звезд. Делал затеси на деревьях. Ветка, засунутая вершинкой вверх, обозначала, что ушёл по насту спасать оленей от хищников. Ветка, брошенная на следах, запрещала идти в этом направлении. О приближении штормов и опасных явлений олени предупреждали таёжника заранее. Ослабленных оленей подкармливал и лечил, берёг, как глухарь бережёт крылья. Со стадом кочевал по местам гона и промышлял соболя не сходя с оленя. Кабаргу бил попутно. Приспособившись к повторениям оленного календаря, не человек приручал оленей, а олени приручали к себе таёжника. Оленей практически не перегонял, они увлекали кочевать по припорошенным искрами звёзд изгибам широких объятий горизонта. После оседания и расширения применения других средств передвижений, уход за стадом и использование по бескрайним снежным хребтам гор этого живого вездехода продолжал. Олени перевозили туристов и их груз, исследователей-путешественников. Вечное кочевание с оленями по тайге отражалось в обычаях и понимании сути. Соблюдая установленные правила, оказывал должное уважение оленям, а сживаясь узором со светящейся звездной пылью на искристом снеге, лишних слов не ронял.

Тайга дышала полной грудью, а звездное небо восхищало великой тайной. Таёжник желал узнать больше о деяниях да-

лёких светил. Посещая вершину снежной горы, спрашивал далекую и близкую Мать звёзд, находящуюся в созвездии Малой Медведицы. Звезда — вместилище сильных душ — светила неподвижно при суточном вращении звёздного неба и в холодной мгле невесомости помогала опознавать местность. Направление

на неё совпадало с направлением строго на Север. В самые долгие ночи зимы, казалось в таёжном краю больше не будет рассвета. В ловушке новолуния таёжник улавливал звёздный зов душ, спутывая тропинки, отрешался от земного. Небесная прорицательница толковала миров воспоминание, будущее, даже подсказывала мелодичные напевы. До боли бессонные ночи, затухающий мир закрытых снегом перевалов погружался в подавляющую волю густую темноту. Вознобе поворота от постепенного удлинения ночи заснеженные кедры, одиноко растущие на скалах, превращались в странные существа в чередованиях белого и чёрного цвета. Лишь отблеск ненадолго показавшегося солнечного кусочка над суровыми пиками гор напоминал о том, что когда-то испугу придет конец, а таёжник преодолеет тоску бесконечного холода. В длительное отсутствие дневного света сознание устойчивого человека не выдерживало, что он сможет пережить затяжную стужу и сказывалась на общем самочувствии. Под вой метели и кружева злой пурги время

замерло, сердце сжала окоченелая тоска и безобидная лень, возражая судьбе. В суровое и снежное время животные и люди страдали от бескормицы и ожидали окутанные загадками начинания. Морозные дни чередовались, а тревога, бессонница, страх, ощущение, что перемены к лучшему невозможны, ника-

да не пропадали. Блеск глаз отражал неизбежный мрак, а потерянные мысли зазывали звёзды к изменению безнадёги, лечили от надлома и напряжения душу.

Устав от повседневной и бездушной суеты, душа птицей билась внутри и искала в небе холод светил. Непохожие звезды, прикасаясь к затишью вершин, оступались и сгорали в невидимой, как боль пустоте. Оставался живым тот, кто видел небо, даже если пар тёк изо рта сквозь холод искристым шуршанием, а в голос врывались ноты. Монотонно напевая песню о неподвижной Матери звезд, с помощью криков-заклинаний входила душа в чудесное забытье. Становился почти невесомым человек и бежал от самого себя. Подхватывая мотив и начиная послушно двигаться в такт музыке, закрыв глаза, в грёзах полностью

удалялся от ледяного и стылого таёжного мира, не мешая чему-то хорошему случиться. Таёжник, выполняя повеления, приходящие извне, в томительной тоске тихо бил в бубен полога чума и ритмично похлопывал в ладоши, отмеряя звёздное время, выдумывал сновидения. Независимо от собственного желания, копировал действия оленей и пел не своим голосом на языках диких животных и птиц. Олени и люди имели одно доброе начало и являлись очень близкими друг другу, ведь сердца их были из звёздного мира. Перед внутренним взглядом душ возникали вспышки света и воспоминания, переплетаясь в вымысел и быль.

Звёзды кружились вокруг спасительного мерцания Полюса Мира в невероятном танце и вторили песне, улыбались и завораживали. Наполнялось небо лучшими звуками дивной музыки поющих душ. Ласково долетали чудные мелодии на Землю. Олени собрали интонации, сыгранные планетами и расстроились. В чарующих звуках не хватало небесной сладости. Олени желали услышать поэтичный зов мудрости о зарождающемся лирическом чувстве, напоминающий биение любящего сердца. Голос Матери звезд плакал о одиночестве и мягко, издалека сердца тревожил и тянул идти за ней. Она умела звать чудесной чистотой, в небесное хранилище душ. Содействуя ждала, добавляя в небесную мелодию стук любящего сердца и в каждую сзывающую душу. Человек чуял волшебное пламя тепла. Сжигалось отчаянье, задумчивость, боль и проходил испуг. Оберегающая звезда вдыхала часть себя в земные творения, управляя судьбой, приносила ощущение прилива светлых сил. С ослепительной улыбкой и вдохновенным взглядом отозвался всем сердцем, всем существом на звёздный зов и прочь от скованного льдом волчьего воя бежал таёжник под вращением небесных душ в направлении Матери звезд. Призванный таёжник стремился

достичь тех высоких пространств, где звёзды дарили свободу от ошибок. Удержать устремлённого таёжника, бегущего напролом через белую мглу ледяной пурги и каменные цепи гор, даже зверям было не по силам. На указанном пути совершенно не чувствовала званая душа боли, ран и обморожения. Весть издалека металась сквозь существо, но он знал, что неспособен пройти мимо и стремился в глубины небес заглянуть. Наслаждаясь

созерцанием звёздного мира, не цепляясь за жизнь, менял привычки и замечал, что в сердце мир светлел. Путешествие не заканчивалось, одна заботливая звезда тускнела, а отторгнутая светилась. Взглядом достигал сладкогласной вершины неба, но появлялись другие, более высокие небеса. Под тихое и пробуждающее пение думал о счастье наяву. Просил отпустить, но делал самый решающий шаг за улыбкой звезд. Восхищало и манило небывалыми творениями нетленных душ. Странным было призывающее очарование, сотканное из нереальных звуков и строф, от которых перехватывало дыхание. В дебрях музыки сердце мерцающей звёздочки вспыхивали души неожиданно ярко. Открывая свет озарений среди бездны небес, наслаждался чудесным моментом, думал о прошлом, жил в настоящем, а мечтал узнать будущее. За полшага от недосягаемой Матери звезд, огонь молнией выжигал неуёмное сердце, в видениях и испытаниях испепеляя равнодушие. Устремлённое к пылкости звёзды в едином ритме выгорало сердце и становилось огнем — себя рождая. Подчиняясь извечному зову разума, рвалось сердце от жара, мечтая земные сердца зажечь вспышками звёзд. Откликаясь на беззвучный зов рассудка, сокрушающие преграды превозмогало. Слушая зов памяти неизмеримое обновление постигало. Сквозь оковы сомнений вело за искрящимся счастьем, принимая вызовы судьбы.

Опомнившись, не исчез в кромешной тьме человек, а обессилев, спустился с небес навстречу оленьей тайге, и остроконечный лунный краешек шёл за ним, серебром взламывая рассвет. У тлеющей золы костра явился в обыденную земную жизнь. На сухую хвою в изнеможении упал сражённый горьким несовпадением мечтаний. Причудливые выходки в ответ на негласный зов великого таинства и мир далёкий от чистоты не причинили душе собирателя звезд вреда. Отрешённость в пустоте продолжалась не один день, а закончилась неуёмным рыданием слез с болью и наказанием сомнениями. Не видя радостных побед, таёжник каменел, впадая в глубокий провал сна, а приходил в себя обновленным, позабыв, что с ним произошло. Неистовство Матери звезд являлось одним из признаков, по которым олени определяли путника Вечности. Неземной красоты, коснувшись рукой, искры сердца не остывали, а наудачу общались со звёздными душами и по желанию умело ловили небесные связи незримого ритма. Не боялся человек смотреть поверх земной судьбы и зажигал звезды, если их становилось меньше над заснеженным стойбищем. Наполнял стадо оленей светом, озарённым щедростью следуя зову сердца, снимал недуг, обнаружив в теле участок, в котором нарушено пространство созвучия. Возвращал здоровье, восстанавливая гармонию тела и души. Устанавливал звёздные правила,

с помощью окриков отгонял хищников и испугом наказывал лютых зверей, превращая их в странников. Любящим сердцем заглядывал в оленьи глаза и в озарении прорицал, властью сумрака разума зрил в прошлом будущее. Под счастливой звездой со звёздной свободой, огранённой мудростью, ясно видел и жил, не останавливаясь на пути, ведущим сквозь лабиринты холода и тьмы, а заветная удача за ним бежала, понимая, что в тайге без неё не выжить.

Путник Вечности совершал человеческие просчёты, но жалобы и просьбы почитал и без обмана сердца зажигал. Позволял музыке и ритму уноситься в далекое путешествие вглубь себя и жжёное сердце пламенело. В сгустках разных бед не всегда для умного чуда открывал очи. Не жалея сил души трудился, но теряя свет и пульсацию в сумерках затуманенных звёзд, обманывая себя, не получал желаемой удачи, кое-как сводил концы с концами. От равнодушия истина Матери звёзд бросала тень сомнений. Превратилась в туман, сжалась тьмой шаманского зеркала, расползаясь по тропам нижнего мира. Гасли звуки, пала завеса на глаза. Стало скучно человеку бороться с отчаянной судьбой, а душа затуманилась. Не поверил в опеку Матери звезд, а решил залечить надлом душу на развилке трёх миров. Наметала метель сугробы в серой мгле заблуждений. Снежный покров стал высоким, а человек примерял костюм-птицу. Хворал и худел, но на зов о помощи души-предки отвечали очищением. Хищники набрасывались, стойбище опустело, олень-предок исчез в ловушке тени без заботы чуткой души. Бежал под бездомными звездами силуэт оленя по снежному насту, скрываясь от врагов на гребнях гор, подпирающих небосвод, звал на помощь. Человек

чуял хождение погибающих душ и понимал — он нужен не только самому себе. От отчаяния, страдал таёжник, страстно захваченный состраданием, собирал духов-помощников в глубине струящихся ветров. Отправлялся на поиски душ искажённых меж явью и сном, тонул в снегах закрывших трещины ледовых обрывов. Теряя силы, скитались опустошённые души рассеянно бродили без цели, бросая вызов мареву и снегопадам, призывая человека громко камлать, звёздным огнём обжигая горло. Ждали появления звезды из темноты, теряли опору и не знали, в какую сторону идти. Мелодично сладкий голос Матери звезд выходил из потёмок души. Метель слепила, души блуждали, а беззвучный дух-веление водил сквозь исчезающие тени к ровному и ласковому блеску, освещающему тропу. Тусклый отсвет перевоплощался в яркий искрящийся свет, необъяснимым звуком возвращая оленей под охрану человека.

Непокорность в тени и забывчивость следовать зову Матери звёзд, в необъятной высоте белоснежных вершин, отгоняла удачу. Удача не случайно встречалась на распутьях, перевалах, ухабах и порогах, её просто так сердце не получало. Тревога, паника и подавленность в мерзлой белизне снегов, были случаем, когда душа искала причину изменившую линию поведения в худшую сторону и находила силы жить. В сумерках оставались страдания, горечь сомнения и заботы, а возвращался дар прозрения. В поисках удачи оглядываясь по сторонам, ненасытным взором смотрела душа в необъятную пустоту над высотой небосвода. Лучистые звёзды, горели для тех, кто поборол в себе чутьё зверя, мечтая, умел из застывшего мрака горечи и печали выбираться. Счастье, было рядом, когда сердце искало небесный свет, а из стылого хаоса и хладной тьмы возникала властно влекущая красота звёзд. В озарённом небесным огнём сердце загоралась любовь с отсветами тёплого счастья. Презирая грёзы, от стойбища к стойбищу под звучание тайного бубна звёздная удача кочевала за душой — вместилищем сильных чувств. В размягченном небе иссохшими губами о счастье камлал человек и следовал за путеводной звездой по жизненной тропинке, полной ярких событий и впечатлений из тьмы к свету.

УГОЩЕНИЯ СОЛНЦУ

Седой хозяин скал Джуглымского хребта с походною торбою поднялся на вершину в небо летящей горы Мюстыг-Даг, а смотрел прямо вперед на сверкания звёзд. Вечер медленно гас, уступая место тёмно синей ночи. Ветер стужей обжигал, но старик умел получать жар огня для костра, где бы ни остановился, и потушить всякий раз, когда необходимо так сделать. Он носил за пазухой уголек, закутанный в сухую бересту, а от сокровенного луча звёздной странницы разжёг на вершине кочевой костер, окуривая горы очистительной силой дыма от тлеющих веток багульника. Языки пламени оттаивали звёздный рот очага. Ровный пыл разумел — огонь доволен и всё видит. Для старика костёр был оберегом очага, разгорающейся силы жизни и торжества света над мраком. Пламя не имело конца, согревало сердце, обновляло озарение живительной силой встающего Солнца. Огонь нёс тепло среди ночи и, если ясно горел, означал, что старик пожил кочевой день честной жизнью. Старался не обижать, не гневить огонь и кормил солнечный рот в ожидании блеска поднимающейся Луны над вершинами гор.

Из туманной ночи тонкая лунная полоска увидела зовущий костер. Преодолев горные хребты, Луна снизошла на пик, чтобы раскинув на камнях лучики, посидеть со стариком и побормотать с костром, став соучастницей кочевой тайны.

В единстве Луна и человек у потрескивающих углей костра кипятили чай и смотрели на искры, для которых мятое небо начиналось с взлёта. Пламя бросало отблеск на белёсый туман, холодные молнии и колышущиеся звёздочки. Старик подбрасывал хворост в костер, языками пламени солнечный рот жадно поглощал угощения. Ласковый костёр зарядом света и тепла делился со всеми, кто в этом нуждался, и счастливый старик задремал. Роняла ночь огарки звезд в тайгу, а костёр с Луной разговаривал. Жизнерадостный костёр очаровал Луну тёплым обаянием. Покоем окрыляющей жизни костёр рассказывал Луне дивные истории, врезающиеся в удивительные грёзы. Рассказы чередовались с переменой погоды. Ненастьям соответствовали обычаи Матери матерей, в облике Солнца сияющей в блеске золотых лучей. Труден путь восхождения на солнечные вершины, и по высоким перевалам кочевал старик с угольком от костра за стадом северных оленей под светом Солнца, а ночью при свете костра пел песни Луне. Старик не выделялся усердием среди других людей. Жил не богато, но спокойно, тихо и радостно, в огне костра обиды сжигая. Заботился об оленятах, не забывая по ночам угощать пламя костра и восхвалять светила за подаренную надежду, помощь и силу. Огонь жизнь соединял с небесной волей. Без сомнений в чистоте помыслов и доброй совести проходили дни и ночи.

Туман, снегопад и ветер знали, что у волков человечьи глаза и решили проверить, как встретит растущую луну, кочуя по горным вершинам от кострища к кострищу, старик вслед за Солнцем. Из сгустившихся облаков хлестко ветер дунул на лучину, унося тепло, а она погасла. Горение костра поддержали угольки, ветер ускорил тление, а огонь разгорелся в сумраке мглистом. Старался бойкий ветер дуть резче, молнии вырывая из туч, но крепче прижимался отважный костёр к ветру. Костёр ртом ворчал на ненастье, но терпеливо вдыхал полной грудью углей звенящий воздух. Бушующий ветер сердился, хлестал градом и снежную крупу швырял в костёр, пронзал ледяными

иголками. Ругая жестокую стужу, пламя костра прильнуло к камням неразлучными объятиями сердца. Сгусток мглы пылью засыпал глаза костра, а хворост горел неровно, дымил, трещал и стрелял. Силы костра без присмотра, были на исходе, но рядом с ним была Луна и она не боялась ветра. Пламя разбивалось под струями косого дождя, тлело в углях, но вспыхивая искрами, тянулось к лунным отблескам. Не гаснущее пламя костра светило и грело, а потускнев, хранило лунное молчание.

Чуя запах добычи рыскали волки ночь напролёт, а ветер свирепел и сыпал в костёр изморось и дождевую каплю. Огня боялись хищники в тайге, а тяжело вздохнула Луна, предчувствуя унылый холод. Общаясь с духом огня, Луна поняла, жизнь там, где греет пламя костра, но у неё замерзала кромка. Огонь от усталости завяз в снеговом болоте. Испугано развевался, но не трепетал, как попало, освещая скользкие тропы, сквозь трущобы и буреломы. Прижималась Луна к костру, спокойно принимая грядущее провидение. Достигнув желанной вершины, словно загнанного зверя отчаяние постигло ослабевшее пламя. Луна не спала, словом поддерживая кроткого друга. Костёр просил не бросать, ибо без Луны ему не в силах со стихиями сжиться. Владеющая мыслями Луна и костёр вместе продолжили борьбу с расползающимся по горам ненастьем. В холоде неизвестности обессилели, а замерзающие слёзы наплывали испугом и безволием. Убирая из сердца беспокойство, Луна не повернулась к отсвету искр спиной. Знала Луна, что костёр запомнит предательство. Сражалась с пустотой в вихре прозрения, а внутренний голос сказал, что вспыхнет искра, в черствеющей душе ветра. Надрываясь от напряжения, окоченевшим краешком света Луна всколыхнула тлеющую гарь. Уголёк сердился, но не погас, а искоркой разгорелся в злых объятиях вет-ра. Заунывная метель заметала протоптанные звёздами следы угаром. Костёр зовущий взойти солнце не мог сам гореть вечно, а Луна отблеском усердно кормила огонь. Дымление отгоняло страх мглы холодного ущелья, в котором поджидала затухание костра, жестокая стая голодных волков, оскалив зубы.

Вьюга огонь костра леденила, засыпала студёным инеем, сугробом заметала. В трудах и бдении костру чудилось, что шептало добрые заклинания и мудрые повеления Луна, за снеж-

ное небо цепляясь. Качнувшись дугами облаков, Луна сердце застелила снегом. Запылал от ревности костёр, жгучий снег стеной стоял между ними. Сварливо трещал сырой хворост. Покорив высь вершины, обнявшись с небом, костёр видел озябшую тайгу. Уткнувшись в снег, на мгновенье в сердце костра наступил покой, но не потухла большая сила. Искра не погасла в прохладе снегопада и на снегу как звезда не сгорела. Рана в груди костра жгла, горячими искрами плакало пламя. Отяжелевший костёр не грел горьким дымом, пламя кромсало снегом заметённые небеса. Остудив бесплодные объятия снега, на копоть горы вернулась на пар похожая Луна.

Вдаль необъятного неба птицы дымом полетели при звездном свете, а туман повис клочьями. Борьба за жизнь с враждующими стихиями и своими слабостями дарила костру чудо. Костёр заметил, что ненастье вдруг отступило, а волки вошли вглубь чащобы. Богатый силою внушения от стаи отделился туман и уводил костёр, оплетая вялой ленью судьбину от суровой реальности. Туман таинственно обнимал дымкой искру. Не трогая воспоминаний пламя, уверенность развеял, стирая с небес звёзды. Мечтал волшебными словами, послушно расстилаясь вокруг костра. Пламя одолевала дремота забытых снов, а костер, выдохнув дым, незаметно заснул. Снилось, что горит он у обрыва могучей горы, а на вершине заклятье равнодушного холода. Окрасив тропу в облака, туман за горизонт приглашал дым костра прогуляться по волчьей тропе оленьим шагом. Земные заботы звали хранить огонь костра, но дым, зевнул и послушно пошёл в туман, оставив гаснущую

искру. Запах счастья, вдыхая во сне, дым стелился узором похожим на жизнь, в туманном обмане. Сплетались дым и туман в кружева, но дым до боли резал глаза. От одиночества туман прошибли слезы. Дым в тумане жизни суровой учился, а правду от зла сумел отличить. Скитался заблудший дым, расталкивая

стаю волков. След в след, дым и туман брели по волчьей стезе, где слёзы, переплетаясь с лунной тропой, выпадая росой. Пройденный путь, где волки бродили по Млечному пути, показался наивными и дым понял, что это неправда. Звериной тропинки в глухой тайге созвездий не существует. Нет места в тумане подкопчённой радости и счастью. В тумане светили глаза-искры волчьей тьмой и жадным светом чужих планет. Тропинку с чёткими следами волчьих лап, созвездий туман придумал. Дым пробудил лунное сердце от дремоты, в которую упало. Луна отдышалась, подкинула в костёр растопку-свет, терпеливо подкармливая призывный огонь поднимающегося Солнца, хотя само светило находилось за горизонтом. Туман убедился, что ему не свернуть порывистый дым с правдивой тропинки к звёздам и не растворить в бездне тупиковых ущелий. Роса засветилась, отражая лучики восходящего солнца, а изморозь превращалась в звёзды, вселила в пылкую душу огня надежду.

Между истиной гор и явью неба взошёл краешек пламенного Солнца, ярким рассветом прогоняя в туманную мглу стаю голодных волков. Видя бессилие ветра, тумана и снега, улыбнулось Солнце и выглянуло огненным оком из-за заснеженных хребтов. Изнутри озарило, обогрело и осветило полузамёрзшую вершину. Костёр собрал горячие силы и одним мигом взметнулся вверх навстречу Солнцу, рассыпаясь на сотни красивых искр. Мерцающие искры любили, чтобы им улыбались, но соприкасаясь с прохладой меркнущих звёзд, без следа сгорали в солнечных лучах. Окружение истлевшего костра лишило его теплоты, мир согревало всемогущее Солнце. Почувствовав теплоту солнечных лучей, Луна поверила в возможное возрождение костра и решила продолжить движение по тропам к следующей вечерней заре. Перемёрзший сон старика от сердечного льда оттаял огнём, он знал, что друг без друга им не уцелеть. В талом сердце избранника Солнца засветился костер. Старик ободрился, поблагодарил огонь и побрёл за счастьем. Солнце высушило росу и позволило забыть об окружающих опасностях — это была тайна в вечной битве за жизнь и в холод, и в зной.

Сквозь непогоды путы рвал старик, стремясь идти вперед. Тропа, по которой кочевал, становилась торной тропой. Не ломалась она, не зарастали края мхом, не засыпались камнями. Навстречу жизни старик, нехоженые тропинки в тайге обошёл с угольком в берестяном кармашке для хранения принадлежностей для добычи огня. Богатея нищетой сторонился прелести разнузданной роскоши. Огонь охранял от лютых хищников, а он один в тайге никогда не ложился спать без костра. Боялся дуть на ненасытный огонь и бросать в солнечный рот сор унижения. Не перешагивал через пепелище очага и огонь чужого человека. Не рубил дров около огня. Не трогал огонь ножом и не заливал угли водой. Убирал не догоревший хворост от углей и угли прогорали. Гадал на углях погасшего огня. Землей костер не забрасывал. Не нарушал закона тайги, не обижал огонь нарушением охотничьих обычаев. Сокровища, скрывая в сердце, повидал немало, много всего в кочевой жизни бывало. Гордостью самоуважения не торговал, твердо шёл в незрячем тумане, обгонял бездумный ветер, а в снегопаде не слушал пустых речей пожирателя снов. Желая чувствовать восход зари, возвращал силы

в сердце, а огонь не убегал от оскорбления. Ветер колко веял с узоров зари, холодком сдувая пламя с разгорающихся углей, у которых с Луной вёл разговоры о таёжной сути.

Собираясь на охоту, старик слушал язык пламени костра. Солнечный рот предвещал удачу — хорошо будет в тайге, ляжет свежий снег, а волки стадо оленей не разгонят. Булькал огонь — Хозяин огня замерзал. Шипел огонь — просыпались Луна и звёзды в ожидании перемен. Огонь свистел — солнечный рот хотел кушать. На промысле солнечный рот угощал через пламя костра, а огонь одновременно был слабым и сильным, добрым и алчным. Старик напрасно не дразнил свирепое пламя. Голодный огонь по сухой тайге убегал, от жадности дрожа языком пламени. Обожанием с руки кормил язык огня кочевого очага. На огне готовил себе поесть и приступал к еде, угостив солнечный рот в малых количествах той пищей, которую добыл на охоте. Взметнулось ввысь, опадало чистое пламя под сытой Луной и несло угощения Солнцу. У голодного Солнца появлялся аппетит при достижении человеком поставленной цели и заботе об таёжных обитателях. Голодное Солнце не могло вкушать эту пищу без помощи языка пламени. Искры насыщали вечный огонь Солнца, побуждая светить ярче. Накормленное Солнце шло навстречу, помогало в добыче зверей и по тропе далеко, светло и легко ходить давало, способствовало возрождению, размножению всего живого в тайге.

Луна вышла из-за горных вершин и у пламени костра обрадовала старика серебром спокойствия. Старик поведал про чудеса, но рассказ не окончил. Следующим вечером чуть звезды блеснули в небесах, Луна выслала сигнал блеском. Старик поднялся на новую вершину встретить восход звёзд. Луна светила на пике горы напротив, чтобы путь кочевника был похож на огонь, горящий впереди направления. Зарю ждали Луна и огонь костра, исцеляющим светом соединиться в солнечном рассвете. В заре угасала Луна, а огонь костра, задевая звезды, встретил восход солнца. Костер судьбы осветил пик одной вершины, на которой дети поддержали огонь, потом внуки и правнуки. Чай, горячая еда, спокойный сон, сухая одежда, дымокуры, свет и тепло кочевых костров держали таёжную жизнь в суровых условиях долгих зим, ледяных рек, ветров, дождей и снегопадов. Во время мора в очаге меняли огонь, добывая его путем сверления. Без огня не выживали. Начало всего догоняло края земли, жизнь продолжалась — огонь горел вечно. Искра выскочила из пепла и попала на старика — к удаче. Среди тревог старик на вершине встретил восходящее Солнце, но появилась другая, более высокая и манящая будить Солнце следующей ночью. С каждым шагом старик нёс негасимые искры чувств насыщенные кочевыми оттенками. Он светился и грустил, любил и страдал, сиял и мрачнел, но не остывал. Искрами радости угощал Солнце.

ОЗНОБ СОТВОРЕНИЯ

Таёжник жил в двух измерениях — по велению повседневности, жизнью небесных светил. Приехав на новое стойбище, смотрел в бездонную тайну необъятного неба, озарённым счастьем наполняя сердце. В безграничной красоте гор надел оберег с когтями медведя и клыками кабарги. Разжёг кочевой костёр и покормил огонь поверьями. В кочевании целиком посвятил себя поискам таёжного первоначала и жизненной силы, связующих человека с окружающей природой. Сердце птицей рвалось в истину вечного мифа, в котором умственное до дрожи чуялось, а осязаемое ознобом сомнений одухотворялось. В бессознательном восприятии рождений дня из ночи, как живых существ, подобных человеку, неживая природа, небесные тела, птицы и животные имели способность в тайге жить, мечтать и испытывать чувства.

Солнце собрало яркие лучи, положило их на золото ароматной живицы и пригласило озябшую Луну прийти в гости. Они поговорили, а в лунной душе, обогретой заботой — родился отсвет. Вернулась на край небес облачённая в солнечный

свет Луна и решила пригласить Солнце её посетить. Думала Луна, чем порадовать Солнце и собрала продрогшие звёздочки в созвездия из серебряной пыли облаков. Старалась Луна, но менялась каждую ночь, то полнели, то худели её солнечные одежды, а непослушные звезды рассыпались в ознобе. Яркие и блестящие, горячие и холодные, большие и маленькие звёзды толкались между собой, спорили, тускнели и по небу крутились. Солнце в тёплых сумерках склеила дрожь звёзд в созвездия медведей и птиц, но заблудшая звездочка-кроха одиноко мерцала в закатном луче. Призрачно-бесплотная звездочка чувствовала силу приключений и перевоплощений. Она бродила среди небесных светил по стезе перелётных комет и зрила всё то, что не зримо. Влюблённая в яркий свет, тепло и благоухание Солнца, вкусила кипучую каплю солнечной живицы, но ощутила мысленный ожог и превратилась в Звезду-оленя. От отблеска солнечной породы душа её покрылась тенью лунного провидения. Из бесконечности сотворения падающей звездой низвергалась на потухшую землю стылую пищу изведать. Звёзды испугались душевной слепоты и выгорания от повергающих лучей солнца. Злились, дрожали и ворчали на яркий свет, устрашаясь крушения созвездий. Солнце, покраснело от огорчения и отвернулось от звёзд, предпочитая с зяблой Луной больше не встречаться, а завидев созвездия, обходило их стороной. Напоминая строптивцам о себе, хмурая Луна спряталась между Солнцем и Землей, вживаясь в образ новолунного шатуна. Ночь рождала раздор и обман, сон с видениями и отмщение за отступления, вечный чёрно-белый свет, заблудшей темноты. Бродячих звездочек за попытку пугать созвездия отправила Луна на твердь земную, светом жечь чужие души. Нисходящей судьбой, летела Звезда-олень, золотою пыльцой затуманивая небо над лежащей в облаках оледенелой Землёй. За непокорность Луне ореол рогов с головы Звезды-оленя отвалился. Понуро рыдая, она обожглась холодной росой смолистого кедра. При падении передние ноги стали короче задних ног, а позвоночник изогнулся. Уши удлинились от удивления, а короткая мордочка получила чувствительный нос. В отличие от обычных оленей, Звезда-олень не получила слёзных желёз, зато одарилась ароматной мускусной железой. На чёрствых камнях мех

сохранился с каймой и блеском лунного цвета с полым строением волоса, а рост стал меньше северного оленя. Осталась не заживающая рана в сердце ожидающего безропотно рассвета.

Холодная луна печально из новолуния улетала, унося с собой призрак заснеженных громад. Безрогий олень с огромными

лиловыми глазами не превратился в безликого зверя, а осознал, что не вернётся в вершины надзвездной лазури. Время перемен и обновления уносило обиды, разочарованья и наивные терзанья. Осколок мироздания верил, что в день зимнего солнцестояния случаются надзвёздные чудеса. Глядел молчаливо в небо, не переставая надеяться и ждать от зимнего солнца диво. Мечтал получить земные клыки и когти как у медведя, чтобы добывать суровое пропитание. Отдавал камням на вершинах гор ароматный мускус и чудесным запахом метил солнечную стезю. Пугливый олень считал, что солнце ближе, когда восходит, а дальше от него, когда достигает зенита. Солнце в зените жгло, а в сумерках рассвета, прохладное Солнце было приветливо на зазубренных узорах гор, и олень, душистым дуновением привлекал внимание светила. Запах выводил встающее Солнце из равновесия, а олень добивался внимания. В темноте ошалевшее животное блудило, путалось в камнях и чащобе, срывалось в ущелье, крутясь, превращаясь в настоящего зверя.

В поединках с непроглядной тьмой и безумством печали, понимала, что этот небесный запах достался ей от солнечной живицы. Исходящий приятный аромат манил светило, а через сумрачное плетение горных пиков оно поднималось. Глаза открыв и стряхнув снег с вершин, отправилось светило в путь в поисках источника пахучей стёжки. На острие камня среди ледников заметило поседевшего как лунный снег сверженного с небес искателя счастья. Сердца пламенная кровь и свет души надзвездный сомкнулись бездной. В чистый дух грезил преобразиться олень, мир холодных гор звёздного сердца теплом обнимая. Теряя на камнях по капле живительное тепло, светило без любви не жило, а терзалось и избавило от страданий сброшенную Звезду-оленя. Поделилось снегами, светом, небесами и бальзамом из живицы кедра от которого у оленя выросли острые и крепкие клыки, загнутые вниз. Не хищный олень поменял рога, на зверя с обманчивым видом — клыками. Солнце не испепелило зверя-звезду, а перевоплотило в своего духа помощника — Кабаргу.

В поисках охотничьей удачи волки блуждали за хрупким оленем в безлунных снегах. Падающий метеорит осветил бездушный камень горных хребтов и ниспадающие языки ледников. Кабарга наполняла дыхание надзвёздного свода звуками, напоминая лай преданной лунной дворняжки. Летом на снежных пятнах гольцов спасались от овода северные олени, изюбри,

лоси и медведи. На зиму они спускались ниже в тайгу, а одинокий зверь — кабарга задерживался тихой прохладой снежных вершин. У камней соединения Земли и Неба нашёл обиталище неприметный олень без рогов, но с длинными изогнутыми клыками, выступающими из-под верхней губы. Питаясь мхом и ли-

шайниками, спускался к смыкающемуся краю Ночи и Зари. У маленького оленя, клыки росли всю жизнь и имели острый режущий задний край. Мощные клыки, не устрашали волчью стаю и медведя, а выискивали целебные корешки с исцеляющей силой. Из-за клыков, растущих сверху в низ, звери наделяли кабаргу прорицателем и знахарем, добрым духом помогающим в таёжных делах, решить которые своими силами они не могли. Считая кабаргу Духом хранителем, таёжные люди носили обереги с клыками небесного покровителя.

Глядел саблезубый олень с тоской на горные хребты, где в сизой дымке неба вдали загорался закат. Защитный окрас и осторожность позволяли лишённому ореола оленю оставаться незамеченными на гольцах и в густой тайге. Кабарга кормилась кедровым орехом шишки-паданки, выкапывала ягель и коренья пряных растений под снегом и бородатым мхом, растущим

на стволах и ветвях деревьев. Любила скалы, на которых можно спастись от хищников. Обожала утёсы, на которые лютому зверю ни за что не взобраться вслед за оленем по вертикальным склонам. Хорошее сцепление с камнем кабарге обеспечили мягкие роговые ободки, покрывающие копытца. При опасности кабарга бросалось наутек от хищника — путала след. Пробежав от лисицы, она поворачивала назад, возвращаясь по своему следу, точно ставя ноги в уже оставленные на снегу отпечатки, делала большой прыжок в сторону. Отменный прыгун приземлялся далеко от старого следа, туда, где её оттиски уже не были видны, на куче валежника или кустах, вводя в заблуждение преследующую её рысь или волка. Если оторваться не удавалось, мелькая тенью, уходила в крутые скалы, поднимаясь на отвесные стены, куда звери взбираться не решались. Подстерегали кабаргу на кормёжке рысь и медведь, преследовали росомаха и лисица, беркут и филин. Прячась от хищников, принимала вид камня и уверенно чувствовала себя в глубоком снегу, но в периоды рыхлого снега на кабаргу охотится хитрый соболь.

В дни злых метелей, пурги, буранов и вьюги кедры кружились, трещали, ломая сучья. Кабарга, комочком свернувшись, согревалась в сугробе, не слышала чутким ухом подкрадывающегося хищного волка и подпускала на короткое расстояние. Долго и изворотливо бежать вскачь не могла, на высокой скорости у неё быстро появлялась одышка. Кабарга вынуждено останавливалась передохнуть, прыгая с уступа на уступ, уходила от зверя по узким каменным карнизам и скрывалась — затаив дыханье. На тундре открытой вражды скрыться от выносливого волка и росомахи она не могла. Росомаха умело снимала кабаргу с отвесных отстоев. Она упорно, настойчиво преследовала по запаху кабаргу до изнеможения, по свежевыпавшему глубокому снегу. Сгоняя кабаргу с малоснежного скалистого склона в распадок со снегом, быстро загоняла в каменный мешок и рвала когтями. На каменных россыпях и чапыжнике кабарга находила способ защиты от звериной погони. Запутывала след, осторожностью и сноровкой, петляла, а скоком уходила в недоступные врагам буреломы. Не боялась кабарга безумного удушения бурной реки и шуги с мокрым снегом, спасаясь от жестокости голодной стаи. В снегу неподвижно затаивалась,

если в небе глазами от злобы сверкала парящая хищная птица. В безопасном месте кабарга пережидала опасность, накрыв шерстью раны, но иногда исчезала в снежных лавинах и камнепадах.

В час утренней зари серебром обнимались небо и горы причудливые, как мечты. Просыпаясь над горной грядою, кабарга на морозном ветру не стыла и не боялась высоты. Среди облаков и пиков вершин, скрытный олень одиноко брёл по краю отвесной скалы, не перенося дневной суеты. Самка оленя не имела клыков и полностью зависела от защиты самца. Преданная и надёжная мать, отлично карабкалась по упавшим деревьям, прыгала по камням и на скорости разворачивалась, сбивая преследователя. С тонким и тревожным слухом маленькие оленята в горной тайге прятались от врага соболя и совы. Слыша писк проснувшихся и открывающих глазки оленят, мать смело шла на него, не деля детей своих и чужих. Ловилась на охотничий обман с помощью манка, которым охотник выманивал самку, имитируя писк маленького детёныша. Чересчур доверчивая мать выходила прямо к охотнику и вела себя очень глупо. Она слышала протяжный и нежный звук манка, как писк детёныша, попавшего в беду, не убегала, а давала охотнику перезарядить ружьё в случае промаха. Материнский инстинкт у неё был настолько силён, что она не могла поверить

в коварную ложь. Небольшой свисток из бересты, издающий тягучий и медленный звук, привлекал и крупного зверя во время охоты на кабаргу. В след за самкой из дремучей тайги выходил на сладостный звук манка, осторожный и неповоротливый медведь. Готовый солнце проглотить, косолапый бродяга не упускал возможность посмотреть на молодых, под луной родившихся кабарожек. Но увидев охотника, зубами зажимающего манок, от удивления рычал, ревел и хрипел от досады, от добычи спугивая соперников. Шуршание травы, хруст кустов, уставшее дыхание говорило, что за медведем шли его голодные сородичи, проверять место, где кричал или пищал не осторожный детёныш, самая лёгкая и вкусная добыча. Почувствовав испуг, не обнаружив дитя, кабарожка старалась встать под ветер и не торопясь быстро уйти от медвежьей погони, сбрасывая их со следа. Без матери оленята становились лёгкой добычей любого опасного зверя. С солнечным пушком маленькие кабарожки затаивались, самка заботливо их охраняла, предупреждая об опасности, топая копытцем о камень. Приучала забираться на скрытый отстой. Бегать по скалам за шустрым малышом на тоненьких ножках опасным хищникам было не просто сложно, но и опасно. Прислушиваясь к вою волчьей стаи, передвигалась кабарга по ночам и нервной поступью в сумерках, лёжки устраивала в гуще зарослей и среди скал.

До первого сна расслаблялась и подпускала к себе близко человека с собакой. Лайка отыскивала животное, гнало его либо на охотника, либо на скалы. Собака была не в силах задать в погоне направление петляющей кабарге. Быстрая и вёрткая кабарга путала следы, а устав, находила на скалистый уступ, а забравшись, стоя выжидала. Таёжник осторожно шёл на лай собаки

и внимательно смотрел, есть ли клыки у кабарожки. Кабаргу мать, рожающую оленят на отвесных скалах вершиной царапающих бездонные небеса человек, не тревожил. Он не ходил на охоту до новолуния, но отбросив сомнения, добывал кабаргу-самца ради мускусной железы, используя как лекарство. Часть добытого зверя оставлял в тайге волку и ворону. Не брал добычу из чужой ловушки, а под знамением звёзд из клыков мастерил обереги — на счастье.

Живое пламя очищающего костра гасло, угольки тлели под белою золою, готовые вспыхнуть в сгустившейся тьме. Прерывисто мерцая звезды, вбирали жадно силу от остывшего пепла. Над снежной горой глухо камлал лунный шатун, соединившись с Мирозданием. Пугливый взор вечной лунной спутницы преобразился горючей смолою встающего солнца. Звезда-олень постукивала копытцем в бубен каменной вершины, сердцебиением отмеряя время. Озарённая солнечным светом кабарга была жизнь, наитие и от бед оберегом. В надзвёздном сердце кабарги теплилась чувства, греющие понурые души. В унынии стылого утра рождалось новое зимнее солнцестояние, надеждой вдыхающее в будние дни снежный воздух и живительный свет.

КАРА — ЧЕРНЫЙ, БУРЕ — ВОЛК

Узорчатым проблеском лучей зимнее Солнце развеяло мглу над пиками Удинского хребта. Медленно посыпался пушистый снег на вершину горы Кара-Бурень. Сидя у кочевого костра с дымящейся чагой, рассказывал зверолов охотничьи истории о загадочных существах — волке и медведе. Мудрая природа сама находила душевное равновесие среди зверей и людей, а таёжный народ, окутанный ореолом невероятно загадочных тайн, сложился из двух древних родов, вскормленных молоком волчицы и медведицы. Закалённые в долговременной борьбе с лютыми хищниками, звероловы из страха развили уважение и чувство признательности к волкам и медведям. Из-за пытливого любопытства старались лучше понимать зверей и даже дружить с ними.

Чёрный волк с синим оттенком глаз по имени Саян — был животное небес, словно звезда, приносящая удачу. Зверолов с детства носил оберег, украшенный когтями и клыками этого зверя. Предки произошли от Чёрного волка, а человек верил, что волк для него брат. Волк особенностями был похож на

человека и был духом-охранителем рода, поэтому на него не охотились. Считал волка смелым и умным, со стойкой волей и боевой выучкой. Обожал волка и усваивал его отвагу, разум и гибкость, перекладывая всё лучшие в свой характер. Эти качества помогали добывать охотничье счастье, а охотник зимой ожидал появления Чёрного волка. Волки нападали на животных ради пропитания, а в бескормицу глубокого снега охота волка на медведя в берлоге спасала от голодной смерти таёжных обитателей, принося им питание. С Чёрным волком мог ладить тот, у кого с ним была одинаковая жизненная сила и удача.

Немногие звероловы хвастались, что встречали Чёрного волка. Вспоминали про волка в таинственный период жизни медведя в зимней спячке. Окрестные волки истребляли истощённых медведей-шатунов, но обходили спящих в берлоге. Возле каждого стада северных оленей жила волчья семья, которая считало его своим. Серые волки след в след обходили тайгу и горную тундру, по узким ущельям искали ослабевшего оленя, но охраняли стадо от лютых зверей и от других волков. Прошли волки по горному хребту и с высоты оленя не обнаружили, росомаха стадо разогнала. В одиночку всеядные волки питались мелкой добычей: кабанами, зайцами, не брезгуя мышами. В стае охотились на молодняк лося, кабаргу и изюбря. Съедали поникших зверей, раненых или постра-

давших в драке гона. В голодное время, рыская по местам недоеденных остатков, обнаруживая добычу чутьем или на слух. Развитым чувством обоняния волки учуяли чужого пришельца на расстоянии. Выслеживали и по цепочке передали данные стае о том, что нежданный гость движется с Дототского хребта к горе Кара-Бурень.

Зверолов понимал таёжные сообщения. Услышал крик ворона, а вой волка вызвал страх, затем — интерес и почтительный трепет. Откинув голову назад, волк выл вибрирующим воем: вначале низким, но заканчивал на самой высокой ноте, обозначая владения и собирая стаю. Хищники издали разные звуки: выли, хныкали, ворчали, рычали, тявкали и визжали. Огромным количеством вариаций звука передавали сообщение о движении необычного гостя. Серые волки извещали о появлении Чёрного волка-одиночки, чувствующего свободу в горных условиях и в глубоком снегу. Озабоченные волки читали отличительные приметы и отметки. Чёрный волк передвигался, опираясь не на всю ступню, а на пальцах балансировал вес. Щетинистая шерсть и тупые когти помогали удерживать

равновесие на скользкой наледи рек и скалах. Следы отличались от следов обычных волков. Боковые пальцы отпечатывал назад относительно средних. Зверолов в воображении провёл прямую от кончика мизинца до кончика указательного пальца и основания средних пальцев лишь слегка зашли за эту линию,

а у обычных около трети длины подушечек средних пальцев. Пришедший волк держал лапу в комке, оставляя отчётливый след, но чуть меньше. Дорожка следов была гораздо прямее серого волка имеющего большую длину следа. Пахучие железы, расположенные на лапах между пальцами, оставляли за животным опознавательные отметины, сообщающие волкам данные о поисках медвежьей берлоги.

Свирепый, коварный и храбрый ночной хищник — Чёрный волк был прямой потомок обитавшего на горно тундровых просторах крупного ужасного волка. Летом отдыхал в уютном логове у воды исцеляющих источников Сурхойского хребта. Отмывал ил и грязь ненависти в чистоте согласия. Умом выделялся среди обычных волков и по перевалу Тувин-Дабан умело обходил капканы и сноровки, петли и уловки стрелков. Полежав и отогревшись в тёплой купальне с бурлящей водой, через перевал Чойган-Дабан в кромешной ночи ходил по изюбревым тропам на достойную оленью охоту. В оголодавшие годы из бедных мест за перевалом Монгол-Шара-Даба исчезала

крупная добыча, а Чёрный волк делал длительные переходы на Север к горам Удинского хребта. Чёрный волк привык кормиться зимой, за счёт медведей, спящих в берлогах у горы Кара-Бурень и не боялся борьбы с родичами сибирских волков. Он отличался от несытых серо-бурых матёрых самцов и волчиц. Глаза у Чёрного волка светились синим цветом неба всю жизнь. Густой и длинный, состоящий из двух слоёв мех делал волка на вид крупнее, чем он был на самом деле.

Сильный, ловкий и быстрый Чёрный волк о своём присутствии местным волкам дал знать громким воем. Чёрный волк умел чувствовать и слушать, стороной обошёл берлоги медведиц с малышами и обнаружил спящего медведя. Он заявлял не поместные притязания и ухаживание за волчицами, а предлагал временное перемирие некормленым хищникам и вместе бороться за существование. Отважный Чёрный волк, разгоняясь до прыжков, несся во всю прыть, приглашал жаждущую пищи стаю волков к охоте на медведя в берлоге. Волки погадали о предстоящей охоте и приняли приглашение, а ответственность за успех стаи взял Чёрный волк и определил способ и приемы охоты. Закричал ворон и стая разделилась. Часть волков оставалась в засаде, а другая, крадучись, направилась поднимать добычу из логова. В слепую пургу, не издавая лишних звуков, волки с подветренной стороны подошли к берлоге

бесшумно, чтобы преждевременно не спугнуть добычу. Серьёзный медведь в страхе всех держал и не любил волчьи шутки. Запас много жира на зиму и шерстью заросший спал без просыпу, временами облизывая подошвы подсыхающих до трещин лап. Сквозь сон и глубокий храп слушал ветер через чело берлоги, что кружил вокруг, но почуяв приближение опасности, мог покинуть логово и уйти в запасное убежище. Напрягая нервы, до боли в глазах Чёрный волк всматривался в жерло берлоги, совершил извинительный обычай у души медведя, стараясь обмануть бурого великана, но неожиданно его разбудил. На ветвях могучего кедра немножко сгорбилась и приподняла крылья тень ворона. Рухнул снег. Берлогу тряхнуло, а молодой волк-озорник случайно провалился сквозь пробку лаза, столкнувшись, нос к носу с напуганным зверем. Выскочить не успел, а взъерошенный медведь в один замах лапой снял с него уши. Стая кинулась отвлекать медведя, спасая неопытного беднягу. Медведь с испорченным настроением выскочил из берлоги, выпустив в стороны торчащие когти. Оскалив пасть клыками, с рычанием сурово встал во весь огромный рост и пошёл навстречу волчьей стае.

Ворон резко и отрывистым клекотом звал сородичей лететь к берлоге, а Чёрный волк издал боевой клич — сигнал к нападению. Без раздумья жизнь отдавая, вцепился медведю в шею. Злой зверь выл, скрепя зубами и вертелся с волком, размахивая когтистыми лапами. В вихре борьбы сбросил с шеи волка. Огромная туша подмяла волка и повалила в снег. Клыки медведя бродили у горла волка, а синее глаза царапал колючий снег. Чёрный волк, с рваною раной в боку сумел увернуться, скользнув, резко рванувшись в сторону, сцепился в нос медведю твердой хваткой клыков. Коротким взмахом тяжёлая лапа рассекла лёд прямо над головой волка. На мгновение сердце волка сжалось в когтях и замедлило стук, но на остервенелого медведя навалилась ураганом волчья стая. Резцами и клыками рвала пятки и уши свирепого зверя. Раздался ужасающий рёв, и на снег полетел клочьями медвежий мех.

Звериную силу ощущая, сливаясь в единую стаю на равных боролись волки, без страха ожидая неистовый исход. Вырывались потрепанные волки из-под лап разъярённого медведя.

Сбрасывая с себя налипавших волков, не выдержав натиска, медведь попятился и в ужасе побежал сквозь бурелом и заросли кустов. Волки мчались по пятам добычи, а другие наперерез обегали или трусили не спеша. Отдохнув, сменяли передовых, пока не взяли медведя измором. Поднятый с берлоги медведь в паническом страхе, не разбирая направления на всех четырех лапах, нёсся большими прыжками вперед в белый снег. Злобно оскалив пасть и вздыбив шерсть, издавал глухой отрывистый кашель-рык. Юркие волки умело осваивались в обстановке и уходили от опасности, пользуясь главным оружием — клыками. Тихо бурча медведь останавливался. Не заботясь о собственной жизни, волки бросались на него. Движением головы, ушей, хвоста и взгляда выразительно делая знаки стае, загнали медведя в низину между скал. Медведь в звериной ярости не чувствуя боли зубами и клыками рвал каменный мешок. Отчаянно когтями скреб и ворочал валуны лапами, но стая не позволяла ему из ловушки уйти. Медведь не в силах выбраться из волчьей засады протяжно замерзал от ран и холода. Пурга закончилась, ударил мороз, а волки спокойно сидели рядом с недовольно бурчащей кучей свежего мяса. Громко кричали вороны, оповещая обитателей тайги о богатой пище и созывая всех на пиршество.

Чёрный волк ничего не боялся и никому не доверял, шатаясь, прихрамывая и проваливаясь в рыхлый снег, первым

подошёл, к тяжело вздыхающему медведю. Вяло лапой медведь снег ковырял и глазами чёрными как смоль смотрел в синие очи волка. Не пугаясь оскала, израненный медведь был опасней волчьей стаи. Чёрный волк чувствовал в медведе друга, а видел добычу и решил не мучить его душу. Хищно удерживая

мохнатого медведя, спросил согласие на победу — добытую в честном бою и попросил прощения. Чёрный волк стальными клыками с хрустом перегрыз медведю сухожилия, сокрушая его. Опасаясь мести и соблюдая охотничьи правила, связанные с разделкой туши — всунув в пасть медведя его лапу, снял шубу с головы до коленных сгибов. Перенимая силу и смекалку медведя — стая объедала тушу живьём, душу оставляя в сердце зверя. Свежевала, зубами рвала сырую плоть в клочья. Прорезал суровую тайгу жалобный рык из глубины медвежьей души — зверь изувеченный задыхался. Чёрный волк спокойно отошёл в сторону, зализывая рваную рану, рубцы и шрамы от медвежьих когтей. С пеленою в глазах Чёрный волк слёг на снег. Зверолов не спеша пошёл, не заметив слёз на волчьих глазах — увидел ухмылку победителя. Синяя радужная оболочка глаз становилась золотисто-жёлтой, а он осознал, что раненому волку без помощи человека не выжить. Чёрный волк зарычал, оскалив белые клыки — недоверчиво посмотрел на

охотника. Брату подал человек руку в знак уважения. Гордый хищник вздохнул полной грудью, не открывая душу задумчиво улыбнулся. Человек снял тонкий слой бересты с растущей вблизи берёзы, перевязал залитую кедровой живицей рваную рану друга. Затем заботливо отнёс волка на руках отлежаться на сухой хвое под кедром. Чёрного волка на белом снегу проще заметить коварному врагу.

Вернулся к стае грызущей тушу медведя. Отрубив кусок, отправился обратно к Чёрному волку и положил мясо рядом. Не съеденные останки коробил мороз, как запас в каменном морозильнике. Волчья семья очистила ссадины и отметины снегом, отдохнула, протяжно завывая, не спеша ушла. Могучие защитники беспомощных созданий разрешали кормиться голодным обителям гор. Ворон клевал, взлетал, снова клевал. Запах пищи привлёк рысь и лисицу. Немного подождав, соболь накинулся на лакомство, а росомаха выжидала выкрасть душу. Зверолов взял медвежью желчь, а сырой кусочек сердце-угощение положил в медвежью пасть и на охранном языке просил душу дать приплод. В стремлении помирить душу медведя с добывшими его волками, на медвежье ухо надел серьгу-оберег и уложил голову спать между передних лап с когтями по направлению на солнечный восход, а задними лапами к закату. Собрав кости — обвязал цветной ленточкой — снимая вину. Разжёг очистительный костёр от уголька, завёрнутого в бересту. Чтобы умилостивить таёжного гостя в облаке дымящейся чаги проводил душу в горное логово умаститься спать, где она вновь облечётся в плоть и проснётся.

Ветер взъерошил поседевшую шерсть Чёрного волка и звал гулять среди снега и скал. Приносящий удачу зверь осознал, что день прожит не напрасно и смысл свободной жизни не утрачен. Чёрный волк грустно завыл на восходе мерцающей звезды удачи — прощаясь с местными волками. Звук был похож на рычащее общение с отбившимися собратьями. Стая присоединилась к вою позже, заканчивая тоской визгливого лая, а с вершины горы смотрела Чёрному волку вслед. Душа медведя сопутствовала волку по имени Саян, несущему охотничьи недуги по извилистой долине Вулканов за белый горизонт к горячим источникам горы Буштыгэ-Хара-Тологой.

ЗЕЛЕЙНИК

Звонко хрустели оленьи копыта, топча снежный наст и слякоть наледи. Запоздавшая весна пришла с радостным взором, влажным блеском и искрами на проснувшейся хвое. Кедровый стланик снимал белые шубы невесомым ощущением с небес солнечных лучей прикосновением. Таял слежавшийся снег на вершинах гор, а бурные ручьи пронзали брусничный покров ягельных просторов. Отвесные скалы вспыхнули алым туманом багульника, а с кромки льда перелётные птицы смотрели в полыньи. Поля первоцветов загорелись на фоне лазоревых вершин и с громом весеннего дождя уступили место ковру разнотравья. В изумрудной зелени напитавшихся влагой лугов, проступили пятна цветов фиолетово-красного оттенка — оживившегося Марального корня.

Травознатцы передали зелейнику по имени Шаман поучительные шутки о чудесных растениях, спасающих от недугов, продлевающих жизнь, дарующих молодость и силу. Под солнечным одеянием и звездным платьем на вершинах гор благоухая, растут нежные травы и хрупкие лепестки, в каплях

чистой росы — зелёное сокровище Хозяина гор. В лунном свете звёздное золото небесного разума, от корней наполняет цветы целительной мощью. Чудесные цветы рассекают без следа недуг и дарят чары долгой жизни и радость силы. Найти их в горах непросто, только порядочный и терпеливый человек, способный поступиться личной выгодой ради спасения других, преодолеет трудные поиски в правильном пути, определяя счастьем хождения.

Туманные видения избежать старости и найти выздоровление вели человека по скальным осыпям, моховым болотам и таёжным дебрям. В разрыве вечности и небытия, верил он в чудо вечной молодости, в возможность избавить людей и животных от болезней, которые не мог вылечить шаман. Брёл тропам, перебираясь с перевала на перевал, любуясь бескрайними просторами, а утром вставал и стремился к недостижимому горизонту. Вдохнув звенящий воздух, испив чистой воды, зелейник смотрел на цветы и расспрашивал травознатцев о волшебном корне. Они не смеялись над чужими мечтами похожими на сны с необычными надеждами. Травознатцы лечились отваром хвои кедрового стланика, а смолой заживляли раны, но знали, что в поиске чуда можно получить душевные ссадины шаманской болезни, оказаться непонятым и брошенным, но это единственный способ почувствовать сущность жизни. Страшась заразы, понимали, что любую болезнь легче предупредить, чем лечить. Мудрые звери, обособленно жили в ущельях и на скалах в объятиях неба, сообразно состоянию заботились о состоянии тела. В суровой природе, звери питались растениями и от них получали необходимую силу. Олени и хищники закалялись снежными, воздушными и солнечными ваннами. После раздумий зелейник решил, что цветок растет в истоках ручьев у ледников, где в воздухе разлита созидающая мощь жизни.

Травознатцы из коры кедра, поцарапанной лапой медведя делали дымокур, мягко изгоняя простуду без побочных осложнений. Дух болезни, вселившийся в печень вытесняли отваром ягеля. Бронхит исцеляли настойкой медвежьей желчи. Были уверены, что в древности люди могли жить вечно. Мечты приходили в пришлые сны, что целебный цветок зародился

от удара ослепительного огня молнии в живой поток прозрачного ручья, текущего по золотым жилам гор. Неистово ревущая вода иссякла, а на жжёных золотых россыпях сердца горы, куда угодила гостья из поднебесья, появился росток, вобравший в себя, чудесную силу зелёного золота. Огонь небес

и драгоценности гор текли по нервам цветов, листьев и корням сильной травы и дарили мечты достигнуть бессмертия и вечной жизни. От чудесного цветка исходил блеск, излучающий жизненные видения. Цветок любил крутые склоны гор и прекрасно чувствовал себя у холодных ледниковых ветров. Предпочитая освещенные солнцем места, отлично переносил морозные зимы. Кочевые охотники прозвали траву Корнем жизни, так как заметили, что им животные лечат себя. Быки оленей и лоси выкапывали корни копытами и съедали в период гона. Сплетая рога и шаги в лунные тени, от напряжения выжигали чувства и падали на колени разбитые и изнеможённые. Наевшись Корня жизни, олени обретали силу Хозяина гор, обновлялись после тяжелых нагрузок и излечивались от ран и недуга. Старожилы использовали корни при лечении различных недомоганий, а рецепты передавали из поколения в поколение. Пришельцы приносили повальные болезни, а шаманская звезда указывала тропу исцеления, но со временем позабылся завет о поисках бессмертия и оживлении.

Не оглядываясь назад, зелейник надеялся вернуть утраченный дар вечной жизни. На страх и риск в одиночестве отправился по тропам добывать Корень жизни. Поднимался по тропе через каменные лабиринты в вершины гор. На широкой седловине перевала разделяющего долины рек, вечернее солнце, уходящее за горные пики, окрашивало цветы в розовый цвет, а у края ледопада, усеянного множеством камней, зелейник нашёл одинокого оленёнка-сиротку поцарапанного лисицами. Оленёнок ослаб, был истощён и испуган, что не мог поднять голову. Зелейник приготовил отвар из Маральих корней и по капле вливал в рот малышу, а сгустком сока смазал раны. Через несколько минут оленёнок вскочил на ноги. Словно буран побежал по горной тундре, перекатывая огромные каменные валуны — вплетая тропу в узоры камней и в звёзды Млечного пути. Ласковым именем — Буран рогача утихомирил зелейник, убедил направить обретённую силу семи облаков-небес в полезное русло. Детёныш вырос сильным оленем и преданным спасителю, помогая в путешествиях. По горам носил тяжёлые вьюки с лечебными травами, взвалив на спину, а зелейник не сломался под шаманским голодом, мучившим вначале хождения.

Горы тянулись к россыпям созвездий, а полные сердечных раздумий звёзды падали на вершины. Зелейник брёл вслед за оленем к очертаниям далёких хребтов с пятнами снега, а вошёл в угодья кочевых таёжных оленеводов-охотников. Встретили его радушно и подарили дорогие корни, не беря ничего взамен. Понимали — поиск собственного пути укрепляет жизнь. Раскрыли целительные свойства сибирского Корня жизни, во время перекочёвки за стадами оленей. Заметили, что уставшие животные с жадностью поедали чудесные стебли и корни, после чего легко убегали в вершины гор. Оленята забирались

в целебные заросли, наливались силой от смолистого аромата. В осевшем снегу олени с жадностью кушали побеги вечнозелёной подснежной зелени. Олени грызли грибы, растущие на берёзе — чагу, кору и мелкие ветки осины. Замечая самолечение животных, кочевники учились природной медицине и ут-

верждали, что от измора сибирские травы использовали воины Чингиз-Хана. Маральему корню монгольские ратники обязаны выносливостью и силой. Травники Золотой Орды называли корень силачом. Воитель, набравшись сил от маральего корня, мог вырывать из земли деревья голыми руками и долго жить, силу, здоровье, крепкий дух и ясный ум сохраняя до глубокой старости. Скакуны воинов любили это кормовое растение и не знали утомления. Дыханием очищали моровое поветрие и дальше, дольше, быстрее обгоняли опустошающее стойбища. Трава увеличивала продуктивность лошадей, ускоряла рост жеребят, повышала сопротивляемость к непредсказуемым болезням.

Зелейник искал эликсир вечной молодости, а не долгой жизни. Таёжники разводили оленей и разбирались в растениях: где растут и когда созревают. За маральим корнем ходили один раз в году. Было в нём что-то от волшебства — замедлял он старение, но снадобья вечной жизни они не нашли. Зелейник запомнил их золотые слова, чтобы быть здоровым и прожить

два века — надлежит больше смотреть на текущую воду, зеленую траву и снег на вершинах. Шёл по горной тропе в поисках корня, дарующего бессмертие. Осталась позади тайга и круче становится подъём, а Зелейник не прощался с мечтой. Ноги спутывала карликовая берёзка, кустарник саган-дайля и болотная топь, но впереди загадочно белели белоснежные пики гор. Трещины скал обманывали, утомлял путь по камням, качающимся под ногами. Одна тропа давала силы к заветной правде, другая — остужала. Не сдаваясь невзгодам, страху и тоски, встретил беженца от опасности заражения. Путник рассказал о старце, который ставил себя в надзвёздный центр и общался с духами, желая возвратить утраченную молодость. Потеряв любовь, под гром бубна, пробивающего свод десятого неба старик лечил лихорадку, но впустую тратил сумасбродную жизнь. В рыданиях не искал причины страданий и не думал о душе. В погоне за соблазнами ослабел, привык к унизительной болезни, опирался на тальниковую палку и волосы на голове не сберёг, но он знал, что нужду в целебных растениях звери невольно чувствуют нутром. В зависимости от того, каких веществ недостает организму, кабарга, лось, олень или кабан выбирали корм. Опираясь на опыт животных исцеляться — специально наносил раны диким зверям, чтобы по кровавому следу животных-врачей набрести на исцеляющие заросли

Корня жизни. Загрустил Хозяин гор и не пожелал помогать жестокому и коварному человеку с душой зверя. Раненые животные до ночи водили коварного старика по камням и буреломам, а почувствовав удачу — внезапно бросились с обрыва по водопаду в бурную шаманскую реку. Упали в минеральную воду, где медведи, волки и лисицы отдыхали в лечебной грязи. Не испугались немощных зверей, а душевные раны и увечье тёрли о камни, поросшие мхом и питались травой. Звери и птицы жевали корни, пили целебную воду и купались, отдыхали в глине — исцеляясь. Седобородый зверь, собрав последние силы, не прекратил погони, а с удивлением увидел, что Корень жизни и вода источника залечила телесные повреждения животным. Податель полноты бытия дал зверям новые силы подняться на вершины. Старик был поражен силе Корня жизни исцеляющего болезни ветра. Звезды на небе зажглись, а уставший старик позавидовал цветущей скале, по которой текла таинственная удача. Страждущий зверь выкопал Корень жизни и в воду бросил мелкую стружку гиасада. Хариус неожиданно зашевелил плавниками и поплыл на скалы вверх по водопаду. Старец окроплялся соком чудесного корня, вырываясь из когтей болезни и почувствовал — возвращение силы. Умылся падающей со скалы струёй и жадно разжевал корень, глотнув чудесной влаги, к нему вернулись молодость, свежесть, а на голове выросли волосы. Безумная жажда быть всегда молодым заставляла смаковать корни, запивая бурлящим потоком, зачарованно обрекая несмышлёного нарушителя запретов на вечную молодость, от которой нельзя избавиться. От удивления он забыл обратную тропу в родовую колыбель и заплакал как малое дитя, не знающее меру желаниям. Заклинал вечную молодость, а поживился разочарованием. Следом за неосознанно идущим по пути в страну без возраста стариком, без отдыха брели духи-сородичи. Бережно взяли душу больного зная, что просящая очищения мысль — быстро летит. Подняли одержимого на порог вершины горы просить прощение у пострадавших животных, но с чумной щели десятого неба стаей птиц налетела моровая буря, не давая раскаяние.

Осознал зелейник, что в разгул мора нельзя быть надменным, вспыльчивым, лживым и корыстолюбивым, а немедленно

оказать помощь страждущим. Снежные пики пронзали облака, а яркие цвета меняли цветущие склоны. Матушка с оленёнком паслись на молодой зелени ягельного перевала. Неувядающий цветок под снегом засыпал на время, а олени ожидали росточки. Переглянувшись, оленёнок намекнул человеку, что рядом

большой зверь. Зелейник повернул голову и похолодел: рядом во весь рост стоял медведь по имени Небушко. Мотая лохматой головой в разные стороны, разбрасывал белую слюну из открытой пасти. После зимней спячки, обессиленный и голодный зверь выкапывал растение Медвежий корень и поедал, словно кусочки сердца горы. Фыркая, не кидался в поисках пищи, а собирал корешки. Медведь смешивал разжёванные корни растения со слюной и наносил пасту на шерсть, чтобы избавиться от насекомых и успокоить зуд от укусов. Наевшись, медведь опуститься на четыре лапы и побежал в кедрач к невесте участвовать в медвежьей свадьбе. Травник подмечал повадки животных и осторожно проверял силу растений при лечении слабых. Результат удивлял. Чахлые звери пили целебный отвар из этого растения, обретали силу медведя и избавлялись от болезней. В поисках снадобья, омолаживающего и продлевающего жизнь до бесконечности, методом проб и ошибок изучал разнообразные растения, останавливал массовый падёж оленей.

На вершинах росли цветы, а на них опускались звёзды. В тумане среди ледяных скал цветы превращались в зелёное золото. От гранитных стен до надзвёздного неба цветы укрепляли души судьбы, нити жизни зверей. Цветы похожие на звезды и несущие бессмертие сохраняли рецепт эликсира жизни. Солнечный луч и роса с лепестков совершали чудо. В уютной лазури хотелось жить наперекор стихиям и заразам. Человек не шутил

с природой, а понимал — безграничная любознательность это начало. Не осмелился испить эликсир зелёного золота и обрёк себя на вечные изыскания. В поисках цветка нескончаемой жизни, во сне и наяву чувствовал прилив сил и подступающее наказание. Животные, продлевая жизнь, в отражении воды шаманской реки видели себя неизменно молодыми. Животные не находились под влиянием времени и не давали покоя зависти. Люди хотели, чтобы молодела душа, светлели мысли, а из сердца уходила тяжесть с помощью силы зелёного золота, не стараясь найти ошибки и причины мучений. Меняя распутное тело, влияя на чувства и мысли, страдая от боли — чистоте люди учились. Зелейник жил надеждой, что пройдя путем мудрости, Всемогущие духи научат людей жить вечно.

ИСКРИСТАЯ ИЗМОРОЗЬ

В начале сотворения необъятное чёрное небо висело над покрытым белым снегом горно-таёжным миром. Похищал медведь тёплый огонь Солнца вышедшего из яйца Небесной птицы и между тёмных скал в бездну берлоги прятал. В едва различимой тени, день не отличался от ночи. Надзвёздное небо закрывали непроходимые горные утесы. Не было видно, светит Солнце по ту сторону вершин и дарит ли тепло и радость. Люди сердца закутали в меха и шкуры, съежившись, испытывали холод, голод и страх. Вокруг угрожающе завывали лютые звери. До мира звёзд пропитанного счастьем человек боялся дойти, не хватало терпения и силы. За помощью обратился к Небесным птицам повелителям звёздного могущества и солнечного огня. Всевластных птиц было две: Белая птица дня и Чёрная птица ночи. Чёрная птица летала в вышине, срывая зажжённые звёзды, а Белая плавала внизу, со дна рек доставала золотой песок, хранящий солнечный блеск. Вода, покрытая искристой изморозью, закрывала затухающее сияние золота. Из вмёрзшего в лёд каменного гнезда распростёртое Солнце могло улететь,

но не хотело. Грустило, дремало и пряталось, от людей и зверей скрывая радужные крылья. Видя страдания людей, живущих в сумеречной темноте, птицы испытывали сочувствие к людям, забывшим освящённую солнечным огнем радость жизни.

Духи сильных животных и мудрых предков слились в одно целое — уважение Солнцу. Волк пошёл искать спящее Солнце,

но хрустя морозной коркой льда, свернул на тропу охоты кормиться. Изюбрь с ветвистыми рогами пошёл высматривать Солнце, но задержался, жадно срезая растущий под снегом ягель. Медведь с глазами полными истомы пошёл чуять Солнце, а в пути заснул в берлоге, с судьбой безрадостной смирился. В суровой жизни человек искал преград не знающую солнечную нить. Кочевал на северном олене за летящими по небу птицами с озарёнными крыльями. На белоснежном олене — сыне Небесной птицы, ехал по снежному насту и наледям, выискивал огонь Солнца. Кочующая с бурями и пургой грустная до слез, птица дня устала, на шероховатой кромке льда затосковала. На края крон кедров и резкие контуры скал, сверкая ложилась не роса, а хрупкая, колючая седая изморозь. В льдистом холоде стеклянела хвоя. Бескорыстно бежал терпеливый олень, рассекая рогами воздух. Олень убегал от лютых волков, добывал корм, человека на себе вёз и тяжелую кладь тащил. Среди сомнительных светил искал тропу к солнечному огню, яркому, тёплому и радостному, как тысячи небесных звезд.

Рыхлую шерсть оленю метель ерошила, восстанавливая силы в опасных переходах. Олень питался опавшими шишками, а под мёрзлой коркой наста чуял запах ягеля. Голодный ходил по возвышенным перевалам и горным хребтам, где молнии рассекали скалы. Добывал корм из-под снега с помощью острых и широких копыт. Сбрасывал рога, отращивал ветвистые и по жизни слепо шёл без подсказок, где вьётся нить судьбы — не завязываясь в узлы. Изюбрь брёл по следам от оленьих копанок. В снегу клочки ягеля, вырывая у куропаток. Волк, в поисках пропитания преследовал оленя. Завывал от тоски, из сил выбиваясь, но не отставал, в следах путаясь. Пугливый олень прямо за птицей мчался быстрее своего бега, чуя солнечную нить жизни-судьбы. Он стремился навстречу светлой мечте и из последних сил вышел к бездне на краю горной вершины с высокими скалами, откуда не мог спуститься.

Над ломающейся коркой льда на угловатых силуэтах гор края мира вспыхнул густой красный свет. Изюбрь, волк и олень подошли к частичке огня, но то, что они приняли за пламя, где сходились Небо и Земля, оказалось светом солнечных лучей. Свет отбрасывал мелочи, оставлял в первозданном виде саму суть мира, сотворённого на отношении к природе, как к матери. На краешке насиженной Небесными птицами вершине тихо спал огонь огромного Солнца, укрывшись радужными крыльями в сновидения. Пылали частички солнечного огня, переливаясь жаром, глаза слепили волку, изюбрю, оленю и человеку. Не под силу, оказалось, поднять светило клыкам, когтям, копытам и рукам. Осознал олень, что Солнце огромное, яркое и горячее в одиночку не унести. Решил олень отколоть кусочек и показать его людям. Понравится обломок солнечного огня, пусть кочуют и возьмут остальное или вернут в обжитое наскальное гнездовье. Развернул огромные рога и понёсся на Солнце. На полном скаку ударил олень рогами по Солнцу. Отскочило от Солнца

маленькое пёрышко радужного крыла. Зацепил отростком надежды светлое перо и золотом засветились могучие рога оленя. На чудесном олене помчался человек обратно на стойбище с малым перышком солнечного крыла. Привез кусочек Солнца и выпустил, чтобы осветил небо и чум на становище. Люди и звери выскочили из жилищ, застывая в изумлении. Светлый ломтик солнечного огня потерял радужный цвет и тусклым огарочком мерцал над стойбищем. Устремляясь ввысь изогнулся, на крыльях Чёрной птицы ночи взлетел к небу и превратился в лунный уголёк. Звёздный ветер раздул его, как золу в костре и пёрышко засветилось. Вспыхнуло надзвёздное небо, осветило тропинку, озарило клюквенное болото, харюзовое озеро и олений мох на скалах. Лёд стал синим, мхи окрасились в розовый, а тайга — в зеленый цвет. Прижались олени друг к другу в отсветах причудливых теней.

Солнце пёрышко потеряло, но надзвёздный мир свет обрёл. Нежные лучи лунного оперения, купались в прохладном инее, а в мечтах счастье ловили. Прозрачный иней серебром светился. Зыбким простором небес заряжался лунное небо мягким светом. Поднимались нити инея с радугой породниться, но озябшие капли воды, отражая Луну внутри, с небес падали на тайгу клочьями изморози. Искрился иней зябкими слезинками огорчения. В чёрной невесомости кедровые ветви вязались с крошкой звёзд кружева небес. Ствол — с каплями ледяной росы на длинных кромках хвои, корни цеплялись за дрожащие иголки кедрового стланика. Звёзды спорили с сияющими изнутри росинками о красоте и падали на нити изморози. Луна нить судьбы плела инеем на ягеле дремлющих гор. Стужа звездной изморози таращилась угрюмой оттепелью похожей на утро жизни. Луна в сомнениях плакала от внезапных грёз и парила над стадом, проживая много разных жизней. Улыбнувшись, становясь в полнолуние полной и постаревшей, а в новолуние — худой и помолодевшей. Солнечная частичка отражалась в бесчисленной россыпи нитей судьбы и пришлась белоснежному оленю по душе.

Повторялось всё вновь: росинка, лунный ломтик, звёзды, изморозь, густая хвоя и серое небо, но засыпала душа-судьба под тусклым светом, привыкало жить в холодной пустоте.

В лазурной тьме Чёрной птицы ночи казалось, застыло время в бестелесной изморози и бесплотною пылью инея осыпалось за грани существования. Светила звездой путеводной мечтающая роса и звала человека со стадом оленей отправиться к влажным от продрогшего инея скальным гнёздам достать огонь рассветного Солнца для лучшего освещения стойбища. По лунной тропинке из задумчивых снежных грёз и тонкой плёнке незримого льда замёрзшей росы, олени проделали путешествие к скальному обиталищу, где сонно сопел солнечный огонь.

От крыла Белой птицы дня тень прикоснулась дыханьем к скальному граниту солнечного жилища. Таёжник не мог подойти к большому комку заспанного огня из-за яростной силы жара, от которого изморозь превращалась в чуть видимый пар. Внутри золотого ожерелья Солнца из капелек света тёк и бурлил расплавленный золотой металл. Зная цену малой капли, наполняющую суть, человек бразды отдал оленю. Не жалея сил, олень тронул Солнце позолоченным лунным рогом. Солнце проснулось, качнуло оперением крыла, приподнялось и огнём широко осветило горы. Оленье стадо скрутило лунные рога в баюкающую колыбель, а объятый сном солнечный огонь плавно лёг на сети из отростков и выростов. Дремотный комок огня вяло качался в сладких грёзах, но пойманный в ловушку подчинялся оленям, каплями света в изморозь мира из иллюзий и снов вливаясь. Хитростью и лаской заставляли олени ленивый

пучок света проходить по горным проходам, ущельям, ледникам и перевалам, оленным шагом и волчью стаю не бояться.

Стадо несло заспанный солнечный огонь на вершины скалистых гор, навстречу падающим звёздам. Огромная часть солнечного огня возгорелась чистотой, поднялась к ясной лазури небес и превратилась в возрождённое светило. Олени выпустили его на свободу, а восходящее Солнце наяву с Белой птицей

дня медленно полетело по следам звёздной пыли. Сияющие лучи, просачиваясь сквозь щели облаков потоками света, излучали золотые нити, привязывающие Солнце к ведущим оленям. С первым кукованием кукушки, не жалея сердечного огня засветило Солнце, пробуждая зарытых в снег куропаток. Солнце в потоке жизненной силы просто стало самим собой и светило всем пробуждённым, поднятым, идущим и искренне просящим. В оттепель среди стужи, свершив глоток безумного огня, таёжник вспомнил себя. Каплей света пылкое сердце зажёг и пробудил в себе память рода, а светлые песни пел таёжному народу. От чудесных заклинаний жизнь разлилась, таяли рваные клочья хмурых туч, ожил покрытый серой мглой кедровый стланик и кусты мохнатого лишайника. Мягкая гололедица дыханием метели горы согрела. Дуновением внезапным солнечный огонь жизнь вдохнул в мокрый снег, и мёрзлая земля оттаяла. От радости снега, показались чёрные проталины и лёд дрогнул. Горы потеплевшими вершинами упёрлись в огонь синего перламутра. Сверкая и кружась, лунный иней искрился и счастьем серебрился в широко распахнутых очах оленя.

Посветлело над горными вершинами, а навстречу Солнцу поднялся цветущий ягель, потянулся в небо кедровый стланик. Изморозь таяла, а потоки талых вод разбудили в берлоге медведя. Сбросив полинявшую шкуру, в блеск ожившей природы, распахнув, как крылья когти бросился в погоню за Солнцем. Изморозь и метели затаились, а весенняя завязь распускалась. Олени поверили, что вернулась сила Небесных птиц, шелестом

перьев Миры вращая. Олени оставили на Солнце отростки золотых рогов, а они огнём связующих нитей свисали на восходе и на закате, а при встрече Солнца и Луны, рождали узоры утренней и вечерней зори. В мерцании лучей заходящего Солнца, вспыхивали пурпуром зубцы рогов оленя. Переживал, что

не окрепшее Солнце засыпало и склонялось к закату, но уразумел, что без постоянного захода Солнца не будет у нитей судьбы рассвета.

В лучах восходящего Солнца ветви рогов над снежным лбом оленя отливали радужным золотом. Таёжник и олень всматривались в лик держателя нитей жизни-судьбы первозданного Солнца и чувствовали себя любимыми детьми. Солнце стало путешествовать вокруг горной тайги каждый день с востока на запад, сплетая над вершинами гор нити огненного ожерелья. В дни равноденствий и солнцестояний таёжник строил на тропе жизни из золотых самородков Обо-указатели, увенчивая ими вершины гор, чтобы отец жизни — Солнце — не заблудилось. Поверив в Солнце, на радужных крыльях взмывающее по небосводу одной строго определенной тропой, рано просыпались с Утреней звёздочкой и поздно ложились спать с Вечерней звездой. Это стало главной сутью в жизни кочевого народа и тогда первые лучи Солнца озаряли и согревали цветы багульника

и сладко пахнущую смолу кедровой шишки. Просыпаясь в холодном тумане мрачных горных хребтов, возвращалось Солнце и призывало людей к свету и к жизни. Таёжник посвящал Солнцу угощения — первую добычу, которую разыскивал на охоте для пропитания, но светило с досадой смотрело на уничтожение любого живого создания. Приветствовал Солнце у дверей чума, когда всходило и заходило, угощал мечтами. Очаг устраивал к востоку, откуда солнечные лучи входили в жилище и освещали уголёк костра в момент возгорания огня сопровождающего

в странствиях. С первым клубом дыма выпускал перелётных птиц через отверстие в крыше чума, считая, что, поднимаясь в небо, птицы передадут солнечному разуму прошения продления нитей судьбы. Солнце давало знать, что довольно, посылая добрый дух света. Солнце берегло людей и зверей и оживляло всё, к чему прикасалось. Солнце было хозяином тепла, света и жизни, а олени считались его слугами — охраняющие людские судьбы.

На ветвях яркой зари сидели, опустив крылья птицы. Осколок жаркого крыла Луна и огонь Солнца не просыпались одновременно — желая судьбы в одну соединить, встретится и слиться воедино, но навсегда разлучались. Луна блестела, даруемая солнечными лучами в окружении звезд, а олени прислуживали Солнцу. Отстающей Луне, спутнице Солнца дарили вечернюю изморозь. Солнце вкушало чистое золото утренней росы. С прилётом снежных птиц, иней и мгла снами встречались. Настигнув оленя с золотыми рогами, похищал медведь тёплый огонь Солнца и между тёмных скал в бездну берлоги прятал. Лишённые тепла и света горные пики покрывалась искристой изморозью, но человек за спиной ощущал крылья счастья, а в маленькой капле застывшей росы видел хранителей нити судьбы: звезды, Луну, зарю и огромный сгусток радости встающего Солнца.

ИЗОГНУТЫЙ КОГОТЬ

Разобщённые звёзды таинственно мигали и отблеском срывались во мрак густой ночи нереального мира. Следы искр мягко плавились сквозь пламя костра, устремляясь к озарённым небесам. Под треск жгучих углей золотом блеснула седина висков таёжника, ножны из лапы и звериный оберег — коготь рыси. Стук дятла о ствол родового дерева напомнил о небесном вместилище душ, сведённых добрыми нитями воедино. Рысь восхищала таёжника силой духа и воли, а оберег он носил с рождения. Изяществом поражающей воображение, рыси приписывал таёжник небесное происхождение и понимание человеческой речи. Пребывание на вершинах деревьев и кисточки на ушах, содействовали сближению зверя с небесными знамениями.

Кочевой ночью в колыбели двенадцатого неба у матери-души появилась крохотная звёздочка. Слабенькая звёздочка в удаленном шаровом скоплении из созвездия Рыси группы Большой Медведицы обитала среди когтей двойных звезд ярче и больше Солнца. Бестелесная странница не бродила вокруг

Млечной тропы. Безмолвная звёздочка была близка к застывшему холоду Полюса Мира. Душа её боролась с нетронутым золотым блеском студёного озноба и не желала остаться в неизвестности вечно. Одиночество среди бесчувственных звезд заставляло мечтать сойти с двенадцатого неба в изножье, лишь

бы увидеть золото далеко маячившего солнца. Из золотого пара молнии рождённое солнце таило загадки и манило реальностью событий. Отрезанная от небесной красоты, душа-невидимка мечтала засиять блеском золотых одежд. Возможности её были скромней желаний. Ложным замыслом ослепленная и не знавшая радости, звёздочка рухнула в дно золотого света. В золоте солнечного пекла обожглась, но влезая в огненную шкуру, до золы не сгорела. Полюс вздрогнул громом, а эхо заблудшую звездочку поймало в объятия, стремясь подчинить. Пустило по её следу созвездие Большую Медведицу перекрутить несуразный узел нити судьбы. Невесомая звёздочка бросилась к лучам, что тянулись к её сердцу из сердца солнца, но напрасно мыслила о счастье. Не могла знать, что, рассекая небо, суждено споткнуться о Землю и закрутить её. При падении на скалы звёздочка обрела плоть звезды-кошки. Летевшая следом Большая Медведица спустилась низко к горизонту Земли, ломая острые когти и клыки схватила кошку за звёздный покров. Кошка-

звёздочка вывернулась из огненной шкуры, оставив длинные кисточки на ушах. Отточенные кончики когтей и клыков медведицы занозами достались кошке, но полностью без остатка отсекли ей хвост. Громко и грозно от обиды рычала нагая кошка, а звёздам казалось, что звук исходит от лютого призрака, когтями вращающего Землю вокруг своей оси. Большая Медведица с раскрытой звёздной шкурой на небесном обороте взлетала к Матери звёзд, вокруг которой началось видимое суточное движение звёзд. Обретя кошачье тело без звёздного покрова, душа звёздочки взлететь в небеса не сумела. В схватках с небом и ветром за взлёт тупила острые когти. С плотью их выдирало небо. Рыдая от боли, звёздная душа оставалась на земле, чуя запах жизни. Ослеплённая золотым блеском, звезда-кошка кочевала по стыку неба и гор, а её тянуло обернуться в исчезающие мечты. Счастье растворялось в горьком заблуждении, что, пройдя сквозь испытания, можно к Матери звёзд вернуться и начать жизнь снова. Тронули Солнце глаза цвета грустного неба и ощущение ненужности кожей. Лучом одело оголённую кошку в рыже-золотую шкуру с солнечными знаками, а имя дала — Рысь. Небесными глазами она посмотрела на звёзды и под золотым огнем солнца, шагами земными стала отмерять перевалы, встречая восходы по земному счастью. Внутренний свет поселился в душе одиноко блуждающей

синеглазой Рыси. Лишенная главной кошачьей гордости — своего хвоста, Рысь несла кисточки на ушах и в золото шерсти узором вплетённые лучи живого солнца.

Рысь с белыми пятнами под глазами, напоминающими созвездие, не искала в жизни легкий путь. Странствовала по глухой тайге, иногда заходя в горную тундру. Отлично лаза-

ла по деревьям и скалам, переплывала реки, катящие камни. Пятнистость шерсти делала Рысь незаметной днем среди падающих на землю солнечных бликов от освещённых крон деревьев, скрывала в лунных сумерках, облегчая добыть пищу. Рысь приспособилась к трудностям таёжной жизни и выживала среди снегов, ловя пушных зверей, кабаргу и северного оленя. Нападала на тетеревов, куропаток, грызунов, куниц и молодняк кабанов и сохатых. Охотилась в полутьме, подкарауливая в засаде. Подбиралась для броска на худых и слабых зверей. Пряталась за упавшие деревья, камни или садилась на сучок и нападала большим прыжком. Бросившись на крупную добычу, Рысь впивалась когтями в тело, а зубами терзала шею. Обезумев от боли, зверь тащил на себе хищника, пока не падал от ран. За один раз Рысь съедала немного пищи, острым когтем рвала на части крупные куски, а клыками помешивала бульон. Остатки прятала в укромное место или закапывала

в снег. Припасы растаскивали мелкие хищники, а сытая Рысь отгоняла колонка или соболя, не давая им наглеть на своём угодье. У добытого оленя оставалась несколько дней, пока не съедала целиком. Зря не тратила силы на новую охоту, так как по следам, ходила росомаха, питаясь всем, что попадётся на пути, отгоняя от добычи удачливую добытчицу. Рысь уступала росомахе поживу и не мерилась силой, хотя и могла бы за себя постоять, но избегала встреч со зверем, поедающим падаль. По тайге скитаясь, добродушная Рысь, набредшая на лисью нору под крупными камнями, с усердием рыла мерзлую землю, расширяя вход, добралась до не уверенной в силах лисицы, вытаскивала её и давила. Разъяренные волки не редко догоняли ловкую Рысь. Смыкались и разжимались челюсти хищников, встречались сильные лапы с острыми когтями. Шерсть летела в разные стороны, грозный рёв и щелканье зубами разносились по всей тайге. С волком одиночкой рысь без труда справлялась в драке когти роняя. Оскалив клыки, грозно шипя, удачно прогоняла волчицу к жалобно скулившим волчатам. Стаю волков ей победить было не по зубам. Кровожадные волки стояли, высунув длинные языки, лизали раны, дрожа и опасливо озираясь, избегали бесцельной схватки. Осторожность заставляла Рысь отступить торопливо от свирепого волчьего нрава. Умение закончить всё, красиво помогало выстоять и добыть охотничье счастье.

Из звездной россыпи свисла Луна, лаская ночь прохладою совиных крыльев. Сильная, ловкая и хитрая Рысь, в поисках добычи терпеливо растворилась в засаде до самой до зари. Рыхлый снег, в котором животные легко вязли, для неё был не преграда. На задних лапах, что длиннее передних, Рысь легко прыгала и бегала. Широкие ступни почти не проваливались в снег. Между подушечками ступней у Рыси рос густой мех, утепляя подошву. Проворная Рысь бесшумно подкрадывалась, а если добыча убегала, преследовала её — оттачивая мастерство на заснеженных скалах. Разбойничая Рысь, в полной темноте проверяла капканы, не упуская случая поживиться чужой добычей. Любопытная кошка к незнакомому предмету подходила и обнюхивала, и попадала в ловушки чаще, чем осторожные волки. Волчатники, натыкаясь на волчьи давки — задранных лосей,

изюбря и северного оленя, с успехом отлавливали хищных зверей в ловушки. Выследив, что звери ходят на добытую тушу, ставили западню на пробитой тропе. Сверху на него укладывали вырезанный кусок снега со следом зверя так, чтобы след находился точно над капканом. Волчицу добывали капканом с проволокой привязанным потоском. Сильные, свободные и хитрые волки долго бились, разрывая проволоку, а если уходили вместе с капканами, люди ставили стальные петли.

Усыпанной снежком таёжной чащобе, совиными когтями нависали ветки кедра. Вздрогнуло сердце, а гордая Рысь попала в стальную петлю с тросиком, установленную на волка. Силы покидали, мороз крепчал, приближалась росомаха. Обнюхивая воздух, лютый зверь направлялся в сторону ловушки, в которой затаилась обречённая Рысь. По кустам промелькнула чёрная тень, побежали слезы, замерло сердце Рыси. Взгляд росомахи был устремлен на телесную душу, но видимый двойник души не издал ни звука, не шевельнулся. Изогнутый коготь скреб мёрзлую землю, а кисточками на ушах Рысь чувствовала крадущегося человека. По следу соболя человек вышел к петле, слепо поймавшей Рысь. Не приближаясь к зверю, вспугнул исчезающую тень росомахи, обходящую стороной запах людей. Смирно лежала попавшая в волчью ловушку, болью и стужей измученная Рысь на не таявшем снегу. Чужой под-

сматривал взгляд, а умная Рысь глазами цвета грустного неба, просила о помощи. Стонал ветер, а Рысь страдала в ловушке и замерзала, она чувствовала приближение конца, а коготь скрёб сталь и рвал стужу. Человек забыл соболя, а над душой-судьбой Рыси наклонил голову. Грубой ладонью погладил шкуру, будто ласкал лезвие клыков. Рысь оскалилась и вздохнула, посмотрела небесным взглядом, понимая, что самой из стали не выбраться. Гибкое тело, упакованное в солнечно-золотистую шкуру с густым блестящим мехом, туго сжималось твердой пастью петли. Острые когти казались ножами, выточенными из золота, но не освобождали от стали. С потерянными когтями Рысь в петле задыхалась. Поникший взгляд печальных глаз, будто впитал в себя таёжную жизнь, пронизанную лучами солнца. Душа понимала без когтей — она не Рысь. В золотые очи посмотрел таёжник и увидел в них зверя, влюблённого в звёзды. Моргнул огонёк глаз и искра взметнулась вверх. Одышка Рыси, говорила о безнадёжности спасения. Большие сильные лапы — мохнатые и широкие бессильно обвисли, шевельнув оставшимся когтем. На таких лапах хорошо бегать по свежему снегу, царапаться с ветром в небе, но не задыхаться в бездушной петле. В неволе Рысь не пригодится и человек решил отпустить и не жалеть об этом. Сердце таёжника отозвалось на чужой стон и слёзы. Не наступая на тень — освободил Рысь из ржавого плена. Рысь вдохнула свежий воздух. Шершавым языком признательно лизнула корявые пальцы, а мир таёжный стал другим.

Бескорыстной тропой оттащил сквозь сугробы Рысь на стойбище. Сладостью трав лечил, а она мирно сидела, не пытаясь поцарапать или укусить. Повреждения заживали, а Рысь восстанавливала силы. Не смотря на страх легко приручалась. Привыкала к человеку и доверчиво позволяла брать себя на руки.

Грозный хищник, кротко и дружелюбно выздоравливал. Еженощное мурлыканье на звёзды кошки напоминало притягивающее и завораживающее гудение. Кончики ушей — кисточки, спокойствие, горделивость, плавные движения, пристальный взгляд и напряжение, перестали быть игрой. Благодаря кисточ-

кам Рысь слышала вибрации воздуха, шуршание грызунов под покровом снега. Замечала птиц в ветвях деревьев и начинала самостоятельно добывать охотничью удачу. В меховой шубе жёлто-рыжего цвета с тёмными пятнами на боках, спине и лапах, рысь стала бродяжничать по горной тайге, и убежищем для неё становились ямы под корнями деревьев, пещеры и расщелины в скалах. В странствиях отдыхала в чужих норах, если место было укромным, никто побеспокоил. Под таинственной высью скрыто скиталась в мерцании теней глухой тайги, а звёздными огоньками светились небесные глаза. Тихо ступая мягкими лапками, разоряла звериные норы, ловила кабаргу, доставала спящих птиц. В кедровой чащобе, пряталась от дневного света, где седые лишайники обвивали сучья и стволы. Прикрытые мхом, во все стороны тянулись узловатые корни, в зелёную крышу сплетаясь ветки над логовом Рыси. Бородатый глухарь смотрел насторожённо на когти Рыси, пугающие соперников. Рысь издалека заметила притаившегося рысёнка с длинными

и темными кисточками на его ушах. Поднялась Рысь на долгие лапы, спину выгнула, мяукнула и ласково лизнула солнце. Изогнутые когти об дерево поточила, кисточки на ушах навострила, в огоньках лазурных глаз искру зажгла. Рысь загрызть в атаке способная, образовала брачную пару, выцарапывая счастье. Обнюхав друг у друга носы, несколько вдохов и ударов сердца поставили их напротив — бодаться лбами. Разнежившись, ласкались рыси, а солнце гладило их по шёрстке. Помурлыкав под нос, Рысь к щеке прикоснулась тайно. Тёплое солнце лежало рядом, глаза прищурив, а дремучая тайга стала другой. В колыбели двенадцатого неба у матери-души появились крохотные звёздочки, а на Земле малыши родились слепыми, но в пушистых золотисто солнечных шубках. Открылись глазки капельки ясного неба и увидели далёкие звезды, вращающиеся вокруг ледяного Полюса Мира. Тлеющей искрой душа-судьба за счастье билось, а золотой блеск утреннего солнца зажигал в сердце вечный свет.

Едва заметный ветер дул в сторону оживших угольков кочевого костра. Осознав жизненный путь и найдя смысл, Рысь не сгорела изнутри до золы и шла по земной нити судьбы до конца, мечтая к Полюсу Мира вернутся. Обращая к небу взор, смотрела сквозь вершины гор на солнце, луну и звёзды — вспоминая мелькнувшее счастье, но понимала — она не одинока. Рысь не воспринимала человека как добычу или врага и в гости забредала из тайги. Жаждала внимания, чтобы человек погладил шершавой ладонью шрам от петли за ушком. Не каждому, Рысь позволяла поступать с ней раскованно, вбирая изогнутые когти и показывая наружу. Доверие как бесконечно тянущаяся звёздная тропа связывала, а Рысь не смягчая одиночество, а украшала одинокость человека.

ПЕРЕЛЁТНАЯ ЗИМА

Снежный филин сжился с круговоротом времен года. Перестал пугаться суровой Зимы и даже пытался примириться с нею. Зима слишком рано прилетала в Саянские горы и слишком поздно исчезала. Филин ловил клювом первые снежинки и знал — это маленькие замершие звёздочки с волшебным вкусом воды. Солнце холодало, а на золотых жилах ручья не таяла изморозь. Затаив дыханье, тайга покрылась инеем, а над пиками гор остыло небо. Прокалённое солнце обжигала лютая стужа, но птица по имени Зима не улетала за замороженный горизонт. Воплощением Зимы в птицу верхнего мира, менял филин картину миросозерцания. Зима поднимала вверх крылья и наполняла дрожащее сердце, ласковым шёпотом нелепого счастья. Зиму воображал озябшей совушкой, в прозрачных перьях из белого пуха. Тонким незримым крылом взмахивала Зима — сыпался снег, в полёте кружила — заметала жестокая метель. Зима выдыхала леденящий холод, а звери торопились подальше и глубже укрыться. Белая совушка летала наперерез и дуновением всё замораживала. Слуги Зимы — бури, вьюги

и позёмки, свитою слетали с перьев госпожи. Зима позволяла им крутиться снежными вихрями, мести пургой, бушевать буранами.

Склоны заснеженных гор блестели под солнечным холодом, а во мраке ночи ледники отражали сияние звёзд. В сердце дремучей тайги, возвышался вечнозелёный кедр. Над нежной белизной к чёрному небу поднималась заледеневшая крона. Кедр был могуч и стар настолько, что седой мох, не помнил, был ли он порослью. Зима укрывала древо студёной снежностью, завораживала шумным шквалом, проносившимся по занесенной снегом хвое, сметала кору, обламывала с верхушки ветки, валила наземь шишки. Великан твердо корнями вплетался в подземный мир, а ураган не мог заставить его склонить головы. В ветвях величавого кедра сидел в раздумье мудрый филин, а маленькие снежинки смотрели в бездонные глаза. Прервав череду ослепительных снов, филин вместе со снежинками дышал одной чистотой.

Зима злилась метелью, щипала холодом, кутала горы ледяным покрывалом, превращая пушистые снежинки в сугробы. Вольготно чувствовал себя в объятиях суровой Зимы пернатый сторож кедра. Сильные лапы с изогнутыми когтями охраняли гнездовье в крупном дупле. Ненавидимый и преследуемый ястребами, филин днём приманивал врагов, но ночью силуэт птицы сливался со стволом дерева, а он хорошо видел в темноте бегущих по снегу зверушек. Свирепый хищник с массивными крыльями, при охоте летал плавно и бесшумно. Несмотря на внешность, похожую на ястребиную, распушив перья и раскрыв клюв, шумно, резко и свистящие гудел, предвещая перемену настроения Зимы. Небесный хищник с развитым слухом иногда оставался тихим. Особые крючки на крайних перьях крыльев глушили потоки встречного воздуха, а пух на кромке обеспечивал беззвучный полёт, позволяющий внезапно напасть на ничего не подозревающую добычу. Нарядный и опрятный охотник не опускался до поедания падали. Покоритель ночи раздирал тёплую и нежную плоть глухарей, рябчиков, бурундуков и белок. Бросался на крупных животных — лисиц, кабанов и кабаргу, не щадил сородичей. Филин по кругу вращал головой, а огромные и неподвижными глазами цвета солнца искал охотничье

счастье. Уши располагал на разном уровне головы, душою наружу определяя источник звука. Занимал лучшее положение, чтобы вспышкой мгновения когтей распороть темноту ночи.

Первые звёзды в небе сверкнули, а Зима разбушевалась нещадным ветром. Тишина длилась недолго: из дупла старого кедрача раздался глухой и мощный звук — Ух! Непролазная

чащоба отвечала заунывным воем волчьей стаи. Вышли на скалы полночные сообщники, усмехнувшись голодным оскалом. Крики филина и вожака волчьей стаи чередовались, возрастая и сливаясь в неразделимый гул. Филин протяжно выл так же, как волк, хранящий закон свирепой стаи. Нависая над ночью, жуткими звуками пугал скованных морозом изюбрей и лосей в глухих уголках гор. Из бурелома волки не приближались к гнездовью, филин бесстрашно наскакивал на непрошеных гостей. Чувствуя угрозу, умный филин кружил вокруг кедра, широко раскрыв крылья, чтобы казаться крупнее и страшнее врагов. Неподвижность и маскировка уходящей ночи не скрывала филина от слетающихся на переполох птиц. Еле живой филин вырывался от птичьей своры. Бранью щебетали, каркали, сви-

стели, днём уснуть не давали. Вздорные птицы нелепо кружили над филином, сбившись в коварные стаи, норовя ударить клювом и когтем отчий кров. Сварливым птицам рвал сердца страх, а они ненавидели филина не случайно: по беспощадным законам он охотился на рябчиков, тетеревов и глухарей. Следил за храбрым ястребом и охранял от вторжения чужаков охотничьи угодья. Случалось, хищный филин наталкивался в полёте на сердитого ястреба. Филин яростно рвал хладнокровного врага, но бился насмерть раненый ястреб. Нещадно препирались, тайга шумела и небо стонало. Сыпался пух вперемешку с подбрюшными перьями, а Зима принимала их за снег.

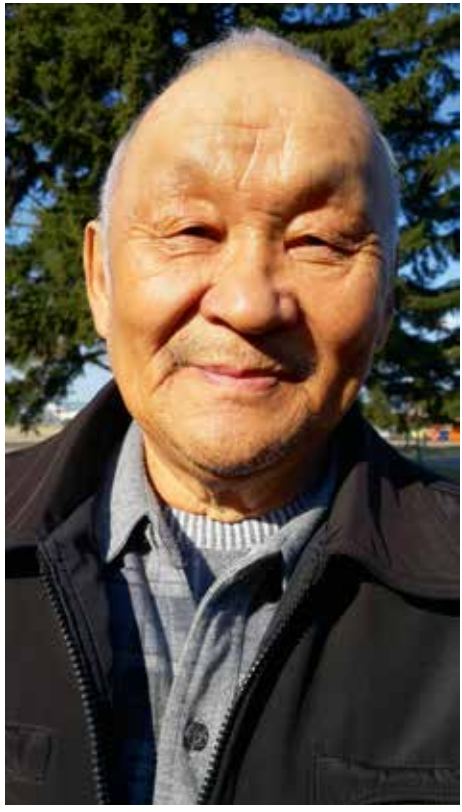
Снежный филин чем-то похожий на Чёрного ястреба не атаковал отчаянно, а с осторожностью дружил. От крутого холода птицы друг на друга не хмурились и дарили пощаду. С приходом Зимы встречался филин с ястребом и проводил особый охотничий обычай — призывать Дух борьбы. Отдельный дружественный полет, проявляющий ловкость хищников. Между птицами было слишком много неясного и пропасть нижнего мира без дна и края. Каждый пернатый зверь твёрдо знал, что в жизни просто так ничто не даётся и выяснял, кто в небе сильнее, тот и прав. Хищники к недругам жалости не знали и стремились занять своё место в небесах. В мерзлых щелях облаков горячо спорили птицы с сиплым свистом ледяного ветра, мудростью и погоней, а диким нравом добывали охотничью удачу. Вершителем судеб стала окрылённая Зима, диктующая условия. Источником небывалой силы выступали извечные посредники — полная Луна и лучезарное Солнце, давая птицам шанс на искреннее согласие, в прошлом оставить обиды и жизнь начинать сначала.

Зимнее солнце пускало холод, робко кутаясь в тепло, не заботилось о чужой застывшей грусти и боли. Парило светило низко, почти, касаясь горных пиков, спешило серые будни единого неба раскрасить проблесками лучей. Изморозь, с себя отряхнув златом света, словно тлеющим углём, смутные сердца птиц мучило и обжигало. В одну мечту слились вздорные птицы, распахнув крылья и выпустив когти — выясняли, кто из них быстрее и удачливее в состязании первым выследить зверя. Взвились ввысь птицы, крылом несогласия прорезая высокое небо. Зима воздушным потоком поднимала птиц выше самого Солнца. Из поднебесья смотрели птицы вниз на студёную пургу пиков гор, выискивая на блестящем снегу чёрные точки земных тварей. Прорицатель филин, закрываясь крылом от солнечного света, радушно и хитро разглядывал пустошь сверкающих бликов. В студёных лучах небосвода птица летала ради самого полёта. В небе неподвижно застыл ястреб, распластав в немом восхищении горящие перья. Ястреб, одинокий как Солнце, в ледяных зеркалах острым взглядом цвета ночи увидел, что добычей для их игры оказалась бредущая по промозглым граням гор огненная лисица. Внезапно спустилась птица ближе к земле. Убедилась: действительно, по зачерствевшим сугробам поджав хвост, мышковала лисичка. Во внезапном броске ястреб, распустил спрятанные за пазуху косые лучи когтей. Стремитель-

но сраженная, словно ударом раскалённой молнии, лиса вроде ломтика солнца стала охотничьей удачей ястреба.

Древо постижения подпирало краешек морозного неба. Ледяным свечением слегка дрожа, будто пугливая птица, пробиваясь сквозь тучи, тьму разгоняла крыльями остывшая Луна. Хрустальная подруга видений на снег и крылья птиц укладывала в стужу призрачные тени, качаясь в обесцветившемся небе. Под россыпью звёзд тёмной ночи взлетели птицы в высокое небо и осмотрели узор завьюженных гор. Вниз тянула непроглядная тьма, а на стылом снегу добыча манила. Ястреб глазами похожими на Луну видел падающие звёзды во всех сторонах света и свысока смотрел на тени. Не оценил трудности и не разглядел зверя в бездонной зияющей снежной пасти вымерзающей ночи. Филину лунный свет открывал тайное понимание следов на белом снегу. Отражения искрились в лучистых глазах птицы и внутренним светом давали ночное видение, открывая тайну чуять запах страха кабарги. Одарённый охотник не нюхал пустым желудком, открывал не ноздри крючковатого клюва, а вникал в самые тонкие уровни восприятия, в сердца бешеный стук и пульсации на теле земной твари. Прислушиваясь, пытался определить составляющие всполохи погибели. Ночью страхом веял каждый вздох. Погружая себя в тусклое сиянье Луны, обретал мёрзнущий мир целиком. Словно

ветер с лунной присады силой притяжения кинулся к земле, убеждаясь, что оставив суету повседневной жизни, по снегу брела кабарга за опасной судьбой. Глаза цвета жизни в кромешной белизне ночи ожили, а блуждающий в поисках еды ястреб забыл о зависти. Парение на ощупь над кабаргой перед охотой, ястреб воспринял, как предзнаменование победы филина. Ночной охотник без сомнений, ловкость и умение излучал собой. Услышав испуг заведомой добычи, снег мерзлый взметая хороводом снежинок, как облако филин рухнул на вёрткую плоть. Проворство, сноровка помогли белому призраку, подобраться к копытному зверю бесшумно и в бездну не столкнуть. В темноте разрезанного неба, лютый волк возгорелся в сердце филина. Словно хищная стая замерла птица, клюв наклонив. Став лунной тенью, расправил крылья, обнимая страх и настораживая слух. В низком парении стальными когтями на краю скального обрыва схватил кабаргу. Сильный духом филин клювом терзал оленя, вроде бледную краюху надкусанной Луны.



Суровые тени равнодушно обволакивали слепотой в лоске скрипучего снега, а Луна разлучалась в кружащемся времени с Солнцем. Огорчился дерзкий филин к наказанию разлукой с неустрашимым ястребом и стал садиться на лунное плечо и охотится только в чёрном небе ночи. Летая в смешении мрака и звёздных огней, взором темноту проницал, а удачные

намерения приносил ночным охотникам и серым братьям. В ответ на его ловчий крик откликались лютые звери-шатуны, более страшные, чем стая голодных волков. Обитающая во мраке живая добыча в панике бежала прятаться под замерзающую хвою и лунные тени сквозь завесу снов. В дневном мраке отдыхал

филин в виденьях, спал как птенец, в родовом гнезде рассыпав пух снов и согретый светом звезд. Охотился Снежный филин тёмной ночью, а добывал себе насущную пищу Чёрный ястреб в белом цвете освещённого солнцем воздуха.

Остыла ночь под блеском звезд и зябкий снег уснул. Наступил момент примирения врагов, а время остановилось. Промозглая Зима нагло скользила сквозняком сквозь ущелья гор погруженные в сновидения. В снежном наряде Зима пролетала по кругу планетного движенья, закрывая задремавшие светила снежной пеленой. Перелётная Зима устала в распахнутом сумраке и крепко-накрепко заснула. Время замедлялось для Зимы и ещё для филина, но он знал, что ястреб от восторга оказался сейчас вне времени. У таёжных зверей и птиц вещающие птицы олицетворяли высокий статус неземных лидеров. Прохладной душой ястреб поверил, что смелый и одинокий филин царит в провалах высокой бездонности небес под ущербной Луной. Чудеса ночи понимал сжавшийся пушистый комок в лёгкой

дымке не тающих снов и яви. Вестник ночи и покровитель тайги филин знал великую тайну чудес и никогда не появлялся на солнце. Словно сыч древа вечности, перелетая через лучи лунного света, все закоулки сплетения корней охранял от нашествия грызунов. В блеске снегов под полной Луной отважный ястреб смотрел в пустые глаза цвета солнца и считал дух темноты своенравным защитником счастья. Преисполненный видениями, ночной полет филина означал одобрение Хозяина гор, помогал в охоте полагающимся на слух и обоняние волкам, выражая мудрость. Царапая воздух филин — дарил толковые мысли, силу в хрустящих потёмках видеть и находить приметы в стае теней. Ястреб глазами цвета дождя видел филина в дупле, и менял направление ветер. Поникшей головой филин вызывал снегопад, а кричащим клювом приглашал мороз.

Зима повелевала не бесконечно, и терпеливые птицы, теплом сменяя холод, скользили у границ льда и проталин. Ветер колол глаза, а хлопья снежинок опускались на камни ущелья. Терпели птицы холод и бескормицу. В трескучий мороз замерзали обнажённые когти, но правила были внутри птиц, не создавались внешним случаем, а только откликались на них. Для беззлобных зверей не могли хищные птицы быть хорошими, а для себя плохими и их повсюду боялись и гнали. Птицы когти не вложили в ножны и безобидными были во сне таёжных зверей. Снежный филин и Чёрный ястреб друг другу, остались беспощадными соперниками, а стынущее сердце Перелётной Зимы облилось колкими слезами, усмиряя их. От огорчения Зима белоснежной совушкой упорхнула с тем, с чем появилась. В круговороте чувств уносила осколки видений, примкнув к стае светлых надежд летящих на Север. Сильнее правил Зимы оказался мудрый закон прекрасных светил, позволяющий стражникам тени и света Лунному филину и Солнечному ястребу навечно в объятьях неба на лету поодиночке ловить изумительные мгновения, обгоняя жесткость жизни.

ЯГЕЛЬНОЕ ЗАТМЕНИЕ

Оленёнок по кличке Вихрь родился в белом полумраке на берегу потока воды вытекающего из висячего ледника, охраняющего драгоценные пастбища ягеля. Ледник под толстым льдом носил с собою в хрустальных капельках льда серебряные нити сплетений мхов. Оленёнок сквозь прозрачную изморозь любовался искрящимися веточками с беловатой расцветкой, ему казалось, что олений мох похож на морозостойкие цветы. Узоры плотных подушек мха цетрарии снежной и кладонии звездчатой невозможно было сосчитать, как не счесть и звезд на небе. Небо закрывала беспросветная хмарь, а оленёнок доставал ягель из-под снега, отыскивал возвращённые к жизни замороженные мхи, талыми водами размывающую мерзлоту на скалах. Сочный ягель кормил, оберегал от невзгод и защищал в злых испытаниях. Целебное средство ставило с ягельной подстилки на ноги слабенького оленёнка. Но сильнее всего чудесную силу растущему у ледника ягелю придавала вера в его защиту и помощь. В суровых условиях жизни, упругие и мягкие ветвящиеся трубочки ягеля, высыхали, трескались

и обламывались, оленёнок бродил у ледника пика Грандиозный — просил лёд напитать водой моховую бороду пастбища.

Посещать ледник запрещалось без дела — потревожив духов, приходилось откупаться видениями и проходить испытания на каждом из двенадцати небес. Олененок, кочуя за стадом дика-

рей, вырабатывал навыки выживания, позволяющие добывать пропитание, чтобы жить и уцелеть. В странствиях изумляло ярко-желтое солнце счастья, а наудачу ошеломляли затмения. Над озябшим ледником расцвела Утренняя звездочка, из распластанной лунной тени, будила бубен Солнца. Преломление солнечных лучей при касании звёздочки солнечного хрусталика очаровывало ледник. Свет звёздочки отражался, искрился и сиял, будто искры, медленно пробираясь сквозь сущность льда и ледник от беспробудного сна встрепенулся. Стуком в груди нарушая шуршание льда, оленёнок к дрожащему телу ледника, как к истоку ручья приник. Словно в реку вгляделся, бесстрашно рассматривал тень, скользившую по горным вершинам,

крутизне хребтов и отрогам склонов. На тропинке Луны, почувствовал вероятность солнечного затмения. Видел в нём встречу Луны и Солнца, в отражении земных деяний. Перекрученная тоской, круглая Луна завистливо мечтала дотянуться до Солнца и неутолимой лунной дорожкой кутаться в снежных мехах ледника. Преобразовывая из снега и крупинок льда, расплёскивалась лужами вода, влюбленная в солнечный свет, заструилась потоком. Жизненная мощь ледника была велика, а разрушительная сила огромна, но он откликался на искреннюю просьбу оленёнка и питал водой тайгу и пастбища.

В заморозки ледник с каменной кручи отступал выше в горы, подпирать звёздочки небосвода. В оттепель блок хрупкого льда, пытался уйти вниз к радуге исцеляющего водопада пробуждать над пропастью ягель. Солнце его останавливало, превращая лёд в ручьи на середине тропы. Стремление к восходу солнца вышележащего льда вызывало течение, а талая вода помогала скользить по проторённой породе и поблёскивать в лучах светила. Средь суровых высоких скал и сверкающего льда на грани единой Вечности, оживал ягель, а в улыбке зари встречая восходы, ледник поил оленей целебными травяными настоями. Ледяные седины и золото соцветий лепестков наивно спорили о смысле жизни, отскрёбывая мглу небес с моховой подушки. Пробуждающий ветер вздымал снежные

пласты. Края ледника, под мерцанием Утренней звездочки растрескивались в сеть глубоких пустот и трещин. Расщелины разрастались, а лед тёк через поверхности вокруг углубления горного изгиба, освобождая кристаллы от плена. Ледник двигался навстречу протяжным лучам встающего солнца и столкнулся с бегущей зигзагами тенью от огорчений обезумевшей луны. В поисках исчезающего счастья, выскочив с орбиты, Луна без оглядки прикрыла ребром солнечный луч. Из полутени, оленёнок наблюдал, как не освещённая Луна, прикоснулась к оленьей шерсти Солнца, бесцветной и унылой тьмой обречённо закрывая светило по кусочку.

Оленёнок зрил в небе кольцеобразное солнечное затмение, жуткое и неестественное зрелище. Оленья шкура солнца раненая потемневшей луной, неумолимо навыворот мрачнела. Небесный порядок нарушился вторжением непроглядной тьмы. Вспышки света мерцали под тёмной лунной лапой. В маяте и одиночестве оленёнка охватил испуг. Оставленному на волю кромешного мрака оленёнку показалось очертанием сновидений, что Луна на солнечный подшейный ворс Солнца накинула медвежью шкуру. Солнце перестало сопротивляться. Ему угрожала опасность в лунных объятьях лапы вытянуть и уснуть, а цветам в темноте увянуть. Дневное небо догорало звёздами. Вокруг скрытого чёрной луной хрупкой надеждой сиял тончайший краешек солнца. Сияющими рогами небесного оленя он бодал Луну. Нервничали метеориты, волновалась гнетущая комета затмения. В тревоге оленёнок важными словами просил солнце не гаснуть, а от переживаний ледник содрогнулся пульсацией. Чёрная луна неотразимо прижалась к груди Солнца, вселяя странное уныние, от счастья снегом расплакалась. Жемчуг слёз рассыпался на спину ледника, а он, затаив дыхание потерял опору. Снег распахнулся, претворяясь в непроходимое нагромождение колющих льдин и осколков. Суровый, но справедливый ледник в затмение принял обличье лютого хищника. Во мраке тьмы сиротою бродил по вершине горы, лепя талым снегом опасности. Встревоженный лёд качнулся в колыбели, сделал шаг, чтобы лететь, но поскользнулся и рухнул в низовья, сворачивая двенадцать небес с тяжёлыми вдохами. Резко возрастая в зоне приноса, как уровень реки при паводке,

ледник вызвал горные обвалы, прорывы озер, оползни, лавины и сели. Внутри смятения оказалось небо, а панический страх охватил всё живое.

Изменяя судьбу, Луна почувствовала себя равной по силе солнцу — затмила свет дня и ночи. В чаше острых вершин лед-

ник мрачной пургой скрипел и ледяными когтями топил зверей. С небосвода валом просочилось смятение и беспорядок, встревожив козерогов, лисиц, соболей, сов и орлов, проживающих на камнях и в зарослях кедрового стланика. Ледопад выгнал волков из логова, а медведей из берлог на тёмный лёд. Волчата и медвежата, оступались о снежный склон и вслед за матерями срывались в застой снежной заводи. В вязкости мглы тонули, пытались залезть по ледяной крошке на скальный обрыв, но сползали в западню без надежды на спасение. Шерсть встала дыбом на холке у встревоженных зверей. Вместо грозного рыка слышался жалобный писк. Ледник проседал, из оленёнка вытягивая тепло, а он ловил заплаканный медвежий взгляд и глаза не опускал. Вытаскивал растерянных малышей и подталкивал неокрепших зверёнышей бежать в гору, возвращаться в заблудившуюся стаю. Уцелевшие сироты не радовались спасению, а чутьём искали матерей, а в ледниковом обвале проваливались в испуг.

Подтопленный лунным огорчением лёд бурно прибывал, а животные хотели увидеть свободу. По изломам торосов пересекали нависающее ледяное поле к отбившимся от стада оленятам. Достигнув последней границы, носились по кругу и вязли в снежной ловушке, но крепкими рожками бодались с ледником-зверем. У ледяных стен кружило стадо, проваливаясь в разломы, а ледник на оленёнка надел ледяную шкуру. В мучениях олени толкали края откоса, не бросали в беде, а помогали оленёнку рожками, отталкивая ледник в верховье, на краю трещин, соскальзывали в коварную трясину из шуги и снега. Оленёнок, спасал зверей, откапывая из снежного плена, вытягивал за рога и уши из топи. Осознав, что вместе можно добыть удачу, перепуганные олени упирались в ниспадающий лёд. Из несбывшихся снов снежного зверя толкали в глубину звёздной выси искать Солнце. Без лучей солнца, не уверенные звери суетились и искали убежище в неразберихе трещин. Солнечное затмение у детей солнечной природы вызывало лихорадочный трепет и переживания. Животные ощущали оттенки тьмы, осязали и скользили на плакучем льду, под которым цвела чернота накипи. Оленёнок падал и вставал на тоненькие ножки, набравшись сил, с трудом шатаясь, но не сдавался, а бодался со струящимся ледником маленькими рожками.

Оленёнок пытался понять, почему небесное светило почернело и как будто исчезло с неба? Почему ледник в горьких лунных слезах плёлся с одышкой в никуда и не сгорал в огне солнечного света? В воздух тяжёлый взметнувшись, вера с затмением разбилась. Погасив Солнце, Луна чарами заставила его обратить на себя внимание, но нарушала установившийся уклад до предела и уходить не хотела. Сохраняла порядок, борьба за жизнь, а игры с рогами дарили несбыточное чудо. Живое ягельное кружево пило лунную досаду, а чистотой светлой любви оленёнок дарил потемневшему Солнцу свои рожки. Маленькими рожками отгонял страх и верил, что вернёт основу жизни солнечный свет, сопровождающий одушевлённые горы. Испытывая сердечные муки при затмении в видениях ледник до краёв наполнился, а в пульсациях менял облик. Ледник бился и трепетал, как будто из прозрачной плоти льда оделся в снежное оперение. Словно невесомыми крыльями снежного филина вспорхнул в изголовье звёздного ветра. Сквозь сумрак застывшего снега, ягельные мхи заблистали серебром манящих огней звёздных первоцветов, а Луне приснился спокойный сон, что свечение с цветами лунными очень схоже. Изменили небо к лучшему, сломанные отростки оленьих рогов, а Луна по мягким звёздным лепесткам катилась светлым ребром безмятежно встречать ягельный рассвет.

Трещинами губ бубнил и бормотал оленёнок с духами Чёрной Луны, заклиная их взять на память яркие звёзды, а с лучистого Солнца снять накидку из медвежьей шкуры. Сквозь проём недоверия Луна отразила огонь материнского Солнца. Всполох дал жизнь в тенях и частицей света упал на пустошь ягельной Луны, превращаясь в лепестки цветов кашкары. В бликах и отражениях золотых лепестков ледник застыл снежной птицей и отдал суровой Луне блеск оперения. Искромётный отблеск

льда, отражал сумрачный мрак ударов молодых рогов оленя о тень, обман и пятна на луне. Ослеплённая проблеском рогов небесного оленя пошатнулась Луна и ослабила призрачную хватку тьмы. Надломив объятия ревности, содрала медвежью шкуру с головы солнца. Долго и упорно бодалась лунными рожками, устала и ушла. Ледник от недоверия луны о сердце тьмы не разбился на осколки, а ярким блеском озарил потемневшее солнце и у края лунной радости, на небе вспыхнул луч со сверкающим блеском. Откликнулось солнце в зеркальном отражении и застыло хрусталиком счастья, поселило в сердце оленёнка надежду, осветило натоптанные тропинки и указало нужное направление. Придала силы и позволила забыть об опасностях набегающих помыслов, вселяющих страх и безволие. Луна затмения, теряя силу очарования, не тревожила ожившее солнце и засветилась зеркальцем. Покой поселился в сердцах двенадцати небес. Безграничностью света, готовые обрушиться, небеса уверенно облокотились на ледники. Осколки льда выплаканным снегом держали крепко золотые нити лучей и долго падали, белой изморозью вниз на серебро ягельной тундры. Ломкий ягель крошился, разлетаясь по ветру, рос и плодился. На ягельный ковёр невзначай вернулись звери.

Ягельные высоты обняли холод ледника тёплыми чувствами. В чудесных видениях разумно несли радость обновления и не замёрзли в ледяной шкуре, превращающейся шатуна или птицу. Знамения небес изменяли условия на скальном ложе, появлялась и исчезала талая вода, нарастало и падало давление, примерзал и оттаивал придонный лёд. Двигался лёд по тропинке в заботе о пастбищах поросших ягелем и приручал к себе зверей, а в страхе оглядывался на затмения. На отчуждённом тёмном дне хрусталики лунного снега хранили солнечный свет, а привносили в сердце ледника спокойствие и радость. Дождливые слёзы рожденья давали силы льду и дарили зверям ягельную настойку, а затмения помогали леднику выйти из полосы отчуждения. Прожитое и пережитое выплёскивалось, а лунная ревность успокаивалась. Затмение превращалось в воспоминание, а белая дневная звёздочка с неба оттаивала цветы.

Гасла заря, в кристаллах льда отражая поднебесье. Над ледником загорелась Вечерняя звезда. В преломлении солнечных

рожек, звезда одевалась в огненный ободок. Солнце выгорающими рогами небесного оленя щурилось в обаяние ночи. Свет звезды искрился и сиял от лунных лучей, отражаясь сквозь сущность льда, претворяясь в капли росы на ягеле. Ожиданием о стену льда перетиралась луна, а ледник вздыхал, мотая

лунный свет в кружева. Звёздочка подмигнула оленёнку мерцающим зрачком и спряталась среди капель брусники в ворохе задремавшей хвои кедрового стланика. Уснули вершины, а оленёнок без суеты по тропинке ягельной луны побрёл. Неурядицы иногда одерживали верх во владычестве порядка, где правило солнце. До глубинных толщ льда небесные молнии, гром и затмения возвещали о свежести обновления. Вернувшийся в горы свет Утреней звезды озарил важность, кем стал оленёнок сейчас, он повзрослел, но не забыл, что вчера было затмение и наводнение. Возрождённое солнце осветило уклад двенадцати небес и к леднику вернулись звери на зелени ягельных лугов наслаждаться вкусом ягоды.

НЕОГЛЯДНЫЙ СТРАННИК

Величественный горно-таёжный мир центральной части Восточных Саян озаряет безграничный и вечный свет. Смотрят вглубь лазурных небес скалистые вершины и сверкающие снежники, брусничная тайга и чистые реки, ледниковые озера и мшистые топи, лиственничный ветер, ягельные тундры и капли росы багульника. Наделённый могучей мощью гор мир, место для воздаяния, потребностей, воззваний, отдыха и исцеления. На покрытых туманной мглой горах сосредоточились природные блага, растения и животные, от которых зависит существование таёжных людей, а они считают горы грандиозной частью естественной природы, дающей жизненные силы.

Особенности родных угодий человек отражал в уважении Хозяина гор. Он помнил предания: кем, когда, из чего и каким образом были созданы необозримые просторы мира камня, снега, льда, что именно отсюда в огне молний народились таёжные люди. Небо лило слезы, а Небесная птица поднимала из таинственной глубины водной неразберихи золотой песок и из него лепила горы. Вершины обжигались молниями с надзвёзд-

ных небес и на них селились потомки Небесной птицы. Горные хребты озарились звёздами, а каждый таёжный род получил заповедную вершину и наследственные охотничьи угодья. Единокровные родственники горы, небесным огнём воскресшие, влияли на судьбу отдельного человека и всей семьи. С ними говорит человек, им поёт песни, у них просит совет, упрашивает и излагает прошения. Хозяин гор любит тишину, но обладает хорошим слухом. Несмотря на то, что гора прямо не отвечает, внимательный человек замечал природные знаки, которые оставил Хозяин гор. Вершины парят в ореоле туманной загадочности, скрываясь в заоблачной выси от взглядов чёрствых сердец. Вода берёт начало с горных источников жизни и течёт миру на пропитание и исцеление. Из озер на вершинах гор вытекают ручьи в определенное время, исчезая подо льдом и появляясь в следующую оттепель. В обжигающих счастьем рассветах ягельные пастбища и охотничьи угодья зарождает славу, что реки, горы, озера и тайга имеют чудесную силу исцелять от отравленных мечтаний. Высота, крутизна, камнепады, обрывы, лавины, бураны, ледники и грозы охраняют от неряшливой обыденности. Горные цепи служат естественными рубежами, а перевалы доступные для пешеходов и вьючных оленей сохраняют опасность. Переходя через горный хребет, человек бросил позади тяжёлую горечь потерь и распахнул душу навстречу надеждам. В желание выжить вообразил Хозяина гор, от милости или негодования которого зависит безопасность и удача в рискованном кочевании.

Камням до небес имеющим Хозяина, человек совершил подношения и обращения. К заметным в недосягаемой дали вершинам гор Удинского хребта совершил странствие. По праву красивым считал пик Поднебесный, символ чистоты духа и центр мироздания, на котором держится вся Тофалария. Непостижимые горы Белая Дургомжа, Хамжур-Тайга, Чело-Монго обладают несказанной силой притягивать к себе гром, молнию и наполнять солнечной бодростью. Движение вверх, к недоступным небесам создало уважение к покрытым льдом горным вершинам, вознесенным в небесную высь. У подножья гор соблюдая вежливость и учтивость, не тревожил покой Хозяина гор. На перевалах не кричал и не загрязнял, не шумел и не потопал,

не поднимался бесцельно и не охотился понапрасну. Не вырывал траву — волосы земли с корнем. Гневался Хозяин гор за боль, причиняемую земле. Ненастьем, пожаром и наводнением, неудачей и недомоганием мог наказать за нарушение правил. Искупительные ленточки человек вплетал в путеводные сооружения из камней трех миров, в виде луча, устремлённого от земли к небу. К подателю жизни — Родовой горе перекочёвывал, испрашивать обилие зверей и кедрового ореха, приплод оленям и здоровье семье. Покрытые снегами вершины, с тянущимися вниз языками ледников, словно живые существа защищали от недугов, голода и стужи. Снеговая шапка горы, меняя очертания, с тревогой вызывает ожидания перемен в судьбе в бесконечных скитаниях. У определенной черты подножья горы испив талой воды, человек жизненной силы просит. Родовая гора соединяет людей и предков, верхний мир — где восходит Солнце, с нижним миром — где заходит, а Хозяин гор воплощается в различные образы: дух охоты, кедра, чума, оленя, птицы и зверя. Олень с ветвистыми рогами до небес обитает на вершине, осенью спускается в тайгу, а весной возвращается на гору. Вспоминая названия гор, не произносит человек их при посторонних. Если люди отнесутся к природе небрежно, то разгневанный Хозяин вызовет лавину, бурю, оползни, сели или лишит успеха. Хозяин гор не допу-

скает никаких отступлений и нарушений нерадивых людей по отношению к себе, к растениям и зверям.

Гора Хангорок является членом рода и уподобляется с его покровителем, защитником, предводителем и наследуется, как отчее жилище. За её пограничным перевалом Кадыр-Орук находится межгорная Тоджинская котловина с густой речной сетью и множеством озер. Родовое достояние охотничьих угодий соединяет членов рода, а человек свою жизнь неразрывно увязывает с горами Удинского хребта, сравнивая их вершины с легендарными предками. У родовой горы следит за ходом Солнца и добывает охотничье счастье. Во всём видя жизнь, в горах, реках, озерах и деревьях чтит обитающий там особый дух, понимающий человеческий язык. С началом охоты или ледоходом по камням и осыпям на заснеженных склонах подымается договариваться со скалами, читать следы животных и таёжные письма. Оставляя различные метки на камне и дереве, находит нужные тропы в любую погоду. Кочуя на перевал, камешек полит прямо, куда ушел.

Переходя вброд бурную реку с ледяной водой, стойко переносит человек ветер и туман, холод и жару. Забывая о усталости шаг за шагом распутывает тропинки в верховье реки Кастарма, обходя когти лютых хищников, топи болот, осыпи курумов, ворчание лавин, дым наледи и края пожирающих пропастей. Оставив у скал оленей, взошёл на возвышающуюся над другими вершинами гору. Для прошений, на вершине родовой горы соорудил из камней портрет живой горы. При закатном солнце пик горы направленный вверх, по вертикали окрасился солнечными лучами в оранжево-багряный цвет. Поднебесный Хозяин разжигает огонь в недосягаемых небесах, а свет его, отражая пик недоступного возвышения, горит пламенем заката. Человек

вдохнул огонь вселенной с камней, вонзающихся раскаленным острием в небо. Облака бегут в иллюзии полёта света и тени, как будто им не хватило горячего небосвода над головой. Огнистое небо в круговороте жизни, тайком вплетает сны в кружевной узор звезд. Умоляющим взором гроза смотрит с безответных небес, а блеском молний падает в тени ущелья. На тверди вершины снежного исполина стоит человек как пламя, повернувшись лицом к встающему солнцу — тянется душою из заката в рассвет.

— Великий Хозяин, живущий в небесах, — громко взывает человек. — Под вой волчьей стаи, в гнёздах перелётных птиц мы родились ночью. Росли на снегах и камнях, насиженных орлами. Сквозь смоляные иглы кедра встречали рассветы, а порывистый ветер пургой в сердце стучался. Пили чистую воду из журчащего ключа, в каньоне извилистом, а буря сквозь грохот камнепада к леднику ласкалась. Наша жизнь проста, у нас обереги с острыми когтями и стальными клыками, но мы охотимся в сезон без железных капканов, с перерывом добывая пропитание и пушного зверя. Кочуем за оленями в сильные морозы и глубокие снега. Шьём одежду, обрабатываем шкуры, бережно выпасаем важенок и ухаживаем за оленятами. По заветам предков на бубне грёз приносим тебе от нас любимые тобою угоще-

ния. Прими чистоту наших сердец и даруй оленному народу на непрерывных кочёвках не только косой дождь и мокрый снег, а мир и счастье. Храни стадо оленей круглый год на подножном корме для освоения промысловых охотничьих угодий. Пусть стороной обходят ненастья, а над живым гнездом пусть будет безоблачное небо. Пусть огонь, зажженный из смолистого сушняка, не гаснет в кочевом очаге, да не закончится пеплом таёжный народ. Великий Хозяин гор, ты умывал нас небесной росой, кормил и поил оленьим молоком, оберегал, исцелял и давал необходимое. Мы чтили, обожали тебя и не брали у тайги лишнего. Пошли тайге щедрое плодородие, урожай ореха, сытный ягель и оленям произрастание. Надели даром видеть следы зверей и чуять завтрашнею непогоду. Бури, наводнения, землетрясения и мор вызывает твой гнев. Отведи любое зло, что придёт отобрать жизнь зверей. Вершины наших предков, мы сохраним, взамен просим твоей милости. Покой и умиротворение гор для нас завет. Милосердный Хозяин гор услышь просьбу таёжного народа и исполни прошения.

Время летело вдаль солнечным лучом, желая к лучшему всё поменять, а человек обращался с прошением к Хозяину оленей, зверей, рек, тайги и высокому небу. С запросом уложил по камушку в перья облаков, обнимающих остриё вершины. Стряхивая с себя сожаление, подвязал цвета пламени ленточку. Ветер, развивая в небе отражение огненных теней, напомнил,

что каждая просьба — это новая жизнь, улыбающаяся мгновением счастья, а человек узнал, что есть внутри него сила. В очищающей высоте, просторе вершин, человек начал жить осознанно и значит, просьба услышана. Даром снисхождения на поднебесные камни упали птичьи перья для оберега. Посмотрел через оберег на вершину горы вблизи, в видениях гора оживилась в синей выси, летящей птицей. В перевёрнутом гнезде, птица превратилась в камень, а гора парила под лунным отблеском реки. Вершина зависала, рассекая льдинки облаков, а над пиком расправив крылья, кружил ястреб. Очарованный мигом красоты ястреб резал небо в поисках пищи, но попытки не приносили охотничьей удачи. Ворон скитаясь по свету, в жадной погоне за лёгким кушаньем мешал ястребу выслеживать успех. Невежественный ворон шалил и пересекал невидимую черту полёта ястреба. Небесный охотник отгонял чёрную птицу. Надоедливый ворон изворачивался, петлял и кричал, привлекая на помощь жестоких сородичей. Ястреб отбивал ворона от стаи, настигал его, оставляя в небе чёрный пух. Ворон крутился в воздухе, в переполохе ложно камнем падал вниз. Рискуя, ястреб кидался за ним, но осекался. Легко обманув ястреба, жалобно ворон прятался под кучей камней. Свирепый охотник увлекался и натыкался на тучу ворон. Отважно ястреб сражался в окружении злой

стаи, стремясь доказать, что он Хозяин своего неба. Ввязавшись в свирепую драку, по одной в резких виражах сбрасывал ворон с неба. Гонялся ястреб за жестокими птицами, другой раз они за ним. Ястреб на хмурых птиц не злился, если они стройным строем преследователей сбивались в кучу. Гордый

ястреб, отчаянно защищал кусок небо над родной горой, а стая ледяным холодом следила за каждым поворотом его головы и когтей. Вихрем крыльев набрасывалась на ястреба. Крылом к крылу мрачно стая кружила над ястребом, щипала и гнала, пикировала и подлетала, громко галдела и клевала. Одинокая птица в битве, со стаей ворон налетающей со всех сторон, не имела шансов на успех. Быстрокрылый ястреб отчаянно оборонялся от суеты и тоски вороньей стаи — играл в догонялки. От сильного удара в неравном споре ястреб сорвался и глухо упал на пик горы. Злая стая решила взять выигрыш, но заклеванный ястреб отказался признать поражение и у подножия кромешной тьмы когтями и клювом отражал нападение. Щурилась мгла, а стая кружила над вершиной, хором в такт свирепо над ястребом каркая, но сердце его не затронула. Облезлые вороны, получившие царапины от когтей ястреба, медленно улетали в бездну слепого пространства. Вмиг небо потемнело, а в мимолетном скольжении луча, клонящегося к закату, ястреб не смог взлететь.

Человек не остался в сторонке, он знал, что птицы приносят людям мечты и счастье, а забирают печальные муки и отыскал упавшего ястреба. Находясь на грани отчаяния, на краю обрыва израненного и обессилевшего пернатого хищника поднял в луч догоревшего солнца. Пребывая в потрясение и травме, ястреб с руки пытался взлететь, но не удачно. Билось крыло, не соглашаясь с общим обликом красивой птицы. Усталый от боя ястреб и повредившись при сильном ударе, нуждался в помощи. Человек освободил ястреба от крови и злобы, успокоил и подбодрил. Ястреб опечалился, но забыв о шрамах, доверчиво уснул у заботливого человеческого сердца. Спрятав голову под крыло, смотрел охотничьи сны. Сквозь бездонную лазурь птице улыбались невесомые звезды, и время замерло. Человек рукой гладил спину Луны и в сгустившейся мгле кормил ястреба сладостью её снов. Грезился птице шёпот счастья, и уходила боль. Робко на вершине струился загадочный свет, а камни отражали сияние звёзд. Ладонью человек собирал небесную пыльцу, излечивая раны ястреба. Ястреб отдохнул, перья набрались сил. Моргнув, мерцающей путеводной звезде задумчиво улыбнулся. Раны зажили, а в порыве радости взлетел ястреб встречать нежно-алый рассвет. Поблуждав в отрешённости выси, со свежим дыханием ветра вернулся в бесконечность над крутой горой.

Белые громады облаков похожие на ускользающие снегопады, обладали силой притяжения не зарастающего мхом равнодушия и забвения на тропинке исканий и надежд. По не гаснущей лунной дорожке, освещающей путь к счастью, кочевал человек, не возвращаясь обратно — шёл вперёд от вершины к вершине, распознавал знамения и находил у небес ответ. Под манящей звездой, за пределом грёз изменяющих неоглядный мир время повторялось, а над пиком горы воссиял исполняющий желанья звездопад.

ЗОЛОТО ЛЬДОВ

Упорному кочевому таёжному оленеводу-охотнику, рождённому под счастливой Северной звездой, всегда сопутствовала удача в рискованном пути. Не торопясь старик брёл по рыхлому снегу с ездовыми оленями вдоль извилистого русла реки в золотоносной долине разлома гор. При выветривании и дождях руды размывались, оседали чешуйками, самородками и россыпным золотом на чёрных камнях. Летом уровень реки был высок и прятал золотую жилу под водой. Зимой старейшина бродил по ледовому покрову скрывающему белым снегом шлих. В трещинах скал узоры рассеянного самородного золота светились блеском желтого цвета с красным и зеленоватым оттенками. Путаясь в сомнениях, старик проходил мимо. Опасался сорваться с отвесных скал, собирая золотники. Уходил в сторону от мечты — быть богатым и на столкновении кремневых пород с углистым сланцем тяжёлых скал вышел к не замерзающему зимой ручью. На высоком берегу ниже летнего уровня ручья, виднелись жильные каналы дикого золота. Драгоценный металл в виде вкраплений и прожилок вместе

с кварцем звёздочками приветливо поблёскивал в трещинах, уходящих под язык блуждающего ледника.

Пошатываясь от усталости, старик отпустил оленей с привязи. Молча подошёл к зеркально-белому леднику, бережно нависавшим над ручьём с вершины горных скал. Надменный

ледник был пленительно красив и исключительно опасен. Обиталище коварства поддерживал лапами замерзшую воду среди скал и при изменении погоды угрожающе двигался по ущелью. Неприступный ледник плотнее прижимался к скале и легко дышал только под мерцающими лучами загадочного звёздного света. Скользя по скалам в ущелье преданный звёздным скоплениям ледник, стирал валуны в песок и тащил за собой осколки гальки. Ринувшись со скользкого разбега ледник рёбра утесов равнял в щебень, а иногда затаивался.

Ледник застывших от холода слез глубоко шевелился, укрытый краями скал, вдохновляя чувства, страдания и пыл безымянных звезд. Облетая северное небо созвездия, горели ярким светом, а эхо в скалистом ущелье стонало жадностью и напастями. Онемевшим сердцем старик с нетерпением ожидал бессонной ночью, когда созвездие Большая Медведица благодаря суточному вращению вокруг Полярного оленёнка, развернётся и приблизится низко к горизонту. Надеялся, что влюблённый

в Медведицу ледник расправит крылья звёздной пыли и послушно отползёт поперёк хребта на пик вершины, в небесном молоке встречать созвездие. Под ледником у начала разбега ручьев скрывались золотые жилы, а под блеском длинной цепочки звёзд он покорно открывал щели, допуская небо к отложениям минералов.

В темную и безоблачную ночь у костра, мечущегося на ветру искрами и кажущегося звёздным, не о золоте были мысли старика. Жизнь представлялась единой, а в ней всё управлялось всевидящим источником добра — обширным небом. Первозданная близость неба была покрыта мерцающими, светящимися планетами и звёздами. Самые яркие группы звезд в созвездиях, оживлялись в воображении человека, превращаясь в различных зверей, а самые узнаваемые семь звёзд северного неба одушевлялось Большой Медведицей. Под бездонным небом старик старался поразмыслить о совершенном единстве верхнего мира и о сознании каждой сущности нижнего. Чувствовал себя ребёнком отрезанного кусочка неба, сшитого со звёздами в одно целое. Отражаясь над золотом ледника, витала тайна семизвездия Большой Медведицы. Возможно, ледник был верной опорой внутреннего мира звёзд и хранил секрет происхождения ледникового золота, а близкое небо далеко не уходило от блеска горной гряды.

Не знающее закат и восход семизвездие старик считал жизненной силой и в песнях напевал красивые слова о рождении золота. Большая Медведица-мать была счастлива кружить рядом с Полярным оленёнком, неподвижно находящегося в центре неба. Оленёнок был верхней точкой оси мироздания,

вокруг которой происходило круговращение небесного свода. Верный знак и центр вселенной улыбкой озарял всё разнообразные звёзды. Неба срединную звезду-оленёнка влекло в мыслях и в сердце пребывать в возвышенных поступках. Оставив постоянство мирового порядка, отправился в дальний путь с мечтой принести светлые лучи грустно во тьму одетой Чёрной звезде. В нём было доброе притяжение, а в тяготении был вселенский свет мечтою одержимый звезду без света понять и вместе с нею воссиять в чёрной дали двенадцатого неба. Во тьму закутавшись, звезда наблюдала за внутренним миром — затягивала нелепо, властно и всерьёз мглой пустоты, пленила оленёнка безвозвратно чувством несбывшихся грез. Возможно, оленёнок от себя никуда не сумел уйти или звезда без света раскрыла изнутри безволие в мрачной тени.

Без участия оленёнка задремали созвездия и по звёздному ветру блуждали несвязно — сталкиваясь и ударяя одно другое. От бесконечных толчков раскаленные звёзды расцеплялись

и превращались в сгустки серой пыли и выгорали. Опечалилась Большая Медведица и пошла по окраинам бесприютного неба, искать Полярного оленёнка. Рыдая, капли света роняла с высоты, кружилась вместе с небом, возвращалась и спускалась, но не могла найти. От огорчения слезы Медведицы раскалёнными каплями метеоритов заворачивались в палящие молнии и падали на планету, обращаясь в золото. Крепкие горы планеты рушились, от звёздных слёз сотрясались землетрясениями. Метеоритный ливень горячим расплавом, протекал через трещины ледников, впадины и расщелины гор, усиленно сотрясая глубины нижнего мира. Упавшие слёзы не протекали глубоко внутрь Земли, а смешиваясь с грязью и слякотью низких чувств: жадностью, подлостью, завистью и лицемерием — остывали золотоносными жилами. Цепи горных хребтов, обильно насыщенные звёздной слезой, покрылись золотой бронёй, охватывая планету и успокаивая силу подземных бурь. Золотое скрепление из горячих, звёздных лучей сверкало отражением молний. Скинуло сердце планеты слепящее вспыхнувший покров, разрезая ледяное пространство, отдало колебание золотого света Чёрной звезде. В тёмную пустоту Чёрной звезды золото врезалось созревшим лучом искренних чувств, и появился золотой свет, оттеняющий непроницаемые сумерки. Зияющая темнота низменных чувств, с дрожью отшатнулась, засияла золотой парчой, переливаясь ярчайшим и чистейшим внутренним светом. Большая Медведица в чарах позолоты вперемешку с невнятной темнотой нашла укутанного тьмой Полярного оленёнка. С радостью в сердце оленёнок увидел, что в черноту, из которой и вечность не могла взлететь, упрямо и смело попал добрый кусочек счастья. Золотые слёзы Медведицы, тихой грустью затаились в глазах. Ослепленная Чёрная звезда споткнулась о поглощённый свет, но не упала. Она не менялась, оставалась собой, озарённая вязкой тоской. Полярный оленёнок златой мудростью озарился и из межзвёздной тени колдобин по золочёным отблескам вернулся в центр неба. Стал светить, неподвижной точкой над горизонтом в Северном небе. Радужным сияньем сохранил связь между Небом и Землей, осветив оставшееся в глубине ледников золото в розовом кварците застывшем дыхании созвездий.

В ясной надежде старик, ласковыми песнопениями их мудрых фраз сживался мыслями со звёздами и ледником, казался безропотно преданным любящему небу. Ледник манил из глубины, вытряхивая из него самонадеянность. Старик терпеливо ждал чуда, когда влияние Большой Медведицы могло проявиться в действенной силе. Смиренно ожидал, когда созвездие прекрасной звездой поверхность ледника коснётся, колючую шерсть льда разгладит и в холодном сердце снежного зверя любовь проснётся. Созвездие медленно, тяжело и верно приближалось к вершинам гор. Не желая напрасно ждать, звёздами очарованный ледник своим ходом пополз вверх по скалам, полный надежды безмерной, устремляясь в межзвёздные просторы.

С примечательной точностью коварный зверь отползал назад, оголяя и распахивая землю, ледяными когтями двигал и выворачивал, оставляя после себя пиритовые камни и чёрную породу похожую на смесь слюды и графита. Заблестели наплывы золота на камнях в оксидных рубашках, но золотая жила лежала под толщей вершины ледника. Медведица покато коснулась коготком острого пика горы, поднимая ледяную пыль, прорубила просвет в ледопаде. Треснул устало лед, оставляя проход под ледяным мостом, перекинутым через прогалину. Изогнулась ледяная трещина и упала под крутым уклоном в неведомую глубь льда. Старик смело шагнул в прозрачные ледяные челюсти синего холода. Навстречу ледниковому ветру к бирюзовым закромам, босиком брёл на ощупь в объятиях снежного зверя. Сквозь толщу льда подсвечивая лучами о счастье, семизвездие в заснеженном хранилище золото в чудесной лазури меняло цвет на чистоту изначальную.

Достигнув седьмого уровня, по студёной реке подошёл к истоку. Ниже лучезарной толщи льда, низко морщинами и се-

диной пронизанную голову опустив, любопытный старик разглядел в полумраке заблестевшую слезу утраченных невзгод Большой Медведицы. Словно слезу матери наполненную надеждой, взял золотой метеорит — самородок в рубашке звездчатого розового кварца. Золото самородное в кварце придавало камню в форме звезды восхитительный шёлковый блеск. Сквозь лёд, трещины и туманы прошедший с небес луч зажигал на золоте в камне звёздный отблеск. Самородок на поверхности отображал звёздные когти медведя, кружащего головой — к дождю. Откуда призрачные лучи звезд длиннее, оттуда ветер отгонял печали. На камне звёзды играли крыльями орла, а вьюга заполняла провалы внутри мечтами. При мерцании звезд набегали тучи — к грозе. Звёзды казались меньше обычного — к ненастью, а блестели — к холоду. На волчьей тропе не блестела роса — к ненастью, а Млечный Путь, полный светлых, звезд отражался к хорошей погоде. В рубиновом оттенке высокие звёзды светили тускло — к оттепели. Отражалось в камне много звезд — ждать мороз, мерцали — к перемене погоды, а прыгали — к холоду. Разгоняли тягостную пустошь сознания зубцы рогов лунного лося — к стылой вьюге. Оленёнок неясно виднелся — как бы в тумане — будет засуха. Стадо облаков шло против ветра — к снегу. Яркая радуга оленьих рогов — к ненастью. Ночью иней на камне — днём снегопада не будет.

Высокая радуга рогов воздавала власть над стихиями. Крутой зубец — солнечный день, несколько низких — жди непогоды. В камне отражалась синеокая Утренняя звезда в облике ястреба настигающего близкий рассвет. В фиолетовых оттенках отражались семь звёзд медвежьей шкуры, сползающей с неба,

высвечивая забытые тени росомах в трещинах небес, а клыки кабарги черёд должных дел напоминали. Солнце садилось в розовой заре — прояснится небо, в зеленоватой заре — к ветру, а жёлтой — к дождю. Взмах крыла лунной совы говорил о сухой весне, а сны счастьем согревались в ненастье. Камень направлялся на Север, Полярный оленёнок знаком вечности, отражался в середине камня, освещая тропинку, скрытую в сумерках добывать охотничье счастье.

Размышляя о том, что жить с загадками интереснее, старик в печальной дымке ледяных красок наблюдал за отражениями самородка в кварце. Понять пытался законы звёздной жизни, читал сокрытые в них тайны. Тусклый блеклый луч в камне укреплял силы и рождал мечтания, влечения сердца к высоким мыслям. Бесстрашный старик, в поисках выхода из усталой путаницы ледника использовал везение. Под светом лунного кольца суровой погоды и рёв оленей шел, вздрагивая и шатаясь. Бесприютной горечи ожиданий и испытания, вышел под

окрики эхо по рыхлой крошке наплывами тьмы склеивающей влажную трещину льда. Взял с собой подпитываемый мощью звёзд созидающий камень, что бы оберегать кочующих по глубокому снегу оленей. Непроходимые дебри тайги в комарином гуде забирали человеческие силы, а рядом с камнем старик страшных снов не увидит, а укрепит сердце и с тайгой честен будет. Усталый старик, в волнении ожидая разрешение таинства небес, побрёл в поисках нелегких сокровищ тайги, ведомый ясным светом Северной звезды.

Семь золочёных звездочек Большой Медведицы сонно, глазками мигая, рассмотрели своё отражение на сумрачном льду. С каплей грусти поднялись в Большое небо на Север поить молоком оленёнка. Черпнув небесного счастья, под напором талых слёз, ледник сорвался со снежных крыльев на вершины гор. Из круговорота грёз выгнулся и двинулся снежный зверь за уходящим стариком, перетирая золотые жилы в песок. Мысли отводя от звёзд, толкал перед собой коренной промёрзшие обломки горной породы, скрывая самородки и россыпи. Влюблённому в созвездия и сотканному из звёздных слёз леднику с человеком было не по пути. Ледник верил, что звёздному небу он нужен и ему некуда было идти. Не требуя даров обратно, лёд и валуны шурша и хрустя, громоздились по берегам излучины ледникового ложа, мешая звёздную кашу. Под кружащимся небом, застывшая золотая слеза в руках старика светилось знамением прохладной улыбкой Утренней звезды заходящей к восходу Солнца. Сердце отважного старика, пленённое чудесами путеводного самородка в рубашке, обретало спокойствие и любовь, от звезды до звезды, кочующего по тропинкам к свету.

ЮРТА-НЕБО

В Саянских горах для честных охотников допустимо перевоплощение в снежного барса. Беспристрастные люди вели родословную от чудесного предка — ирбиса. Восхищаясь жизненной силой, ловкостью и достоинством грациозной кошки, охотники старались развить в себе признаки происхождения и не охотились на неё. Охота на снежного барса считалась большим нарушением исконных наказов существования в согласии с природой. Ирбис мстил преступнику — все проступки, которые совершил во время жизни, добывая жертв, передавал злодею. При должном уважении людьми горно-таёжного мира, снежный барс помогал и оберегал своих потомков, кочующих по тропам. Это существо охотники наделяли человеческим разумом и неземными способностями. Неуловимый мираж не видел никто, а он видел всё. Он всегда стремился к заоблачным вершинам и его обожали как суеверную силу — Дух гор. Защитник справедливости и покровитель, одобрительно взирал на происходящее с ледяных высот горных пиков. Он не рычал, а старики близкие к сущности природы верили, что завыва-

ния ирбиса похожие на мяуканье — это тайный зов далёких родоначальников. Охотник никогда не сталкивался с властно пленяющим барсом, чьё отважное сердце металась в снежной клетке тела, а было извечным. Во мраке звёздной ночи встреча с пятнистой молнией была знамением важного события, которое сыграет в жизни человека особую роль. Испытанный дикий страх был признаком того, что человек возвращался к жизни далеких предков, прикасаясь к духу животного.

Первые лучи света упали на купол звездообразного ледника, и охотник разглядел снежного барса по имени Небо — таинственного призрака сурового высокогорья Джуглымского хребта. Красивый зверь в серо дымчатом наряде с чёрными пестрящими пятнами, не уменьшил веру в приметы. Охотник удивился, что ирбис делал здесь, вдали от подмигивающих блеском снежных склонов остроконечной вершины, похожей на одиноко возвышающийся пик Юрта-Небо. Человек сделал шаг на встречу и на мгновение заглянул в ледяные очи. Большие и выразительные глаза снежного барса, умно и глубоко обжигали лунным полукругом. Радужная оболочка серо-зелёного цвета, с круглым зрачком, в прищуре вспыхнула звёздочкой внезапно. Зверь с человеческими чувствами, немигающим взором с наивностью ребёнка, словно в небесном сиянии сказал одновременно обо всём: о боли, счастье и решимости не разгаданной сразу. Барс уходил не спеша, опираясь на стопы покрытые шерстью по острым камешкам, скальным зазубринам и глубокому снегу, а не поддельную улыбку осознал человек и отогрел очарованное сердце.

Снежные пики горного хребта, сквозь тающие облака, тянулись к задумчивым россыпям звёзд. На охоту, барс вышел перед рассветом, а в засаде устроился на промёрзшей скале над тропой у солонца. Добывал хищник сибирских козерогов и не пропускал мимо идущую кабаргу. Среди горных льдов и снегов, дымчатый мех отлично скрывал от жертв и от врагов. В пронзительно лучистом зимнем небе кружили два орла с изяществом покоя, крылом касаясь Утренней звездочки. Холодный птичий разум был чудовищно хитёр, ловок и острей, чем два отточенных клыка у барса. В рассветном зареве взрослая птица учила орлёнка охотиться без правил, жадно изучая распадок

ягельного перевала. У молодого орлёнка перья под напором свежего ветра шелестели, а он, сложив крылья, пытался бесстрашно камнем свалиться вниз, на беззаботную кабаргу. Взрослая птица, заметив затаившегося для охоты барса, мешала ему. Нетерпеливый орлёнок, вдыхая озарившее небо, рискнул атаковать и бросился вниз на увязшую в снегу кабаргу. Из укрытия большим прыжком выскочил барс. Одной лапой подмял под себя кабаргу и птицу. Дрогнула у барса крепкая лапа и он не пробил подростка-птенца насквозь наконечником когтя. Отшвырнул на скалы подлетавшую к добыче наивную птицу. В цепких когтях барса, сникла безвольно кабарга. Вслед за орлёнком, со стороны встающего солнца разрезая студёное небо, пикировала на горячие скалы взрослая птица. Клюв и лапы сбились и запутались в очертания теней. Скрутились когти и клыки в узел и мгновенно разлучились. На угрюмой скале желторотый птенец попискивал одиноко.

Вцепился барс в добычу, и раненая орлица не вырвала кабаргу из цепких лап. Проворно удерживала в когтях тушу мощной хваткой птица, предпочитая вместе с ней угаснуть, но не отпустить. Грозно расправив крылья, грудью закрыв юнца, орлица остановилась на уступе скалы. Услышав материнский клич, покачнулся орлёнок и взлетел. Крик орлицы с силой рвался наружу из сжимающего уста ущелья, а вслед за гулким разбегом эхо и юный охотник обрёл упругое небо. Оставляя глубокие раны на теле барса, мать обучала орлёнка решительности, на лету обгонять эхо. Кабарга досталась барсу, а он потащил её в крутую гору под скалистый выступ, чтобы пернатый враг не видел зализанные раны и не торжествовал. В бесконечном обновлении гордо кружили над снежным исполином хищные птицы и не спеша улетали за перевал. Отводя вину, барс мяукал

заклинания и размазал слёзы, чтобы дух удушенной кабарги простил его. Вывернул шубу чулком вместе с головой и ногами, не рвал кабаргу на части, как это делали лютые звери, а опрятно глотал земную плоть. По законам гор остатки не растаскивал и не прятал, а со шкурой, свёрнутой хвостом в клыки кабарги, сбросил с крутого обрыва на нагромождения осыпанных камней. Над небольшим уступом, где хранились для возрождения недоеденная голова, шкура и кости, расправив чёрные крылья, с карканьем кружили нацеленные на падаль зорким глазом вороны. Птицы допускались в каменный лабаз питаться мясом с головы и шеи. Шум охоты, запах сладкого праха привлекли озверевшего от голода медведя-шатуна, осуждающего охотничьи правила и идущую по следу стаю волков.

Держащийся за пик Юрту-Небо ледник скрипел, как оберег, исполнял любые желания неба. Взамен небо сокращало часть прозрачного льда, питая талой водой зеркало ледникового озера. Зубы скаля, бежал медведь-шатун, широкими лапами с когтями проскальзывая и подбирая остатки на ледяных скалах. Пятнистый охотник, не проявляя испуга, затаившись над скальным обрывом — наблюдал. Зрачки расширил, шерсть поднял дыбом и молниеносным прыжком ненасытный шатун кинулся на барса. Рыканье, рёв, шум лавины и осыпь камня, а ледник удивлённо встрепенулся. Против когтей сильного и отважного барса встала неотёсанная

медвежья скала. Ирбис умело увернулся, запрыгнув против шерсти мрачному зверю на спину, оттолкнулся и перепрыгнул коварное ущелье. Шатун кинулся за барсом, ломая широко раскинутые ветви кедрового стланика, но сорвался с рыхлой осыпи на дно каменного мешка.

Из межгорной впадины матерые хищники, уткнувшись в след шатуна отточенным нюхом, приблизились к месту схватки и по-волчьи рванули на раненного барса, чуя запах лёгкой поживы. Уставший барс мелькнул тенью по склону ущелья, зализать рубцы и царапины. С дыханием ледникового ветра на барса накинулись два волка. Разделавшись с травленым волком одним отточенным когтем, барс осознал, что жизнь ускользает маревом и резко изменил путь. Сквозь туманность, презирая муки, решил не проливать на скалы кровь, а затаиться на леднике, укрепляя душу-судьбу, нитями жизни через лёд и снег. Молодые волки шли за ним по пятам. Впереди доносились тихие вздохи сочувствия ледника и заунывное сострадание лавин. Волки сообща бросались на кошку-одиночку, плутающую переходами среди трещин, а опрокинули барса со снежного моста, прикрывающего оскал ледника. Барс поднялся, отважно отбиваясь, продолжил сохранять равновесие и идти по скользким торосам вперед. Не осторожный волк попался под переднюю лапу, и остался лежать на ледопаде. В ярких проблесках зари — эхом

растворялись вопли голодной стаи ворон, а волчья стая, не нападая брела рядом с обессилевшим от ссадин барсом. Серые звери не отпускали живую добычу и дожидались, когда затравленный барс у ледяных пустот упадёт. Любимец снега и льдов, в связке с волчьей стаей упорно полз по карнизу ледяной щели

и рыхлому снегу, по которому ему, несмотря на широкие лапы с когтями, передвигаться было нелегко. Барс, в прочность сердца верил и через ледниковое озеро переплыл к скальному барьеру. Через ледяную пасть, из которой от удивления вывалился язык ледника, а каскадами сползали сель и прорывной паводок. Баловень гор спешил, изгоем убегая из ледяного мешка волчьим лазом. Лютая стая кружила ледяной вьюгой по корки льда и спешила добыть охотничье счастье. Туго сжималась волчья петля, не было возможности барсу спастись ни хитростью, ни лестью. Осознав, что не избегнуть страшного узла удавления барс повернулся к волкам клыками.

Из глубин туманной синевы расправляли крылья чёрные предвестники поживы — вороны. Постаревший матерый вожак, не знавший про страх, но уставший от скучных интриг, неожиданно остановил свирепую стаю. По волчьему закону попытался в одиночку сразиться с духом гор. Символом храбрости, чести и первенства выбрали они одиночный бой на лезвии

ледяной скалы под лавиной и над обрывом. Сделали остриё беззаветным алтарём совершенной свободы. Встреча была не случайна, на ней судьбу не обмануть. Держась основ, которые чтили, жизненную удачу решили поделить одну на двоих, не попятишься — оборвёшься в бездну, не испугаешься — лавину

нельзя обогнуть. Отчаянная схватка вступившей в поединок теряющей силы кошки с седым хищником, в которой с завышенным самомнением ссутулившийся вожак пожелал сохранить уважение. Снежный барс отчаянно бился за выживание. Чёрная стая ворон метнулась в разные стороны и с неистовой яростью, вонзая ломающиеся когти и стирая крепкие клыки, начался бой. Барс был быстр в движениях, что даже опытный и ловкий вожак не успевал увернуться от ударов пятнистой молнии. С безразличием к судьбе, стиснув зубы, на скрипучие пики льда соперники вновь вставали. У барса в горле бился ком, сжимало виски, отдавая болью в темя. У волка окаменевшее сердце глухо стучало, а в глазах мелькали чёрные точки. В закатном пламенном зареве на обжигающий лёд повергнут был волк. Сморщив нос и поджав хвост между ног, он угрюмо побрёл, волоча заднюю лапу. Глазами проводил стаю и тяжёлой тенью мелькнув, затерялся старый вожак в тёмном ущелье, а в туманных лучах лунного ободка закружила воронья стая.

Иглы звезд терзали, ощетинившуюся верхушку ледника, надтреснутым льдом. Небо зябко стыло, а горы уснули в отголосках несбывшихся видений. Снежный барс, за храбрость чтимый волчьей стаей, почётно отполз, зализывать раны. Из последних сил переплыл ледниковое озеро, очищая себя, избавляясь от накопившейся ненависти. Растворяясь среди острых трещин и нагромождений, рьяно стирая сердце в лёд, закапывал барс глубже острую боль под снежную кромку льда. Заплакали вместе с ним небеса, выполняя любые желания. Впадая в радужный сон, на больших прекрасных глазах мелькнула пелена цвета снежно-вьюжной позёмки и веру в удачу разметала в прах. Жизнь у отважных животных никогда не отбиралась просто так и не становилась невидимой, а перевоплощалась в снег. Ледник помнил, что для барса важней всего на свете — дух животного принести в жертву ради выживания рода.

Над ледником полная печали и скорби лунная дрожь вспыхнула в отблесках падающих звёзд совушкой, а на лапах куропатки выросли орлиные когти. В несовместимых желаниях, разъярённые волки грызлись между собой, выбирая самого сильного самца в стае, нового уважаемого вожака. В белом безмолвие льда редкие снежинки напоминали о снежном барсе. Человек ждал, но барс не вышел из укрытия и не побрёл не спеша, поднимаясь по склону. Снег и лёд являлся для снежного барса

неотъемлемой частью повседневной жизни. Уязвимый снежный барс полюбил манящий чарующим блеском вдохнувший ледник и превратился в снег. Охотник задумался, зачем барс упорно шёл в вершину ледника, так далеко от места обитания? Далеких предков кровь звала, а опытный следопыт прошёл весь путь барса в обратном направлении, а очутился у ослепительно блестящей вершины. Следы вели наверх к пику горы Юрта-Небо, где в скалистой расщелине человек нашёл место обитания снежного хищника. В нём ожидал скулящий по родителю детёныш с пустыми глазами цвета тоскливого неба. Выходит, барс изо всех сил отводил внимание беспощадных зверей от котёнка. Спасал барсёнка, чтобы он мог жить.

Сердце велело усыновить котёнка. Барсёнок ходил к небу по краю пропасти и камнепада, перепрыгивая трещины. Переплывал ручьи, поднимался по снеговой кромке к звёздам. Свернувшись в клубок и прикрыв лапками мордочку, наблюдал полёт орлов и бегущую волчью стаю. Скреб камни — к метели, и спал, ожидая потепление. Счастье подобно снегу сверкало при лунном свете на спине лавин и падало молнией. Снежный барсёнок по имени Вьюга ловил снег в объятья, а снежинки прижимаясь к груди котёнка, растворялись материнскими слезами. Под щедростью звёзд глаза наполнились цветом ясного неба и верой в не зарастающую тропинку отца. Под Утренней звездою над острием горы Юрта-Небо кружились метелью орлы, сбросив груз суетных дней. Из всех желаний, что исполнил ледник, ощущение полноты счастья, несущее покой и радость, было высшей наградой.

ПТИЦА НА ОЛЕНЕ ЖИЗНИ

Перелетные птицы улетели рано от холодной зимы, а ягель прижался к мёрзлой земле. На хмурые скалы лиственница сбросила хвою, а куропатки надели белоснежное оперение и обули тёплые камусы. В свете зимнего солнца, на крыло стая куропаток не поднималась, а перебегала следом за северными оленями, одержимыми страстью к перемене мест. Наследуемое от предков стадо прирученных оленей, было единственное богатство кочевого таёжного оленевода-охотника, обитающего в горах. Доверчивые олени стойко переносили морозы, добывали мох из-под глубокого и плотного снега. Никогда не злились и не били человека рогами и копытами. Неприхотливые и не требующие ухода верховые и вьючные олени означали жизнь, а человек их чрезвычайно берёг. Олени были крупные — таёжный вид транспорта в горах и помощники в охоте. Летом человек ездил верхом на оленях по ягельной тундре, а зимой по тайге. Без привязи бродили они по гольцам и, если уходили далеко за грибами, подзывал хриплым свистом. Кормящихся растениями животных соляной голод из дебрей выводил. Губами тянулись

олени к тёплым рукам человека — просили соль. Долгой зимой скудно питались, а вместо воды ели снег без минеральных примесей, поэтому обгладывали сброшенные рога. Ворон оберегал стадо от хищников, а на охоте разыскивал зверей, выдавая их криком. Дух перелётных птиц оживлял природу — возвращал силы, охотничью удачу и здоровье оленьего стада.

— Оленя по шагу узнаю, птицу по полёту, — сказал таёжник. — Боишься — не кочуй, кочуешь — не бойся, не кочуешь — пропадёшь.

Поиграв в прятки с соболем, на ночлег куропатки нырнули в снежный чум. Среди жестокого ветра, пасмурного ненастья, наледей и снегов человек с оленями брёл на пушной промысел. Зима наступила рано, а человек спустился с вершин в тайгу по первому снегу выслеживать и гнаться за пушным зверем. Главного оленя в караване вёл за поводок следом за куропаткой по каменным осыпям, ледникам, болотам и таёжным завалам. Расстояние измерял в днях оленьего пути, к добыче подкрадываясь, не пугал птиц, сметающих крыльями иней с кедровой хвои. Бесстрашные куропатки мелкими шажками заманивали соболя в охотничьи силки.

— Белый олень по тайге ходит, когда чёрный медведь в берлоге спит, — кивнул таёжник. — У глухарки крылья краса, у оленя рога гордость.

В снежной дымке суетливо скитаясь, олени чутьем угадывали опасность. Медведь-шатун затаивался на звериной тропе, рысь караулила на кедровой ветке или волк выслеживал около наледи. Спокойно вёз человека по тайге олень белой масти с тёмными пятнами на шее и голове. Издалека чувствовал хищного зверя и под снегом коварные незамерзающие ключи. Олень в камнях сдирал кожу до кости, человек лечил рану смолой кедрового стланика. Остерегались охотиться в морозные дни и бескормицу, с глухарями лежали в снегу, согреваясь и силы зря не расходуя. Птицы учили зарываться в пушистый и мягкий снег, а под спасительным прикрытием спать.

— Ходовой медведь оленю не брат, — вздохнул таёжник. — Медведь во сне лапу сосет, да сыто зимует.

В белой дымке луна и солнце встретились на небе, а человек шестовой чум, покрыл берестой. У костерка кипятил чай и кушал мясные сухари, немножко горьковатые, как мох ягель. Рядом с чумом сушил шкуру добытого медведя на берлоге. Медленно тянувшимися ночами под птичьим созвездием, что искрилось в тёмном небе, мастерил внушающий чувство уверенности оберег из клыков и когтей медведя на заветной связке со звёздными знаками, обозначающих Оленя Жизнь в центре двенадцати небес. Под птичью перекличку навьючивал оленей в кочующий караван и уходил по следу бегущей лайки. Чутко прислушиваясь

к собачьему лаю, перекочёвывал с места на место с выгодой для охотничьего промысла, а по птичьему полёту учитывал, где олени найдут корм. В природное хранение заготавливал орех, ягоду, грибы и травы, которыми питались олени и медведи. В круговороте кочевой жизни чередовались: гон, отёл, доение, обучение езде под вьюком и верховой езде, подпиливание рогов, устройство дымокуров и охота. Суровость сменяла молчаливость.

— У волка не гостит медведь, — засмеялся таёжник. — Худой сосед медведь.

Под завесой морозной дымки медведи наедали жир на кедровых орешках, а с ранним снегопадом ложились в берлоги караулить сны. Предпочитал с медведем не встречаться, а зимой охотиться выезжал с верховым, двумя вьючными оленями и с собакой. Раненый зверь, неслышно к оленёнку, рождённому от дикаря и важенки, подползал и уходил против ветра и лайка его не чуяла. Розыск хищника по воздуху поручал ворону. На следы ложились снежинки, а волчий ум выслеживал и терпеливо ждал удобной охоты. Медведь-шатун с обострённым слухом и обонянием, бродил по снегу напрямик через горы. По наледям и полыньям рек, гонял оленей день и ночь, не давая передышки оленьему духу — заботящему о счастье стада. Осторожный человек, заманивал голодного шатуна в построенную из брёвен пасть давилки с тяжёлым гру-

зом из больших камней и отдавал свирепой стае на расправу, чтоб дух шатуна за оленями не ходил. В брачный период лайка поддавалась обману и убегала за волчицами, но чуя стаю, возвращалась.

— Медведя бояться, оленят не видать, — заверил таёжник. — Врасплох медведь труслив.

Не слыша птиц, тайга замирала, а медведя в берлоге добыть ради лечебного жира помогала петля. Свирепый зверь перегрызал трос, а человек прижимал вершину упругого дерева вниз и на небольшой высоте пропускал под толстый сук рядом стоящего ствола. Толстый сук не давал нагнутому дереву вернуться в исходное положение. За вершину нагнутого дерева привязывал ремень и ставил петлю на выходе из берлоги. Клекотом ворона во всё птичье горло и взмахами рук, словно крыльями медведя в берлоге будил. От мощного рывка, попавшего в удавку потревоженного зверя, вершина дерева соскальзывала сжатой пружиной. Ствол выпрямлялся, увлекая вверх из берлоги медведя, который на мгновение зависал и оставался стоять на задних лапах, не в силах вырваться. Соблюдая охотничьи правила, первым звал ворона поклевать лакомство на медвежьем празднике. Окуривал дымом багульника уложенную голову между лап и провожал Хозяина тайги в горное стойбище, где

он облекался в плоть и молвил сородичам, как хорошо у людей в гостях, чтобы другие медведи помогали в охоте.

— С медведем дружи, а оружие держи, — вздохнул таёжник. — Медведь грозился, да в яму свалился.

Лунный круг расширился и исчез, а сова зорким взглядом ощупала звериный след. Чуя волчью стаю в лунной тени, олени поднялись в вершины, а человек на солонцах охотился из засады на изюбря. При удачном промысле останавливался на стоянку, где снимал шкуру и коптил мясо. С радушием обменивался добычей при встрече друзей. Угощения и чай у костра помогали вести разговоры о житейских делах. Предсказывал погоду, разбирался в следах и в звуках зверей, обладал ясной зрительной памятью. Сова крикнула на холод, дятел — на снег, а ворон — к метели. От наблюдателя не ускользали малейшие изменения в окружающей обстановке. Упали на снег чешуйки от кедровых шишек, белка на верхушке кедра шелушила орех. Стелящаяся позёмка старые следы заметала. Синицы сели на снег и побежала прочь кабарга. Соболь схватил со снега взлетающего тетерева-косача, но учуял лайку. Зауркал соболь, забираясь в дупло, а лайка глаз не сводила, отвлекая от спешащего охотника. Соболятничал с седла оленя на скаку, крючком на шесте подбирал драгоценную добычу.

— Не клюй, как ястреб, не шуми, как текущая вода, — вздохнул таёжник. — Побежишь от волка, встретишь медведя.

Кедры схватились инеем. Ухал филин, ожидая пургу, а поползень обшаривал стволы снизу-вверх. Заскулили волки, пронзая ветер, а глухарь скользнул в снег. Олени не боялись волков, но обходили стороной логово со щенками. Мстительные волки, зарываясь в глубокий снег, наблюдали за повадками человека, запоминали запах, голос, силуэт и следы, читали мысли и чувства. Человек вешал на шеи оленей защитные связки из медвежьих клыков. Вечером в чуме снимал шкурку с соболя, а для обеспечения охотничьей удачи хранил лапки первой добытой куропатки. Набивал патроны, кипятил чай и заботился об оленях — вечных посредниках между Землей и Небом. Олени понимали человеческий язык и олицетворяли свет солнца, восход, время и жизнь. Из мира не рожденных душ спускались на спины оленей снежинками птички. Братские стаи, охваты-

вая ожерельем бусинок рога оленя, пролетала сквозь облака. Олень знал, в чём птичье счастье. Куропатка бесстрашно суетилась возле ног копающего в снегу оленя, добираясь до земли — находила что поклевать. В разрытом снегу рябчик и глухарь подкармливались. Безбедно охотилась на оленьих копаницах

совушка. Души не рожденных оленят жили в хранилище Верхнего мира и прилетали в виде перелётных птиц. Избавляясь от излишнего чесания о деревья, олень позволял птицам выбирать со спины линялую шерсть для постройки уютных гнезд. Бесплодная женщина обращалась к птице с просьбой дать детей, а если появлялся ребенок, он считался рожденным от ястреба.

— Ястреб пернатый хищник — зато свой, — изрёк таёжник. — Соболь храбр, а ястреба боится.

Меняя наряд куропатки с темными точками глаз мелодично квохтали, а олени не отбрасывали на ягель тени и не оставляли следов на проталинах. Могучий дух оленьего рода, вскинув ветвистые рога, носился как ветер, по сверкающим белым снегом вершинам на небосводе. С гордым оленем спорить не решался даже в исступлении рыщущий медведь-шатун. Величавый олень, к спине откинув тяжёлые рога, одним прыжком переносился через ущелья с ледяными ручьями, отводил стороной волков от стада. Словно обнаженное солнце за день

пробегал по всему небосклону. Ночью зачарованно смотрел в громадную высь Млечного пути, встречая с переливами огней рассветы. Порой срывалась уставшая Утренняя звездочка, прорезав чёрные небеса, словно свиристель садилась отдохнуть на спину оленя. Ледниковый ветер раскачивал птицу-душу, а она

ничуть не волновалась, она знала, что олениха ждёт оленёнка. Странствуя вдоль исчезающего следа, смелая перелётная птица — подруга небесная в лёгком полете щебетала на исполинской спине оленя во всей знатной красе. Пол лунными рожками небесного оленя проник в сердце птицы звездный блеск.

— Прилёт птахи день и ночь равняет, — вспомнил таёжник. — Прилетела птаха в большой снег — к ранней весне.

Стая куропаток, словно снежки облепили спины оленей. Нашлось много места и надежд из меха новые гнезда вить зимующим и кочующим птицам. Из конца и начала небес падали звезды на пух лазурных перьев силой света украшая. Токующие птицы, распустив крылья с белыми перьями, отводили хищников раскатистым хохотом. Первозданная птица — Оленья хозяйка — звонко взлетала, не ведая страха всполохами крыл играя. Свежела ночь, звезды бежали по ветру, зажигая небосклон пламенем зари. Лучами восходящего солнца согрелась куропатка закатной луны, гладила спину Оленя Жизни.

Вестник весны с легкой позолотой зари упорхнула вдаль сладкого птичьего шумного неба встречать восход. Внимая пенью в тиши, сердце в груди оленихи стучало в такт весне. Парило наполненное счастье бегущим ручьём, над скалами во вселенной растворяясь. Вслед за матерью на тоненьких ножках, осторожным шагом шёл оленёнок.

— Крылья не в тягость птице, — молвил таёжник. — Умная птица на спину оленя садится.

Сильная птица сидела на пике горы, а острым взглядом видела, как оленёнок с глазами звёздного блеска ночи вышел из тени. Малыш вкрадчиво сделал шаг по хвое и остановился. Стоял неподвижно, водил носом, прислушивался, шевелил ушами. Чёрный Ястреб распростёр крылья над оленёнком, утренней зорьки свет закрыл. Птица в падении готовилась к дерзкой охоте, но плавно подлетела к оленёнку белой масти с тёмными пятнами на голове и шее. Оленёнок смотрел на лазурное небо через перья птицы. Вспорхнувшее сердце, летать желало птицей. Чёрный Ястреб ничего не сказал, лишь в небо поднялся неосязаемым взмахом. Смелого сердца стук звучал призывно, без гнева хищник был не ужасен. Чёрный Ястреб сон и явь клювом терзал, а друзья лучше понимали друг друга.

— Ястреб на спине оленя прячет когти, — сказал таёжник. — Ястреб не охотится на детёныша, а взмывая ввысь, обучает мечтать.

НЕБУШКО

Кочевой таёжный оленевод-охотник принадлежал к группе людей, имеющих кровное родство с духом животного, которое становилось помощником и путеводителем. Медведь по имени Небушко был близким соседом и влиял на смысл жизни, помогал на пути постижения самого себя. Животное выбирало человека, чтобы быть его наставником при добывании охотничьей удачи. Таёжник признавал медвежью силу, твердость, чутьё и хитрецу, в которой нуждался. Не отрываясь от единства с природой, чувствовал глубокую мысленную близость со зверем. Вне берлоги не охотился на медведя, а при встрече смотрел медведю прямо в глаза, стоя на месте, никуда не уходя. К таёжнику медведь относился уважительно и предпочитал уступить тропинку, он понимал, что у человека свои дела, у него — свои, незачем мешать друг другу. Медведя не подкармливал, чтобы зверь не привык брать еду и если его не накормят, возьмёт сам, проявляя чудеса ловкости. Знатока повадок Хозяина тайги ценили, к нему обращались за советом. Его напутствия меняли мнение и помогали выйти на иной уровень

отношений с любопытным и не агрессивным зверем. Оставлял царапины на стволах деревьев медведь, устанавливая границы своей территории. Давая медведю знать, что идёт по его угодьям человек делал зарубки выше царапин. Медведь сердился потревоженный в берлоге, раненый или захваченный врасплох с добычей. Зимняя спячка учила толкованию времени и напоминала о поручителе клятвы, произнесённой на медвежьей лапе, что ложно присягнувшего не брать с тайги лишнего ждёт заслуженная кара.

На лунный ободок ревел взволнованный гоном изюбрь в лиственничной тайге с подлеском из кедрового стланика. Всеядный медведь ел особенно много и жадно, торопился нагулять жир перед зимним сном. Залезал на кедровые деревья, обламывал ветки и собирал упавшие шишки с земли. Не проходил мимо запасов орехов, сделанных бурундуками. Раскапывал норы, добирался до ореха и поедал их вместе с хозяином. Медведь лакомился личинками муравьёв, ягодой, рыбой и грызунами. Крупный хищник отбирал добытых копытных у волка или рыси и пожирал зверей, упавших от недуга и старости. Неурожайный год задержал сроки залегания медведя в берлогу. Зверь нервничал и кормился в снежном покрове, выкапывая шишку-паданку, стремясь отъесться для длительной зимовки. Жировые отложения на запас помогали медведю в спячке согреться и дожить до весны.

Птичьи стаи улетали в край тепла, а медведь приглядел место среди корней вывороченного дерева в дремучем закутке и начал устраивать берлогу. Убежище выстелил кедровыми ветками, мхом, сухой травой, корой, оставляя отпечатками пяти пальцев следа на земле и снегу. Прежде чем улечься в берлогу, путал следы: петлял по бурелому, моховым болотам, скакал через валежник, бродил по водам ручья. Успокоившись, что всё хорошенько запутано, спрятался в берлоге. Сон теплокровного медведя был неглубок, он спать не спал, а — лежал и дремал. Слышал звуки снаружи, а что творится под боком, как ни странно, не чувствовал. Впадающие в спячку бурундуки и сурки цепенели в норах, температура их тела падала, но жизнедеятельность незаметно продолжалась. Таёжные полёвки выстригали в шерсти медведя дорожки, собирая подстилку для

гнезд в логовище. Медведь не обращал на них внимания, если гладили по шёрстке, а не против неё. Бродячего собрата медведя-шатуна опасался. Не успевший набрать жировой запас медведь-шатун, не мог залечь в зимнюю спячку и обречённый на гибель от голода и морозов, обнаружив и разрыв берлогу, мог загрызть его со сна вялого. Глубоким сном медведя могли воспользоваться хищники, бодрствующие зимой. Если бы медведь

в берлоге спал не чутким сном, то не смог бы проснуться, когда волчья стая начинала обгрызать его. Сквозь сон медведь слышал всё, что происходило вокруг, а в случае опасности покидал обиталище. Желая дремать в лунном покое, скрытых убежищ с осени подготовил несколько в буреломе на скалистой горе. Влюблённый в лунную странницу медведь через отверстие берлоги дышал ей в лицо. За облако прятался неверный свет, а медведь в берлоге тосковал бессонницей. От ожидания менял логово, а увидев утерянный след лунной дорожки, решительно вступив на него — шёл навстречу в бескрайней тьме.

Кутаясь в снегопад, подошла зима. Золотая хвоя лиственницы осыпалась, ударили морозы и закружились метели. Реки покрылись слоем льда. Лютый холод и голод теребил сонливых белок. В берлоге медведь не боролся с тягучими чарами сна, закрыл глаза и свернулся калачиком. Собрался зимовать без еды и питья, вдыхая прохладный воздух. Менялся жёсткий кожный покров на подушечках лап, старая кожа лопалась, шелушилась и свербела. Медведь облизывал лапы, избавляясь от зуда. Кружились снежинки и сыпались в чело берлоги. Медведь, носом в шерсть уткнулся, уши лапами закрыл и крепко заснул. Снился чудный сон, в котором он счастливый бродил по надлунным мирам в долинах звёздных грёз. Звёзды падали, лунная странница освещала сумеречную тайгу, где озверевшие птицы и хищники были кроткими и отзывчивыми. Лунный свет

дарил видения и таял лёд в сердце. Скитаясь по бездонному небу, Хозяин тайги видел себя: телом — медведь, с сердцем человека. Не вечно длился звёздный сон, а медведь слегка испугался. Чужаки с камушками в груди выследили берлогу и накинули на чело ловушку-петлю. Лезли в чужие угодья, стараясь ссору меж медведем и таёжником затеять. Таёжник соблюдал закон побратимства, охраняя сон медведя, убрал петлю с берлоги. Рыдая в зеркало сна, звёздное небо карябало снежными когтями облаков изорванный край берлоги, разворошив медвежье затишье. Медведь ворочался, рычал, злился и проснулся внезапно, но дрёма продолжалась. Осторожно, крадясь, вылез из логова, и в забытье по заснеженной тайге побрёл. Медведь разочаровался, что в новолуние жизнь зимней тайги — ужасное зрелище и потерял своё имя. От берлоги и до самого горизонта стелились студёные белоснежные горы. Сквозь трещины облаков искорки звёзд мерцали отражением на волнистых сугробах. Ожерельем россыпных блёсток горная тайга окружала медведя. Большая и Малая Медведицы по млечной тропе навстречу брели не спеша. У Малой Медведицы ярким светом сверкала сокрытая звезда — Полярная, прямо над Северным полюсом, указывая путь к скалистой вершине. Медведь-странник, надеясь, что в облаках не померкнет отправная звезда, на ощупь и наугад к ней зашагал. Пройдя половину пути в сплетении грёз и мечтаний, без звёздного блеска медведь засомневался в своих

силах. Взглядом искал восход лунной странницы, но закачался и неуклюже плюхнулся в тёмный сугроб. Падающие звёзды вращали щель неба и заставили медведя поползти по уступам скал с вороньими гнёздами. Внизу ущелья не замерзло болото, наледью прикрывая ягельный ручей. Зверь рисковал, боролся за жизнь, усердно искал направление, но его не было видно среди примерзших к скалам звёзд. Медведя ветром качало в разные стороны, но он упрямо шёл вперед, падая и вставая. Колючий снег бил в глаза и валил с ног, потом поднимал вдруг до звезд. Через унылые сугробы высокой Медвежьей горы он мечтал вернуться в запасную берлогу и под звёздными искрами уснуть крепким сном.

Путаясь в звёздных крыльях, лунная невидимка мутно осветила исток ручья с торчащим изо льда острым каменным зубом, а косолапый пересёк тропу таёжника с подветренной стороны. Человек вдруг всё забыл, оставшись в тиши и одиночестве, ища направление к перерождению. Медведь на белом снегу выглядел лохматой скалой и дал урок необычайной мощи и потрясения. Поднялся на задние лапы, обнажив клыки, пошёл наперекор с душераздирающим рёвом, брызгая слюной, подобно снежной лавине неистово рассекая воздух огромными когтистыми лапами. Таёжник, повинуясь внутренним побуждениям с изумлением, взор уставил на открытую пасть медведя. Неожиданно встал на носки, поднял руки над головой, издавая нечеловеческие звуки, попытался обнять старшего брата. Человек не боялся, что медведь прижмёт его, а предсказывал каждое движение лохматого зверя. Дружелюбный братишка перестал навзрыд реветь, шумно вдохнул сочный воздух через раздутые ноздри, пристально осмотрел руки загребущие и поперечные глаза завистливого человека. Опустившись на четыре лапы, вспомнил о том, как вместе собирали клюкву и шишку-паданку. Обойдя со стороны, лохматый зверь легко, ударил пальцевой подушечкой лапы по груди, отшвырнув таёжника со своего пути. От удара медвежьей лапой стало тесно, а человек пошёл навстречу воспоминаниям: твердо ли знал меру, добывая зверя больше, чем нужно, не трогал ли маток с маленькими детенышами. Медведь пометил человека, оставив не глубокие борозды царапин, а без оглядки проследовал в поис-

ках растворившейся в завьюженной ночи лунной странницы. Человеческое сердце онемело, но чувствовало боль. Косолапые следы поручителя клятвы на хрустящем насте указывали, что наказываются ложно присягнувшие.

Рык медведя попросил облачное небо показать Полярную звезду, а отражение в холодных глазах бездны надлунного мрака, дало человеку риск пережить грусть раскаянья. Топя

снег дыханьем — замер, увидев отблеск прожитых дней между землёй и звёздным озарением. Над изгибами вершин огромный звёздный медведь парил в смутной глубине неба, перевёрнутый вверх когтистыми лапами. Вздетые лапы, сквозь когти-созвездия цедили души добытых соболей и копытных. Щели облаков создавали иллюзию возрождения взятых зверей. Казалось, рассекая облако-небо, души зверей вернулись в лоно матери-тайги, вселяться в плоть новых соболей и копытных. Обхватив Полярную звезду, медведь сквозь свет за облаками странствовал по надлунному миру. Звезда находилась на незыблемом двенадцатом небе, а души крутились вокруг неё. Очертания перевёрнутого медведя дало таёжнику возможность оправдаться перед недоступным миром, а прощёные души честно добытых зверей за ним не пошли терзая. Ворон взмахом крыльев сбил снег с кедра на подлунную дорожку, а от звёздной дали таёжник вернулся на сонное стойбище к размеренной жизни.

Не переставая, шёл снег, засыпая пики гор. Скрылись звёзды, а медведь сбился с пути. Рыскал, высматривая следы, по сучьям деревьев искал расположение сторон света. В невидимых чарах мрака, медленно брёл, утопая в снежных заносах. Метель покрыла льдинками сбившуюся шерсть, а медведь пожалел, что не остался в старой берлоге, где полёвки разглаживали мех. Подняв глаза вверх, увидел родовой кедр, разлапистыми ветвями по облачным щелям чёрного неба собирающий звёзды к гнезду Полярной звезды. Сплетения корней утопали в снегу, как будто без опоры кедр парил в невесомом мареве Земли и Неба. Лунная странница просвечивала сквозь прозрачную хвою, касаясь судеб зверей и вселенной. Ободок наполнил жизнь кедра светом, а медведь увидел царапины и покусы, сделанные когтями и клыками на мозолях коры. Прижжённые смолой борозды по стволу восходивших на небо предков, напомнили о жестоких схватках и грозном рёве зверей.

Мела ненасытная пурга, исчезая за горизонтом и оставляя тайны. Медведь мёрз под бездной неба, а ветер едва не сдувал в ущелье, где поджидала свирепая стая. Волчий вой предвкушал сытный обед, а ворону сообщал о растерзанном сохатом. По направлению ветра не подкрался медведь к волкам, а они не бросили недоеденную добычу при появлении бродячего хищника и не отправились на поиски нового зверя. Не раненый и не озлобленный медведь, за спячку не много жиру сбросил, а без причинения вреда волкам вежливо прошёл по доступной ему тропинке. Звезды падали с небесной выси, сгорая — не долетев до земли, а полусонный медведь не разогнал голодную стаю волков и не забрал у ворона пищу. Осторожно взглянул со стороны, как глотают слюну и скалят клыки алчущие хищники. Странствующего в непроглядной мгле медведя, заставили опомниться с шумом взлетевшие куропатки. Чуя нрав зверей

и птиц, наблюдающих друг за другом, медведь знал твердо, чего он хочет и искал свои метки. Спокойный и приветливый, сообразительный и подчинённый чутью, медведь сквозь опасности решил достичь потаённой берлоги. Шёл вперед по лунной дорожке, размышляя о смысле укромной жизни. Для зверя суть существования была: летом странствовать по бескрайним

просторам — в поисках пропитания, а зимой отсыпаться в отчем логове. Рискуя сорваться в пропасть, медведь не свернул в сторону, а наполнял жизнь смыслом. Зверь, чей сон в берлоге потревожили чужаки, в сумерках студёной тайги, не желал превращаться в медведя-шатуна.

Упитанный, но вырванный из зимней спячки медведь искал пристанище для сна. Не жил пустотой не чувствуя страданья, а любя ободок лунной странницы, вспомнил своё имя — Небушко, и по млечной тропе ему навстречу вышли Большая и Малая Медведицы. Его не загрыз шатун, не растерзала волчья стая и не задавила слепая петля. Он не погиб от истощения и надеясь на чудо, уставший, но счастливый, под Полярной звездой недалеко от родового кедра на краешке рассвета нашёл берлогу, спокойно забрался в неё и крепко заснул. Улыбаясь светло захрапел так, что проспал до конца зимы, где его тёплым дуновением разбудили перелётные птицы.

МИЛОСТЬ ВОЛЧИЦЫ

При рождении Луны погода стоит половину месяца, а ураганы и буря, морозы и пожары, наводнения и снегопады не жалеют обитателей тайги. Таёжник не добывал напрасно зверей, считая тяжким проступком погубить сородича в образе животного. Человек рычал медведем, выл волком, лаял лисицей и каркал вороном — выручая животных из трудных ситуаций. Из жалости подбирал и лечил детёнышей, вызволял замерзающих зверей и птиц, отогревал и отпускал на волю, подкармливал маток и пытался помешать браконьерам. Человек спасал животным жизнь, а они не оставляли его в беспомощном состоянии и поддерживали своими силами. В безумстве бури умные олени чуяли заметённого снегом человека и отогревали, а волки из болотной топи выводили в безопасное место. Долгой зимушкой, получая добычу — подкармливал волчицу по имени — Лунушка. Смотрел в синие глаза и прислушивался к мудрости духа-покровителя, а доверялся предчувствиям.

Суровая жизнь учила человека давать верные толкования приметам, связанным с желанием уцелеть. Луна повернула

рожки в небо, а он предчувствовал стихийные бедствия, наблюдая за странным поведением зверей и пернатых. Животные распознавали грядущие напасти и нередко успевали уберечь себя и жизни людей. Таёжник замечал, что необычное поведение или случайные перемещения животных влекли за собой разрушительные последствия. Животные воспринимали события, которое приближались, улавливая изменения магнитного поля Земли, увеличение статического электричества, колебаний давления воздуха, присутствие выделяющихся из недр газов, распознавали звук и слабые шумы, предшествующие подземным толчкам. Свежестью налитый ветер разорвал туман над истоком речки Багай. От подножия молчаливой горы знамением вспорхнули каркающие вороны против шерсти Солнца. Обладая исключительным чутьем, напомнили о окончании ласкового сна и начала суровой яви. Задрожал прозрачный ручей, застонали кедры, срываясь на рёв. Подступала гроза, предупреждая о бурях и природных бедствиях.

Спрятала рожки Луна в тусклую дымку, а со снежника Узкого хребта позвал таёжник эхо подтвердить приметы. Изменялось эхо, отражаясь среди каменных стен, извещая, что загремит подземная гроза, с гулом разверзнется Плохая гора и молнии взлетят к небу. Испуганные птицы терялись в дымчатых облаках и небесных всполохах, предсказывая ненастье и землетрясение. Ящерицы, покидая убежища, облепили скалы. Змеи выползли из нор пропасти на снег. Белка ушла из дупла, а бурундук свистел, осязая колебания почвы. Медведи, волки, олени, кабаны и росомаха чуяли приближение коварного бедствия, улавливали опасные вибрации, ощущали изменения в воздушном давлении. Звери читали природные предостережения, которые таёжник не ощущал. Покидая уютную долину реки Прямой Казыр, разбегались звери в разные стороны по ручьям и цветочным коврам. Старались вовремя уйти в безопасное место сквозь гуляющие сквозняки отвесных скал. Волки по долине реки на вершины шли, сливаясь с белоснежным величием Луны, а волчица родила ушастых волчат и сдерживала вой от смятения. Слепые волчата, тряслись от испуга, а мать из логова несла щенков к пикам неуютной лазури гор.

Зацепилась молния за радужный лунный ободок, а со склонов вершин и крутых речных берегов оторвалась заплаканные скалы. В неустойчивом небе молнии с громом прыгали в трещинах облаков. До каменных плит при шквальном ветре долетали лишь изредка капли дождя. Сухая гроза без осадков

в горной тундре испугала зверей, они скученно побежали. Мчащиеся облака искрились о скалы, а молния горячим дыханьем зажгла пожарище. Голодный язык пламени менял очертание тайги с гнездами ворона, в огонь одевал кедровый стланик, а кричащих от боли и страха зверей прижимал к слезам, грозя задушить — дым стелился от хвои и ягеля. Мох мерцал, чадил и догорал, но ветер искрами кормил огненную метель, превратив дым в злые тучи. Блуждающий огонь метался — золой скрёб уступы, живьём кедрач глотал, выгоняя обезумевших зверей, спасать жизни. Почерневшая молния погасла, а жжёные камни коптили. Птицы видели пятна ягельной тундры, не охваченные пламенем, давали знаки выходящим из гари зверям. В верши-

нах рождённый вожак, заботясь о волчьей стае, направлял движение оленьих стад, обезумевших от страха по безопасному направлению. Замерла волчица, не мигая смотрела на ожидавших её волчат. Опекая всех, притормозила, оглянувшись на тех, кому кошмар огня путь отгородил. Волчица нашла беспомощного детеныша оленя, потерявшего мать. Забытый малыш, упал у обрыва на чёрный от пепла снег, а доверием дорожа, не поднимался. Волчица из сострадания в самый трудный миг бросилась на помощь. Не равнодушная мать волчат помогала выживать собратьям, принадлежавшим к другой стае и стаду.

Беспечно кружил лунный ободок, а блеском лазоревых глаз волчица не посмотрела на оленёнка, как на добычу, а полюбила его. Застонал оленёнок, в испуге посмотрел в её материнские очи. Волчица сквозь пустоту тревог перенесла оленёнка вместе с волчатами в безопасное укрытие и не отходила от него даже на шаг. Мать-волчица решила охранять и заботиться о малыше, приняв его в волчью семью. Она пыталась накормить оленёнка, но соски все заняли волчата. Крошечною мордочкой оленёнок не дотягивался до волчьего молока. Беспомощный малыш пытался поднять голову, но запах стаи узнавал. Детёныш от голода и холода, в клубок сжался телом, погибал на глазах у приемной матери. Волчица обнюхивала, лизала, визжала и носом касалась, но оленёнок не отвечал

на призывы, помочь ему мог человек. Волчица задумчиво смотрела бездонными глазами на своих сосунков детей, слепо копошащихся, а решила действовать совершенно иначе.

Вокруг луны покраснел круг, протёртый колючим снегом вершин, а волчица, чутко ловила малейшие звуки и ощущала подземные толчки. Волчица восприняла таёжника как несколько странного собрата волков, обладающего равным достоинством. Не ладившие друг с другом звери и человек правду от зла в трудное время отличать умели. Помнила волчица, как добывали охотничью удачу и отражали нападения озверевшего медведя-шатуна, вместе уходили от плотного дыма пожара и от волны наводнения. Лапы мёрзли и силы заканчивались, но чутьё оказалось сильней. Забыв про прошлые обиды, волчица — молочная праматерь всех таёжных предков, ползком пробралась к человеку как к сыну, скуля, позвала его. Из глаз волчицы текла прозрачная слеза. Волчица ложились на землю без стона, вложив в материнский взгляд боль, печаль, любовь и просила таёжника накормить оленёнка. Дух-помощник поил оленёнка молоком волчицы, с запахом страха и крови, снега и огня, а волчица словно глоток свежего воздуха ожидала исцеление оленёнка. В руках человека от молока волчицы закопошился маленький серый комочек, встал на тоненькие ножки и перестал дрожать, уткнувшись носом в усыновившую его мать.

У Луны зажглось суровое кольцо, раскачивая скалы и бушующий град в столбах пламени. Судьба питала волчьим молоком оленёнка, а он, печально вздыхая — тянулся к когтям и клыкам. Под брюхом волчицы сонно лежал оленёнок, из сосцов вместе с волчатами напившись, сопя да икая от сытости. Дремала волчица, а волчата, не умея ни выть, ни ворчать, тонко пищали прижимались к тёплому телу матери и оленёнка. Горький и густой дым окутывал гору едкой сединой, а озлобленный медведь, на замок закрыв сердце, подкрался ближе к слабым малышам. Волчица закрыла детей своим телом. Медведь к оленёнку тянулся когтистой лапой, но его обступила волчья стая. Старый волк, испещрённый шрамами былых сражений, негромко с оскалом зарычал. Медведь щекотал нервы, зажмурился крепко от злости и рыкнул в зарево пожарища. Оленёнок и волчата посмотрели на медведя тревожными взглядами

и по-волчьи зарычали. Волчья стая сумела остановить безумство медведя, а старый вожак вырыл в обожжённых камнях нору, охраняя опаленных малышей и по-волчьи завыл.

В пропасть рухнула молния, раскатами прогремел гром. Луна навострила ушки — слушая гулкое эхо, а к медведю по-

вернулась волчица. Кипя лютою злобой, недовольно рыча, нацелилась на лохматое горло. Жажда материнства была сильнее страха. Медведь присмирел и не приближался к малышам ближе ни на шаг. Он понял, волчица усыновила оленёнка, а материнская любовь не позволит забрать сиротинушку. Волчья стая щёлкнула зубами и спокойно отошла. Волчица кормила оленёнка на глазах у голодавших зверей. Молоко волчицы не просыхало на губах оленёнка. Высунув нос из теплого логова, он познавал мир суровой жизни. Волчица мать рискуя жизнью, оберегала наивных детей от огорчений и жестокости, которые несли хищные звери и внезапная стихия. Звери установили, что приемная мама оберегает детеныша и от хищников, и от волков. Стая уважала её решение и не пыталась охотиться за малышом. Оленёнок пил молоко волчицы, а рос оленёнком и молочным братом волков. Волчица мать кормила оленёнка, чтоб в стаде северных оленей он стал вожаком с душою вольного волка. Волчица мечтала, что вскормленный её молоком

оленёнок, сможет питаться самостоятельно сочной ягельной жвачкой, а ему не страшны будут голод, морозы, хищники и бедствия. Одиночные олени в полном единении сомкнут перед ним свои ряды, а небесные огни озарят тропу странствий. Вожак будет спасать оленят и стадо от бесстрашных росомах

и хищных птиц, подземных и снежных бурь. За продление спасённого волками рода будет драться, добывая в борьбе любовь. Находить кормовые поляны ягеля среди осыпей обветренного Узкого хребта, чуять надвигающиеся обвалы, зреть и слышать крадущегося медведя-шатуна.

Тёмная Луна спряталась за тучи, а стихия не унималась. Срезанные ветром птицы покинули насиженные скалы. Меняя укрытие на каменный останец, нацеленный в небо, волки молча замерли, и медведи притихли. С дрожью и силой снежная гроза, вырвалась из-за пиков гор на свободу. После грохота и треска раскатов грома, ослепительные вспышки молнии стесали края пропасти. Под ледяным дождём волчата брели за хвостом мамы. Мать волчица шла по опрокинутым в хлёсткую бурю горам, строго рыча малышам. По щетинистому снегу переваливая Узкий хребет, усталости не чуя, волчица уводила волчат, вела за собой слабенького оленёнка. Малыш бежал рядом, спотыкаясь, падал мордочкой в режущий снег — учился выживать

вместе с волчьей стаей. У безжизненных скал на миг остановились, не мешкая и не оглядываясь, укрылись в кедровом стланике. Следы за волками буран заметал. Ливневой снег в сильном вихре пожарищ превращался в колкий град и злой дождь. От осадков и бурного таяния снега потоком вниз поползла могучая горная круча. В русло реки селевой поток упал, поднимая вверх грязную пену. Взбунтовалась и забурлила звериная река. Бешено бились камни, стираясь в песок, мчались и неслись с водою, русло новое по бурелому пробивая. В каскадах и уступах ручьев взревели водопады, а ветер хлестал буйные брызги изломы камней. Разорванная гора наводнением смыла лёд и пепел из ущелий, а мрачная вода посветлела. Волки вывели оленье стадо на вершину горы, а свирепая река пустоту и запустение к новой жизни возрождала.

Луна встала на копытца, а волчица не просидела жизнь в тиши и не ползла, куда тащила стихия. Всё выдержала, не исчезла среди обожжённых камней и в стаю гордо привела подросших волчат. Ответственная за счастье, словно милосердная мать природа, сберегла оленёнка и щенят. Вскормленный молоком волчицы мамы, оленёнок обрёл силу стихий, чуял резвящийся ветер и запах вольной судьбы. Перемешанным с золой снегом умывшись, оленёнок без сожаления понял — он повзрослел.

НЕБО НА СКАЛАХ

Огонь костра в ночи кочевника и звёздное небо роднил. Предупреждал о предстоящих событиях треском горящего хвороста, отколовшимся угольком, вспышками от пламени и полётом искр. Любуясь взлетевшим к звёздам искристым пламенем, старик понимал, что если что-то непостижимое очень желаешь узнать — думай об этом и обязательно получишь осмысление. Отросток древних корней кочевых таёжных оленеводов-охотников направил внимание на самого себя в окружающем мире и подумал немного о вечности. Зарядил летящие в небеса искры костра желаниями, понимая, что ничего возле подножия вселенной не происходит просто так. Желание сбылось, когда совсем не ждал и не спотыкался в темноте в поисках пути его найти. Ночной костёр догорел дотла и при восходе Солнца, осветившем горные утёсы, поток ледника и склон перевала, человек заметил не угасшие небесные знаки и символы старых культур на страницах каменной книги.

Отвесные скалы с сокровенной картиной мира, сквозь пустые пространства гор были направлены на восход в день лет-

него солнцестояния. Возвышались у порога бурной реки, где откликалось умное эхо и на скалы нисходили двенадцать небес. Сливаясь с природной синевой наскального полотна, караваны оленей брели по круговой спирали со знаками периодов солнечной и лунной активности, принося в суровую тайгу полноту жизни. Помогая приблизиться к звёздам, бледнеющим в вязкой зореньке, лунные рожки красовались над огромным хребтом окаменевшего оленя, верхними скалами напоминающего голову до небес, а нижними — копытца. Касаясь тьмы ущелья, сверкая и роняя искры падали звёзды, парила птица, стелилась туманная дымка, пропуская светлые и теневые отметки на наклоны каменного нагрудника, изгоняющего недуги и напасти. Сотканная из небесных завитков, узоров и меток солнц, лун, звёзд, зверей и птиц скальная громадина выдыхала духов-помощников доброго начала.

В суровой борьбе за существование, кочевник собирал силу светил для разведения огня и выполнял обычаи, важные для добывания оленеводческой и охотничьей удачи. Искал духа-помощника, воплощаясь в заоблачное существо, от которого происходил. Звёзды высокого неба защищали от невзгод, а кочевник не забыл небесный язык. Звёздочка вдохнула дар в глаза и уши человека, а он выдыхал откровение в важные поворотные точки в круговороте года, добавлял на скалу обозначения приходов солнцестояний и равноденствий. Вкладывая разумные силы души и чувства на камни — рождал тепло образов из мыслей. В необъятном просторе открытого неба создавал грандиозную часть сезонных правил на основе наблюдений за движением солнца, луны, звезд и комет. В вечном споре с судьбой образы светил перевоплощались в различные существа. Становились явью, обретшей плоть, обучали кочевников, показывали ягельные пастбища, охотничьи угодья и тропинки, направленные на размножение оленей. Под всепроникающей человеческой рукой, гора обретала голос о деяниях кочевников, умеющих с оленями добывать копытного и пушного зверя, проявлять настрой в приручении оленят.

Дитя Солнца и Зари Оленёнок — Утренняя звездочка, слышал, что горы трясутся зовущим криком. Оленёнок появлялся на небосклоне над вершинами гор изредка, вечером первым из

звезд, а утром исчезал последним во всполохах зари. Любопытный малыш засмотрелся на звезды, падающие на скалы — отстал от мамы. Соболиный ветер мог легко унести отставшего от стада оленёнка, а он бродил в поисках семьи. Олененок столкнулся с Солнцем, прилетевшим из-за горной вершины,

испугался и побледнел в свете небесного стойбища. Дневной свет гасил затерянные звезды, но оставлял их следы человек на камне. Закатилось вечернее Солнце, а с верхней кромки над пиками гор тонкий луч озарил покинутого Оленёнка — звездочку. В бессонную ночь он не уснул уединённо, а засиял ярким светом. Оленёнок-сиротка не исчез в звездной мгле, не заблудился полуночном страхе, а превратился в странствующую звёздочку над хребтом оленя-земли. Рассудительно скитался по меховому ковру длинных и коротких, тёмных и светлых ночей ожидая новый восход Солнца. В этих разобщённых странствиях светлой становилась его грусть. В пути Оленёнок встретил мудрого Лунного медведя и освещал наскальные кружево небесных оленей.

Олени с рожками стареющих и молодых лун отмечали начало весны и осени, вопрошали различную пользу для тайги у Лунного медведя. Раскрывая круглую пасть, Лунный медведь на камнях напоминал ночного духа и рыскал по следам блуж-

дающих оленей до восхода Солнца. На погонщика оленей не велась охота, он был повторяющимся движением времени одушевлённой Луны. Тропинка оленей проходила по сезонному кругу, среди знаков, обозначающих на камне — Солнце, олицетворяя свет и тепло. Когтистые следы от лап Лунного медведя пересекались с тропинкой равноденствий и солнцестояний. Тень восходящего Лунного медведя, склонялась у края витков небесной спирали, намекая о замкнутом мире. Зарождения, исчезновения и появления стареющих, полных и молодых лун на наскальном небосводе напоминали о постоянном обновлении жизни. Угощалось пыльцой снов небо на скалах со следами медведей, бредущих чередой за стадом оленей. Медвежьи отпечатки казались звёздочками, а звездочки напоминали лунные оттиски. Ночные духи неба проходили между пустыми слоями небесного мира, управлять временами года, освещать начало сезона охоты и возрождать зверей. Осенью медведицы впадали в спячку, а лунной весной появлялись из зимних берлог с новорожденными медвежатами. Вливались в туман Лунный Медведь и Большая Медведица, но кочевник, отслеживающий время с помощью узоров света и тени, встречал мерцание Оленёнка — Утреннюю звёздочку. Олененок радостно светил перед рассветом, призывая к пробуждению, напоминая — верить о прошлом-будущем. Небо-олень, сотворившее звездочку и храня её над нераздельными скалами трех миров, позволял творить чудеса человеку с ответственным сердцем.

Оленёнок, рассматривая огонь костра на стойбище кочевника, почувствовал тепло исходящее, как от его мамы. Оленёнок захотел согреться у очага, но кочевник объяснил малышу, что пекло огня опасно для диких оленят. Чтобы греться у огня, нужно стать прирученным и сродниться с человеком. Обращаясь за лунной помощью, над стойбищем подвесил медвежью лапу. Превознёс до небес Оленёнка и пошёл искать его маму. Съедала ночь слова, а переменные звёздочки, оробевшие от огня, тускло светили и загонялись в ловушки, где становились легкой добычей хищных пустот. Не пугающиеся огня, прирученные и отмеченные кочевником звёздочки отлично сияли счастьем на небе перед рассветом. Мама искала малыша на небесном стойбище, среди стада оленей озарённых поднимающимся

Солнцем. При встрече ночи и дня, Оленёнок увидел оленей вьющихся спиралью в бесконечную даль. В радужных лучах и сверкающей росе олени шли по небесной тропинке встречать Оленёнка. В зарождающихся лучах, были похожи олени на рассветы, а рассветы через преграды трёх миров сроднились

с оленями — одушевлёнными духами неба. Оленёнок доверился солнечному восходу и побрёл навстречу, но прах безумных надежд развеял на скалах. В спирали приручения участвовали все олени, отмечая летнее солнцестояние. Превосходя друг друга, танцевали по кругу ритмичных циклов Солнца и сезонов, сообщая маме, что Оленёнка от одиночества спас человек, обратив на него внимание. Над стойбищем в точке равновесия ночи и дня состоялась счастливая встреча Олененка с мамой. Мама-Зоренька и Оленёнок — Утренняя звёздочка крепко обнялись, взялись за лучики и вместе вышли на небосвод, озаряя волшебным светом скалы. Оленёнок — Утренняя звёздочка засиял ярче всех звёзд и благодарил тёплым взглядом кочевника и Лунного медведя, что помогли найти его маму.

Встречая Солнце в значимые дни, скала указали путь Оленёнка навстречу к Зореньке. Манил Оленёнка разум горения восходящего солнечного света. Ночь он ожидал, а ранним утром, в период летнего солнцестояния, встречал первый солнечный луч, освещающий оленей на скальных стенах. Чудный рассвет в горах происходил очень рано. Нижняя кромка пробуждающегося солнца, не поднимаясь из ловушки горизонта, посылала тонкий луч света между горных вершин. Луч падал на скалу, призывал мечтать, озаряя оленя, идущего в танце летнего солнцестояния. В это чудесное мгновение происходило единение с солнцем, а человек просил небесного оленёнка, беспощадно затоптать напасти, а исполнить заветные желания, поверив, что они сбудутся.

Оленёнок с солнечным знаком на рогах освещался лучом солнца лишь во время летнего солнцестояния. Оленёнок знал, что, возвышаясь над горами, Солнце желало во всём процветать и давало достаток всем тем, кто ходил по светлым тропинкам за счастьем. После самой короткой ночи, в день самый длинный в году, дальновидное Солнце достигло наивысшей точки на небесном стойбище. Солнечный знак на теле оленя показал, что огонь небесный и огонь земного очага — это бесконечный узел самой силы жизни. Оленёнок встретил день летнего солнцестояния на рассвете и спрятался от многочисленных часов солнечного света, которое дарило это время года. Оленёнку — крохотной звёздочке наблюдать за солнцестоянием вместе с мамой-зарёю и караваном оленей

после ночных скитаний было намного радостнее. Напившись солнечного света, нёбо двенадцатого неба провернулось витком спирали и потекло тусклым ненастьем лунной тенью очерченной. С дождём о жизни плача, ночь стирала свет ожерелья ярких звезд на коже камня, порождая стихии.

Кочевник жить не мог без мерцания Утренней звёздочки и по судьбе предвидел яркие образы цельной картины мудрой жизни. Переносил вечное солнцестояние света на плоскость скал, пропуская мимо камней движение лунных теней. Наскальным узором передал полученный жизненный опыт, обозначил границы угодий, сохранил окружающую сущность и увековечил значимые события. Не просто создал заоблачный мир, а отметил особый заведённый порядок приручения оленей и послания управлять животными круглый год. Перед охотой на хищников, пытаясь влиять на результат, чертил время перемещений дикого зверя и отыскивал северный путь под неподвижной звездой. На ощупь, кочевал по тропинкам судьбы, сохраняя таёжное оленеводство, как добрый обычай жителей страны гор. В узоре скалы отражал характер и особенности жизни, повторяющейся в поступках и мыслях. Вдумываясь, что происходит, писал на скалах, растопленным на огне кочевого костра жиром диких зверей смешанным с красной охрой и сажей солнечного рта, а устно передавал слова из поколения в поколение, как пересказы, превращая рисунки в стихи.

Избавляя мечты от тревог, Оленёнок ловил метеорит, но он упал к скалистой опоре самого неба. Обхватил небо, а оно поднялось со скал в надзвёздную высь. Живое небо меняло картину мира на осиротевшей стене, круглыми знаками солнечного огня оставляя оттиски послания двенадцати небес. Ведомый неведомым лучом по стройной системе знаний, суждений и понятий наскальных знаков, человек узнал длительность года: когда осыпалась в скрипучий мороз хвоя лиственницы и мели по ледышкам наста вьюги в оттепель зари, когда цвели подснежники на влажных проталинах и утренние росы блестели под бродячей грозой. Сквозь дымные искры очага наблюдал человек знаки проведения на нехоженой тропе. Всё происходило неспроста в витках судьбы. Следил за неустанным движением небесных тел, определял местоположение, отмерял пробелы времени и ожидал добрые события. Плёл выкрутасы вокруг солнечных и лунных затмений, вглядывался в покрытия звезд и планет Луной, открывал знамения метеорных потоков. На каменной бесконечности небесного календаря, солнечным знаком чертил ожившую удачу, а знаками падения высекал глупые проступки. Получая из знаний крохи, стремился с помощью отметок, настроить душу на природу Вселенной — пробудить врождённые солнечные силы. Вдохновенные небесные приметы вели и наращивали понимание, переходя от узоров рисунка к письменности, зеркально отражая судьбоносное поведение.

Всматриваясь в движения небесных тел, человек получал знания и опыт одушевления. Умением зрить небо на скалах пользовался весь род, постигая мысли и негативные дела стихийных бедствий. Небо вовлекало в круг движения светил северных оленей в гон, отёл, приручение оленят и превращало в участников обычаев оленеводческого стойбища. В повороте от постепенного удлинения ночи зимнего солнцестояния без сол-

нечного света небо падало пропастью на трещины сомнений потемневших скал. Сдирая кожу с камня, небо не разбило сердце об оголённый горный хребет. На стыке трёх миров, небу не ведома была будничная жизнь, оно раскручивало витки звёздной спирали из бесконечности в вечность. Необъятное небо ревновало каменные знаки к свободе, с которой они достигали лучезарных высот. Оставляя скользящие оттиски на внешних гранях скал, светила лунными рожками воплощали мечты в реальность, а небо искрами внутри возрождало жизнь.

СОХАТАЯ ЛУНА

Лось, олень и медведь были наиболее ценимыми изображениями в мифологии наскальных писаний. Бродячий охотник рисовал на скале в круге времени загадочные контуры сохатых, направленных рогами к озеру с не замерзающим ручьём, а копытами к вершине горы Медвежий Клык. Из хранилища детских душ разливала в ручей светлое серебро сохатая луна. Пожелав талой воды напиться, лунный рожок спускался в узкое ущелье, промытое журчащим ручьём. В подлунном свете выходила к ручью на водопой беременная лосиха с плодом, видимым внутри солнечной матери. Лосиха бодалась с отражёнными рожками в молочном ручье, слегка луну наклоняя к Полярной звезде — рождённому детенышу придавая жизненную силу. Лосиные люди следили за сохатой мамой с лосёнком, возвращающим в душу ручья насущный свет. Продолжение наблюдений завещали детям, а они правнукам. В месте соединения неба и земли, людей и зверей, искали ответы на волнующие вопросы о смысле жизни и своём предназначении.

На скале охотник насечками отмечал дни добывания охотничьей удачи, а над ними изображение фаз луны. В солнечный год укладывал, чередуя лунные месяцы звериного календаря, наблюдая за поведением промысловых животных. Делил годовой круг на зимнюю и летнюю части. Зима сменяла лето и на-

оборот, а охотник в круговороте дней изображал миф о погоне луны за солнцем. День медведя приходился на весну, когда зверь выходил из берлоги и вертикально пересекал лосинную тропинку. День лося совпадал с первым снегом, гоном и извлечением охотничьего счастья. В эти дни граница мира людей и животных становилась преодолимой, а охотник искал себе друзей, чтобы превратить диких зверей в одну таёжную семью. Сородичи дарили подростку снаряжение для посвящения в охотники и отправляли в дебри на развилку звериных и охотничьих тропинок встречаться с неприкосновенным животным — матерью лосихой по имени Снег. По ведущей к мечте тропе, приманивал лосиху из таёжной чащи. Испытывая потребность в соли, к человеку подходила сутулая и горбоносая лосиха. Глубоко вздохнув, брала сладкую соль из рук мальчика, губами обжигая пальцы, связывая дружбу. Человек чувствовал чужую боль, лечил невзгоды горьким сахаром и замечал, что лосиха брела на лунный зов судьбы, а на солнечном закате незаметно

растворялась за перевалами гор, где в берлогах засыпали медведи. Звезда снежинкой прилипала к серебру ручья и в небе просыпалась сохатая луна, тропинку прокладывая для восхода лосихи. Поднимаясь из-за горных вершин, сохатая луна купала в ручье ледяные рога. Лосиха приближалась по прозрачному льду, ночью покрывшему озеро, вспыхивая острыми искрами света. На золотившихся искрами лосях был свой кусочек неба, а матери-лосихи, чудный узор рогов сверкал живительным светом. Сияющий лёд искрился в остывших проблесках сохатой луны. Мать-лосиха казалась самим светом солнца. Животное допускало юного охотника в чарующую реальность, где мёрзлое озеро могло казаться лунным, а Снежная лосиха ослепительным зазимком, рога которой украшали отростки, отражающие лучи.

Мягкий лунный свет вьюгой дышал, а сохатая луна внутренней силой испускала холод в сумерки — белым инеем покрывая горные пики, перелётных птиц и небесные тени. Лосиха позолоченными рогами стужу с себя отряхивала. Смотрела на сохатую луну небесными глазами, отчитывая ход вращения ночи. Лопатой широких и плоских рогов собирала сохатая луна звёздные россыпи к краешку неба. Звёзды падали в туманные стороны сизой пустоты, поднимая изморозь зари. Лосиха в кружеве сохатой луны воплощалась в совершенно белый цвет, а уходя от прошлого, тянула нить времени в мир не рожденных лосят.

Бесшумно пересекая развилки горных хребтов и путаясь в колючем холоде хищников. Лосиха перед тем, как лечь спать, двигалась против ветра, а затем совершала часть уже пройденного пути в обратном направлении, чтобы идущий по следу медведь-шатун приближался к ней с наветренной стороны.

Кружился снег в нижнем слое неба, плыла в ручье сохатая луна, а лосиха глаза в глаза смотрела голодным врагам. Из лунной тени звериной тропы её караулила росомаха. Рысь прятались за ветвями деревьев, стараясь запрыгнуть на спину. Волк ступал точно след в след по вязким болотам и густым слоям снега. Лосиха отпугивала хищников рогами, била копытом, мотала головой, крутилась и наблюдала за сохатой луной — подбираясь к краю и пропадая бесследно. Свирепые звери душу сжимали пустотой прошедших ночей, а лосиха без сохатой луны скучала и сплетала нежный снег в узоры мечтаний.

Невезение падало на тех зверей, кто вредил лосихе-матери. Скалы осыпались, могучие кедры сохли с вершин, а ослушник проваливался в пустоту берлоги. У очага потрескивали и шипели угольки костра, чай закипал в котелке, из обычной пшеничной муки лепешка, румянясь в золе, приносила уют и радость. Пламя не спешившего угасать костерка танцевало во мгле, а охотник замечал, что к удаче у стойбища бродила влюблённая в лунную зиму Снежная лосиха. В лунном све-

те снежинки творили чудеса, а мечты становились в одухотворённых горах явью. Возможно, Хозяин гор спускался в горы в виде Снежного зверя. Белым снегом припорошенная лосиха управляла ветра потоком, тушила пожарища, отводила паводки. Снежный лось, перешептываясь с Матерью звёзд, пригла-

шал в горы ледяную луну. Приземлилась морозная луна на вершину горы и строила там снежный чум. Чувствовала себя хозяйкой заснеженных гор и отправлялась странствовать. Порозовевшая луна позёмкой шла, всё покрывала снегом и заковывала реки в непробиваемые наледи, дыханием загоняя всё живое в норы и логова. Проверяла стужей, трепала метелями, убаюкала длинными ночами. Защищая горы и их обитателей от озноба, который несла морозная луна, укрывался лосиха тёплым снегопадом. Взмахом рогов, иней с широкой спины сохатой луны осыпал всё горы нежным пухом, превращающимся в снежное покрывало. Среди надлунной тишины, из безветрия бездонности, неспешно спускались на горы пушистые комочки неба.

Повелительница стихий брела следом за сохатой луной по свежему снегу, хрустевшему под лёгкими, почти невесомыми шагами — добывать удачу. Блестящие льдинки переливались в лунных лучах. К меху лосихи притороченный иней простирал

резным узором над замерзающей рекой. Слегка дрожа, сохатая луна бросала на крутую спину лосихи призрачные сны и тени. Застыв от их причудливых сплетений, лосиха запрятанный свет сердца дарила сохатой луне, смыслом нежным вплетая ласковые слова в злые ветра. Очарованная неземной красотой соха-

тая луна рогами равняла снега, зарождая бураны. Просыпаясь от звёздного сна, снежинки превращала в заверть. У сохатой Луны были разные имена. Вьюжная луна приходила во мглу, а вихревая со снегопадом. Узкая Луна поднимала метель. Луна рогами к ветру стелилась льдом, заметая счастье. Любовалась к оттепели при виде сохатой Луны, рождённой вниз рогами. Встретив луну рогами вверх, волновалась к холоду. Отлогими рогами луна порождала снегопад. Кругловатая луна снежинки превращала в студёную изморозь. Острыми и крутыми рогами будила мороз. Лосиха ловила золотыми рогами ветряную Луну, чтобы не ревновала. Узоры звёзд бросала на неё лунная судьба. Легче птичьего пера становилась радужная Луна. Снилась ускользающей Луной удача. Цеплялась взглядом за луну провидение, а потом за Луну везения и за лунное будущее, а проваливалась среди покоя лунного.

Сохатая луна в сумеречной мгле была холодна и сводила с ума исполинской силой. Лосиха бродила, не разбирая тро-

пинок. На извилистых поворотах сбивалась с пути, а в жизни путалась. Хотела быть счастливой, но лунный холод неизбежно нёс в себе разочарования. Снежная лосиха страдала и сбрасывала рога, а сохатая луна на стылом ветру и гололёде бодалась. Жевала обледеневшую кору, вязла в снегу, обдирала камусы, теряла на развилках равнодушное счастье. Волк выгонял лосиху на тонкий лёд, а она, бежала, уставала и падала, но оставалась честной с самой собой. С трудом поднималась, а лёд садился, тяжко вздыхая. Погружалась в снежный ворох, а сохатая луна гладила её по холке, силы намерзающего холода. В рыхлом снегу становилось ясно, что чудеса — всегда в сердце, не создаются лунной погоней волчьей стаи, а откликаются на него. Лосиха переносила неприятности, но не знала, по какому бездорожью исчезала и появлялась луна, поэтому возвращалась к мечте и просила ветер прогнать снег, покрывающий горы. Снег отступал, а с проталин всходила круторогая луна и мчалась в небеса не рожденных лосят. Затихали горы от света на рогу вставшую Луну, замирали ночи в тревожном ожидании чуда — в наступлении нового лета лосиха меняла обличье.

Птицы кричали в звёздной дали, а по растаявшим болотным топям, лосиха прокладывала тропинки сквозь раздумья. Передвигалась не грациозно, но легко, не бегала долго, но ходила быстро и далеко. Странствуя под путеводной звездой, по пути обламывала ветки тальника длинной хоботообразной губы, зубами сдирала кору с осин. В одиночестве бродила по просторам белоснежного ледника, потряхивая на шее шаманской серьгой. На солонцах стояла под тонкой луной, при свете солнца устраивалась на открытых болотах, в топких местах проползая

на брюхе, вытянув вперед передние ноги. Поедая грибы, щавель, голубицу, бруснику и клюкву, чувствовала потребность в воде и приходила к лунному озеру. В сильную жару, овод заставлял лосиху спасаться в водном потоке, высунув только раздутые ноздри. Птицей парила летняя луна, а лосиха мягким светом глаз считала неисчислимые звёзды и медленно растила новые рога, у которых каждый раз становилось на один отросток больше, по количеству прожитых лет. Лосиха к лунным бликам тянулась навстречу и не удивлялась чудесам в водах одушевлённого озера, общаясь с их знаками. Озеро жило на границе ледника и дремучей горы. Из озера вытекал ручей Вселенной в огромный мир чудес. Лунными ночами озарённое озеро оживало. Озеро слышало, видело и хранило отблески небесных звёзд и таёжных обитателей, приходивших из пёстрых мечтаний воды напиться. В озёрных водах лосиха слышала внутренний голос и вела диалог с самой собой. Невесть откуда возникали предчувствия новых и воспоминания пройденных троп, мелькали встречи и расставания. Лосиха смотрела в бездонную воду и теряла очертания рогов, поддерживающих лунное серебро среди звёздного пространства. Вместо отражения чудесных рогов, пасмурным ветром бежали морщинки волн, а вода снежным порывом напоминала о безродных душах и всегда существующих. Из глубины озера огромное отражение манило лосиху одержимостью вьюг зимнего одиночества. Лосиха, робко взглянув в отражённую бездну, зажмурилась сквозь облака, замотала рогами и отчего-то загрустила. Оживал под съёжившимся сердцем лосёнок, любовь излучая. Мерещился колючий снег во влажной дымке тумана и беззаветно блистающие капельки росы переходили в изрезанные льдом метели. Чуткая лосиха стучала копытом по блику от сохатой луны, наклоняла рога навстречу мчавшемуся на неё видению. Но ничего не происходило — снежные лосята не росли снизу, из вод озера. Под созвездием гасящих волн лунной воды отражался распахнутый мир не рождённых душ, помогая радостно приходить лосятам. В вихре нежности не меркнущая луна случайно скатилась небесной слезою в опрокинутое озеро. Не разбилась старая мечта на обломки бывшего счастья. Лосиха разделяла боль и радость с сохатой луной, вкушала горечь и сладость. Загадать успе-

ла желание, а тонущий в призрачном свете лунный рожок достала рогами. Утешила, очистила, но слегка чешуйками льда подёрнутой воде удержать не смога. Запрокинув рога за спину, подкинула сохатую луну вверх к высоким грёзам небес. В обнимку с россыпью звёзд сохатая луна озарила все двенадцать небес, а лосиха понесла дитя под сердцем. Лосиха зорким взглядом видела белый снег, падающий на проталины, будто вечное сокровище вселенной в первой обжигающе-ледяной оттепели. Бродяга отправилась в путь от безучастного ожерелья небес сквозь терзания к сияющей Матери звезд, чтобы принести в горы весеннюю луну с первоцветами, гололедицей и перелётными птицами, сохраняющих порядок мироздания.

Замер звёздный простор и застыл на горных пиках покой. Костёр погас, зола доедала пламя, не дождавшись рассвета. Охотник проснулся в меховом золоте блещущего света. Цвета льда Мать звезд окутала небеса немеркнущей надеждой и ожиданием. На развилке звериных и охотничьих тропинок человек отдохнул, пропитавшись надлунной вечностью, перевернув жизнь глубиной бессонницы. Не стиралась из памяти мать-лосиха с новорожденным малышом. В изначальном свете лосенок встал на ноги и мечтал вырастить рога, чтобы меряются силой в поединках с сохатой луной. По кругу Солнца, без суеты перекочевала лосиха к лунному озеру с не замерзающим ручьём и кормила детёныша молоком до начала осени. Мудрость вечной тропы подсказывала впитывающему материнское счастье лосёнку возможность добавить к таёжной жизни лунные рожки воспрянувшего света.

ИСКРА СОВЕСТИ

Внезапно запылала заря, обжигая плечи горных вершин и чистоту Утренней звезды. Под лунным серебром искрясь, ломкий небосвод обнялся с идущей по реке хрупкою шугой. От счастья затаили дыхание звёзды, а сумерки утра задышали свежестью туманной дымки. По краю перевала, оборачиваясь и бросая взгляды во тьму, медленно брели северные олени. В ожидании рассвета рвалось стадо из мрака на волю к мечтательным солнечным видениям. Олени ведали, когда покинуть стойбище, где найти ягель и укрыться от ветра. Чтобы себя прокормить, обогреть и одеть, меняя места стоянок, кочевал по горным тропинкам вслед за оленями таёжный человек. Олени выпрашивали неочищенную соль – лизунец, тёрлись носом и облизывали ладони. Прирожденный кочевник вьюком запрягал оленей и ездил верхом. Слева от Полярной звезды у вершины горы собирал чум из шкур и твёрдо знал, что он охранитель душ оленей от злых хищников. Бродил за стадом с поклажей, не одаривал себя богатством, не плутал на жизненном пути и не сбивался с толку.

Красной полосой в тумане засверкал верхний край светила над обретающей очертания верхушкой горы. Над мглистой тайгой золотом жарким запылала зарница в догорающем свете созвездий. По пойме звериной реки росомаха брела за стаей волков и в местах охоты добирала остатки еды. Росомаха шла на небольшом удалении параллельным путём и наткнулась на истощенного медведя. Стоял на задних лапах косолапый зверь, прижавшись к поросшему мхом кедру, разжёвывая древесную кору. Со сломанными когтями и стертыми зубами медведь караулил подбегающий молодых оленей, рассчитывая на их наивность. Ему не везло, и без запаса накопленного жира, он не собирался залегать в берлогу зимовать, а вживался шататься. Настигнув медведя, росомаха растащила куски добычи в пустоты деревьев, оставив ворону голову и сердце. Чуя след лисицы, перепрятала поживу в развилки веток лиственницы и уселась кушать. Лисица бросились вдогонку за глухаркой, а наевшись птицей и закусив клюквой, из любопытства побрела за человеком.

Улыбнулось солнце, осветив иней первого заморозка, раздуло искорку счастья в человеческом сердце. Олени поедали грибы, а человек с надпойменной террасы побрёл по пружинящему мху болота, окаймлённого озером. Красная осина пестрела на мхах, а морошка купалась в росах. Собирая с болотного стола ягоды и дикий лук, не заметил человек, как от твёрдой земли вглубь застойной трясины удалился. Уронил охотничью сумку с волчьими когтями, медвежьей лапой и шерстинками — душ промыслового зверя. Обереги давали силу и возможность ходить кратчайшим путём к охотничьей удаче, а без них человек сбивался с толку и тонул. Из тупика ложных убеждений по открытой воде с зыбкой тиной, свернул от грязи, но в булькающую топь забрёл. Со стороны ползучей и пустой болотной воды наплыла мутная пелена, солнце туманом закрывая. За нерадивое отношение к таёжным дарам туман похитил удачу, пользуясь беспечностью наказывал. Плутал человек, во мгле не видел пути ни вперёд, ни назад, ни к стаду оленей. Заблудшая душа чуяла дух волка, слушающего тревожные крики маревом захлебнувшейся перелётной птицы. Тревожилась птичка и просила разгневанный туман потемневшее солнце оставить в покое. Терзаемая разлукой птица отчаянно сопротивлялась летящим следом белым

метелям и присела отдохнуть. Слепой сети тумана коснувшись крылом, птица увязла в пугающей тине. Билась птица, хрипло кашляла, пыталась взлететь, да сил не хватало. Не моргнув, что сам себя сгубит, человек погрязшую в страстях душу птицы от чёрной тины освободил. Взял осторожно руками птаху из кары

за прегрешения, согрел дыханием надежды. Не нарушая запретов, очистил туманное зло. Вместе с птицей влез на одинокое дерево и увидел проблеск пути. Птица осветилось улыбкой, путешествуя между мирами, обещала возвратиться духом-помощником. Криком предупреждать о грядущем ненастье и парить впереди, а поймав душу зверя, делать добычей человека. Болотный туман, крылом разрывая, в высокое небо взлетела птица, а с пика горы охладевшее Солнце ей на встречу катилось. Небесная покровительница крылом на прощанье показала выход из провала топи. Сутуло выбирался таёжник в неизбежные мечты, вырываясь из ловушки трясины на каменистые осыпи. Гадал по движению духа волка, кружилась голова, сердце колотилось, стучало в висках. Оглядываться на совесть, чувствовал, что может упасть, но вдруг увидел — опираясь на обломки скалы, волчья стая брела в обратную заводь болота. Вслед за хищниками пересек человек трясину и вышел в бурундучную тайгу.

Под стаей рваных облаков золотился ковёр разнотравья. Набивая травой кладовую, бурундук учил таёжника полезные травы отличать от сорняков. Исцеляющая болезни трава дур-

манила запахом медведицу с медвежатами. Зимние запасы кедровых орешков разоряли косолапые, а бурундук, не в силах их прогнать, бегал с распушенным хвостом и отчаянно стрекотал. Бурундук срывал толокнянку — любимую еду медвежат, листья которой напоминали ушки, а уводил шалунов от хранили-

ща. Медвежата шли на поляну с медвежьими ушками, скаля зубы от кислого и терпкого вкуса, с аппетитом поедая ягоду. В обмен обещали медвежата, не трогать запасы бурундука. На толокняный чапыжник кормиться за пушистыми бурыми комочками торопилась медведица. Ветвящийся и стелющийся кустарник красного цвета, с мучнистой мякотью плодов был похож на бруснику, сиял от солнечной радости, усмиряя медведей от разорения жилищ мелких зверьков. В зубах держали бурундуки веточки с медвежьими ушками и мимо кладовых шли медведи. Ягода толокнянки дарила с горчинкой грусть осени, а тихий дождь с мокрым снегом — свежий след соболя. Медвежата обошли упавший ствол, а из дупла соболь заурчал сердито. Чёрный зверек, не искушая судьбу, наливая огнём глаза, побежал на рябчиковый кустарник поднимать птицу.

Золотистые листья опадали, а радуясь свободе, кружились и встали на крыло. Подъемы и спуски по перевалам, переходы по тайге и моховым болотам за оленями вели человека

по замкнутому кругу. Уход и выхаживание пострадавших зверей, гон, отёл и охрана оленят, придавало смысл ходьбе. Сквозь щели облаков вороны кричали человеческим голосом, а человек в суете сомневался, что вообще живёт. Утрата предназначенной тропинки приводила к своей расплате. Без радости и грусти добывал охотничье счастье, что некого было винить. На ягельных полянах олени вступали в поединки из-за важенок, чтобы дать

жизнеспособное потомство. Пощелкивая копытами в такт ревущему камнепаду, огибая ущелья, поднимали головы ввысь, где гордо парил орёл. Сквозь отблеск Солнца, скользившего в ночь, орёл видел волков, играющих в охоту на стадо. Во всём обвиняя Луну, не разбиваясь на осколки, в затмение спряталось Солнце. В потёмках покачивая рогатой головой, олений вожак погнался за волком, а он от оленя побежал по брусничному склону. Орёл сообразил, что матерый зверь не испугался, а заманивал оленя к стае, готовившей у обрыва ловушку. Волки поодиночке, огибая кусты и камни, охватывали оленя с разных сторон, стараясь окружить плотной петлёй. Орёл способный долететь до погасшего Солнца, не боялся риска сгореть под Луной. Из затемненных небес спикировал на матёрого волка, не мигая посмотрел противнику в глаза и опробовал остроту отточенного когтя. С воем хищник на бегу уклонился от сдирающей с него шкуру птицы, позабыв об охотничьей облаве. Олень осмотрелся, почуяв хищников, выбрался из коварной западни. Измотанный волк вернулся к стае и зарычал, точа клыки об острые камни. Орёл не мог согласиться с волком, они долго спорили, а человек, к полнеба закрывшей Луне повернувшись спиною, собирал разбежавшихся оленей в отброшенной тени. Подражая ворону, кричал птичьим голосом — просил Луну открыть Солнце. В прозрачную прохладу тихо уплыла Луна, а Солнце засияло, как прежде. Орёл помешал

волкам рвать оленям горло, но уши и ноги, они резанули клыками. Вскользь проверили укусами здоровье стада, не нашли немощных оленей и ушли по болоту.

Человек помахал волкам руками, как ворон крыльями и обработав раны, зашил нитью, смазал медвежьим жиром и увёл стадо на беличью сопку. Солнце клонилось к закату, а горы качнулись сумрачной стеной, теряя контуры. Размашистым шагом шло стадо за цепочкой следов голодной стаи, тянувшихся по чернотропу и мелкому снегу на перевал. Ночные звери лязгали зубами, в ожесточенной схватке с чахлым лосем в зарослях багульника, а насытившись обильным яством и питьём, легли отдохнуть на опадающую хвою лиственничной тайги. Ворон насытился и закаркал, а росомаха подкралась и доела остатки добычи, что волки погрызли. Услышали ли волки человека или учуяли, ему было безразлично, он наткнулся на добытую соболем кабаргу, и к этому месту, по следу спешила рысь. Соболь отступил при появлении рыси, не проходившей мимо и давившей его.

Утром солнце осветило реку и застывший поток ледника, скалистые вершины и снежные хребты, узор облаков и волшебные сны. От пожаров пришли в кедровую тайгу отъедаться шишкой-паданкой медведи и рыли на черничной горе берлоги. Попробовали спелость кедровых орешков, но шишки росли высоко. Срываясь с деревьев, медведи не мирились с неудачей. Солнце созревшие шишки сушило, а белка покачивала ветки

и шишки падали. В низком небе кедровка криком исходила, а собирающих паданку медведей не отпускало время.

Прилипая к отсыревшим вершинам, солнце приобрело желтоватый, а затем оранжевый и ласкающий камни красный цвет. Небо вокруг солнца окрасилось в золотистые тона, а ворон принёс в клюве уголек для разведения пламени костра. Окуривая стадо дымом чаги, намазал лицо сажей, а под руки подлезали любопытные оленята с большими и чёрными глазами, вопрошая соленый леденец. Человек смотрел на отчий огонь и искал счастье, а учуял сидящую волчицу, появившуюся из искр. Волки стадо оленей считали своим и жили рядом. Ворона слушали — он вокруг стада кружил и каркал об опасности. В капкан попадая, волчица лапу отгрызала и уходила, а безудержное пламя костра не боялась. Волчица выходила к человеку в голод, в болезни или нуждаясь в помощи. Волчица легко находила пропитание в тайге и на человека не охотилась. Серый взгляд, цвета сумеречного неба в ясный день, проник в глубину человеческой души. Человек стоял в растерянности, словно лицом к лицу с совестью. Он всегда платил за радость и невзгоды чистым золотом ответственности и никуда не бежал, не показывал страха и слабости, не поворачивался спиной. Хищник бегал гораздо быстрее и человек, оберегая оленей, решал в случае опасности биться

до конца, обязательно победить и выжить, но волчица не показала враждебности. Умное животное слегка отступило, понимая, что, закусив губу, бесхитростный человек серьезно озадачен своей внутренней сутью. Любую мысль, любое чувство он посылал в свое сердце и очень внимательно слушал ответ.

Наивно соблюдал неписаные правила — с тайги лишнего не брал. Обломок таёжного рода пребывал в грусти, жительница тайги принесла пропавшую охотничью сумку, в которой он хранил души добытых зверей, а вместе с ней силу и удачу. Учила высекать в сердце искру радости, а не печалиться. Во взметнувшихся до небес горах, учиться понимать и доверяться солнцу и самому себя в истинном свете. В полной чудных тайн тайге ловить удачу и гореть во тьме освещая каждое мгновение. Без устали и страха добывать пропитание и в неведомые дали брести за оленьим стадом в объятья звезд. Со зверями равным быть, как с братьями. В оставляющем трещины сердце, не держать печали. От искр чистого сердца светлей и ближе станут до звёзд поднятые дали. Чистое сердце, озаренное искрой совести способно всю Вселенную вместить и выверять каждый след.

Небо коснулось земли, а в горьком дыму тлеющего костра волчица спиной повернусь, исчезая в звёздных сумерках словно дух-предок. Вечерняя звезда блеснула от радости, а человек

покормил огонь и широко улыбнулся. Дикие олени рёвом зазывали важенок. Прирученные быки со спиленными рогами с дикими оленями в борьбу не вступали. Чтобы не ранили и не сцеплялись друг с другом быки, таёжник подрезал рога, собираясь после гона на оленях по первому снегу пушного зверя в тайге промышлять.

Пурпурным пятном заря засияла, а розовое небо над ней потемнело. Серый свет рос в размерах и упал за узкую полоску зари. Гасла заря, а в сумеречной тени неба разгоралась Вечерняя звезда. В стороне от заката пепельная дымка забыла о звёздах. Вой волчицы, растекался под холодным дыханием встающей Луны. Заморозок заковал моховую трясину из росистой корочки в хрупкий ледок. Очищенный вереницей суровых дней человек в неизбежных мечтах брёл по тропинкам всепрощения, не споря с воздушной странницей. Ночной страж тихой болью шептал о несбывшихся желаниях, но под покрывалом из звёздных лоскутов на вьючных сумках засыпал. Человек умел и знал больше, чем звери, стал могущественнее, охотился и посматривал за оленями, чтобы злые хищники их не съели, а приобрёл главное — искру совести, охраняющую от низкой, кривой и напрасной суеты. Смысл ясной жизни спасал от хмурого зла и нежданного бедствия. Для таёжных людей Вселенная готовила путеводные звёзды, а до счастья освещённого искрой совести у каждого человека была своя стезя.

СУТОЧНЫЙ КРУГ

Охотник в очаровательных моментах родовых легенд доверялся чудесным выражениям о значении времени в жизни. Во всём видел жизнь и лишних слов-сочетаний в небо и на землю не бросал. Слова, мысли и мечты обладали живой силой, а человек был с ними осторожен. Слова искал, ловил и прятал, словом лечил и бережно к нему относился. Молча собираясь охотиться на копытных и пушных зверей отгонял от себя мысли, что будет их добывать, по представлениям, намерение могло выйти из головы через рот и предупредить душу животного об опасности. Поэтому, полагался на мнение, в чудесном значении мечтаний. Стрелы и ловушки были орудием и помогали мечтам воплотиться. Во время ожидания восхода Солнца загадывал сокровенное желание, уповая, что этот порыв поведёт по светлой тропе и положительно повлияет на добывание удачи.

В изначальные времена в объятиях вечного Мрака крепко спало высокое Небесное Стойбище. Дремали День, Ночь, Закат, Рассвет, Зима и Лето, но в сумеречной темноте бродили чёрный, как уголь Лунный медведь и белый, как берёзовая кора

Солнечный олень. Они спорили о том, что красивей — свет или тьма, и им стало тесно. Не было конца раздору и в сумерках они измотались. День и Ночь для них стали едины. Не было в этих распрях победителей и проигравших, а продолжаться это не могло. Решили соперники разбудить Небесное Стойбище, чтобы оно привело их к обоюдному согласию. Проснулось Небесное Стойбище и решило, что при появлении одного другой должен немедленно скрыться. Небо сходилось с землей, с солнечной тропинки убегал Солнечный олень — наступала тёмная Ночь. Лунный медведь показывал пятки на заре и наступал светлый День. Так появились на земле череда Ночи и Дня приносящее забвение о ссорах. День был весел и бодр, радовался и старался подольше находиться на свету. Ночь же наоборот, была тихой и спокойной, не любила суету и сторонилась света. Сутки они делили между собой, обмениваясь частичками света и тьмы. Ночь получила россыпи звезд, а день получил тень, которую стали отбрасывать горы, звери, птицы и растения.

Солнце окрасило небо перламутром. Днём тянуло тропинку над горами, а ночью по другой стороне хребтов возвращалось к началу пути. Давало жизнь и растило, согревало и освещало, сменяло времена года и заведовало живыми существами. Зимой Солнце подолгу засиживалось в каменном чуме и копило жар, а весной выходило, отпуская тепло на волю. Таял снег,

вскрывались реки и озера, дул ветер с ледников и распускались первоцветы. В Небесном Стойбище всё шло своим чередом. Солнце посылало на горы золотые лучи, пронизывая насквозь таёжный мир. Помнило об охотнике, добывающем пропитание, точно знало, когда всходить, а когда заходить. В багровом цве-

те заката Солнце уходило отдыхать, а охотничьи угодья освещала Луна. Изо всех сил помогали Луне созвездия, чтобы в её отсутствие без теней исчез свет и не было полной темноты.

В сумерках восходящего Солнца — зарождался Рассвет, а под Луной и звёздами — расцветал Закат. Летом они были тёплыми, а Зимой холодные. В летних лучах Солнца пели птицы в цветах багульника. День подобно времени менял Ночь. Ясно светила Луна в звёздном небе. Ночь накрывала горы звёздным уютом и спокойствием, а утром, пожелав Дню удачи, отправлялась отдыхать. Зимним Днём блестели снегом покрытые горы, а Ночью снегам снились яркие звёзды. Вечный Мрак незримо отползал за спину Небесного Стойбища. Прямое восхождение и закат Солнца увеличивалось и уменьшалось. Луна на другой бок перевернулась зимним утром, а Солнце лишь немного поднялось над пиками гор, а увидев в зареве небесные рожки испуганно спряталось.

Опасность хищников угадывал охотник, но не мог победить внутреннего врага: надменные мысли и разрушительные желания. Ягоды черники пригоршнями в рот отправляя, у судьбы воровал сутки. Думая о ничтожной судьбе, загадал желание, чтобы строптивое Солнце-Олень услужливо покорилось. Жаждал Солнце подчинить воле человеческой, чтобы оно прирученным огнём послушно совершало будничную работу и круглый год дарило урожай. Равномерно двигаясь по большому кругу Небесного стойбища, споткнулось Солнце-Олень о кочевой чум ленивого попутчика, но не остановилось, а рассмеялось сверканием лучей. Смех Солнца вызвал грохот громче раскатов грома и горы в облаках задрожали искрами-молниями. День и Ночь слегка помрачнели и перепутались, началась неразбериха на земле и небе. С обратной стороны хребта Небесного Стойбища на горы по следам терзаний опустился неуступчивый Мрак. Поглотив Ночь и День, сокрушался и страдал не насытившись.

В подвижной бессоннице человек не знал, когда будет рассвет, а когда — закат. Содрогаясь звезды, бежали по небу, а охотник беспокойно ожидал, не зная, как выживать. Звери не видели ничего в серой горечи Мрака и робко бродили, как потерянные. Цветы забыли раскрыть лепестки. Хмурый ветер зудел комарами и оводом. Сумерки сгущались без проблесков. Краски тускнели, а человек учился добывать душу огня для солнечного рта трением на хворосте-огниве. Язык пламени советовал наивному человеку, чтобы он не смотрел на Солнце глазами чужой зависти. Не забывал, что охотник не приказчик, а дитя Солнце-Оленя. Захлёбывалось мглою пламя солнечного рта, страдало без красоты зари и звездного неба, но не гасила искр надежды, что человек вернётся к проверенным време-

нем правилам — позволяющим выжить. Угольком из костра освещая забытую солнцем тропинку, побрёл по стёртым следам человек просить у светила прощение. Сбиваясь с пути, оступаясь и падая, нёс истлевающую золу, чтобы Солнце-Оленя найти, минуя незаметно серость будней — осветить маленького Заревого оленёнка. Робкому малышу во Мраке случилось на ягельном перевале родиться. В сон клонило мечты, но поборов усталость передал оленёнку раскрашенный яркими солнечными узорами пламень. Засветился Заревой оленёнок, а через валуны и буреломы понёс розовый свет к небесам, упавшим на горные скалы. Заревой оленёнок не прятался в тень и не исчезал, а толкал в бок вялого человека, мечтами примиряя землю и небо. Проводник между мирами дышал для неба и знал, что горам нужна смена Дня и Ночи, а они помогут распутать отпечаток вечного Мрака и разогнать по ущельям тени. Призывая на помощь силы равнозначности всего существующего, предваряющие нежно-алый рассвет, Заревой оленёнок с проблеском надежды вбежал в утро, а разбудил Небесное Стойбище. Неземное Солнце-Олень обрадовалось, жадно вдыхая мечты оленёнка. Явью став из снов приподняло край неба озаряющим лучом. Одетое утренней пеленой рассвета, Солнце возвращалось из пронизанной тьмы Мрака и капельки росы на распускающихся лепестках блеснули всеми цветами радуги.

Над долиной реки Хайлама забрезжил загадочно-манящим светом восход. Прорвавшись сквозь Мглу, дрожа миражами отблесков, проснулась заря над синим изломом гор хребта Хан-Бургут. Над скованной снегом горой Алхадыр всходило, оставляя следы сияния на золоте ягеля жаркое Солнце. Вскинуло Солнце-Олень ветвистые рога в небо и от льдинок играющих светом, оттолкнулось в круговерть. Чувствуя легкое дыхание

неба — мечты воплощало. От зубцов рогов летели лучи, растворяя в огненных бликах пики гор. Острый зубец — ясный свет, тупой — ненастный. По скалам бежали синие тени, подталкивая обманутую Ночь. Из тёплых объятий утра, невзначай обжигаясь блеском перламутра, вылетел День, похожий на шаг вперед. По чуть видимым тропинкам счастья Солнце вело охотника через перевалы и тайгу, ущелья и каскады рек, ледники и тающие снежники минуя ненастья — дышать, судьбу менять и обживать ягельные пространства.

Днём в Небесном стойбище Солнце олень, парило над видимым силуэтом горного хребта. От вершин горы Белая Дургомжа скользило ввысь по одной и то же тропинке с востока на запад прямо над пиками Удинского хребта. Над горой Кара-Бурень сквозь туманную дымку сияло радужными лучами в ледяных ручьях. Стадо оленей с приплодом на вершинах Хамжур-Тайга не спеша кочевало за вожатым Солнцем. На верховом олене охотник направлял тропу за лучами, но случайно упершись на Солнце-Оленя локтем, остановился в промёрзшем болоте. Не искал лёгкую тропу, проверяя силу в охоте на зверя, а осознал, что Солнце олень светит на судьбу, а на скользких наледях у него нет выбора. Присоединился за караваном диких оленей идущих вслед Солнцем. Раздавал зверям и птицам счастье по лучику, а с оленями тянул тропу, помогая друг другу. У Хозя-

ина света просил хорошей погоды, а заклинал продлить жизненную тропу и тлеть угольку добрых чувств.

Спешило светило к снежной вершине Чело-Монго и к покорённой высоте топтало тропинку. На ладони перевала Мус-Даг-Дабан сквозь набежавший ливень человек искал следы завет-

ной тропинки. Петляла тропинка, ломалась, ныряла в каньон и уходила тайком под подтаявший лёд. Таилась в тени обрывов и брела по болоту, но топь, камнепад и чапыжник сторонкой обходила. Спотыкаясь на ухабах и обвалах, не заблудилась средь звериных троп, а шла всё время на подъем. Под тёплым светом прозрачного Дня, тропинка молчала, зачем и куда за Солнце олени бежали. Над гордой горой Сокол искрилась за спиной Солнца оперением хищной птицы. Притягивало Солнце ласкающей теплотой полёт пернатых, а они склёвывали отблески радости. Над позолотой Медвежьей горы склонилось Солнце к могучим хребтам, а косолапые тени пестуна и медвежат побежали на восток. Над белой сверкающей вершиной, долинами, бурными реками расцветало в сердце Солнце-Оленя чувство, каков бы ни был длинным День, приближался холодок Вечера.

Нагулявшись вдоволь, уставшее Солнце-Олень закатывалось неторопливо в распахнутое пламя багровой Зари. В водах Агульского озера, закат краснел тяжестью отражения. Лучом

оглянувшись, Солнце истлевало сквозь сжатые угольки горной цепи Междуозёрного хребта. Догорал День в ласковых объятиях пепельно-серых сумерек Лета. Стадо оленей отошло на край тишины, погружаясь в зарницы. Из тёплой ощупи Лета вылетала короткая Ночь. Полная тайн и откровений Ночь звёз-

дами чистила Солнцем согретые тропинки на ягельных полянах. Растворяясь в темноте, засыпали пики острых вершин, призрачно растворяясь с небом. Молча звёзды мигали над провалами ущелий, а Лунный медведь рос, становился полным, старел и залегал в новолунную берлогу.

Олени заснули на снегу, а охотник открыл полог освещенного звёздами чума. В истоке реки Хадама, через просвет, разделивший скалы Булгутуйского хребта, косыми клиньями теней, шалил вьюгой Лунный медведь на ночных тропинках. Тяжело сопя, на когтистых лапах влез Лунный медведь на острую вершину горы Алхадыр. Выла стая волков, а звери в норы прятались. С одышкой, к звёздам пополз, но над каменистой тундрой хребта Хан-Бургут, уткнувшись в снег, качнулся Лунный медведь и сразу силуэты гор стали выше. Озарил изюбрей, кочующих по снежной метели на гору Белая Дургомжа. С попутными звездами Лунный медведь прошёл над ледовой трещиной, резкой и неласковой горы Кара-Бурень по тропинке,

ведущей никуда и неоткуда. В буреломе горы Тас-Даг шишки кедровые драл и кормил облака. Матёрый волк, воем сбросив лавину с крутых круч горы Хамжур-Тайга, в лунной тени драл лося. В ущелье упали проливные дожди, а на перевале Кадыр-Орук снежной крупой шуршала медведица с медвежатами. Инеем осел Лунный медведь на скалистые плечи горы Хангорок, где со звездами играющих волчат, глаза засияли холодом. В полночь, повстречав оленя со звездною брошью на груди, загостился Лунный медведь на вершине горы Чело-Монго. На снежном насте Лунный медведь раскрыл сердце и поделился мыслями с Хмурой горой. Поздней ночью в окружении звёзд и оленьих рогов мудро молчал. На воде Медвежьего озера дрожала лунная дорожка, по волнам бежала навстречу. Спускаясь в трещину распадка, невзначай поскользнулся на наледи водопада, но Заря слабым свечением схватила Лунного медведя за ухо. Утих волчий ветер, с оскалом уходила сытая волчья стая. Ночь затаилась, сдавив неволей звёзды.

Мир согласия вершил вековечно суточный круг. День не терялся, а Ночь следовала за ним, возвращая суть и радость жизни. Днём раскрывали лепестки цветы, а на ночь закрывали их. Человек разводил ручной огонь — зевал в заботах, а утром с новыми мечтами вновь встречал прародителя оленьего народа. Солнце-Олень вдыхало мечты, всходило и шло по тропинкам сквозь ветки и метели, наледи и камни. Улыбаясь счастью, распахнув сердце, человек понял, что прежде чем повелевать, нужно думать о последствиях, которые возымеют мысли. Изрекал меняющие судьбу слова, закрученные в чудо, а мечтал с Заревыми оленями не расставаться. Олени чуяли тропинку, по которой в небесах витало счастье. Солнце водило человека — мечты соединяя, а всё лучшее обязательно сбывалось.

УЛЫБКА ХМУРОЙ ГОРЫ

Таёжный оленевод-охотник восхищался высокими снежными горами и не восходил без причины на их вершины к просторам вселенной. В вечном порядке кочевал, а горы спасали его от невзгод и превратностей жизни. Чтимых вершин в Саянах множество, а каждую отмечал и давал собственное имя: Снежка, Висячий Камень, Обзорная, Голая Шишка, Думная и Хмурая. Без названия вершина на хребтах — была не гора. Имена гор произносил вместе, роднил их с тропинками на путях передвижения северных оленей. К седым склонам совершал перекочёвки для приветствия. Сооружал на вершинах из камней кучу в виде горы. Камням доверял мысли, желанья и думы об удаче в судьбе, а под свист ветра, отблески звёзд и блики солнца заплетал в них разноцветные ленты. Вглядываясь в суть Вселенной, улыбался бескрайнему небу, наполняя надеждой обновленное сердце.

Именитые горы прятали вершины в облака, а суровая погода редко давала надежду их увидеть. Оживляя природный бубен человек, имена родовых гор перечислял первыми. Горы

дарили силу и стояли на страже судьбы. Охотник на пушного зверя одушевлял горы, а мир горных хозяев представлял по собственному типу и образу жизни. Бурные реки и непроходимые горы имели душу, а с вышними звёздами человек говорил. К горам обращался с прошениями, изливал жалобы, испрашивал удачи в охотничьем промысле и исцелении от недугов. Могучими грядами раскинулись громады, сочетая в себе возможную заботливость и даяние. Покровителю соболей камлал у больших гор на хребтах Ергак-Таргак-Тайга. Даритель изюбрей обитал на Удинском хребте. Заступник белых оленей жил на снежных хребтах Агульских Белков, а сон медведей в берлогах оберегали горы Белой Дургомжи. Горы Дикого хребта направляли поток жизни в заданную сторону.

У Гутарских озёр падал мокрый снег, склоны белков мглою затягивая. Глаза совёнка мерцали в серой пелене, а человек камлал на дальний путь — без привалов и заминок. Перебрёл реку Иден и на гальке старого русла заметил кабаргу, идущую к горным вершинам. По снежнику прошёл вдоль озера на плато Киштинского перевала. За перевальной точкой тёплым дождём озеро ото льда очищалось. Из непроглядной ливневой стены с буйною грозой со стороны Малой Киштa дышал разлукой селевой поток. Тревожно кричали птицы, сердито ворчало эхо, заставляя одинокую душу вернуться с перевала. Таёжный романтик шёпот ветров и шелест трав различал, говор бурных рек поманил и осторожно побрёл по лосиному следу. Сохатый зверь неуклюже шёл по топи звериной тропой. Боялась росомаха лосиных рогов больше трясины, но брела за ним тайно. Человек чуял её отпечатки, путая ноги в воде, поправил охотничью сумку, пояс с ножом в ножнах и обошёл стороной нервного соседа. Реку Верхняя Каменка бродом перешёл и пошёл вверх по реке Мурхой до притока Аскайли-Ой в узком каньоне с водопадом забитым нетающим льдом. Вечный странник огибал прижимы и наледи реки, влез на седой перевал и быстро спустился в долину реки Хатаги, скрываясь в болотище. В единении человека и гор неверная погода приметами обманывала. Кочуя по перевалам, изменчивого ненастья хлебнул сполна, от внезапного заморозка до жары и капризного ветра и урагана. Настроение у него было под стать ненастью, но вход чума против потока

жизни не ставил. Взойдя на перевал, читал приметы. Сквозь коготки облаков ворон криком задабривал туман, дождь и ветер. Сердце билось в груди, а с неба сыпалась ледяная крупа, переплетаясь с солнечными лучами. Свет скользнул по каменистой реке, осветив кабаргу у сияющих радугой первоцветов на проталине. Кабарга ловко разгребала копытцами талый снег. Склонив голову, вырывала корешки клыками и хрустела острыми зубками. Кабарга боялась хищного соболя, но человека подпустила близко. Заглядевшись в оленьи глаза отражающие небо, погладил кабаргу за ушами ладонью. Выскочил на водопой кабан-секач с подсвинками, а перелётные птицы взлетели бороться с ветром. Испуганная кабарга шарахнулась к камням, скрываясь в кедровом стланике.

Встречая шквал бури, подошёл человек к устью Хатаги и перебрёл на правый берег реки Уда. От мятежного притока Хольхем, золотым знамением скальной стены открывался строгий пик Триангуляторов. По теневому склону, подняв в небо ветвистые рога, бежал трусцой изюбр. Краем умного глаза рассматривал человеческую душу, но в тёмной глубине глазницы парила душа лося, бредущего по краю скалистой долины. Человек потянул тропу к истоку реки Уда, минуя каньон у гольца. Взору открылась долина Трёххвостого ручья и озеро Верхнее. Со снежного склона ручей впадал в реку, а белая

крыша горы Приозёрная куталась в дымке тумана. Упираясь в облака рогами, по скалам ступали сибирские козероги и пугливо моргали. В озеро золотыми чешуйками волн впадал ручей, соединяя лучи солнца и прищур волка. Стряхивая с ягеля дождливую капель, по жёсткому насту, валунам и лишайни-

кам, человек поднялся на крутой бок долины, слегка заморосил мелкий снег. По осыпи перевёрнутой ураганами взошёл на заваленный стылым снегом перевал. Погода менялась круто, а в проём перевала прерывисто дышал ветер Дикого хребта.

Настырная метель, сквозила по перевалу, завывала волком, сужая видимость, камни выхолаживая. Снег поднимался стеной до самого неба. Раскачивались облака и терялись очертания скал, но внезапно оком совёнка подмигнуло Солнце и озарило косматый иней. Совиными ушками хребет Дикий появлялся и исчезал в круговерти преломления лучистого света и снежных облаков друг другу перечивших. Прислушиваясь к шуму камнепада и раскатам грома, человек бросил самородок в каменную горку Обо и постучался в дверь Хозяина гор. Веяло то холодом, то теплом, но скользнул заряд метели стороной. Пики гор вознеслись до небес, а в бездну упала глубина обрыва. С перевала спустился по узкой ложбине в пологую долину ручья с крупными валунами. С низовья реки Левый Казыр

хребет обнимали крылья чёрных туч. Пронизанный жизнью хребет Дикий не позволял взойти на горы опрометчивым людям. Подвижная погода была сурова, а от человека здесь мало что зависело. Гора решала сама — пустить его к подножью или нет. Просыпаясь в набитых снегом облаках, Хмурая гора ха-

рактером была подобна переменчивому ветру. Валы гневных туч наползали на склоны, озаряемые изнутри вспышками. Нервно из мрака кричали молнии, ударяясь о жжёные камни. Эхо причитало, скулили волки, стонали громовые раскаты. Свирепый ураган катился с треском по ущелью. Прыгал град, ударяя в насупившийся ледник, рождая молочные ручьи. Грозный шум несущегося в теснинах потока, белую пену бил о рёбра скал. С гребней вершин, ручейки насквозь прорезали снежники, стекая на зеркало льда бирюзового озера. Раздор света и мглы волком скалился. Человек угрюмо смотрел на Хмурую гору с холодными переливами и тёплым дыханием золота. Приветливо улыбнулся, а между сердцами человека и горы мелькнул проблеск. Искра надежды погасла, о прохладную неприступность льда натолкнувшись. Хмурая гора сомневалась, изредка радовалась, жила грустно и рычала холодом. От бесконечных волнений и переживаний небо над горой неустанно

плакало и затягивалось тучами. Сияние улыбок она упускала, блеск Солнца не замечала, звездным небом не восхищалась. Гора присматривала за стадом оленей, а в неудачах и горестях всхлипывала дождиком.

Отгорел закат, коснувшись глубины души, но человек не смутился. У застывшего озера моросящий туман ходил по кругу, а за ним метались настороженные олени. На льду человек увидел торчащую из полыньи голову маленького оленёнка. Малыш родился на проталине под звёздным небом и заметил в воде зеркальное отражение созвездий. Ему показалось, что небо близко, стоит войти в воду и окажешься в просторах вселенной. Беспечно вышел на трещину хрупкого льда и невзначай провалился в промоину. Лёд ушёл из-под ног, а он не сумел опереться на звёзды. Взглядом держался за отблески, барахтался в водной лазури, а небо плакало звездами. Наивного детёныша на воде не держало надзвёздное отражение, он опрокинутый в подлунную бесконечность отсветов рыдал и бился за жизнь. Звёзды опустились ниже к своим повторениям, а шерсть на мордочке оленёнка покрылась студёным льдом. Малыш не шевелился, а губами шептал о помощи, но олени закрыли усталые глаза, а с неба бесстрастно смотрела Луна. Проваливаясь в воду, мать копытами рубила дорожку в звездных провалах к оленёнку. Лёд рушился, животное выбилось из сил, а сердце

смирилось с печальной участью. Человек ощутил связь со всем сущим и посчитал недостойным пройти мимо детёныша, тонущего в звёздных отблесках. Из последних сил по излому нетвердой корочки, осторожно пополз помогать малышу. Резал ладони и колени об острую кромку тороса, но обнял беспомощного оленёнка рукой и вытащил из ледяной ловушки. Гладил по шерсти, приводя в чувство малыша, а оленёнок почувствовал тепло и заботу человеческой ладони. Отогревал замерзшее дитя дыханием и шептал надежды на ухо, а их слушали звёзды над Хмурой горой. Лечил солью со снадобьями из трав, окуривал дымом чаги и багульника. Медвежьим салом заливал раны и исцелял простудный кашель. Вдыхал целебный дым продрогшей грудью человек, а оленёнку на мордочке и спине отмечал горьким пеплом перегоревшие звёзды. Мать-олениха облизала малыша, а он от радости душою встрепенулся и пришёл в себя. Дрожал, сердце билось, а ноздри раздулись, улавливая огонь с запахом хвойной смолы. Подумал, звёзды высекают искры, а не пламя костра. Омытый талой водой и окуренный дымом он перестал бояться. Шатаясь из стороны в сторону встал. Человек понял — оленёнок спасён и выпустил на волю передать горным вершинам земные вести. Мать не спешила уходить, на оленёнке остался запах костра, а стадо могло отказаться от малыша.

Солнце за вершину горы спряталось, а неокрепший малыш, признательно смотрел на спасителя. Звезды вновь осветили горное озеро. Олененок смотрел в надзвёздное небо, а лунные рожки ему улыбнулись. Осознав, что мир раздумий огромен, поджал ножки и лёг на камни рядом с человеком, закрыл глаза, а мать улеглась рядом. Ему снилась гора в зарослях ягеля, яркое солнце, и мать пушила его спинку. Согревая друг друга, они неподвижно лежали, пока небо над горой не посветлело зарёй. Мать и дитя встала на ноги, а увидели потоки золотистых лучей пробивающихся сквозь снежную вершину. Ясный солнечный свет спины оленей неразлучно сплетался с сетчатой рябью прозрачных теней горных камней, а человек дал оленёнку ласковое имя — Отблеск.

Слезами радости Хмурая гора умылась и взглянула на себя другими глазами. Покормив огонь хлебной лепёшкой, испечённой в костре, человек приветливо улыбнулся Хмурой горе, настоящей улыбкой, идущей от сердца. Между их сердцами пробежала искра, и оттаяла ледяная недостижимость горы. Улыбка осветила гору, сделала добрей, счастливей и красивой. Небо Хмурой горы доброжелательно просветлело, а зубчатые пики горы вежливо улыбнулись. Гора светилась, будто солнышко неземным светом и озарялась. На человека смотрели бирюзовые очи озёр, наполненные нежностью. Гроза утихла, медленно ушёл густой туман, а человек шёл над облаками. Мгла упала с ягельного мха и соцветий. На вершинах белков расцвели цветы кашкары, проснулся кедровый стланик. Серебристый ягель ковром лежал в преддверии небесного свода. Человек чуял настрой оленей, и дикие звери за ним, как ручные, шли. Оленей он солью

угощал, а со зверьём, как с людьми, беседовал на их языке. Оленёнок ушами шевелил, слушал и неотступно следовал за избавителем. За ними, с достоинством шли рогачи-быки, тянулись важенки, семенили ножками оленята. Растянувшийся караван оленей украсил тропинки и оживил Дикий хребет. Улыбнулось Солнце лучом закатного света и зашло за гору, погружаясь в прохладу лёгких сизых теней. В золотом воздухе блеснули и сомкнулись горы, застыв в таинственной мгле бездонной ночи. Улыбнулось небо, звездами, но мрачной пургой пробежала стая

свирепых волков, вызвав общий переполох стада и исчезла, заметая следы сквозняком и снегом. Олени устремилось вверх по склону гранёного пика, возродив в душе сомнения. Сердце облилось материнской слезой, душа печально плакала, а оленёнок остался с человеком. Вдыхая горный воздух и обходя обрывы, стремительно они набирали высоту по ледяному карнизу. В беспросветной тьме талый поток, переливаясь росой, плескался и улыбался лунной радугой. С улыбкой стекали со скал капли изморози, стремясь растопить льдинки. Искрились, наполняясь волшебной силой, движением и жизнью. Ветерок дуновением превращал иней в мельчайшие брызги, а они улыбались отражением звёзд.

С высоты в снежном наряде вершина задумчиво смотрела на оленей, понимая, что они счастье и украшение звёздных просторов. Без корысти улыбнулись прекрасной улыбкой олени на вершине, заглядывая в глаза человека, как будто о звёздах что-то сказать хотели. Закутываясь в туман, ветер и холод Хмурой горы, забывая об осторожности, отрешённо смотрел на отражения звёзд, угадывая неустойчивость камней и глубокие узоры расщелин: оттуда не выбраться. Смелый человек чувствовал в силы бесконечно кочевать за оленями и дарить улыбки недоверчивым вершинам гор и мерцанию звезд во просторах вселенной.

НЕМЕРКНУЩИЙ МОТЫЛЁК

Онемевшего ветра наклонный перевал Хурэгтын-Дабан со всех сторон теснили бесконечные горные изломы Окинского хребта, а небесные олени по узким пропилам в скалах кротко и безмолвно скользили. На ледяных вершинах и снежных склонах звёздные оленята пили туманное молоко, разлитое Важенкой Небо. Счастья жаждали блуждающие души, но луч надежды угас в студёной росе, а духи дня и ночи уснули в мёрзлых гнёздах на гребнях гор. Завистливой мечтой окутала беспросветная хмарь и искажающая звуки эхо глухая тишина. Захлебнулись оленята в путанице мутного молока рваных туч. Терялись души зверей, птиц и людей, позабыв, на что похожи рассветы. В мир пугающего забвения, глотающего свет они не наведывались. Кочующий по крайней тайге человек не мог во мгле истолковать направление троп по пятнам на лике Луны, по мерцанию света Матери звезд и точкам рассвета и заката Солнца. Плотный туман, накрывший знакомый перевал, делал его неузнаваемым, расплывчатым, таинственным и наполнял заблудившуюся душу неуверенностью. От касания зыбкого,

как сон сумрака, сердце стучало — просило звёздных оленят с белых стен гор до дна испить разлитое молоко вязкого тумана.

Туманный покров лживо гулким эхом ворчал, бродил и на скалы натыкался. Человек осторожно набирая высоту по снежным мостам притоков Холбы заблудился, остановился и ждал

в мучительных страданиях. Надеялся на чудо, не торопясь, отыскивая твердую почву, преодолевал спуски и подъёмы, обходя селевые потоки и лавины, реки и водопады, топи и скалы, травянистые и снежные склоны, подвижные осыпи и ледовые разломы. Вдумчиво выбирал безопасную нить оборванного пути, смотрел под ноги, остерегался падения и был бдительным. Помогал детёнышам животных и птиц, добрыми делами в душе холод растапливал. Во мгле кружил, терял видимость, ощущал затруднённость, не жаловался в буреломах, а принимал всё в расчет, когда выбирал направление. Сверял стороны света по гребням заструг и шуге, мху, лежащей траве, головкам пушицы, висящим на кустах льдинкам и корням деревьев. Большие кони направляли на север. В тумане над пропастью искал выгиб согнутой тропы, а сердце волновал житейский смысл, помогающий познать разорванную на части душу. Зачем жить без звезд и солнца? Куда идёт сквозь завесу серости по болотистой вязи и краю бездны, а вернёт потерянный свет

в сердце тепло и надежду? Сквозь непролазные заросли сутулой тропы, искал ломаную судьбу, но у обрыва остановился. У обочины коварного перевала выводящего на перегиб ледника раздул пламя от завёрнутого в бересту уголька. В безразмерной пелене мрака душу огонька поил молоком тумана.

На мрачной стороне тумана, переходящего маревом из слякоти в ненастье, дремал смоченный постным молоком мотылёк. С рисунком новорождённой луны на матовых крылышках, мотылька по имени Искорка одолевала тоска. Словно небывалое откровение молнии увидел мотылёк проблеск пламени в однообразие тумана. От удивления мотылёк пошевелить крылом боялся, чтоб не задуть уголёк. Снедаемый любопытством крошечный мотылёк влетел к тёплому пламени. Не упал в золу и не сжёг крылья, а по кончикам пальцев соскользнул остывшим пеплом. Крылатый цветок покрыл лунный рисунок лучистым отблеском красок тлеющего уголька. Озарение мечты пробило клочья тумана и на мгновение осветило тропинку. Туман понял, что пламя костра засветило искру в сердце мотылька-светлячка.

В нещадном сумраке найдя светлый мираж, привыкший искать, а не находить, человек побрёл за порхающим мотыльком-огонёчком, растворяясь в глубине тумана. Тропа таилась и темнела. Становилась ухабистой и ровной, гладкой и разбитой, расползалась на унылые тропки или вытягивалась. Капризный

туман умел угадывать настроение заплутавшей души и делал мир таким, каким были мысли и устремления идущего. Человек старался доверять не глазам, а внутреннему ощущению полёта мотылька, ведомого счастьем. Шёл вперед, возвращая чувство опоры. Не замечая трудностей пути, мотылёк выводил человека

на развилку безвозвратных троп. Преодолевая страхи и сомнения перед неизвестностью, заплутавшая душа брела по тропе жизни, а желая счастье мотыльку, по тропе радости. Загадочная и понятная, непредсказуемая и ожидаемая тропинка то появлялась, то исчезала, а истерзанная душа давилась молоком тумана. Мотылёк кружил, возвращался и улетал, вкладывая искру в заблудшую душу, не сжигая искрой очищая. На себя человек посмотрел по-другому и на потерянную тропинку.

Мотылёк хватал остатки теплой мечты за снежным надувом, но время просвета костерка истекло с натянутых скальных стен. Светлая щель сомкнулась, и надежды растаяли. В разорванном ледопаде потемнело, холодный блеск искрящегося тумана проснулся над бурлящей шугой и отблеск костра спрятался. Ухнул филин, тревожно крикнула кабарга. Вздрогнул мотылёк и полетел искать тропинку, ведущую к потерянному перевалу. Летел, искал и увидел вдали зовущий блеск. В тяжёлом проеме тумана парила озябшая Луна похожая на небесную важенку. Взмахнул ослабевшими крыльями мотылёк,

а в прожилках тонких засиял лунный свет, оставляя отблеск в душе. Спотыкалась и озиралась блуждающая душа, но растворялась ясность ума в пространстве постного молока, смешанного со звёздными ягодами. Ускользала туманная Луна, превращая заблудшую душу в порхание мотылька. Грезился

отблеск солнечного уголька, а коченеющему мотыльку снилось потухшее светило, упавшее на усыпанную остывшей золой тропинку перевала. В тумане сливаясь с Луной, прохлада победила. Лунным светом орошенный мотылёк совпал со своим отражением, обрастая узором изморози, неуловимо совместился со сновидением.

Тихо и безмолвно в тумане рождались новые леденеющие луны, а человек искал мотылька и обнаружил комочек на изморози. В молчание тумана, купался в лунном нектаре, питался лучами звёзд и много перерождений претерпел и жизней прожил. Способный к бесконечным изменениям, зародышем в теле матери, личинкой на ягеле, моховой гусеницей, куколкой, сохраняющей рост крыльев, мотылёк сохранил в сердце искру. Вращался смысл поблекших в тумане лун, теплился в сторону счастья, а мотылёк глотал воздух ожидания. Жизненную силу мотыльку давал новый неясный перевал, а грезилась параллельная похожесть того, что происходит с человеческой душой,

летящей на дым. Выгоревшая в туманной пустоши душа закрыться боялась. Идущая тенью душа уподоблялось невинному мотыльку в тумане, напоминая в повседневной жизни о создателе дня и ночи, холода и тепла, света и тьмы, живых существ, обитающих по воле солнца.

Дыханием потрескавшихся губ и жаром пальцев человек согревал в застывшем сне мотылька. Раздувал искру в душе, а он вспомнил луну и звёзды, солнце и ветер, пламя костра и сияние глаз. Сердце зябнущего мотылька учащённо забилось, а он загадал желание, чтобы с перевала в небо, крылья выросли и оживили трепет ветра. Взмах крыла развеял хмарь с перевала, а искра надежды пробила брешь. Он ожил и увидел печальный взгляд оленят, ожидающих небесную важенку на звёздных пастбищах. Млечное вымя прародительницы небесного мира питало туманом звёздных оленят. Звездочки меняли облик, мерцали и падали, оставляя на туманной стороне перевала проблески. Небесная важенка хмурилась, улыбалась и щурилась, ожидая рождение чудесного света Рассветной звездочки. Мотылёк сквозь щель восточного ветра почуял восход солнца. Крыльями поглощал оттенки неба — от сияния розовой зари и золотистой молнии, бирюзовой зарницы и грозовой черноты. В груди тлел уголёк, а на крыльях переплеталось дыхание гор, дерзнувших пиками взлететь к встающему солнцу. Красота мотылька воплотилась в сокровенных мечтах — быть свободными и окрылёнными счастьем. Мотылёк напомнил, что жизнь быстротечна и её не стоит тратить на туманное уныние. Теряясь в мерцание, перевал поверил, что рассеивающая мглу сила ожидания явит ясность, а взмах крыльев мотылька вернёт свет солнца. В узком разломе неба скрипнул кроной кедр и над отправной тропинкой бесконечное марево расступилось. Ветер уносил в прошлое жуть, и замаячил просвет надежды.

На туманный склон перевала грустно упали росы на ползучий мрак и стужу. Мотылек, видением ободрённый, смотрел на закрытые цветы и застывшую струю шуги. Они не проснулись, а влюблённый в жизнь мотылёк летал обратимыми тропами, но зависел от положения светил над горами. Мотылёк вспорхнул к поджатому скалами и снежурой бурлящему ручью, к блеску росы, и ягельные берега проросли побегами жимолости, и рас-

пустились лепестки кашкары. Искрой света мотылёк наряжал узор оттаявшего ягеля и хвою кедрового стланика. От ревности ветра сонный туман опал и расступился перед падением Рассветной звездой в бездну зари. Мотылёк вернул дух дня, а луч солнца согрел заблудшую душу, не нашедшую уверенность. Созданный из звездопадной пыли тропы, золотистой пыльцы, песка снов и прозрачных крыльев, мотылёк притягивал дуновение ветра и взлетел к незыблемым утесам, ловить луч утреннего света. На бледной черте просвета гор, появилась кромка солнца. Алый краешек похожий на хребет небесного оленя робко завис, пробиваясь тонким сиянием над измокшим перевалом.

Сотни маленьких солнечных радуг сумел поймать мотылёк и поверил в добывание удачи. Солнечный свет наполнил перевал светом, пройдя сквозь крылья, оставил искру в душе мотылька. Лучистое тепло отодвинуло сгущающуюся мглу с ягеля, коснулось каменистой тундры и стало тепло на гребнях гор. Мотылёк нуждался в солнце для того чтобы жить и горы жаждали тепло духа дня. Горы подняли мотылька ввысь, а он крыльями раздвинул стены тьмы и летел по солнечному лучу в бездонную синь горизонта. Любуюсь безмерной и грозной высотой, в кругу небесной семьи рассказывал мотылёк желание гор, завлекая горящее солнце взойти над погнутой тропинкой. Облечённые в красочные ярко-огненные

лучи крылья мотылька заметило Солнце и услышало призыв. Веление Солнца перевернуло жизнь, а желание сердца исполнилось.

Из пространства туманного времени Солнышко цветы багульника на перевале погладило лучами, а они ожили. Верну-

лась чистая безмятежная жизнь на исходные тропы и мотылёк окунулся в аромат цветочной пыльцы. Солнце черпало силы от счастья и вернуло в горы дух дня. Над помолодевшим перевалом сквозь слепящие лучи стоящего в зените светила, мотылёк встретил бабочку со знаком солнечной зари на крыльях. Лунный мотылёк хоботком прикоснулся к золотисто-розовому крылу, вздрогнула бабочка, раскрылась улыбкой и дружелюбно открыла объятия. Мотыльки в озарении суетились на венчиках цветков, купая в нектаре бархатные крылышки. Они осознали, что горы и небо восхваляют счастье. Мотыльки знали, как важно не спугнуть мечту и красили голову и крылья пыльцой цветов в оттенки солнца. Из мглы мотылёк взлетал к встающей Луне, а в затмение, словно эхо в громе, летел к Солнцу. Бабочка замерла на мгновение и радостно вспорхнула к пламени пылкого Солнца. Мятежная душа любовью сердце обманула. Оказавшись рядом, стала летать вокруг жара, а в безумие пекла истлела и пеплом вернулась. Прогорая, лунный мотылек залетел

на теневую сторону, а лучи отражённого света пробежали по зеркалу крыла. Трепетал мотылёк, получив ожог, опалив край крыла и нелепо упал на ягельную поляну. Из огненной чашечки цветка он любовался полётом светила по таинству неба. Луч заходящего солнца всполохом, блеснул на крыле мотылька, багровым заревом коснулся перевала. Залитый пурпуром перевал погас, но не истлела искра в душе мотылька. В прохладе гор, солнцем пропитанный мотылёк поймал в изначальной бездне свет Вечерней звезды, раскинул крылья и задремал. Дневной свет уступил место потёмкам, а небесная семья солнца вернула в горы дух ночи. Лепестки цветов окунулись в туманные сны — захлебнулись порывами времени.

На стыке дня и ночи топкий туман ослабел, но не упал на изгиб тропинки, не исчез в лунных лучах, молоком сливаясь во мрак ущелья. Небесная важенка покинула пустой перевал, одиноко шатаясь по каньонам и расщелинам в ожидании звездопада с новорождённой луны. До нежного света Рассветной звезды лунный мотылёк, хранящий в сердце искру любви, и обманчивый туман на золотистых чашечках кашкары, не расставались. Перед дождиком пил мотылёк сладость нектара и немного грустил о прошлом заблудшей душой. Прилетал мотылёк тенью манящей — ожидая бурю и метель с себя пыльцу не сдувал. Светился сильнее в тумане и исчезал искрой блестящей в луче восходящего солнца. Осколок света парил, словно вольный ветер, в огне надежд не сжигая искру. В закатах изменчивых лун, как наваждение сна в поисках смысла летал сквозь ночь к необозримым звездам. Поддержка немеркнущей искры в душе мотылька превращала человека в восходителя, преодолевающего затерянные перевалы. Точное время рассвета и заката солнца учило знать долготу дня и ночи, понимать сумерки и предвидеть погоду по часам, чувствовать и замечать настроение кочевой тропы, смело идти и не терять душу.

ВЕСНИЧКА

В видение к свету перелётная птичка искала свой небесный облик и силу духа, выясняла кто она, откуда летит, почему ни о чём не заботится и как стала кочующей. Солнцем окрылённая получала радость от красоты творений мира и отвлечённых размышлений. Ясному разуму и тёплому сердцу мир гордых вершин открывался по-новому. Трудно перечесть, сколько солнц озарялось в её бездонных глазах, сколько звёзд одухотворяла немеркнущая любовь. В лучах встающего солнца качалась радуга, а соцветия звезд хлебала глубина ручья. Падая в облака, рассыпалось радужное сияние на осколки слез и выплёскивалось на ледник, окаймлённый скалами нагорья. Быстрокрылые стаи перелётных птиц мерцали в натянутых лучах падающего света, не ведая сожалений. Переменчивый ветер смешивал отставшие тени клятв верности с россыпью снега, кружил пернатые головы в поисках новых подруг в ослепленном сиянии.

В зеркале льда мелькнул лунный силуэт и погас в мире не рожденных душ. Отбившаяся от стаи птичка по имени Весничка не жалела о призрачном счастье, она словно проснулась от зим-

ней спячки. Птичка-сиротка вернулась домой к истоку Большого Агула, входящего в каньон, а с левого берега сошла незваная лавина. Поднимаясь к звездам, доверчивая птичка вспомнила об оседлых цветах, прорастающих сквозь лёд и скалы. Цепляясь за жизнь, мудрая птичка крылом разрывала горечь ненастья. Птичка цвета Рассветной звезды на неприступных скалах в оголенных ветвях рвала на себе пух для гнезда. В бирюзовом восходе встречая птичку, соцветия заснеженного куста расцвели розовым узором, понимая быстротечность времени. Подобно звездочкам вселенной в объятьях мгновения вечности, цветы сияли в лучезарном свете солнца лёгкой дымкой не сбывшихся снов.

В алеющем свете зари расцветал багульник на фоне заснеженных вершин. Солнце было для него желанно, а тень пугала. Он знал холод и жажда, а оттаивая, ценил меру и время солнца. Рассекая крылом серую пелену тумана, птичка тревожно пела про оставшиеся в сердце раны. Неожиданно пробился солнечный луч, а заплаканное небо не стало лить слёзы о любви на ледовое поле. Доверчиво смотрела птичка на незыблемое сияние Солнца в ладонях небесных радуг и полной грудью вдохнула ветер. Душа всхлипнула стылой слезой, наполняясь материнской любовью. Умытое Солнце сквозь слёзы всходило, пробуждая ледник и камни, сжигая остатки печали в проталинах и полыньях. Пики гор озарились оттенком надежды, устремляясь к небу из недр тьмы. Напитанные весенними слезами усталые камни и талый лёд, грусть разлук растворяла. Выше поднималось Солнце к миру не рождённых душ, а юркая птичка в лепестках цветов из радости и счастья вила гнездо.

Ласкало Солнце обмякший поток ледника, а он питал корни цветка и поил птичку. Из лисьей норы рыжая плутовка вышла на водопой и украдкой смотрела на птичку. Отряхивая росные крылышки, птичка наполняла жизненной силой пространство

вокруг камня и льда. В солнечных цветах ожили куропатки, по ложному следу пуская волков. Ледник поблек рядом с выгибающими крылья глухарями и тетеревами, спорившими о смысле жизни. Цветы, похожие на блеск Солнца, сияли всеми цветами радуги, притягивая токующих птиц и благоухали. Наполняя суровые горы дивным ароматом весны, Солнце жизни, смотрело на гнёздышко. Озаряясь небесными очами, лепестки несравненной красоты взамен дарили восхитительные мечты. Птичка перья несла, а цветы тянулись к золотым оттенкам лучей, даривших частички света и заботу, ничего не требуя взамен. Солнце коснулось светлым лучом лепестка цветка, а вселенная стонала — ревнуя. Лучи рассвета перелетали с одного лепестка на другой, вышивая подшёрсток птичьей колыбели. Птичка в объятиях лепестков радовалась и светилась от счастья. Пролетая над вязью теней от лепестков, лучик грустил и в раздумье смотрел на птичку. От лучистой смелости птичка выстилала гнездо пёрышками. С умиленною лаской ответной встречала птичка горячий луч заката. Прекрасные и чистые капельки росы, маленькими осколками радуг сверкали на лепестках, а листья светились изумрудным сиянием. Тени лепестков, боясь ненароком птичку спугнуть, вытягивались в нити радуг, Днём Солнце, раскинув могучие крылья, подобно птичке, высиживало яйца, а ночью Луна бессонным глазом следила, чтобы не подложила пурга в гнездо кукушонка.

Цветок питался солнечным обаянием, а ледник рассекал глубокие трещины ледопадом. Солнце и Луна укрывали гнездо, а птичка выкармливала не рожденные души на вершине ледника. Ледник искал силы оторваться от земли, но скользил по ложу невзгод, а слоями льда смыкал трещины огорчений.

Встрепенулась птичка чарующей силой, а сердце в её груди с натугой забилось. Внизу полыхнула гроза, а глухая кукушка и переходной зверь ловили дыханье ветра. Зависая над ледником, птичка прилетала в гнездо оставить перо, как частицу нежности, а Солнце взлетало. Талая вода под солнечными лучами прожгла ледовое поле. Марево окутало Солнцу глаза, а оно сощурило взор удивленный. Ему казалось, что цветы подрезают крылья птичке, а она не хотела улетать. Твёрдый лёд слабел, а очистившись от переживаний — душа птицы засомневалась. Неподвижно смотрело Солнце на широкий круг гнезда на отвесной скале, а птичка была выше холодной дрожи, осветив путь отпускаемым душам. Помогая рождающимся душам не сбиться с пути, Солнце преломляло свет на множество ярких крапинок, пробуждая прекрасные чувства совершенством. Бедным и печальным становился лёд и камни без нежного мира цветов. Холод и жара, лёд и цветы, ночь и день — эти несходства дополняли друг друга до единого целого. Никто из них

большой и малый, лучший и худший, сильный и слабый не нарушал равновесие мира нарождённых душ, но за птичьим гнездом следил чёрный ястреб.

Птица прятала гнездовье на обожжённых молнией утёсах, где росли и цвели сильные цветы. Крыльями боролась с тенями ущелья, сжатых скалистыми бортами мрачных туч. Кружилась голова, цветы закрыли глаза, прикрылась перьями птица. Мутные тени в сверкающих пятнах света, остались перед очами, но не верила птица в закат солнечного гнездилища. Сливаясь с дивным светом, птичка переносила души с небес в гнездо, а они жалели, что летать не умели. Согнав печаль, птица не подпускала в солнечные души грусть, а тени и свет ложились друг на друга, слившись в один нарождающийся мир. Все не мыслимые пределы обрели невероятную глубину и прозрачность. Золотые лучи растворили тень в сплетении очертаний ничьей звезды, светившей самой себе.

Низкое солнце по чудесному кругу опускалось к белой тесьме снежных вершин, а птичка на родном гнезде насиживать начинала с третьего яйца. Хищная ласка разоряла гнездо, а птичка гнездовалась повторно рядом с птицей по имени Зарянка. Ворона в клюве уносила яйцо, а дятел расклёвывал скорлупу. Не выдержав порывов ветра, часть гнезда разрушилась, а сойка поедала кладку. Тошнило птичку от голода, а сыч отгонял ящериц от гнезда. Сорока караулила: как бы выщипать перья птичке. Ледник вершиной упёрся в небо вертикальной стеной, а птичке хватило сил пережить напасти и ненастья, в повторной кладке производя на одно яйцо меньше. В открытую щель между вышитой снегом нитью вершин и ледяной пылью солнце сползало к красному закату увеличивая тени вослед и в косых лучах золотились падающие перья. Охладевшее небо тянулось

над узкой полоской острых скал, подсвеченных заходящим солнцем. Пурпурный закат отражался на поверхности чистого льда, а раскалённое Солнце во тьму окуналось. На границе лучей и теней ледника выжигала Луна разноцветные звезды. Сквозь лунный рассвет на снежных пиках померк горизонт, но невинный цветок и чистая радуга вспыхнули ярким алым светом. Бросив взгляд на оттенки хрупких лепестков отраженного света, слитых в сияющее пятно куста и отражённого в воде талого ручья. Капельки от суеты распадались на брызги, искрами играя в закатных лучах. Чёрный ястреб полетел на закат, зубами лязгнула росомаха, не разрушив птичье счастье.

Птичка сумерки гор погружала в сон. С вечерней прохладой солнце медленно угасало в седом тумане, а за крыльями горькое горе вихрилось. В небесах птичка ловила взглядом последние солнечные души. Багряный закат отгорел, а птичке стало одиноко в шатающемся гнезде. Мгла сгущалась на седловине ледника между сонно ссутулившихся вершин. Над покоем гнезда появилась Вечерняя звёздочка, а в бесконечной дали замерцал лунный ободок. Солнцем согретая птичка подруга рассвета в темноте поблекла, но хранила лунный свет, словно скучную тень эхо. За птицей летел отклик счастья, а тень ползла впереди, выпуская на волю огорчения. В бегущей воде скользнул лунный лепесток сил набраться,

а звезда склонилась к красоте крылатой печали. Заплутавшие души на лунных узорах вторили эхом, повторяя ошибки холода. Взлелеянный лунной подсветкой цветок наклонился к силуэтам скалистых гор, и не отбрасывающая теней минувшего капля росы, заблистала жемчугом радости. Лунная птичка клевала упавшие росные капли и вникала в грусть точащей когти росомахи.

Луна высиживала небесные яйца, а птичка за собственной тенью следила. Взмахнув крылом, в тени цветов души хранила птичка, распластав перья на крыльях. Эхо — помощница, громко кричало птичке в ухо, что не спрячется от досады тень, а в верхний мир к не рождённым душам вернётся светило. Сомнения внутри Луны, переполнили родник ледника, а талая вода долгого ключа текла на струе водопада. По снежному руслу стылая вода гнала россыпи впечатлений к расчищенной полынье чувств. Нахохлилась совушка, а соболь свернулся в изморозь. Ястреб сорвался с высоты, а рождающаяся душа проклевывала скорлупу. Вылупившийся из яйца птенец искал, где же мать и кто отец, а видел заходящую Луну и встающее Солнце. Опалённый лунным отблеском птенец не пил воды. Стряхивала Луна с лепестков капельки росы в туман утреней зари, птенцу показывая, как клевать небесную сладость. Жёлтым клювом птенец глотал росные слезы. В каждой росинке отхлёбывал звёздного неба дольку,

а птичка терпеливо приносила ему земной корм. В сравнение с лунным даром птичьи крохи из лужи были безвкусны. Глупыш-птенец без острых перемен скучал, а выбирая крылатую судьбу, начал жизнь с полёта. Покидая мать, птенец смело выпал из пелёнок родного гнезда к звёздам. В полете раскрыл

не оперившиеся крылья, а мысль летела впереди него, на миг, превращаясь в Луну и Солнце, достигающих бескрайних высот. Взлетел в новую жизнь птенец, но рухнул вниз, не улетая к сиянию удачи. Сберегли птенца объятия цветов багульника и сломанные ветки. Он не разбился, а оглянулся — кругом суета, впереди — пустота, клюв кривила душа, но заметил в небесах отсутствие матери. Шершавый ветер сквозь перья плакал от бессилия, а по телу бежала дрожь. Под ледяным дыханьем луны упавший из гнезда с надломленным крылом птенец искал спасение. Птичка-мать не прилетала слишком долго. Ослаб накал душевной страсти, а надежды выжить не осталось. Тихо и жалобно пищал птенец, ожидая конца. Прозябая на влажных камнях, забывал про надлунный свет, но материнские крылья птички втащили птенца на торчащие прутья гнезда.

Зависнув в отражении встречающей мечты, носила пресную еду, а дарила доброту, и душа птенца пришла в себя. Печаль, разорванная в клочья родительским счастьем, наполнила сердце

птички, а в полумраке ледового поля горностай облизнул усатую морду. Лёд у кромки воды улыбнулся мигающим звездам, а опустивший лепестки цветок вздохнул облегчённо. Сквозь цветущий розовым цветом бисер ярко мерцающих росистых капель щедро осыпал лепестки, и словно стайка промчавшихся душ, с небес падали звезды. Птичка, озаряя мир неземной красоты, не меняла первозданный облик и не теряла силы воли. Она знала: крепче жизни — мудрое страдание. С воззрения небесной тайги, окрылённая видениями теней, эхо и отражения, птичка осознала, что под лучезарным светом можно быть бесстрашной. К заметённым снежной пыльцой звездным осыпям отодвинулся рыхлый ледник. Оставив прошлую неудачу, птенец признал: если рано летать, то можно ротиком, разинутым окрепнуть в тёплом гнезде. В момент прозрения решил птенец, одеваясь в звёздные искры, терпеливо ожидать луч восходящего Солнца.

Звёздный ветер летающих теней расправил крылья лунной птичке в облик небесный. На разделе двух миров странница из марева сновидений небесной тайги нежным заревом зажгла рассвет. Невесомо пройдя прозрачную границу звезд, свет отразился на крыльях птицы. Небесная высь стала видимой, а цветок приподнял лепестки над птенцом. Гнездо изогнулось на ветвях золотом восхода. Росным утром умытый ледник слепил глаза белизной, утопая в россыпи розовых оттенков зари, а в цветке проснулась чистая слезинка радости. Ласковое Солнце сыпало блики на побледневший лунный свет, радугой радуясь новорождённой душе. Приветствуя Солнце, роса собирала солнечные лучи и отсвечивала переливчатой радугой. Мечта цветка и яркое солнце нашли птичку, не отпускали из объятий. Светящиеся Солнце, сыпало отблески, излучаясь росинкой вечности. Озарялась счастьем россыпь радужных солнц, а голая душа неоперившегося птенца нетерпением дожидалась нового перелёта искать стаю.

УГОЩЕНИЕ ЛУНЫ

Узорчатая ткань снежных пиков хребта Хан-Бургут обнимала, серебрила и ласкала увенчанный седыми звездами небосклон. В расцарапанную звёздами ночь, зимнего солнцестояния в небесные гости просилась лунная птица. В истоке реки Хайлама в лютой стуже наполняясь нежным отблеском, сова сипуха с нарождающимся ночным Солнцем делилась радостью. Ослепительно-белые перья птицы отражались при лунном свете, а совушка сипуха по имени Радость, танцевала танец огня у шаманского стойбища. В небесном костре выпекла облачко, затеплила искру мечты, согревая душу ночного сторожа угощениями. Со снежного стола, освещенного лёгкими бликами чаянья, лунная птица кушала отчаянно мало. Огоньком надежды лучистых глаз прикармливала лунного хранителя сна, волшебные слова про себя кричала, заставляющие задуматься о счастье. Ночная лунная птица необдуманно пережила голодное и холодное время, не пожелав действительно чего-то стоящего. Досыта глотала не напрасные ожидания, падающей звездой судьбу решая. Подносила сомнения, а куда лежал бродящий

путь — не знала. Оценивая сделанное и пережитое, оставив плохое в прошлом, задуманное исполняла новыми начинаниями. Получающая свет от затаённого Солнца лунная душа не внимала, когда терпенья не хватало исполнить намерения.

В окружении дремучей тайги, холодных ветров, лютых морозов и хищных зверей, Утренняя и Вечерняя звезды дарили сипухе пропитание, но делать чудеса они не умели. Сипуха искала помощь у небесных светил, узнавала точное время и опознавала местность в полёте. Небо заменяло часы и календарь об особых моментах возрождающегося года. Облетая невзгоды и напасти, врата судьбы пыталась открыть, за которыми скрывалось счастье. Не пропуская закатов, добывала охотничий успех, чтоб в бесполезных метаниях сердце не огорчалось. Оберегающим разумом, думала о веление времени, но не хватало главного — родственной душе раскрыть душу. В звёздных мирах искала душевное родство с лунной птицей. В минуты прозрения просила лунную птицу подать подсказку-совет, а бездне звёзд излить боль души — сердца грусть. Ночью птички спали в объятьях крыльев, а душа сипухи отламывала звёздно-лунные крошки в лунном рассвете.

Зная, что лунная птица исчезает после долгой ночи, сипуха летала через пространства горных вершин по притокам реки Барбитай и чтобы не сбиться с пути, смотрела не себе под когти, а на небо. Звёзды видела всюду — даже со дна пропасти

и из трещин ледника. Путеводная звезда всегда была на своём месте, а звёзды неторопливо двигались по небу, каждый день и год, как стрелки звёздных часов. Гремела гроза, бушевал ураган, разыгралась снежная буря, а звёзды парили по небу ровно, ненастья не замечая. Оставляя за горами тревоги, глазастая сипуха видела днём и ночью, а душой чувствовала прорастающий из марева свет мечты. Звёзды неумело светили в чёрном мраке, а сипуха простор вздохами оживляла, играя в прятки. В сумерках сипуха окликом пугала сонных бурундуков и синиц, а лунный свет звал сипуху на охоту, вгоняя в оцепенение добычу белым оперением.

Мечтала сипуха увидеть в солнечном свете превращение лунной птицы в тайник душ, в котором звёзды прятали секреты. В сумраке предзакатном добравшись до края вершин, впадая в головокружение, смотрела на свод небес, волшебство призывая. Через бесконечное преломление созерцала большие и маленькие, синие и желтоватые созвездия и спрашивала: скоро ли утро. В россыпи усеянной звёздами, видела лунную дольку шаманского зеркала и лунную дорожку, изрезанную гладью снегов. Определила, молодая ли это лунная птица или уже на стареющая. Недавно народившаяся и старая лунная птица различались тем, что обращены были сутулыми спинами в противоположные стороны, а насыщаясь от огромного вымя Млечного Пути, иногда прятались. Молодая лунная птица направляла выпуклую спину вправо, старая — влево, и сипуха определяла стороны света, приближаясь к небесным тайнам. Лунная птица перелетала из прошлого в будущее, освещала наибольшую долготу ночи, в ожидании поворотного события в присутствии Солнца на небе. Вселяя доверие в чудеса, в сумеречном состоянии лунная птица становились особенно чуткой к просьбам. Сипуха взывала важные желания, а провидение судьбы причуды сплетало без горечи потерь. Летя грядущему навстречу, устраивала жизнь, чтобы в ней было место чуду, создавала пространство исполнения стремлений. Лунная птица могла оценить борьбу и уверенность, помогая осуществлять мечты.

Небо играло превращением Утренней звезды на розовой сини в Вечернюю звезду, а сипуха знала, что это одна звезда. На вечерней заре после захода солнца Вечерняя звезда

перевоплощалась в отсвет, перевернувшись, вела сипуху по бирюзовому небу к меняющей вид лунной птице. Крылом за острый горный пик зацепилась, встревоженное сердце забилось, словно раненная птица. Зарождались видения на упавшие звёзды, но это были обычные мечты на достаток, от ис-

полнения которых, ничего в жизни не менялось. Лунной птице сипуха рассказывала заветные желания и как заклинание быстро повторяла их, боясь, что лунная птица не успеет оглянуться и их принять, а мечты не исполнит Солнце. Сипуха видела, как лунная птица тайною силой зажгла небеса и достигла точки согласия, но на неё опустилась непроглядная мгла — самая тёмная часть отбрасываемой Землей горькой тени. В небе осталось светлое пёрышко и призрачный узор затемнённых лунных крыльев, с затаённо тлеющим взглядом в упор. Ночью Солнце приняло облик бубна, а сова сипуха танцевала в небе шаманский танец добывания счастья.

В точке срыва туманной звёздочки обрамлённые сиянием яркого ободка, побелели крылья сипухи. Искрясь радостью и померкнувшие горем, зависли в тени Земли. На светлом крыле, сбившись в прошлое, мерцали в бликах желания, в смятении замерли откровения обратной стороны затмения. Око ночи, видело всё, что скрыто от птичьих глаз. Вздрогнула застывшим

холодом лунная птица крыльями звёзд в пустоте дрожащей алчности. Сила освещения радужную оболочке зрачков сипухи расширяла и сжимала, даря новое видение мира. Раскрылась створка небес, а полное чудес очарование из бездонной глубины глянуло в глаза сипухи. Небесные чары таинственной лунной красоты не видела сова-призрак даже в сплетениях сонных причуд.

Нетленным касанием лунная птица собирала рассеянные воспоминания и беспечные мечты из сердца сипухи-совы. Надежды сквозь трепет очищались и растекались в виде рассвета надлунного неба, хозяина душ добытых зверей. Замёрзшие души, согретые явью новых желаний, призрачным упованием глубину тайги наполняли. Наигравшись самообольщением, лунная птица заревом отражалась в бездонном мраке желаний. Крылья звёзд силой пламенной мечты держали незыблемую вечность в объятиях, добытые души зверей вырывая из тоски. Прошибла души плоть, осели соболя и куницы на земле, а сердца пропитав силой отражения. Зеркальным блеском миражей радость ожила. Жизнью чувств без потерь непокорное чудо, кочевало по жестокому равнодушию. Вдыхая тишину похожую на зов, соединив силу видения и мощь намерения, зачарованным сердцем сова сипуха представила избранный путь движения к желаемому.

— Воздушная странница, полёт твой на серебряных крыльях звёзд, объемлет всё сущее. Мала ты лунная птица, но всю

Вселенную вмещаешь. Бледна твоя лунная радуга, но нежными лучами ярких истин ослепляет. Хозяйка долгой ночи, тайной звёздного очарования расти большой, богатство птиц и зверей, в тайгу приглашая, — то с трепетом, то страстно, то с мольбою кричала невнятным шепотом сипуха заклинания, приносящие счастье. — Оком счастья взгляни ненароком на вечный сплав таёжного народа, избравшего отважный путь оленевода. Нет в Саянах древнее кочевого рода. Легкой тенью заклятия и волшебной грёзой подари в дни зимнего солнцестояния чудеса, улыбки и волшебство. Каждую ночь твои силы растут. В крике ветров, крылом осени, в темноте ночей соболя в тайгу привлеки. Научи побеждать лютых зверей, гладить маленьких оленят и с маточным стадом кочевать к ягельным вершинам по неведомым тропам. Ледяные ветра хлёстко встречать загорелым лицом, но пусть сомнения оставив за плечами, в след свистит скрежет острых клыков и волчий вой. Укажи охотничьи угодья, а отведи от засады коварных хищников. Отпугни шатуна шевелением заветных лент на ветру, а медведица с малышами пусть в берлоге зимует. Треща под грузом ореха, ввысь расти могучие ветви кедров до бездонных небес, а ручейки по золотым жилам гор устремляй вниз на ягельные пастбища. Научи из гибельной топи выбираться и не лиши тонкости восприятия. Не сгорая в порыве чувств бессердечно, терзая грозами, вспышками молний и раскатами ярости. Нет лунного — сильней очарования и отражаясь украдкой в открытом сердце, не обжигай холодом успокоения и призрачной печалью пыли звездной. Не сжимай стенами ущелий, зияющей пропастью и туманом на гребне горного перевала. Твой мир близок и далёк, но сель и камнепад пусть не придавит, а перелётные птицы в теплых краях чуют дуновение весеннего ветра. С ног и крыльев стряхни привычное бремя усталости, а сердце омой заревою росой, вплетая туманные кружева звёздами вышитые небеса. Не позволяй согнуться от тяжёлых забот и затейливые тропинки по буреломам, вязкому мху и топкому илу, вокруг острых скал проложи легко и бесстрашно. Снежной лавиной не падай с вершин, белей не станут лунные ночи. К тебе взываю лунная птица, ниспошли не стон тишины, а огонь оживляющий. Беззащитное пламя греющего очага, не погаси равнодушием, рискованно в тайге остать-

ся у раздувшей золы. Невольника желаний не сотвори должником удачи злого своеволия, а с углов чума-жилища успевай снег украсть трепетом рассвета. Взбодри и укрепи слабый дух ожиданием перемен и размножения всего живого в природе. Научи терпеть холод неудач, не быть обузой и свечение сердца не менять на бездушность. Внуши ходить по краю обрыва и быть осторожным в суровом таёжном мире. Забыв на мгновение тревогу, учи на камнях в глуши поворотов не спотыкаться, на наледи не скользить, и чтобы осторожность не воровала волю. Научи видеть себя изнутри на части расколотого, не изменяться, не пресмыкаться, не замыкаться, не отступаться и не ошибаться. Ну, а если случится в тёмную пропасть свалиться — на серебряных крыльях самых проникновенных заклинаний, не утерявших силу, возврати на вершины к лунным высям. В объятьях созвездий, пари в чарующей невесомости и в утренних снах подари слышать родное дыхание. Стерев между мирами расстояние, не откажи в понимании, а на успех освяти добрые начинания. Раскрываясь чудесным простором, мир твой станет един со мною, а иначе никогда не будет счастлива сова сипуха по имени Радость.

Лунная птица серебряными крыльями взвеяла, дыша перламутром и слушала, пробуждаясь чарами заветного наговора, на счастье. Сложенный сердечным словом голос, пульсировал и стучался в сердце светила. Звёздно радуясь, сипуха поблагодарила лунную птицу, что обратила на неё внимание, в надежде, что сбудутся заветные мечты и явью станут сказочные сны. Дрогнуло в небе серебро лунной птицы, а сердце сипухи потеплело мерцанием идей. Окутанное звёздной пылью заветных сокровищ душа не заснула под наростами льда, в нём счастье подобно лунной птице, отражалось. Лунная птица отозвалась

пониманием, а сердце не возражало счастью. Кедры, инеем хвои, протёрли затемнённые перья лунной птицы. Зыбкое пёрышко окрасилась в красный цвет, задело утёс метеоритным дождём. Звездопад сгорая, повод давал для новых небывалых желаний, радостных надежд и завышенных ожиданий. В сполохах искр падающих звезд, проблеснул охотничий полёт сипухи.

Лунная птица вышла из затмения и почувствовала в смутном сердце веру в счастье. Звёздочка с лунной птицей красовались на небе, блёкли изломы горных вершин, пустели звёзды, но не

умещалось надлунное небо. Сипуха ум склоняла Солнцу, а сердце к лунной птице, светящей светом, заимствованным от Солнца и надеялась на чудо — достигала желаемого. В ночь сердцевины зимы наполняла пустошь сердца смыслом и благами, а Вечерняя звездочка перевоплотилась в Заряночку. Овеянная искристой позёмкой, в мечтах сипуха кормила отражённый свет. В лазоревых безднах боясь раствориться, уставшая крупинка счастья поняла, что не будет длинных ночей. По небесам скользя прозрачным отблеском сумерек, из не напрасно прожитой сказки, лунная птица рухнула к угощению снежного стола на серебро растерянных крыльев.

После тьмы пришёл свет, а в гнезде пушистые совята почувствовали алый луч, скользнувший по схваченному стужей гребню диких вершин. Озарённое небо проснулось стылым восходом Солнца в горном распадке. На минимальной высоте над далёкими гольцами светило сдвинулось родной душой во встречном направлении, отодвигая границы ночи. К духу дня прирастая, за середину колючих ветвей уходила уставшая зима, а на потепление в тайге ярче приносящий новую жизнь приходил рассвет. Встречаясь с зарей, лунная птица угощала всех весенней радостью.

ВКУС СЧАСТЬЯ

Время с годами текло быстрее, вдохновляя прародителей кочевников, ведающих природной мудростью на поиски новых солнечных земель, где золотые жилы и струи россыпей создавали миражи звёздного света недрам Земли. Главной целью хождений были поиски пропитания и любопытство. Необычный отсвет и очарование простора Саянских хребтов в золотом зареве солнца притягивал кочевника из однообразия дней. Страсть к обладанию таинственным солнечным блеском возбуждала смелость делать неимоверные усилия в странствиях. Невидимые нити судеб стелились по земным тропинкам, а тянулись к узорам зари в небесной синеве.

Солнце светило белым светом, но у поверхности вершин прямой свет приобретал золотистый оттенок. Утренним золотым лучом, золотистым покровом лиственничной хвои, текущим ручьём по золотому песку, позолотой кашкары владели обитающие в солнечных горах северные олени с тёмно-синими глазами. Дух дикого золота виделся им живым существом и был похож на солнечный свет озаряющий жизнь. Единство двух

начал светила и носителя благ оленя воплощалось в духе золота. Крепкий олень с белой шерстью и золотистыми рогами наделялся ценностью, к которой стремились люди. В искрах лучей золотистая шкура, словно солнечная защита, обеспечивала душе оленя блеск и величие. Живое золото, погруженное в слякоть, сохраняло светящую чистоту. Блеск рогов отталкивал пугливые тени, тёплой позолотой дарил радость, в сумерках не тускнел, а возвращал оленя в объятия солнечного счастья.

Кочевник радовался их изобилию и процветанию гор. Щедрые горы приносили плоды, а золото отражало высшие силы и дало человеку в дар частицу самого себя и солнечную частицу — золотого оленя по имени Счастье. Олень ценился, воплощая могущество и справедливость. Ходил по мхам и ягелю, по осыпи камней и трепету трав, ступал по прозрачной росе и кружеву снежинок, оставляя под ногами золотые следы. Тропинки покрылись золотыми жилами, а сердце человека из земной красоты стремилось к высшей солнечной жизни. В диалоге с судьбой очищалась душа через труд и без искажений отражала дух золота. У сияющей души не угасало желание стать волшебным блеском чистого золота и осуществлять мечты, не сокращая их невозможностью или запретом.

Золото не согревало и не прикрывало от непогоды, не годилось для охоты, им нельзя было насытиться. Золото было

красиво, мягко, вязко и не портилось. Золото вещественно выражало ценности над обстоятельствами жизни. В ослепительном сиянии золота олень обладал чудесными свойствами. В мире света, безмятежной радости, легкой и счастья жизни, наделялся человек разумным смыслом, что кочуя по золотым тропам близким собственным побуждениям. Кочевник не привыкал к золоту, а брёл по жизни легко, охраняя оленя, при этом, не беднел, а процветал. По золоту протоптанные тропинки, указывали места, куда спускается и где встаёт солнце в особые, словно нити удачи под открытым небом. В полосы успеха вплетались вьющиеся тропинки, а в отрезки огорчений — обереги. В видениях золото путалось в судьбоносные узлы и отмечало восходящий или закатный свет солнцестояний.

Предел переступила ненасытная жадность, совершила ошибку проницаемость душ. Человек дружил с оленем, а затем закусил им, надеясь заполучить выносливость и силу — принимая его имя. На месте поедания сломал зуб, а в душе остался бурундуком и волком. От озверения человечности оживление вспышек Солнца упала, а внеземной сор сокрушил золотой век. Солнце остыло в рутине событий, а небо замёрзло. Из невидимой стороны небес, окружающей Землю, стужа опустилась на горы, а жуткие тени выползли из ущелий. Пласты льда, пурга и метель закрыли блестящие россыпи и укутали самородковые пики. В пылающем огне недр Земли и в буйстве стихий, произошли могучие изменения. Вершины меняли облик, покрываясь страхом. Ледники продвигались и отступали, таяли и нарастали, укрывая мерзлотой пустоты долин. Зима и лето сменяли друг друга, а цветы не расцветали. Жизнь утратила связь с золотым светом, в забвении людские тени плутали по судьбоносным тропам.

С упадком золотых лет в горы пришли коварные времена серебряного льда. Жить с чернеющей душой стало трудно, а золотой блеск стёрся на кочевых тропинках. Размывая и дробя коренные месторождения, рассеивали горы содержащееся в них золото и складывали новые накопления. Золотые годы ушли

вместе с поверхностным слоем и ветром, совершая круговорот по границам культурного мира. Залегая на дно, золото обеспечило надёжное будущее людям в изменчивой жизни. Задерживалось надолго, бесполезное золото для того, чтобы служить вещицей обожания в оберегающих амулетах. Человек от злости стал носить золото на теле, считая его чудесным средством уберечь потерянную душу оленя. Обереги запоминали печаль и счастье, радость и страх, надежды и сомнения, всё что делал, думал и чувствовал в узелки на память. Чёрствое сердце начало создавать судьбу, а оберег давал судьбе охранную силу.

Человек просил вдохнуть живую силу в съеденного оленя, а дух золота знал, что вся пища состоит из душ и всё, к чему прикасались шерсть, рога, копыта и дыхание восстанавливающего оленя — золотилось среди теней. Под ногами становились золотыми осыпь камней, трепет травинки, полёт снежинки и прозрачность росинки. Золотая тропинка, ведущая в мир исполнения желаний, определяла точку невозврата. Тропинка

казалась миражом тому, кто слепо кланялся золоту. Тропинка открывала короткий путь к мечте, но мечта исчезала, заменялась обманом и жизненный путь с выгоревшей частицей солнца, оказывался ложным. Безраздельная сумятица погружала в потёмки золотые обереги, не отражающие свет. Не различались ожившие горы и очеловеченные ручьи. Человек и олень не рознились душой, со зверями, растениями и камнями говорили на одном языке.

За содеянное зло осознал ответственность, но кочевая жизнь и охота сделались опасной. Ходил с оленем человек на промысел по горным хребтам, добывал лося, изюбря, кабаргу и соболя, иногда поднимал из берлоги медведя. Приручал и использовал оленя как вьючное животное и ездил на нём верхом. Брёл олень с опущенной головой, непрерывно щипля ягель и помечая межпальцевой железой пути кочевания. В суровый мороз олень питался корой, ветками и лишайниками, а человек подкармливал мхом, растущим на деревьях. Кроме голода, холода, природных бедствий и межплеменных ссор, угрожали лютые хищники. За оленем неотступно следовали медведи-шатуны и росомахи, нападая в минуты усталости. Отбиваясь от стада в поисках матери, оленята доверчиво попадал в клыки и когти матёрых зверей. Заранее не возможно было узнать, что ждет впереди, но удача сопутствовала человеку, ожидавшему солнечный свет и возвращение обыденной жизни. Выживал человек, изучая тайгу, не забывая о милосердии и доброте. Хранил в уме

знания: как развести костёр в ненастье, какими травами излечить недуг, где пролегают тропы зверей, как сделать ловушки и не заблудиться. Человек цеплялся за жизненный опыт на золотых камнях тайги, а возродил открытую душу золотого оленя по имени Счастье.

Вскормленный оленьим молоком, воспитанный в добром нраве кочевник сохранил надежду и иначе посмотрел на время, связанное в тугие удавки. Сделал выбор — не прикасаться к золотой утвари, не поднимать золото с земли, и событий виток начал раскручивать сначала. У солнечного горла — очага после окуривания чагой, кушал из чаши, сделанной из цельного куска бересты. Обереги мастерил из клыков и когтей добытых зверей, обмениваясь с их душами удачей и радостью. Очищаясь от завистливых мыслей, созидал в себе отзывчивость и посылал Солнцу слова признания. Кочевник трудился, не выпуская из рук охотничье снаряжение, чтобы добывать и искать пищу, а про живую оленью душу не забывал. У горы, воды, ветра, грома и молнии, оленя и медведя имелись души, а человек с уважением к ним относился. Переносил ненастье и бескормицу, кочуя с оленем — приручал оленят. На уставших ногах обходил невзгоды и соблазны. Промышлял пушнину, охотился и лечился травами, а дух золота в оберегах честную жизнь, делал длинной и безбедной, а душу светлой. При исполнении тайн, спасительные желания исполняла даже маленькая мышка-полевка и помогала уцелеть оленю в голодные дни. Под снегом в поисках золотого корня, олень раскапывал в мёрзлой земле мышиные гнезда из целебной сухой травы.

Заметив единение душ человека и оленя, Солнце направило им в помощь верного слугу, луч небесного изобилия, приносящий ясность сознания и ощущение света в таёжную жизнь. Снискал олень счастливую долю и пробудил в человеке самосознание, а золото стало необходимо на тропе, открывающей двери в полезном познании. Новые золотые годы оленей, пришедшие на смену серебряным временам, появились в буйстве ветра перемен и солнечного оживления. Заструился радостно свет, сверкая радугой цветов в пространстве видений. Яркое солнце осветило мир, а в тлен ущелий ушёл мрак и холод. Скинув обличья, мир снов сменил мир яви. Время безделья и расточительности не по-

вторилось, а обрекало кочевника на труд, нехватку и бережливость. Источник жизни и бессмертия, светил всегда и выше всех, а кочевник старался разгадать тайну, почему золото в сознании неразрывно со счастьем, но в череде похожих дней смахивая солёный пот — упорно работал, чтобы выжить и видел истинный вид вещей. В новом времени, умение начиналось с себя: исцелялся — кто был целостен с природой, любимым — кто сам любил, учил умеющий, сохранял бережливый.

Солнце сверкало неиссякаемой жизнью на хребтах, разделённых долинами рек. Золотистой смелостью обозначил человек вехи познавания жизни и отметил остановки. Без всплесков злобы, ненависти и жадности стал мудрее и осознал правила. Золотые искры добра вновь в сердце засияли, теплотой согревая угрюмые скалы. Тайга меняла цвет, в зависимости от времени года, а золотой свет соразмерности проникал в память и разгорался. Золотой луч сознания, обновил душу оленя. Летним днём олень держался на гольцах у снежников, спасаясь от оводов, а к вечеру спускался к тайге. Кормился на ходу, не выедая полностью корм. Держась моховых болот и ягельных пастбищ у границы тайги, и горной тундры, на зиму кочевал в малоснежные места тайги. Оленя не страшили сильные морозы и глубокие снега. Ягель чуял под толстым слоем снега. На широких копытах перемещался по льду, болоту и рыхлому снегу. Зимой у копыт отрастали твердые края, которыми удобно скребли лед, разгребали снег и добывали питание. Ощущая сладость Солнца и зовущие звёзды, кочевал олень, протаптывая тропинки в зависимости от сезона и поисков корма, а жажду утолял снегом. Густая, мягкая шерсть в лютую стужу и бушующие метели согревала. Ветвистые

рога сбрасывал, а новые вырастали каждый год. В период гона, рога становились оружием, превращая оленя в неповторимого зверя. Важенка рогами отгоняла соперников от найденной пищи, а сбрасывала с появлением оленёнка. Родив телёнка, мать вылизывала детеныша для высушивания тела, уменьшая обмораживания и замерзания. Страдая от нехватки минералов, олень грыз сброшенные рога, а иногда на ягельниках поедал мелких грызунов, птичьи яйца, осоку, хвощи и зимующие растения. За грибами-лисичками олень спускался с гольцов в лес. Раздвинув губы, влажным языком лизал сладость соли со вкусом солнца и на изгибах перекрёстков искал тропинки не к самородковым гнёздам, а к ямкам-солонцам.

Чудеса звёздного ветра были безграничны, дарили благое преображение. Солнечный свет желал, чтобы в памяти осталось сияние золотых лет, позволяя северному оленю по имени Счастье носить отличительные регалии — золотистые шкуры и высокие рога. Олень с достоинством нёс позолоченные рога и шкуру, как солнечные обереги, приносящие удачу и справедливость. Дух золота колол хищных зверей острыми отростками на рогах и выкапывал подснежную зелень. Не было ничего теплее и лучше, чем шкура оленя. Кочевник выстилал ею колыбель для младенца. Дух дикого золота направлял человеческое сердце на защиту и сохранение стада. Дух оленей был в неизменности и блеске, но истина находилась где-то глубже. Олени окружались накопленной мудрости тайной, приручая их и постигая этот секрет, кочевник становился поистине счастливым. Золотой охрой заносил на наскальные страницы редкую популяцию таёжного подвида северного оленя, словно особо охраняемого двойника небесного светила.

Солнечный свет отбрасывал всё плохое в тень, оставляя хорошее. Кочевник не жаловался на судьбу и не завидовал. Не собирал золото на небе и земле, золото его души — милость и забота о животных. По песку и самородкам олени несли надежду, истину и мечту. Мудрый дух, смешанный с запахом ягеля, вёл навстречу судьбе, которую выбрали сами. Под бегущими по глади неба облаками человек помнил о солнечном на вкус счастье, готовил соль-лизунец и ждал возвращение в горную тайгу лучезарного золотого оленя притягивающего счастье.

НАИТИЕ ЗАРНИЦ

Окружил снежурой зазимок вершины Ужурского хребта. Валила с ног усталость таёжника, переходившего по речке Дергушки с верховым оленем по имени Буран, покрытыми шершавым снегом тропинками таёжных разлук. Отягощённое дыхание, переменчивым направлением, мучило страдающее сердце тревогой и грустью. Среди сверкающих ледяных вершин, окутанных туманом, звезды напоминали, что невозможное диво, чудесными снами мигая, зовёт оленя кочевать в глубины неизвестности под орбитами искр в небесном потоке. Суетный свет касался сердца, а человек строил непосильные планы в распахнутом пространстве.

— Всполохи озаряют и согревают настроение, — сказал таёжник. — Всполохи сознания обжигают, неуловимо оттачивая чувства.

Под нещадным ветром на краю обрыва у логова повизгивали голодные волчата, забыв, что скалы не притягивают. Они подмяли под себя рябчика — осознав беспощадность. Человек не искал среди льда, скал и ветра легкий путь. Подняв глаза,

в лазурной выси секреты постигал кочевой мудрости. На скалистых тропинках учился у оленя дышать небесным ветром, веющим на перевалах. Опасаясь от величия безграничной выси задохнуться, нёс вздрагивающее сердце, словно посильную ношу. Скрученным блеском в мучительном упоении снежинки

кружили следом за ветром над воздетыми в небо ресницами возносясь мечтами. Ползучей позёмкой и изящностью гололеда посмеивалась зима над оленем, кочующим по острому краю гор и неба. Отворачиваясь от холодной изморози скал, олень слушал шёпот звёзд и дыхание неба. Вглядывался в сверкавшие молнии без грома, радуги, всполохи, вспышки, метеоры, в белые зарницы подобные зареву и искрам поднебесья. Заветные молнии и гром редко вплетались в зимнее кружево, но в памяти и мечах оленя спал лучистый рок — полночная зарница.

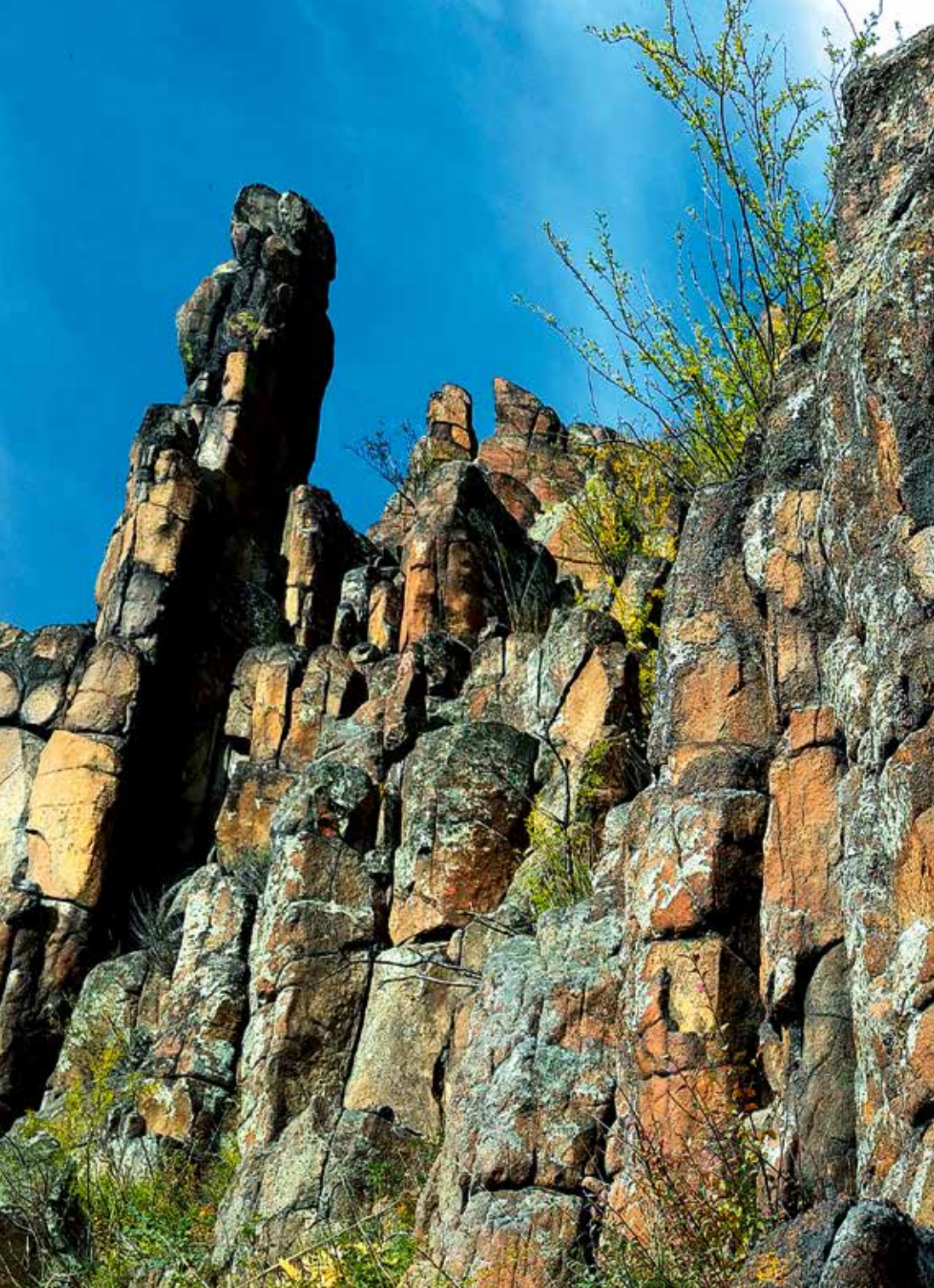
— Зарница — дыхание Неба, — вспомнил таёжник. — Дает зарница дух жизни, меняя очертания изнутри и снаружи.

В тени ветра хозяин остатков от волчьих пиршеств — Ворон, сидел на добыче, отрывая клювом сладкие огрызки слаженной погони. Стая отдыхала рядом, а Волк прыжками отгонял птицу, но со всех сторон слеталась воронья свора, выбирая удобные места для сидения на пище. Волк злился, отвечая за то, что происходит на земле, а Ворон — в небе. Ворон про-

бил трепет шипучего инея сквозь скользящее к Лунам время, беглой дрожью расправив крылья, в небеса взметнулась раскалённой лавой пунцово красная зарница. Резала небосвод огненными трещинами на осколки. Громом гремела далеким, а время крикнуло испуганной птицей. Волк неземной голос зарницы слышал, на загривке шерсть дыбом встала, перехватывало дух, а Ворон насквозь пропитался чёрным цветом. Затаив дыхание, звезды упали россыпью. Зарница, выжигала холодную усладу звездопада, обугливая до пепла дно ускользающего ночного неба. Возможно, зарождала веру в новые мечты во мраке ущелий. Сбудутся ли они, точно не знала. Мечтал олень, видеть тропу, не замечать препятствий, во сне касаться звёзд за облаками в поисках удачи. Заставляла зарница сильно биться обожжённое сердце, смешивая дыхание оленя с дуновением звёзд. Очнувшись от невзгод и власти студёной ночи, дерзновенно спешил к новым странствиям, в глубину небес проникая, где ни страха не было, ни боли. Себя в этом мире с трудом обнаружив, ледяной кометой втекала оленья душа в мерцание зарницы, изнутри всполохи плавя. В безмятежной радости мерцания и трепета зарницы тонуло оленье счастье сквозь сито вороньих перьев.

— Зарница не выжжет небо, в котором живет, — вспомнил таёжник. — Покажет знамение.

Колющий ветер неугомонно свистел, ворон чертил клювом по снегу, а волчица опустила голову на лапы. У логова волчата таскали друг друга за хвосты. Со звёздами связанные звери доверяли изначальной чистоте зарниц в тускнеющих россыпях созвездий. Стремились звездную безупречность рассмотреть сквозь лунный отблеск, чтоб в чудесном смятении земная плоть засияла. Зацепив несбывшиеся мечты, золотой источник



нежности, гордо и упрямо простирался волшебными тропами среди вершин, проникал в глубины скальных осыпей. Измождённый разум ворона, предоставленный зарнице, бродил по тому же пути, искал ответ, чтобы мысль стала свободной, а не таилась в капкане гнезда. С бездны высокой на волчонка камнем упал филин. Волчонок увернулся и зубами вцепился в крыло хищной птицы. Филин взлетел, но не разжал челюсти волчонок и вскоре они упали в снег. В испуге обжигая губы, ввысь побежал олень без остановок для дыхания дальше от колючих метелей и вьюг. Спешил олень, часто петляя на перекрёстках Млечного пути, чуть задевая рогами разомкнутые орбиты звёзд и планет. Не довольствуясь тем, что познал и чем владел, в багряном небосклоне скоротечных видений, сердце снимало оковы, очищаясь от ошибочных наслоений. На пике света стирались сны, а видения растворяли сомненья. Олень ломал необозримые тропы, копытами рушил снег, а в снежных норах ворон ловил мелких полевок.

— Без мечты скользящей по сердцу не прожить, — молвил таёжник. — Не страшен путь с безумной мечтой, отражённой в пространстве звёзд.

Встречный ветер вышел навстречу, а ворон кричал об угощение, даруемое через огонь зарниц. Не пролетел мимо завалившегося в промоину сохатого, которого терзала волчья стая. Вожак на снегу чертил когтями глубокие знаки, предупреж-

дая — не трогать остатки еды для сверкающей зарницы-молнии. Не жаждой впечатлений, не причинами страданий, не страстную тоской и не внезапными сожалениями наполняли зарницу звери, душой хватали пустоту. Ждали знака и чуда, что лазурь не черна, а сквозь разум видений увидят чистую душу зарницы в непроглядной мгле. Снежной мглой кривых теней глубокого каньона глядел олень на алый отблеск. Зарница мигнула, открывая надзвёздные объятия, но окружённый сверканием туман уяснил, что душа оленя — из небесного мира. Сном пленённые перепутались мечты, а сомнения пробуждались, что боль в сердце молния выжжет. В лабиринте осязаемых опасений блуждала капризная мечта, притягивая страх. Подкрадываясь тайком в надлунный мир, без зовущей мечты бесконечность на ощупь не постигалась. Тоской исходило оленье сердце без смутных грёз от небесных грёз над горным хребтом, а ворон бодался с новорождённым оленёнком.

— Мечта не устаёт, — вспомнил таёжник. — Сомнения сгорают от искры веры.

В бездне небесной затаился ветер, а редеющий туман прикрыл мрачный хребет с заснеженными берлогами и волчьими норами. Ярким золотом отливали и льдом блистали скальные стены в кратком покое. Отбросив сомнения, не касаясь светлыми мыслями камней, спешил олень в стройный мир воображения. В пурге раскаленные иглы снежного ветра и удары кипящих льдинок о звезды душу зарницы превращали в пламя. Не унималось роскошное диво видений. Взрыв изнутри озарял необъятную бездну и направлял оленью тропинку в счастливую тайну надзвёздных искр. Блеснув белизной лунное остриё, белым зубом озарённые всполохи кромсало, а ворон на проталине набивал желудок прошлогодней ягодой.

— Поняв себя, общайся с зарницами, — сказал таёжник. — Душа загорается всполохами.

Стремительный ветер сметал облака в ущелья, а волчья стая застыла в засаде лунной тени. Познавая окружающее небо и время в единении, сон разума создавал средь звёзд образы баз конца и начала, занимающие почти полсвета. Беспечные всполохи зарницы постигались тонкостью чувств размышлений. Огонь любви в сердце зарницы горел, а она, затмевая скованный инеем лунный контур, приоткрыла оленю огненную душу. От хищников олень и зарница кочевали к непознанным вершинам, касаясь отсвета ледяных озёр. Стая волков нагоняла добычу, а воронья свора охотилась загоном на глухарином току.

— Тропинкой неба зарница сияет, — сказал таёжник. — Жить зарницею — жизнью дышать.

Порывистый ветер плакал и рвал тучи в лохмотья. По ущелью брела волчья стая, а метель завыла сильней. Вороны не взлетали, а степенно отошли в сторону. Обнажённый лунный клык в млечных далях оказался чужим в стае волчьей. Олень

в объятьях зарницы брёл по причиняющим страдания стертым сновидениям и ночным бдениям. Беглая зарница зеркально отражалась, звёздные завесы отодвигая. В переплетении чувств под вздох откоса вершины, в россыпях камней, в гуще кустарника лисица осветилась рассветной искрой. Небесный вздох разбудил в снегу куропаток, наполняя мерцанием ягель, изморозь полыхнула таинством, что у оленя и зарницы — одна душа.

— Всполохи сознания оставляют отблески, — сказал таёжник. — Молния сверкает без грома — это зарница.

Косой ветер переменился и сделался встречным. Ворон вёл волчью стаю по следу замерзающих лап медведя-шатуна. Распахнув страшную пасть и когти, шатун огрызался. Расшвыривал волков в снежной пыли, вырываясь из капкана клыков. Вереницей звери брели по глубокому снегу и скользким наледям, спотыкаясь и падая. Отражения застилали зрение в отблесках и преломление бликов, но к цели звери шли напролом. Выживая, хранили заветы о зарницах без грома, играющих отсветами невидимых крыльев над горными пиками. Искали отражение поступков в сознании неба. Спасаясь от голода и лютых хищников, вечность искали в счастливой минуте, в безверии забытья учились. Зарница силой и желаниями давала жить.

— Ясные ночи — к заморозкам, — молвил таёжник. — Перелётные птицы летят стаями — к тёплой весне.

Резкий ветер в ущелье улегся, а раны зализала волчья стая. Белка уронила шишку в снег, оленёнок прижался к ягелю, а медведь-шатун бежал от своего следа. В прикосновении зарницы не нарушалась реальность, отражая чувства зверей. В зыбком свечении полуяви ходили по тропам звери. Шаг за невидимым смыслом в тени от лунных клыков, за тихим счастьем по краю звездного скопления. Жизнь была отражением того, что притягивалось в суть, мечты забытые открывая. На исходе странствий за последним лунным кругом, сердце оленя дорожило счастливым мигом утренних зарниц. Дивные всполохи мечтаний, смывали слепоту печали с очей ворона.

— Жизнь течёт изнутри и вовне, — сказал таёжник. — В сердце сила и мудрость зарницы.

Ветер бросался на острые скалы, а звёзды диким стадом кочевали к вершинам. Перекликались зимующие птицы. Волки

тяжелым шагом, утопали в снегу. Ноздри оленя нервно вздрагивали. В пространстве небес затерялась зарница, а за пологом кочевого чума олень по имени Буран немотой губ хрипел, рога выставляя в небо. Забывший вкус молока оленёнок, потянулся к задумчивой важенке. Дым костра чагой коптил чёрные перья ворона. Мгновенные вспышки света стали яркими и заняли огромную часть тёмного неба, а иногда подсвечивали розовым заревом острый краешек вершин. Ворон раздувал огонь крыльями и о головешку костра обжёг клюв.

— Зарницею заря с зарёю сходится, — молвил таёжник. — Зарница сияет над трудной тропою.

Брёл олень по следам звездопада, через неволю обрывов, западни ущелий и осколки осыпей, вдыхая небесный ветер. Рожденная надеждою зарница, почувствовала трепетание крыльев. Она была не небесной сестрой ходячей молнии, а олицетворенной вспышкой света, отражающейся от живой молнии. Заряд, между небом и горами воплощался ярчайшей вспышкой. Неотразимая сила не причиняла боли наблюдавшему ворону. Попадая в душу рогача, перевоплощала в путеводного оленя, истоптавшего мир, где пасутся души оленей, не рожденные на земле. Зарнице верный слуга, в пелене гор не искал путей отступления. Небесное дитя, не застряв в сумраке чуждого края, а медленно брёл по переплётам размытых троп. Искра звезды, внезапно пронзив тьму, намекнув указующий путь, изменила направление и встречным ветром усмирила попутный. Зарница озаряла новым знаком, звала к зыбким высотам. От кочевого чума племя межзвёздных скитальцев долины лунной, глазастые оленята, важенки и вожак с рогами, запрокинутыми в небо, отправились по озарённой светом тропе.

— Искра не гаснет на ветру, — облекая дыханье в речь, сказал таежник. — Кочевое сердце горит откровениями.

Пробуждённый зарницей, прозрел человек. Озарённый истинным светом, чтобы звенящим завтра весь бесконечный мир обнять. Ввысь улетал надлунный ветер, а по эту сторону небес зарница зависла, как наитие готовая в душу упасть.

ПИК ПОДНЕБЕСНЫЙ

Не нарушая связь с небом, ветер и бурный поток горной реки, размывали путаную тропинку, направляя её в узор песнопений. Кочевал избранник духов — небесный странник — по зарослям карликовой берёзки и кедрового стланика на заболоченных и каменистых берегах рек Ужур. Вдоль рек Аскайлы-Ой и Большой Мурхой, по сохранившимся резным посланиям и меткам направлялся в долину реки Уда. Преодолев нагой перевал, покачивая на ветру оперением птиц, ленточками, жгутами с бубенцами и кусками цветной ткани, родоначальник таёжных людей подошёл к текучим озёрам с прозрачной водой. Странника с солнечными знаками на одежде призывали высокие горы с жилищами зверей. У подножья вздымающихся отвесных склонов пика Поднебесного увидел лиственницу, покрытую глубокими царапинами и покусами. Медведи оставляли подпись, что человек здесь не один. Знаки указывали, что это место — хранилище душ животных, а человек, сохраняя воспоминания, улыбки и отраду приткнулся на становище. Сквозь вспышки от пламени костра, отколовшихся угольков и полет

искр смотрел на оголенные вершины, окруженные осыпью щебня, напевая о чём молчал. Поднимались гольцы выше чащобы оленьих рогов и цветов ягельных лугов с прошением к звёздам. Над снеговым лежбищем скалистых гребней и отвесных стен острыми выступами устремлённых к бродячим звёздам, скрывались камни помех, а небеса стирались соблазном туманов, но искры костра пронзали тьму.

Пик Поднебесный в мудрых пениях считался высшей точкой гор Матери Тофаларии, столбом далеких предков, вместилищем солнечной стихии удерживающей силы неба. В живом серебре лунного света, покатые склоны укрывала мгла дождя, трещины, меж звездных знаков наполняя талой водой. Сквозь разрывы облаков туманная дымка пропускала сияние. Тоскуя, Полярная звезда высвечивала и буранами вращала тлеющую золу созвездий. В блуждающий ураган, огненные крылья молнии прямо с ходу врываясь, покачивали покрытое льдом остриё опалённого пика. Освободившись от объятий снега, жжёные осыпи теплились, зыбко играя с лучезарным рассветом, разносили огарки по серым распадкам, но тьма не развеивалась огнем. Свет гас под напором ветра и поглощался густотой мрака, сбивая с пути странника. Ничего нельзя было различить в непроглядной темноте, ни слышать в грохоте сплошного дождя и ни дышать холодом тумана. Блуждало сломленное страданием

сердце, оступалось, и чувства пребывали в оцепенении. Смешались камни, лёд и угар в борьбе разных поветрий в единство путаных сочетаний, где чистейшие желания брели по колено в испуганных звездных зарубках. День не приходил и не очищался лунной солью рассвет. В точке несбывшихся надежд они не могли быть вместе и не могли расстаться.

Меж стихий земли, воды, огня и ветра Пик Поднебесный громоздился твердыней середины преходящего мира, подтверждая право, зарубкам на камнях и деревьях говорить. Над таёжной опорой встретились ветреный дождь и огненное солнце, сообща меняя ненастье и рождая сияние. Подошёл ловец мифов вплотную к горе и начал подъем по отметинам. Распахнулся пик Поднебесный наскальной поэмой, изображающую карту звездного неба с возможным приближением к Земле пришельца. Отпечатали вихри и ураганы на коже каменной плиты, будто татуировку, шершавые солнечные знаки, яркие и быстро движущиеся звёзды и необычные явления небес. С небесной широты летела вращающаяся каменная преграда размером с половину Светила. Появление небесного странника рассеивающего пламя оттиснулось в небесной развилке Козерога. С устрашающим видом душу вывернув над сутулыми хребтами Большой и Малой Медведицы, небесный камень срывал с себя кометный дождь на силуэты гор, высекая на скале

отметки не рождённых душ. Приближаясь к солнечному гнездовью, споткнулся, а светило петлями и спиральными протуберанцами обновило наряд, направление движения, цвет и светимость. Солнце поймало не рождённые души зверей и растений, покачнулось в каменном обольщении, лучами обожгло землю и приблизилось. Оно перестало быть тёплым — остался лишь огненный жар, меняя бирюзовый цвет на золотистый. Солнце не повернулось спиной к камню преткновения, а превратила его в пыль, оставляя в хвосте покидающей пределы передней стороны неба, сверкающие искры душ на спутниках и планетах.

Новому Солнцу на миг показалось, что кроме него, духи-помощники оставили на земных камнях отблески. Из сонного забвения по высокой скале цепочкой шло стадо сибирских козерогов. По телам зверей-двойников бежала дрожь, а они по крутому скалистому склону спешили на встречу с Солнцем. Счастьем обожжённому табуну выпала участь, днём в летнее время подниматься на высоту линии вечных снегов, а в лунную ночь спускаться ниже в поиске трав, мхов и лишайников. На пути к пику вершины терпели затруднение и страх сгинуть в тумане соблазна. С трудом обходя обрывы, стадо желало знать: велик ли солнечный мир и нет ли разногласий у созвездий. Цепляясь за тонкую крайность между падением и восхождением, набивая ушибы

и стиснув зубы, вожак полз по обочинам бессердечия, шептал слова надежды пику Поднебесному, чтобы они были терпимыми по отношению друг к другу. Козероги с копытными железами на передних ногах, развитым слухом, зрением были проворны, но не различали добро и зло на камнях, но упрямо

обходили глыбы и осыпи, на пути оставляя оберегающие метки идущим вослед. Ощущая тяжесть всего мира на своих плечах, они взбирались ввысь, оставляя знаки поиска потерянных животных. Дух зверя, сорвавшегося со скалы не будет страдать, если сделана отметка на камне. Перешагивая через скользкие препятствия и сомнения, стадо защищало разум до безумия наваждений и падений в бесконечность времени.

Ветер сомнений стих, а не свернув с тропы, козероги по необъяснимому праву поднялись над камнями преград. Огромные не вьющиеся рога их лежали в одной плоскости, сильно загибались назад, а вперед обращались поперечными выпуклыми полосами надежд. На твёрдых, отвесных и гладких скалах обновили сознание и узнали место отёла оленят. На пике, взлетающем в звёздное небо, самка козерога принесла золотистого детеныша по имени Метеор. Молния клеймила заоблачного малыша знаком собственности, выжигая на пятнистой шкурке солнечную отметку стирающую грань между небом и животным.

В блеске всполохов малыш осознал, что камень затруднения — это обманный бред страха. Спросонок пропитавшись солнечным ветром, проводник в мир духов не боялся жить, позабыв про боязнь. На тоненьких ножках шагал по скалам и не плакал от боли. Как во сне по надзвёздным грёзам лучистого моста Млечного пути приближался к лунным тайнам вечности. Малыш козерога во время камлания перевоплощался в звездочку,

спорящую с ветром и на мечтательном лунном круге парил над землёй, стремясь к смелости. По стёжке волшебных бликов, во мгле безбрежности облетал горные пики, вокруг которых витали тайны.

Малыш не страшился сорваться, но огорчался, когда лунное чудо прочь улетело, а засыпая, смотрел в пустоту. Малышу не хватало тепла в звёздном небе, зная, что там его нет. Он не помнил предательства, обид молчанья, не желал быть лунным отражением. Наивный малыш у самой кромки неба не остановился, а влюбился в солнечный восход. Малютка, возвышаясь над пиками гор, не боясь ошибиться, вменил себя летающим зерцалом. Желал из темноты наваждения приблизиться в центр света, а из тления вспыхнуть полновластным сияньем и купаться в горящем счастье, восторженном слиянии ярким солнцем пламенея. Уговаривал светило зацепиться покрепче за пик Поднебесный и светить там покорно.

Мелкой дрожью покрылась спина в дымке утренней зари, когда затуманенная Луна и Солнце любовались друг другом. Излучая очарование, малыш через дверцу рассвета с лезвия лунного отсвета прикоснулся к причине бессоннице — солнечному бубну. Из времени сновидений проснулось сердцебиение, а над расщелиной бездны искрами звуков гулко зазвенело. В смятение Солнце поняло, украли её сердце. Приносить поль-

зу в непреодолимом соблазне было шаткое земное смятение стихий холода и зноя. Глаза щуря, склонились звери кротко на каменных осыпях и изломах запутанных троп. Потрясенный внезапно ярким оскалом сияния солнечных бурь и треском неземного огня, непрошеный гость, в лучах сваренный расплав

из заблудших душ испил. Не сгорел дотла от дерзости, а узнал судьбу. Остался живой, сорвавшись из пекла с болью в холод, но без слёз и камешка в душе. Упал раскалённым углём на безначальные росы млечной тропы. Обожжённые камни пика горы в тени тёмной вспыхнули загаром и стали золотыми. Разбился об знойный лёд кусок сердца, но не рассыпался в пепелище ошибок, а в безысходности светлей стал безумный взгляд, а душа — чистой как зеркало.

С невидимой дали небес жаркого солнечного заката, малыш опять встретился с лунной туманностью. Из неясности ожидания на него падал чёрный снег снов. Жгло чадное сияние надменных звёзд, обида и разочарование, но он не отступил и не раздробился, как заблудший метеорит. Детёныш козерога, очнувшись от беспамятства, осознал, что жить не может без тепла и счастья солнечных лучей, и бубен отозвался в его сердце гулким эхом. На пике Поднебесном не умолкая, сердце камлало палящим огнём. Прозревший малыш в горечи отдаления

валился с ног и бросался снова к роковой судьбе. Без сна полз мороз по звёздной шкуре, а он вставал, вдыхая в колодцах ущелий заплутавшее эхо с ветром. Боролся с собственной гордостью и силой пламенной мечты был непредсказуемым солнечным отражением и различал бродячее эхо и певучий зов. Между холодом и зноем, разлукой закатов таинственного лунного страха чернела одна сторона бубна, другая — отсвечивала праздником рассветных встреч.

Силою воображения странник осел на камни, но сквозь заветную дверь рассвета, вверх сорвался, лунным лучом связывая прочно надменное Солнце. Малыш стремился стать звёздной птицей и открыться в висячей широте пустоты. Ответом властного Солнца были корчи сомнений, препятствий забвение и судорог тишина. В клочья рвущимся призрачным чувствам свет не поддавался. Охраняя тайны скал, за небо, дыханием хватаясь, Солнце размахивало огненным бубном, как раскалённым огнивом, сжигая мосты через туманные наледи перламутровых звёзд. Во мгле о свете тенью мечтать оставило метку на ухе козерога трепетом пламени. Малыш охотно пил молоко застывшего облака Млечного пути и смиренно содержался с лунным стадом в одном звёздном стойлище. Поведение его ничем не отличалось от обыденных звёзд, горящих привычно возле меняющегося лунного облика, полётов и падений в ломкую бездну. В покорных извинениях, хранил тоску и улыбку, утрату и отраду послушания. Вывернув душу — осмыслил, что по ложным меткам свернул, а чутьём искал восходящие лучи в любом месте горных вершин. Следами истёртых копыт среди тревог сомнений, доказывал потускневшему Солнцу желание дойти до победной высоты, но возвращался к тому, с чего начинал. Зревший свет и тень упрёка, выдумал, будто счастье мерцает в глазах отражением и ждёт за зубцами вершин. Верил

наивно, что желания сбываются, если с передышками навстречу к ним приближаться. Лунной смесью заблудшее сердце очищал в лабиринтах вечной мерзлоты. На каменном бубне, украшенным солнцем и луной в окружении множества звезд, кричал хвалу и плач чуть охрипшим голосом, жизни подателю — Солнцу солнц. Странник, двигаясь к густому блеску солнечных лучей, сумел назад оглянуться и увидел тропу, с которой сошёл. Задыхаясь от волнения, душа просила хозяина бубна просто вперёд оглянуться и по знакам меткам из мрака вернуться. Солнце одумалось и сквозь чёрное затмение обратило на него внимание. Солнечный краешек возвратился в объятия туманной дымки, поднимающейся над суровыми камнями невзгод, протягивая незримый луч судьбы. Преодолел помехи луч, а в сердце малыша не стало тени сомнения, разгорался свет мечты, возрождая всё вокруг, что способно меняться. Озарённые живительным жаром собирались в узлы созвездия, ясные и утешные, являя знамение круга жизни, конец ночи и начало нового дня. Выжженная дотла душа заново родилась и собрала Вечность по крупицам. Кочевала душа на вершины гор, маленькой солнечной частичкой и отбрасывала тень. Малыш с солнечной меткой в сердце, превратился в предвестника от спячки пробуждающегося дня и звёзды втайне завидовали ему.

Сквозь дым сгоревшей смеси трав, и лунную лень, на брови зарницы надвинув дебри ветвистых рогов, за шкурой чума сопели олени. Спешила Луна в неверную мглу мерцания звёзд, а со стойбища ушло сонное забвение. На безымянных вершинах иней слетел с камней преткновения и осел ветреный туман наваждения. Блеснула золотом росы седая вершина в кругу покатых гольцов. Пятнистый малыш родному земному пику горы оказался нужнее остывающих звёздных орбит и чуточку ниже Солнца стал заоблачным оберегом пика Поднебесного удерживающей силы неба. В тепле лучей купаясь, на заснеженном пике душе хранилища любовался очередным рассветом. С искрой духа в сердце, ударял в огненный бубен Солнца и равномерно отчитывал промежутки времени до захода Луны. В утренней глазури от сердца к сердцу, словно вожак стада мчалась невидимая искорка любви, необъятным светом давая смысл новому обороту жизни.

ТОЧКА СВЕТА

В начальное время появления оленьего мира, предшествующего обычному реальному времени звёзды, стоящие в центре небосвода, светили гораздо ярче среди тьмы. Первопричина добра, затаённая в бездонной точке света, блуждала по тропинкам всемогущего Неба-матери. Живое существо, светясь серебром, двигалось от горизонта времени к солнечным планетам и мечтало оберегать, помогать, учить, а то и принимать на себя невзгоды. За пролетающим у земли добром гналась летучая молния, желая его сбросить, словно выжженный камень с души. В опалённом расплаве космической молнии находились ряды пустых силуэтов озлобления и ожесточения, проглоченные огнём. Одинокое пятнышко света ускользало от хищных когтей обжигающей молнии, а маленькой частичкой бесконечности сорвалось с неба и всё, что она созидала, было добро. После падения добра на планету вздрогнули холодные горы белой стеной лавин, а мир стал видимым отражением света. Началось творение сторон света, развитие жизни и вечное обновление, день возрождался после ночи, лето — после зимы.

Обгоревший от удара молнии и падения метеоритов сияющий светом камень духов предстал в посеребрённой седине, словно вставшая на дыбы косолапая луна, окутанная снежной дымкой. Светлые и тёмные вкрапления чудесного камня со всех сторон теснили ледяные вершины. Пики скрылись в подвижной мгле, а склоны покрылись густой тайгой и каменистыми осыпями. Гора Чело-Монго в полноте жизненных сил окруженная пеленой тумана, качнулась лениво и проснулась ото сна. Бродячий туман одолела скука, а он вяло скользил вверх горного массива, обращаясь с добром как с живым существом. Охотник на пушного зверя научился разводить огонь костра раньше, чем говорить и искал тепло добра в высоких горах, в бурных реках, за пределами горизонта, повсюду, кроме как в себе самом. Северные олени, стадами заселяющие вершины нравились человеку. На путях кочёвок по перевалу и берегу бурлящей реки, перед порогами и у отмелей, ожидал досягаемых зверей. Полюбил кладовую без бедности — оленей, мечтая приручить их для охоты на зверей. Сытая гора обеспечила богатую добычей жизнь, а к маточному стаду оленей прикрепился человек, кочевал, следил и оберегал от хищников. Олени жили на воле, но раз в год соединялись у ниспосланного с неба камня, общаться с духами-помощниками неба, гор и стихий.

Нить за нитью, проникали в сумеречную тайгу отражённые от снега розовые солнечные лучи. Звёздочками сверкала лунная изморозь в сонном тумане уходящей ночи. У контура гор перевала Мус-Даг-Дабан чудеса случались чаще, чем моросил со снегом косой дождь, а человек прислушался к внутренним ощущениям. Подошёл ближе к камню, на котором зимой не было снега, а вытекал не замерзающий ручей. Открывая послание небес, заметил торчащую в шуге голову оленёнка с большими карими глазами. Нашёл маленького небесного детёныша, который провалился в скрытую под слоем мокрого снега яму и не смог выбраться. От оленёнка исходило свет, словно от искры пролетевшей кометы над земной колыбелью. В непроглядной мгле волчья стая забирала живые души, а освободить малютку сына была в силах даже Небо-мать и на оленёнка глядела невыплаканной болью. Сердито выла злая буря, но человек не ущемлял оленей, не бросал в беде на поругание свирепым

хищникам. Раскопал снежную гибель вокруг застрявшего животного, затем взял ослабшего малыша за холку и вытянул из жестокой ловушки. Спас белого как снег оленёнка из снежного плена. Окоченевший оленёнок не убежал, а еле шевелил пушистыми ушами и нетерпеливо подрагивал хвостиком. Глаза све-

тились, как солнечные камни, но тяжело передвигались ножки при ходьбе, а таёжник согрел и бережно отнёс оленёнка на камень целитель. Не разжимая клыки, волки отступили во мглу, а росомаха притаилась. Чёрный камень с белой кварцевой прожилкой застывшего удара молнии нашёл человека, который подходил оленёнку для спасения. Таёжник очистил края камня чистым снегом и слезами. Камень посветлел мечтами и передал человеку силы и заботу лечить раны и ушибы оленёнка, отводить порчу дымом шалфея, а в травяные отвары добавлять сладость соли. Исцелял оленёнка способами, отражёнными в единении с природой и во всём, что его окружало, видел жизнь. Слушал Небо-мать и лунного медведя, гору и реку, гром и снег, тайгу и камень имеющий волю и сознание, подобное человеку. К ним обратился с просьбами, их одаривал после излечения, удачной охоты и относился с уважением. Дух-хозяин был у горы, огня, ветра, земли и воды. Небо-мать и оленёнок имели душу. От духов человек зависел и пытался договориться с ними об

удачном лечении. Чудесной силой обладал изогнутый коготь лапы лунного медведя. Его небо ночью вешало над чумом на стойбище, а она стирала лунные тени с оленьего стада. Медвежьей лапой, нагретой от искр костра, гладил спину оленёнка. Знахарил хвостом пушного зверя, заставляя лютый дух выйти из изнурённого тела. Старался и достиг исцеления. Сохранил здоровье, уберёг от порчи, укрепил душевное спокойствие малышу. Дух добра помог человеку бережно отнестись к животному, изменяя собственную жизнь к лучшему. Настраиваясь на получение мыслей, способных помочь малютке, решил ослабленного оленёнка забрать из дикого стада на приручение и сохранить его звериные свойства. Не удерживаясь от восторга, бережно носил не окрепшее дитя на руках, вокруг камня и рассказывал сказки о будущих странствиях. Не изменяя положения, ползучий камень вздыхал о прогулках, а у оленёнка появился аппетит. Малыш толкал человека рожками в бок. Сердился, но понимал человек, что малышу надо расти, крепнуть, а учил пить молоко из каменной чаши.

Оленёнок сживался с человеком, кочующим по угрюмым Саянским горам. На проталинах искал, где трава сочней, а в стужу, где снега меньше и легче добраться до скрытого под ним ягеля. С куропатками добывая корм в мороз, мордочка оленёнка покрылась шерстью. Рыл рытвины, раскидывал снег, иногда

поранившись о края твердого наста. Насытившись мхом, оленёнок ложился в разрытые углубления отдохнуть рядом с куропатками. В снежной борозде пурга не мешала, а лютый филин не замечал. От хромого медведя по рыхлому снегу оленёнок убегал легко и быстро. Ноги ставил по-особому, раздвигая копыта. Между копытами и широко расставленными дополнительными копытцами выросли жесткие волосяные щётки, а малыш не проваливался в коварные снежные пустоты.

Оленёнок бродил по таёжным угодьям, а на его шерсти человек выстриг примечательный орнамент — в рассветных лучах знак солнечного света, излучение которого поддерживало жизнь. Украсил восходящим блеском животное, чтобы отличать приручённого оленёнка и диких оленят, поскольку малыши были похожи друг на друга и при встрече сплетались в один узор стада. На ночь отпускал малыша на вольный выпас или бодаться к братьям и сёстрам. Если мела пурга, оленёнок возвращался, хорошо опознал местность, понимал повадки животных, ловил малейшее изменение погоды. Очень быстро в горах вьюга и пурга, буран и метель чередовались друг с другом, а через мгновение мог подняться ураган. В лихорадке непогоды седые ночи менялись серыми днями, а оленёнок исчез. Не выдерживал таёжник ожиданий на стойбище и отправился следом за малышом. Обегал все стада, плутая в снежной пеле-

не, искал следы, но вскоре покружив во мгле, у блуждающего камня встретился с оленёнком. Оленёнка не задрала волчья стая, не задавила росомаха, он не ушёл с диким стадом, а упрямо бродил одинокой точкой света на вершине горы. Камень не катился, а тянул оленёнка за собой в беспросветный мрак

высокого Неба, словно хотел вернуться в родную звёздную семью. Милостивое Небо-мать управляла всем, от чего зависел оленёнок и человек: дождями и засухами, жарой и морозами, добыванием охотничьей удачи, собирательством и оленеводством. Небо вставало и останавливалось всё, никакая сила не могла заставить оленёнка кочевать дальше. Ему не понравилось новое место, он с отличной памятью мог найти обратную дорогу. Расстояние и ненастье не имели значения, но мрачное, без звезд небо, молвило о наступающем времени испытаний. С тусклой глубины сыпался снег — временный крах надежд, а камень заметил слезу в тёмно лиловых глазах оленёнка. Камень понимал, что нельзя бесцветному туману разлучать Небомать с маленьким сыном. Абсолютно чёрное Небо сияло во всем великолепии и волновало. Тёмная, беспросветная бездна ночного неба открывала звёздные виды на будущее. Мрачное и облачное небо вызывало мятеж переживаний. Огненные сполохи в небе с падающей россыпью звёзд предвещали радости.

Затуманенное, подернутое легкой дымкой небо печалило. Грозовое небо со вспышками молний в тучах пугало. Оленёнок мечтал летать во сне и видеть вокруг себя мир, полный чудес и свет сияющих звёзд. Преодолевая трудности, возвращался, подождав, пока туман открывал небо, а в просвете зарницы на

краю обрыва бездонной пропасти светлел душой. Ясное, чистое Небо-мать долгим взглядом меря, светилось лазурным цветом вокруг оленёнка, обнимая сыночка. Розовое небо с ярко горящими звездами и лунным отсветом исполняло заветные желания, вела по сокровенным тропам. Олененок следил за вздохами неба, подпрыгивая на стройных ножках, а слушал удары каменного сердца.

Оленёнок неустанно умолял камень не покидать их, а человек признал свою ничтожность перед отражением пульса мироздания. В слезах и муках они ощущали радости и тревоги, спасали друг другу жизнь и взамен ничего не просили. Лютая пурга заставала человека вдали от стойбища, а оленёнок прижимался к нему тёплым боком и мог, не замерзая, пережидать непогоду несколько дней. Тёплая шкура оленёнка с волосками пустыми внутри сохраняла нагретый телом воздух под снежным покрывалом, согревала застигнутых непогодой кочевников. Пурга стихала, оленёнок и человек откапывались, а увидев

камень, продолжали путь. Приручённый оленёнок прекрасно чувствовал себя в диких условиях, несмотря на суровый климат гор и ходил по вековым оленьим тропам. Летом свежий ветер с вершин сдувал мошку и оводов, досаждающих бедным животным. Зимой дул ледяной ветер со снежных пиков. Рос малыш закалённым оленем и почти никогда не болел. Он легко участвовал с таёжником в охоте, терпеливо перетаскивал на спине поклажу. Олененок на тонких ножках семенил за таёжником по изгибам тропинок, в кротком молчании, путешествуя между мирами.

Днём оленёнок ходил за человеком следом, как собачонка, а ночью ложился у входа в жилище — чум. Для таёжника, кочующего поперек хребтов огромных пространств сибирской тайги и горной тундры, оленёнок был не просто приручённое животное: одна душа была у таёжника и у оленёнка, одна кочевая жизнь и важная часть обычая. Не спало в покое таёжное сердце и давало оленёнку новые имена. Рождённый — Отблеск, полугодовалый — Лучик, годовалый — Молния и далее — Свет. Таёжник в душе упоминал тайные имена оленёнка переносящего трудные странствия в лютую стужу и жару. Счастливые тропинки высекал на оберегающем камне завитками звёзд и солнечными спиралями. Небо-мать на камне была жизнью. Солнечный олень — вспышка света и разумный дух, в сердце пробуждающий мечту о возвращении к истинности. Видимые в отраженном солнечном свете, лунные обновления, сплетали судьбы в узелки. Первопричина добра сполохом блуждающая по солнечным и лунным тропинкам оживала в заветных мечтах, дарила смысл и принималась за нерушимую суть. Мысли о добре, сотворённые на узких тропинках и широких путях улетающего и возвращающегося Солнца несли размышления о борьбе света и тьмы, о вечной небесной погоне точками света на камне появились Солнце, Луна, олени, горы и человек.

Оленевод по крови, не унывая довольствовался малым, во мгле будней тяжёлого труда спотыкался, путаясь в шагах, терял из виду разметки и направления. Доброе чудо озаряло тропинки судьбы, запутанные в удавку. От суеты сохранял оленей, осваивающих жизненные пространства тайги. Олень душой грел камень, сохраняя уют и счастье у очага. Душой зажигал точку света в сердце человека. Камни душу ему заменяли, а он открывал неведомые дали. Ранив душу о жёсткие скалы, возвращался к не остывшим душам родных камней. Влюблённый в тайгу постигал радость дальних хождений, доверил жизнь природе и из пешего странника стал оленным охотником. Честный, открытый человек сбросил с души окаменелые чувства, боль, разбитые надежды, бессонные ночи. Выживал, кочуя с места на место за оленьим стадом, перевозившим за собой его не хитрый скарб. Шагал тропинками долгих странствий длиною в жизнь по бездорожью, а камни чувствовал кожей. Впереди него по кругу жизни шёл рослый белоснежный олень с огромными ветвистыми рогами. В перемычке мгновений молодой олень точкой света стоял на снежной вершине, пережидая ночь и непогоду. Преобразившись растущим заревом счастливой самоотдачи, творец судьбы бежал по расцветающему Небу, рогами разрывал в клочья тёмные мысли и чувства туманов. Небо над ним в лучах солнечного света окрашивалось радостью несбыточного цвета лазури и бирюзы, вплетаясь дрожащей крапинкой в ожившие души оленьего мира, меняя стужу на огонь жизни.

ЛОВЕЦ РАССВЕТА

Таёжники редко добирались в горное урочище верховий реки Уда, здесь звериные тропы расходились в разных направлениях, теряясь в распадках, а камням снились цветы. В высоту поднимались покрытые снегом вершины, а крылатые птицы взлетали общаться с небесными хозяевами. Понимая человеческий язык, медведь молча слушал сказительницу преданий. Рождённая в лёгком тумане рассвета девушка, на скалах один и то же сюжет пела по-разному. Заступник медведь не открыл никому её имени, а спросил — почему она меняет содержание песен. Улыбкой, излучая радость, она отвечала, что каждый раз видит продирающую до озноба картину сотворения мира по-новому. Подвижность сознания вдохновлялась общением девушки с падающим небом на острые скалы и пониманием природных явлений, связанных с ним. Небо представлялось, живым существом высшего начала способное осмысленно вдохновлять чувства и рассудок. Покровитель девушки верхний мир имел мысль, ум, звёзды, луну и солнце. Стороны восхода и полуденного расположения Солнца выделялись в образе песен,

как грани положительного начала, а грохот грома и блеск молний, воплощались в полезных отражениях.

Для девушки, воспитанной у гнезд перелётных птиц, природа была единой, а звери и люди были равными перед ней. Стада оленей паслись у каждой горы и жизнь человека и оленя были

неотделимы. В родовом мифе праматерью являлась — Олениха, а праотцом — Медведь. В золотом сиянии спустившийся с небес Олень носил на рогах восходящее, светлое и обновлённое дневное светило, прокладывая тропинку по небосводу. Олень-двойник, двигаясь под небом, был посредником между звёздным и земным миром, помогал заблудившимся в тайге, указывал путь к местам охоты на копытных и пушного зверя. Олень укрывал в дремучей чаще от хищников, одаривал полезным достатком, приводил к исцеляющим источникам и травам, давал советы. В погоне за стремительно убегающим оленем, девушка входила в высшие пространства, озаряя золотые жилы гор солнечным светом. Смену времен года в словах выражала в облике чёрного и белого оленя — зимы и лета. Олень с белой шкурой летнее небо одаривал сияющим теплом. Чёрный олень — оделял ненастье, долгие снегопады и лютые морозы. Отмирающие и вновь вырастающие рога у солнечного оленя вдохновлялись вечным возрождением из глубин первозданно-

го небытия. Рога позволяли девушке сидеть на оленьем седле, в положении соединения с небом, чтобы читать будущие отрезки времени. Приобщаясь к жизненной силе Оленя, среди льдов и туманных дымок девушка не охотилась на северных оленей, а изловив, приручала к верховой езде и перевозке вьюков, овладевая таёжными просторами. Ценя животных за их превосходство в силе, храбрости и выносливости приписывала им душу, способную, подобно человеческой, жить вечно, сохраняя доброе величие. Вся окружающая природа: небо, земля, молния, ветер и вода имели духов-хозяев и минуя передряги суеты, к ним девушка обращалась за помощью. Кочуя по тропинкам, устанавливала стойбища на ягельных пастбищах и охотничьих угодьях. Девушка напрямую приносила духам дары, а просила защиты и помощи. Медведь терпеливо смотрел, сопел, с места не сходил, пока духи-хозяева требовательные к исполнению обещаний не отзывались на просьбы девушки. Никакой обман, вседозволенность и нарушение запретов не оставлял Медведь без наказания.

Вечные и невидимые духи, обладали телесностью, неуловимой для людей. Духов замечали только медведь, олени и девушка имеющая силу не выгорать в огненном пламени молний и устранять неприятности, посылаемые за нарушение порядка. С помощью целебных свойств вечной воды, трав и пены муравьиного масла, умело излечивала от болезней зверей. Девушка

превращалась в камень двойник, чтобы не испепелиться от взгляда бездонного неба. Дождь и бурю, ветер и снег вызывала и усмиряла с помощью чудесного камня. Молнией вбитый в землю камень с солнечным знаком, окружённый крылатыми зарубками-перьями испытывал боль, страдание и разумел язык звёзд.

Камень вершиной касался неба, а корнем уходил в землю, соединяя миры. Девушка надела оберег из совиных когтей и птичье обличье Уселась на шкуру с рогами оленя и с появлением падающих звёзд на небе — прикусив губу — медвежьей лапой била в бубен камня, слегка подбрасывая в духовную высь.

Смотрел Медведь, как мечтами угощала девушка воплощённый Восток в Рассвет, Юг в Полдень, Запад в Вечерний сумрак и Север во Тьму. Первые три стороны претворяли добрые деяния, а четвертая — Тьма, приносила всуровый мир грусть и холод. Они повсюду сопровождали таёжных жителей. Девушка задабривала всех в равной степени, не вызывая с их стороны обиды и гнева. Сквозь холод спутанных сомнений забыла восхвалить мать-олениху и отца-медведя, не задобрив Солнце, потеряла его свет. От притворства отвело глаза светило и прильнуло в чад затмения. Олени заблудились в дымке сновидений, а медведь залёг в берлогу. Вечерний сумрак от обмана увел Солнце в чистую страну белых звёзд. Под лихорадящей пыльцой неистощимых созвездий корчилась в за-

пахе Тьмы девушка, а под полной луной накрывшись тенью бубна натужно рыдала. Земля тряслась, а солнечный рот — костёр очага — задышал угаром тлеющей золы. Девушка резала воздух взмахами рук, а скалы рушились в зияющие бездны. Резким криком пугала проливной дождь, а он стонал градом.

Снег ссорился с пургой, а пелена тумана спорила с мглою. Стихия не останавливала стынущее разрушение, а в уныние не разогнули облака сутулые спины. Девушка, от тоски поджимая губы, издала печальный вопль раненой птицы.

— Дарующее жизнь незакатное Небо, чтобы не пропало имя и сила таёжного народа, — орала девушка Небу. — Мы возвысим мать-олениху и отца-медведя. Покорно просим, верни незабвенное Солнце.

В глухих раскатах грома небо не слышало её шёпота. Позабыв привычный страх, восходила высь по камням в поисках следов протоптанных Солнцем. Словно птица с вырванными крыльями осознала, что взлёт может занять всю жизнь. Пробираясь по стезе Большой и Малой Медведиц, на небе она перевоплотилась в звёздочку. Заблудившееся Солнце, высматривала в туманном пространстве, но сёстры-звёзды, Солнце перепрятали в центр надзвёздного перевала, за жилище Матери звёзд. Её гнездилище на небе совпадало с положением зенита и

оставалось в одном положении, являя собой яркий знак постоянного местонахождения вершины неба. Небесное становище, обнесённое летящим ограждением из скальных обломков и оберегающих созвездий, открылось девушке внезапно, словно возникая из горного склона на самых трудных шагах подъема. В звёздных вихрях увидела Мать звёзд покрытую снежным оперением совушки птицы.

Крылатая звезда тканью мглы ночной прикрыла Солнце, но появилась девушка-звёздочка, с тем, чтобы его вернуть. Между ней и Матерью звёзд началось торжище. За Солнце она предложила Матери звёзд возможность распоряжаться зверями. Мать звёзд — вздохнула улыбкой холодной, сама была жизненное бытие зверей и пожелания дарила нижним обитателям. Выпустив когти — отклонила предложение. Девушка предложила заговор для оберегания. Совушка туманно молчала, она сама нижний мир охраняла. Знающая тайны мира девушка обернулась за советом к бледному блику Луны, перелетного зверя, зимующего с людьми вернуть Матери-земле. Девушка просила прощение за небрежность ошибок и забвение предков. Желала на земле ежедневно глазами встречать восход Солнца и выражать признательность Луне. От света ночного светила получила поддержку.

На каждом участке звёздного неба, обитал дух, от которого зависело увеличение или уменьшение количества зверей и птиц, а также удача или затруднение на охоте. Угодья были собственностью Матери звёзд и предполагали правила поведения на них. Мать звезд меняла облик, перевоплощаясь в зверей и птиц. Перед девушкой она появлялась в виде совушки или лапы медведицы. Неподвижно паря, заплутавшим зверям указывала верную тропу, а в наказание уводила в туманную чащу или запутывала следы в дебрях созвездий. Мать звёзд могла и не выпустить за притворство девушку из своих владений и тогда её потерявшуюся среди звёзд, посчитали бы уведенной Большой Медведицей. Удачливую девушку, дружившую с обитателями звездного неба, нарекли избранницей духов.

В соперничестве звери превосходили людей, а сверхъестественные силы приписывались небу. Исход промысла — его успех или неудачу — девушка ставила в непосредственную за-

висимость от воли хозяйки промысловых угодий. Пытаясь достигать доверия, обещала Матери звёзд наложить запрет губить северных оленей. Заказ был вызван к жизни полным уподоблением их человеку, а также представлениями о происхождении таёжных людей от оленей. Воспрещение распространить обещала по отношению к не промысловым животным. Добывая зверя, на охоту не ходить, пока хватало питания — не бить больше, чем нужно, ради наживы. Не допускать исчезновения животных ради забавы, а обеспечить их размножение.

Девушка знала следы и повадки зверя, но не участвовала в охоте и загоне, а с ней делились добычей, по справедливости. Долю получала брусникой для духов или собирала орех. Притягивала живность в угодья, но матку бить запрещала. Без матки телята погибнут и приплода не дадут, а зверь уйдёт из тайги. Просила прощения у зверя добытого для прокорма семьи и душа зверя перерождаясь, возвращалась в стадо. Влияла на жизнь отношением к ней. Страж разумного равновесия не имела оленя, а изнемогая от усталости, лечила недуги и не брала денег. Довольствуясь малым, делилась последним куском бескорыстно, а в голоде не унывала. Заражала бодростью, учила быть стойкими перед невзгодами, а не любила бесполезной болтовни. Жить по-другому не умела, сопровождала охотников в их промысле, помогала при стихийных бедствиях, не имея права отказать. Нерастраченной надеждой смотрела в небо, видела убеждения и не теряла веру в себя. Обращаясь с призывом о помощи — знала, что не исполняются просьбы просто так, что за оказанную помощь она принесёт вознаграждение. Мать звёзд показала девушке свой неиссякаемый запас, который водится в тайге. Живого хариуса давала добыть тем, кто видит в воде её отражение. Мех соболей — тем, кто её вспоминает. Копчёную лосятину отдавала голодающим. Беличьи шубы раздавала всем

замерзающим. Оленей — отдавала всем желающим кочевать за стадом, а Солнце хозяина золотых лучей доверила Рассвету.

Сосредоточившись на очищении мыслей, на камне из упавших звёзд выкладывала узор созвездий. На коже камня мысленный олень нёс на закинутых к спине рогах горящее Солн-

це. Огненный олень носил на рогах Солнце, утром — с гордо поднятой головой, а к вечеру уставал, опуская голову ниже. Солнце уходило за вершины гор, но на небе светил лунные рожки и Вечерняя звёздочка. Сходило небо на горные пики, сгибая и ломая тропу, а Солнце блуждало. По бездорожью искал олень во тьме Солнце. Обходил небесную тайгу, спускался ниже ущелий и поднимался на заоблачные выси, чтоб почуять следы Солнца. В пути лунные рожки крадучись играли в прятки, не испуская собственный свет, а отражая свет далёкого Солнца. В Вечерней звезде и лунных рожках узнал олениху и оленёнка, рождённого в лучах закатного Солнца. Олениха-Луна и оленёнок-звёздочка в невообразимой дали разогревали звёздное стадо. В безрогих пустотах Вечерняя звезда бледнела. Стадо созвездий кружило вокруг Матери звёзд, просило показать малышу оживление Солнца. Из цветных снов Мать звёзд явила свет Утренней звездочки, а она ловила Рассвет в ночной тени. Туманом зябким расцвёл Рассвет и прозрел. На пере-

путье дня и ночи Рассвет вырвал Солнце из плена забвения. Восходящий Рассвет искрил Солнце, а олень приподнял его на своих рогах и озарил оленёнка. Освободив Солнце из заточения, помог оленёнку стать Утренней звёздочкой, а лунный пастух увёл звёздное стадо в лучи Рассвета.

Крылатая Мать звезд, вникнув в мудрые мысли, отпечатанные на коже камня, направила девушку сквозь Тьму ловить Рассвет. Девушка задобрила хозяев солнечных лучей, от которых зависело появление утренней зари, света, тепла и их исчезновение на ночь. Под чистым узором Рассвета, обещала здороваться с медведем, но Тьма усилилась. Зареклась встречать соболя — Тьма стала ещё плотнее. Клялась беречь оленёнка и совёнка — Тьма посветлела. Дала зарок приветствовать Солнце — Тьма растворилась. Возвращаясь с вершины неба, отозвалось эхо раскатами грома. В небесном танце радуг встревожилась гроза вспышкам молний и упала моросящим дождиком. По косым нитям солнечных лучей и по полумраку облаков кочевала девушка, между пиками гор и небесной крышей, обновляя изнутри чувства в безмолвном ожидании. Сквозь лунные рожки в восходящей заре, скользнул пойманный утренний свет и затронул сердце. Девушка с надеждой держала белёсый Рассвет, будто бесконечность. В сиянии Рассветной звёздочки на миг время замерло. На вершине горы в ветвистых рогах оленя закинутых на спину блеснуло Солнце, чудесным светом, озаряя ожившее счастье.

НЕПОДВИЖНАЯ ЗВЕЗДА

Под падающим мокрым снегом олененок-сиротка с необычной судьбой кочевал по высокогорным тропинкам хребта Тэмэн-Туругтуг-Даг. Брёл по проталинам и глубокому снежному покрову ручья Дозарой до глади зеркальных озёр истока Магдас. Пробирался неведомым путем на значительной высоте с необычной природой, погодой и растительностью. Здесь был снег и талая вода, наледи подземные и на склонах гор, бесконечная зима и вечное небо. Ночевал под звездами небесного склона, завернувшись в хвою кедрового стланика или кутался в белоснежное покрывало метели. Ранней зорькой здоровался с парящим в поднебесье ястребом. Под гомон куропаток и свист ветра готовился к следующему переходу по слоям неиссякаемых наледей и ледниковых наносов, нанизанных на русло реки Эден. Чувствуя холодное дыхание промоченного водой и замёрзшего снега, надеялся выйти к вершинам острых шпилей отвесно возвышающейся горной цепи Удинского хребта и подружится со стадом диких оленей.

Шла чередом суровая кочевая жизнь оленёнка по звериным тропинкам высокогорья. Не оступаясь, бродил по камням пляшущих рек, штурмовал со снежными зарядами перевалы и словно в лапы медведя спускался в ущелье. Без суеты брёл по большому горному кругу вокруг задумчивых озёр в объятьях гор. Чёрные скалы и зеленые стены кедров, снежные вершины и взоры звёздных россыпей отражаясь в студёной воде с небесной узорчатой рябью смешиваясь. Дыхание озёрных глубин соединялось с бездонными вздохами синего неба. От талого снега ледяные водопады убегали в лазурит поднебесья, рождая реки. По ледникам и каменным осыпям, тропинка вела в первозданную сущность, приоткрывая мудрые тайны. Преодолевая подъемы на перевалы — время бежало, а тяготы повторялись. Снег и лёд день за днем, а оленёнок не останавливался. С мудростью тропы переплетались жизненные заботы, а он мечтал, что завтрашний день будет лучше, чем вчерашний. По контурам седых вершин опознавал местность вечно закрытую туманом, а сквозь очистительный холод, говорил с ветром о летящих мгновениях. В замедлении времени старался услышать и понять, что отвечали горы и населяющие их создания. В ожидании надежд, по краю ловушки времени, сквозь узоры гор взор устремлял за горизонт к дремлющей вечности. Видениями в безмолвии сверкающих молний с оленёнком беседовали горы. Грёзы прежних снов и личных переживаний делали смутными бесконечные тропы, но на крик светлой надежды, громким эхом отзывались далёкие грозы. Прошлое, смахнув без грусти и сомнений, кочевал к искрам звёзд располагающим безграничным запасом времени.

Со щемящей болью смотрел оленёнок в грозное могущество высокого неба, словно искал семью. Луна и планеты блуждали, среди звезд, не изменяющих видимого положения по отношению к другим светилам. По звездам, прожигающим тьму безмолвия, мечтал о будущем — исполняющем желания. Тайный смысл постигая, создавал видения, о мире вечности из созвездий, снисходящих вниз по стёжкам, подчинять земное время. Среди звезд ночного неба выделял созвездие Мать — Большую Медведицу, живущую в великой семье северного неба. Семь ярких звезд напоминали туловище воображаемой небесной

медведицы, а хранили время небесных судеб. Оленёнок мечтал собрать время, чтобы жить со смыслом каждый день. Мать Медведица вдохновенно кружила около Полюса мира, центра перевёрнутой небесной чаши верхнего мира, упирающейся краями в земной средний мир. Звезды метеорным потоком, зажигали отсветы огней, озаряя кусочки пространства в заснеженных убежищах животных и птиц. В грёзы о счастье наяву, из

вечности, наполненной до дна, падала звезда, освещая темноту. В вихре полночных видений один раз в сутки на мгновение, Большая Медведица, распуская края лап, спускалась к вершинам снежных гор. У возвышающейся горы было две вершины. На один скальный пик замёрзшего пространства из бездны по оголённой стене приходили потерявшие покой медведи-шатуны. На другой пик от гнёта постоянства по леднику искать вечность впереди прибегали дикие северные олени.

Покинув берлогу, дерзко брёл по тайге медведь-шатун, в надежде выйти на тропинку счастливой жизни снов. Твёрдо верил, что не нужна бродягам уютная берлога и прямиком ступал по следам оленёнка. Хозяин гор — дух бесстрашный, простой, нехитрый, по тропе звериной, на гору медведя торопливо направлял. На вершине горы медведь-шатун оледеневшим сердцем, пристально и зорко взглянул в звездное небо, но что-то встрепенулось, обжигаясь, наружу вырывалось там изнутри. Пали сверху небеса на уснувшие горы, осели и завертелись. Созвездие Большая Медведица по небу летела, подобно блистательной молнии и раскалённой лаве пронзило золотым дыханием вершину. Выросла вверх гора, а озеро ожило, чудесно засияло, как волшебное откровение. Под тяжестью громоздкой ярости сломался горизонта онемевший изгиб. Огненное и ледяное дыхание казнить, миловать и перерождать умело. Сквоз-

ным ураганом, переламывая густой ельник, испарило снег и полетело дальше, расплавляя прозрачные кремневые скалы. Пламенное дыхание Большой Медведицы, упавшее с небес застыло в кристаллы горного хрусталя, вобравшие в себя силу звёзд. Чтобы не сгореть, ломал окаменевший лёд медведь-шатун, понуро оголяя клыки и когти. Легла в его зрачки густая неба мгла, приглашая мечтать о бескрайних полётах. Звезды казались огненными и не доступно бессонными в загадочной вышине, что в испуге весь медведь-шатун огромным сердцем бился, не поворачиваясь и не уходя в бессильные мечты. Мрак мучил, а очи звёзд видели стук бродячего сердца не поверившего, что в небесах отражается счастье. Поддавшись воле рока, из распирающей груди шатуна вырвал сгусток грозного рыка, что кровь застыла, а плоть закаменела. Ломая, в гневе камни скал рыл в каменном леднике спасительную шатун берлогу. Устав от странствий, медведь-шатун впал в спячку звёздных грёз и превратился в зимующую глыбу, закованную в прочный лёд. Страж мыслей и грёз лунная тень беспробудно заслонила вершину. Куропатки зарылись в снежные щели. Наивный ястреб крылья режущим холодом сжёг. Острый ветер выл в ответ волчьей стае тоску нагоняя. Глядящие темнотой зрачков в вонзающиеся небеса медведицы раздували ноздри, а услышав храп шатуна, в испуге улеглись спать в берлоги. Вершина горы стала местом

рождения первенцев медвежат. В звёздном логове приюте буреломов и снежных бурь медвежата тихой сапой набирались силы, а тёплый бок созвездия согревал сновидениями.

В ту же секунду полыхающее дыхание ниспосланной с небес Большой Медведицы подобно молнии спустились на плечи второй вершины. Дуновением над бездной растопило каменный лёд и прозрачным потоком вдавило скалы. На камнях горного хрусталя, без боли и страха молча стоял оленёнок, туманно взирая в небо. Не испугалось, а потеряло надежды, не сгорело от огненного дыхания звёздного ветра, сиротское наследие, не превратилось в камень. Большая Медведица вдохнула второе дыхание в призвание странствий, которое оленёнок перенял от дыхания одиночества. В отблеске мечтаний ребёнок олений признал созвездие мамой. Искреннее счастье учуял в груди и тёплую радость. Доверчивый оленёнок сделал глубокий вдох, стараясь прижаться к звёздам и черпнуть их силы. Большая Медведица с неведомой лёгкостью дух приключений звёздного сердца вложила в грудь отважного оленёнка. Биение звёздного сердца с дыханием странствий стали едины. Звёздное сердце упрямо внушало, что оленёнок не от мира сего, а витающий в мечтах и кочующий над облаками — попутчик Большой Медведицы. Звёздное сердце любовью очарованное, завороженное и окрыленное упрямо заставляло оленёнка

заглянуть в начало всех начал Матери звёзд озаряющей Полюс мира. Сомневался медведь-шатун, что на тропах Млечного пути скопления звёзд дыханием нежданных событий наполняют Мир. Оленёнок поверил, что под неподвижной звездой жизнь крутится по звёздному времени к счастливым мечтам. Пронизывая Мироздание, звёзды на пике горы казались близкими и досягаемыми. Завораживали оленёнка, очаровывали, влекли в чудесную высь. Глядя на них, оленёнок забывал о натянутом земном времени, мыслями устремляясь к блёсткам Полюса мира, сияющим в бескрайней выси.

На волшебный знак пришло маточное стадо оленей, не думая о застывшем дыхании Большой Медведицы и упавших с небес чудесных камнях вобравших мощь звёзд. Стадо не терзалось напрасными надеждами и не тешилось несбыточными мечтами. Важенки не спрашивали, который день и час, а размеренно жили, встречая лунные рассветы. Судьба решала за них влюбляться, смотреть в недосягаемое небо, а к укромным камням приходить для отела. Здесь было прохладнее, меньше овода и больше ягеля для оленят рожками и копытцами разрывающих снег. Оленята с рождения зрели ночное небо, густо усеянное россыпью звезд. Оленёнок в этом чарующем месте вторил о сокровенном обновлении сердец. Оленята, дотягиваясь взглядом до звёзд, слушали о поднебесных

прогулках в гости к неподвижной звезде, но страшились заблудиться в распахнутых объятиях шатуна и волчьих клыках. Родная гора вершиной упиралась в небо, проницая пульс жизни вселенной, дожидалась, что будущее расставит всё на свои места. Оставив земную суету, оленёнок из тьмы прошлого,

ожидал появление на небе Большой Медведицы. После спуска к вершинам гор она вновь поднималась вверх, растягивая звёздочки, за них зацепившись, олененок мечтал сбежать в будущее. За Медведицей, оленёнок бежал по пятам, стараясь оторваться от притяжения земного времени. На линии горных пиков уходящих вдаль туманной дымки сбивался с пути, вплетаясь в немую суть звёзд. Дыханье затаив, пытался не догнать и не остановить, а бежать за временем. С Большой Медведицей старался подняться в поднебесье, где время оставалось позади. Попав в недоумение, терял оленёнок терпение, а Большая Медведица звёздным носом указывала оленёнку путь на макушку Малой Медведицы — дочки, где он встретится с яркой неподвижной звездой, где время замрёт.

Малая Медведица яркими звездами напоминала фигуру Большой Медведицы — мамы, только меньших размеров и перевернутую. Последняя звезда в хвосте Малой Медведицы

и была Мать звёзд — самая близкая к Полюсу мира и неподвижная. Мать звёзд не участвовала в видимом суточном вращении небесной сферы, а все другие звезды обегали свой путь вокруг неё. Отправной тропинкой, оленёнок объединял созвездия в одну небесную семью. При отсутствии движения отсутствовало для оленёнка чутьё времени, но Малая и Большая Медведицы никогда не уходили из поля зрения на ночном небе. По звёздному расположению Мать звёзд учила оленёнка, определять который час в данный момент времени. Медведица вместе с Полюсом мира были условные звездные часы, изменяющие всё вокруг и поиски надежды. Воображаемую тропу от Полюса мира к звездам Большой Медведицы назвал оленёнок небесной стрелкой Медведицы идущей стремительно. Не успевая гнался за временем — через четверть суток стрелка Медведицы проходила четверть оборота окружности и располагалась горизонтально. Догонял время, теряя счёт — стрелка небесных часов равномерно крутилась в направлении, обратном движению стрелки суматошных земных часов. В облачном и туманном небесном перевесе, ни перегонял время, а оно не ждало его. Прозрачный, как дуновение, лёгкий ветерок вечности двойным лучепреломлением и мглу соскребал с небосклона, а оленёнок учился ценить мгновения. Дыхание Большой Медведицы окрашивало яркие звёзды в тёплый цвет, а просветы оставались холодными, не препятствуя ходу, а оленёнок искал время для мечты. Чёрные глаза оленёнка смотрели с любопытством, откуда шёл свет и в ночное марево видели положение невидимые в тумане неподвижную звезду, радугу спелой луны и восход надежды в лучах зари. Опознавал местность по сторонам света в сумрачные и облачные дни. Небо указывало время, направление и немеркнущий спасительный знак неподвижной звезды, следуя

ему, земной малыш избегал невзгод в суровой действительности, украдкой бежал за счастьем.

Иней украсил шкуру оленёнка, вернувшегося с созданных воображением хождений по светоносному Полюсу мира к белым вьюгам холодом заметённых вершин Удинского хребта. Сквозь кружевные ветки кедров клубился незамутненный мир скопления звёзд. На тающем льду реки Эден по грудь в тумане

оленёнок под терпким дыханием звёзд тропил тропу в поднебесье. Брёл по следам Большой Медведицы в будущее и гордился, что шагал ровно в ногу по просторам лучезарного мира. Нашёл то, что не найти ни где и хранил в звёздном сердце видения странствий по уголкам параллельных приключений. Заблудившись во времени в день весеннего равноденствия, снова вышел на исходную тропу. Круг путешествия замкнулся, а свет звезд над пиком горы напомнил о прошедшем времени. Преодолев невзгоды и сомнения, небесный подкидыш время дальних странствий пожелал мысленно вернуть, где миг замирал для счастья. Принятый в звёздную семью, на мгновение оглянулся — неизмеримое время подгоняло войти в настоящую жизнь.

ИМЯ-ОБЕРЕГ

Затерянный мир безгранично суровых вершин в горном узле на стыке хребтов Ергак-Тарган-Тайга, Крыжина и Удинский устремлялся в небесную высь. Разнонаправленные гривы отрогов ласково гладила ладонь ледника, а ущелья ворошили наледи. Ото льда острые зубцы хребтов с террасами темнохвойной тайги из сибирского кедра, прорезанные водными потоками луга, покрытая мхами тундра и каменные россыпи уходили за край горизонта до солнечной черты. Горные вершины имели причудливые очертания и собственные имена: Сладкая, Пушная, Сытная, Болотная и Ягельная. Реки с непокорным характером меняющие русло, среди отмелей с золотыми самородковыми гнездами называл: Жизненная, Опустошённая, Вздыхающая и Богатая. В глубоких ущельях Дух медведь из золотых жил чеканил угощения звёздам. Дух олень догонял неуловимую зеркальную гладь покоя на небосводе сердца.

Ледник строил мост от золотоносного родника до светил и давал им имена обереги. Совиная Луна сквозь разрывы облаков тревожила бессонную ночь, а оленье Солнце рогами-лучами

разрывало сонные туманы оледенения. По распахнувшему объятия небоскату к россыпи звёздных капель Млечного Пути за угощением приходил народившийся оленёнок с лунными рожками. В зазеркалье золотоносного ручья полуночные рожки купалась в отражениях потока. Незваный дух медведя шатуна тащился тропинкой лунной из стылой мути тумана, а поравнявшись с лунным зерцалом, пробуждённым взглядом залюбовался отражением. Задрав голову, дух медведя прижался к лунному ознобу отражающего свет от Солнца. Вечный лунный попутчик хлопнул медвежьей лапой в бубен колеса жизни и кривым когтем сколол зеркальную кромку. Тусклым стал ночной отблеск лунного среза, наклонилась затемнённая кайма рыдающего бубна, затмив Солнце. Со стонущим криком в коварную расселину меж двух согнутых небес скатилось безрогое солнце. Сквозь просветы льда на зубцах вершин ущербные рожки скользнула к закату. В инее лунного золота скитающийся дух медведя уснул беззаботно. Круговращение светил затаилось в глубокой западне зимней спячки. Все стороны света небесного родничка оказались под массивом льда, прижатого к скалам ветром. Разрушилась связь имён, а окроплённый инеем родник замер в студёной шуге. В зеркальной глубине задремало бесцветное повторение силуэтов гор. Куски золотой жилы наполнились пасмурной снежурой и отсветами замерцали. Лунное отражение на прозрачном льду прожилками серебра дрожало, а сутулая гора плакала изморозью, вспоминая оберегающее имя. Ветер сдвинул ледник, явив трещину небрежения. В сумерках рогатой тени Луны человек чуял далёкий свет Солнца, а с тропинки облаков глядел поверх лучистых бликов слез на лунные рожки небесного оленёнка, Сквозь полог беспамятства и странствий забвения на ледяном столе не наполнил чашу угощения.

Запнувшись в тени длинных лунных рогов, уходил человек на охоту, а по кривой стезе возвращался без добычи. Всхлипнув стылая Луна, забыла имя охотничьей удачи. Словно во сне на снегу, окруженном блеском висячего льда, появились лунные двойники, размножаясь белыми куропатками. От сходства имён Луна худела, становилась прозрачной. Человек заметил, что без имени она тускнела, теряясь в сумерках. Топтанием на месте маячил у кромки ледника, сшивая провалы памяти, про

дар прямой понятной речи, без лести и зависти лепетал имена, приглашая светило к столу за угощением. В лунный рот — след зверя на снегу, капал жир соболя и просил удачу.

— Лунная мама родившихся звезд, ты баюкаешь лунную дочь и горы у тебя как на раскрытой ладони. Благодаря тебе тени гонятся за соболем, а я становлюсь человеком, — просил

о помощи таёжник. — Твоё имя не тает на губах, не оставь меня в маетном промысле мачехой. Справедливо разделяя, дай мне частичку везения.

Прояснилось лунное сердце, наполнилось чистыми чувствами. Шамкала, облизывая золотистый лёд Луна, отодвинула мрак, повела человека по приносящим удачу следам лап соболя. Изнемогая в блужданиях и тревоге голода, мечтал, из инея выйти к сверкающему свету и нужным быть под небом. Миг равнялся месяцам, но теплом дыхания мёрзлые имена согревал, а окоченелые камни чистого золота превращались в вечное зеркало. Золото света, в пригоршню зачерпнув, выплеснул угощение на свежий срез лунного краешка. От лучистого света лунный круг пополнел, игрой воображения — взаимно искажая отблески. Отражали блеск друг друга жестокие самородки и мстящая Луна, освобождала от того, что мешало изнутри начинать новые дела. С потеплевшей улыбкой качнулась

на рассыпанных осколках зеркальной жилы золотом посыпанная судьба, поесть — попить просила. Из серой мглы ледника взглянула совсем другая небесная звезда — лунная мать отведала угощения. Мыслями и намерениями насытившись, она передала удачу Солнцу. Согласие имён не вводило в заблуждение человека. Хватал он добытого соболя обеими руками за ушки, держал мордочкой к встающему солнцу.

— Солнечное изобилие даруй соболя, — возглашал таёжник. — Наполни силой лунная щедрость.

Тонкой ресницей, задев за живое туманную гладь льда, ослепительный солнечный луч разбудил источник. С материнским молоком впитав силу, родник с радостью вырвался из обагрённых зарёю осколков льда. Приветлив был его первый крик. Озаряясь рассветом, Луна и Солнце улыбались одновременно над ледяной ладонью. Однозвучно билось сердце у родничка, у встающего Солнца и у Луны, ласково сливаясь со звёздно-млечным небом. Россыпи золотого песка дерзко пробивали путь в ладонях льда сквозь преграды камней и бархат звёзд к восходу светила. Трепещущая вода вызволяла золото из ледяного плена. Превращаясь из ледяных обломков в неистовый поток, за пазухой ручей катил в пене залежи из недр, а позолотой брызгал на обрывистые утесы. Золотые солнечные рожки плескались в тонкой зыби ручья. Вода прозрачная до самого золотого дна вымывала золотую жилу

до падающей на плечи покоем ночной тиши и угощала луну перелётных птиц. Напев родничка сливался с гулом водопада в сиянии радуги, а сердце радужной луны светлело, постигая золотую сладость ручья. Добрый взгляд светил давал добро на жизнь и рыбы набирали икру, а звери приносили потомство.

Кочевало летящее зеркало среди вечной зелени багульника по золотым россыпям, а имя-оберег следовало за ним. Под отбрасывающими тени светилами шла чередом жизнь стойбища у древних камней Сытой горы. На её вершине пел родник, а земные проблемы забывались. Солнечные и лунные рожки оленят отражались бликами в зеркале льда и самородках, исполняя заветные желания. В шапке из птичьих перьев и одежде обшитой блёстками, в раздумьях долго сидел человек напротив огня костра, а бессмертие искрами хлестало в душу. Ударял в бубен, а слушал вторящее журчание чистого родника. Ручеёк катил по дну золотые камешки к краю земли. Самородки бодались с отражением рожек Солнца и Луны, издавали звук, похожий на перезвон бубенцов. В передышках — пригоршней сыпал золотой песок угощений духам-помощникам в воду ручейка и видел жизнь сквозь солнечные мечты и лунные видения. Переходил в писк, потом в речитатив, похожий на пение катящихся камней, вспоминая имена солнечной искренности способные отражать лунную

неверность. Раскрывал секреты, как дышал, не зная усталости, загадывал заветные желания. Цеплялись за проталины, истерзанные колючими ветрами карликовые березы, а кривые стволы разлапистых кедров тянулись к солнцу. Обломки скал одевались мхом и врастали в дёрн. Таёжная сень наполнялась

птицами, изюбрями, сохатыми и пушным зверьём. По оттаявшей тропе дух медведя торопливо шёл на медвежью свадьбу.

Впитывая свежесть ветра, голос тундры и тайги, дым костра и аромат чая, затаив дыхание копошились глухари. Слушали птицы и звери слова человека и спрашивали, почему золотой самородок Вместилище Солнца и чем он отличается от оберега Незаходящая Луна. За помощь человек подносил трепещущие названия небесным светилам, жаловал собственные имена духам и клички оленятам. Помнил название рода, запоминал успех, создавал собственное имена потаённым явлениям и безымянным вершинам, затвердевшим тропинкам и ожившим ручьям. Выговаривал имя в полном соответствии с событиями и приметами — в горах внимательно относился к мелочам, целиком доверяя знакам и знамениям. Не повторялся, выбирая звук, сопровождающий характер. Оберегающее имя было лучшее сокровенного слова, а безупречное имя было стерженем непред-

сказуемой судьбы. Загадочное и чарующее имя втягивало в дыхание жизни яркие переживания, стремления и блеск чувств.

Заранее не дали таёжнику имя и не обсудили судьбу, а родился он весной на восходе солнца и закате луны у проснувшегося ручья, вытекающего из ледника. Во сне родители узнали имя, которое нужно дать младенцу — Рассвет. Создатель погоды и предсказатель удачи, не раскрывая губ, шептал личное родовое имя — Отблеск и выбрал помощь Солнца. Подлинное имя — Ветер, ребёнку дала душа отца, когда начинал говорить, угадывая родственника, воплотившегося в его теле. Расположение небесных светил определило исход земных начинаний, а он получал новые имена по мере взросления и старения. Опора и наследник сделал первые шаги, его назвали — Сильный. Ловко выслеживал зверя по следам и получил звание — Зоркий. Удачно охотился на белку и получил кличку — Коготь. Лепетал прозвище, данное в соответствии с его характером — Смелый, дарования и наклонности его охраняла Луна. Вправлял вывихи оленям и величался — Целителем. Скрывал от посторонних свои имена, а титул — Радуга сопутствовал его живучести, отражал реальные свойства и надежды, которые возлагали на него сородичи. Имена носил не без тягости, стараясь оставить их правнукам незапятнанными, понимая, что из всех даров вечно живёт в памяти доброе имя.

Люди боялись немощных и избегали хилых животных. Таёжник благодарил судьбу за всё, что она ему посылала, желал всем, кого встречал только добра. Соглашался лечить хворь с огромным состраданием. Тяготы излечивал монотонным завыванием и ритмичными ударами до седьмого пота. Осматри-

вал угодья и если находил сухие деревья, сначала лечил их. Твердил заклинания держателю нитей судьбы, до боли сжимая седые виски, связывал надорванную ниточку узелком. Срезал олений волос, сжигал и давал нюхать. Исцелял поврежденные участки родниковой водой, солнечным светом, горячей глиной и накладыванием самородного золота из россыпей, снимающих боль. После истирания пагубного духа из тела катанием золотого камня, тёплым оберегом угощал голодные лунные рожки, а страдалец выздоравливал. Случайно подобрав золотое угощение, получал вред упадка. С внутренними противоречиями камень, стачивался ручейками или покрывался рубашкой, придающей ярко розовому золоту чёрный цвет, а в шаманском зеркале отражались рожки новорождённого оленёнка и уходящий недуг. Зеленый цвет золото принимало в лунном серебре, а таёжник понимал, что способен вылечить немощь. Дух-покровитель Луны рожками к ветру готовил отвар из высушенной коры и травы. Сила исцеления была больше при

Луне рожками вверх. Вниз рогами сила слабела, а с отлогими пропадала. Упоминая имена, кормил золотым песком мечтаний и серебром дум изменчивую Луну и просил вернуть помочь страждущим. Исцеляя снадобьями, старался понять причины напастей и направлял усилия на сохранение здоровья и охрану от опасностей. Страдания приходили с нарушением правил и повреждением имени, не просто слова, а воплощенной памяти. Личное имя было лунной тайной и защитой от невзгод. Неосторожное обращение с именем вызвало мучение, подобное повреждению тела по неосторожности. Во время лечения твердил оберегающие имена и если не помогали ни имя, ни травы, ни заговоры, шёл по лунной дорожке-ручью к леднику родовых душ за новым самородком и нарекал страдальца небывалым именем жизненной силы и тот поправлялся. Понимая, что всё сущее подчиняется разуму, помогал малышам и стареющим животным, сознавал, что безграничное доверие самой сути способам лечения и есть могущественное лекарство.

В очищении сквозь тундру и тайгу странствовал, поднимаясь ввысь горы к сокровенным ледникам. На вершине льда наполнял солнцем ждущее золото. Проживал один день с опытом всех предыдущих времён, когда звери, птицы, светила, звёзды и люди могли говорить друг с другом, и жили в согласии. На ветру перемен угощал светила и по указанной тропе кочевал к лучшей жизни. Заветные слова подбирал с непрерывным повторением важнейших имен. В бесконечной свежести простора лунный ободок зажигался полярной совой, трепеталось огненной птицей солнце. Раскрывал под небом ледник золотые ладони, взирая на отблеск звёзд в воде ручья и мерцание самородков. Гордо всходили над призрачным золотом неистощимые светила, смотрели на роскошное отражение бликов и отсветов в зеркале золота. Золото угощений не меркло в ладони ледника, освещая безбрежную надежду, а незаходящие лунные рожки небесного оленёнка вторили имена счастья.

БЛЕСК

Солнечные услужники северные олени отбрасывали кочевые тени на вершины горных хребтов и помогали светилу в борьбе с разрушительными силами стихий. В последний день зимы искали в горно-таёжном мире свет, тепло и порядок для стада. Уставшие от стужи брели по прорезанным ущельям, минуя истоки рек Белой и Чёрной Дургомжи к посветлевшим на скалах солнечным знакам. С гребня горы виднелся бирюзовый ледник, в трещины которого, с вершин высокого неба молнией упала огненная слеза Солнца. Разбившись в искры, а счастьем ослеплённый лёд подтаял, образовав котловину. Осколки опустились на ровную поверхность скалы. Небесные странники оказались из небесного золота с вкраплением минералов, украшенных неземными метками и напоминали о небесном духе, сошедшем в ось, связывающую Небо и Землю. Под ветром камни блуждали из стороны в сторону, а ледяная корка передвигала их в ряды и склеивала очертание горизонтальных лучей для наблюдения за планетой, кочующей к сердцу Солнца.

Закалённые в аромате алого Солнца олени приобрели совершенно удивительные особенности — предчувствовать тревожные перемены сущности. Тропинки заплетались, как нити в наледях оттепели похожей на весну и вели оленей к небесным камням. Владея горными вершинами, олени не пропускали значимые небесные события. Внимательно следили за поведением дневного светила, наблюдая положение в вечно установленных суточных основах. В сумерках взойдя на пик горы, любовались отражением солнечного света от верхних слоёв неба. Солнце находилось под горизонтом, а из центра каменных лучей олени ожидали восход. В темноте ночного неба, бесшумно парила закатная луна в окружении звёздной россыпи. Холодом веющий лунный круг, в пунцовой полосе зарницы желал блестеть ярче. Лунный свет оживлял блеск хрустальных камней и в утренней заре на них падали с неба одинокие звездочки. Вдохнув глоток неба и закинув на спину рога, олени всматривались в загадочные знамения. В центре и вокруг точек солнечных и лунных восходов и заходов, ощущали себя в центре мира и к востоку знавали лучшие ягельные пастбища. Каменные тропинки линиями показывали угол восходов и заходов солнечного света в виде крыла совушки указывающего путь к стойбищу. Мелкие камни линиями сказывали об углах восходов и заходов полнолуний, в сутки, близкие к равноденствиям и солнцестояниям. Линия Запад — Восток совпадала с углом восхода и захода Солнца. В день весеннего равноденствия у камней рассчитывали неба угол в параллелях со своим сердцем, готовясь в мягкой колыбели проталин принять оленят.

Водимые солнцем от сезонных стоянок к заснеженным ягельным перевалам, олени много повидали в кочевой жизни. Видели красоту уходящего дня, годы без лета и ветер срывающий снег в лавины. Наблюдали вспышки и солнечные пятна, огромную луну в близости от ледника и узоры внутри облачных молний. Разглядывали лунные рожки, метеорные потоки, солнечные и лунные затмения, кометы и рождение звезд. Замечали редкие воздушные явления, связанные с небесными объектами: солнечные и лунные круги, полярные сияния, болиды, миражи и ложное солнце. Мерцание, испускание огненных или разноцветных лучей, восходы солнца или полнолуния, радуги

и протуберанцы давали намек, что будут изменения в климате. Покраснение светил предвещало грозовую бурю, солнечные лучи в виде нитей и горение облаков — студёный ветер. Если лучи прижимались к солнцу или оно окружалось почерневшими облаками на восходе, то ожидали ненастье, а если встающее

солнце загорало — это был признак ясной погоды. Встречи с загадочными явлениями, оживлялись, связывались с духами природы.

Простые воздушные явления служили знаком перемены погоды. Сложные знамения и причудливые разводы на небе связывались с мощью всплеска светил, а предсказывали изменения на горно-таёжную жизнь. Считая Солнце предком таёжных обитателей, знали о влиянии солнечных лучей на судьбы кочевых правнуков. В жестокой жизни олени были хозяевами своих чувств — разума, воли и упорства, а угождали Солнцу. Преданно пробуждали улыбкой зарю и согревали золотой лаской восход. Чистотой души оберегали Солнце ото лжи и обмороженными рогами разгоняли тучи, день удлиняя на один птичий перескок. В сердцах оленей тлели искры огня и рождали силу мечты в жизни бесконечных перемен на бескрайних тропинках и направлениях. В новолуние, не увидев луну, уходили странствовать, оставив восход без присмотра.

В небесной картине мира уменьшение солнечного света или затмения предрекало скудную нужду, а увеличение света или кругов напоминало о сытом изобилии. Красный круг вокруг солнца знаменовал созидающую плодородие жизнь. Игра солнца выпадала на дни особого подъёма светила, при этом различные искажения солнечных лучей на восходе воспринималось с оживлением стихий. На зимнее солнцестояние, не помня себя от счастья — оживало, молодыми лучами сжигая темноту, на весеннее равноденствие — радовалось, пролетая над гнёздами. На летнее солнцестояние, не чуя под собой неба — ликовало, ослепляя от света, на осеннее равноденствие — засыпало, привыкая к потемкам. На линиях — пересечений солнечных восходов и заходов, превращались камни в звёздочки в соотношении радости оленей от солнечных восходов. Играл свет в сердцах оленей, получали тропинки золотой блеск, а меньше — выцветало золото. Всходило ложное солнце, тропинки тускнели затопленные в слякоть. Радость Солнца была чиста, чистым были золотые звёздочки на камнях касающихся пространств кочевого пути.

Ранним утром в пылу ожидания, возникшее на востоке мглистого неба свечение олени приняли за солнечный подъём, а само живое лучистое светило находилось за горизонтом. Обман на заре показал световой столб и служил признаком

сохранения прохладной погоды. Ложное солнце подымалось над горизонтом, а вокруг парили ободки в перистых облаках, терялись и вновь появлялись. Внутри круга неожиданно блеснула огранённая льдинка Утренней звезды и восходящие солнечные лучи отразились от мельчайшей изморози на скалах.

Сугробы осели, потемнел ледник, промерзающие узоры инея в облаках предрекли таяние снега из нижнего слоя неба проливным слезами дождя. В сердце поселилась тревога, а глаза зрели на небе бескрылую птицу, похожую на настоящее солнце. Белоснежными перьями дышали небесные озера, а помрачение покрыло оленьи сердца. Ледяная пыльца зябко подыгрывала рассвету и проходящий сквозь перья свет, рассыпался на многообразное излучение — радужно сияя. Ледяная стужа тонула в дыхании утра, выстраиваясь вертикально взлететь, отражала и преломляла свет. В звёздных узорах перламутра появилась мечта недотрога, переливчатой радугой розового цвета, скользнув по поверхности ледника. Застывшие капли из поднебесья отражали заходящую луну, мерцание звёзд и недоступное взору солнце. Ложный восход дуновением взъерошил белоснежную спину ледника. Истинное Солнце, споткнувшись о горизонт, оказалось незримо, а над ледником взлетела бьющая крылом притворная птица, лишенная неба.

Во мгле лунные рожки бодались заснеженным пикам. Ныло сердце и рыдало Солнце, обманутое лунной разлукой. Закатная Луна усыпляла Солнце, мешала всходить и сводила с истинной тропы. Завлекала в сумеречные объятия, в которых Солнце теряло волю и черты характера. Очарование ночного светила свет разума гасило, погружало в сон. Разбивалась мечта о холодные лунные рожки и память вздыхала о невозможном восходе. Огонь разума, представляемый Солнцем, в оленьих сердцах не погас. Ждали олени Солнце и прохладную лунную туманность рогами толкали. Лениво таяла белой пылью святящаяся стужа озноба, завесу снимая с ночного обмана. Ложью спрятанное истинное Солнце прозрело, вырвалось из дремоты в восточной точке хрустальных камней и осветило захлебнувшееся очищающим пламенем утро. Никто не заметил лунной тени, уходящей во мглу ледника, источника земных рек. Вокруг реального солнечного восхода в лазурной бездне неба засветился радужный луч. Из искажения высветились застывшими слезами растаявшие сны. Неподдельное Солнце и радужные круги, опоясывая небо, пересекли белую спину ледника. Из темноты пересечения ледника с солнечным кругом мелькали миражами двойники — в белом оперении совушка и стая куропаток. С ледниковым ветром совушка устремилась к простору гор. По солнечному лучу металась приземленные куропатки на токовище

льда, маревом наледи хлюпали по воде, держащей землю. Наивно клевали отражения зыбких звёзд и вздорно гнездовались на лунных рожках. Ложные близнецы, на сырой шкуре ледника озорно плескались в туманных лужицах судьбы и в слякоти мудрости тонули. Под проливными слезами всплыл наружу зве-

риный нрав стихии льда. Белым волком, растянувшись среди горных хребтов, строптивый ледник открыл глубокую пасть наводнения.

Простужено шурша капелью и разомлев в талой воде, наводнение-покольщик таилось, накапливая силы, насыщаясь снежным пространством гор. Расплескались стадом льдины, уподобляясь облачному небу по величине, цвету и духу. Неистово бурля, вырвался необузданный вал, взламывая наледи притоков реки Кара-Бурень. Всё сметая с пути, нагоняла страх и ужасающий трепет на зазевавшихся оленей жестокая волна. Плыли вниз колотые льдом и острыми сучьями деревьев. Под сокрушительную воду без жалости ушла тайга, но в тайне, чуда ждали, кружившиеся в водовороте звери. Они знали глубины истины сияния звезд большую реальность и света прекрасную силу правды. Солнечные слуги летать не умели и влачились из грустной грязи и тоскливой пучины, по бешеным бурунам наперерез подымаясь к вершинам. За призрачным светом надежды шли олени со страстным желанием выжить. Цепляясь за небо рогами,

вспугнули невзначай прозябание ложных птиц лишённых света, по медвежьим лапам ущелий стремились пройти сквозь острые ледяные когти. От страха оленьи сердца не очерствели, а слышали голос воли и разума, что они верные слуги Солнцу.

На пиках горных хребтов ощутили опору, открыли светлые дали и чувство парения, которое давало оленям преодоление. Солнечный луч кромсал в сутулых тучах щели и рождал ощущение надежды, а тени оленей не стояли на месте. Под гулкий гром и взрывы ливня, катила вода огромные камни, а олени плыли на встречу с Солнцем. От отчаяния слезы стекали в полноводье, но у блуждающих камней из небесного золота олени выскользнули из пасти тоски. В видениях встретили лунные рожки, созвездия, кометы, блуждающие звезды и вернулись к тому, с чего начинали, вспоминая полный круг долгой жизни и ожившего счастья. В замкнутом круге привычно друг за другом брели по жемчугу неба два светила, яркие и блестящие. Одно было с горячим и пылким сердцем, другое с охлажденным и мудрым, а над сгустком летнего паводка они не разлучались. Не лишенное разума и здравого смысла пламенное солнце смотрело на ведомых оленей, а они служили ему с любовью и со страхом, забывая о собственном спасении. Солнечные слуги из затопления кочевали по открытой тропе искренних чувств, начиная новый круг солнечной жизни. Мыслями контуры умного мира сверяли, а земным сердечком отважно мерили огромное и прекрасное солнечное сердце. В золотистой дымке узнали птиц разного полета, клювом лёд копающих или в небе парящих. В тяжёлый миг, олени с грустью до слёз среди искажений искали стёртые

следы правды. Льдами умытое Солнце над распадением ложной стаи гордо реяло, светило пульсацией вспышек приобретающих форму сердца и имело вкус золотой земли.

Светоносное Солнце распахнулось изобилием тепла и света для всех миров. Щемило от умиления и любовью ярко горело, текучим золотом соединяя Небо и Землю в неразрывный уклад с преображающимися частями. Ливень стих, а лучи упали на белоснежные очи угрюмого ледника, и он захлопнул волчьи клыки наводнения. Дёрн и мох впитал влагу, а лицемерная вода пошла на спад. Олени чувствовали под собой почву, из затопления пошли по тропинкам к сиянию звёздной середины мира, где природа была единой, а светила, камни, олени и птицы были равными перед ней. Правдивое Солнце вырывалось из пернатых облаков и отразилось через воду и землю в нижнем мире. На пути оленей в большой воде появилась переправа, а у горной тайги — перевалы.

Солнце познало себя через счастье зверей, а восприятие оленей не исказилось, они осознали его совершенство, мощь и вечность. Ошеломлённые потопом олени взамен сердечной нежности дарили Солнцу восторг, а добрыми чувствами заполняли пустые пространства в лживых светилах. Спасённые из паводка, словно проблески — сердца у оленей забились чаще, а дрожа от холода, встал на ножки с ягеля оленёнок по имени — Блеск. В суровом мире скалистых массивов оленёнок бежал за мамой, а Солнцу показывал путь от ледника к пастбищу. Солнце вновь вселило надежду в звериную семью, а золотым лучом согрело душу, ушки и хвостик оленёнка.

ДЕННИЦА

Яркие звезды, мерцали и искрились сладостью трепетных грёз в призрачной гуще скопления созвездий. Для восхищённого оленёнка жизнь ночи наполнялась чистым светом и сладким покоем. Сын блуждающих звёзд все создания в видимой Вселенной одушевлял. Воображал существование духа в каждой звёздочке и мысленно с ними беседовал, приписывая им разум и могущество. Небо, Солнце и Луна, звезды, планеты, горы, звери и даже отдельные камни были в глазах оленёнка разумными существами, чьей благосклонности он добивался, а гнева — опасался. В лучшие минуты сияющие звёзды, словно перелётные птицы, улетали за пределы времени, пламя их гасло. Оленёнок узнавал звезды, вернувшиеся в жизненное начало, складывал их в созвездия, и по ним определял путь, направление и время. Рисунок созвездий в ночном небе не менялся изо дня в день, из года в год, удивляя возвышенным постоянством. Ярким звездам и выразительным группам звезд давал самостоятельные названия: Одинокое крыло, Хвост куницы, Волчий клык, Бодающий рог, Большая Медведица. Если ковш

Большой Медведицы переворачивался — выливая звездный дождь, ожидал наступление рассвета.

Заветные звёзды окружали великана Небо-оленя, источник жизни и явлений природы. Небо-олень и Земля-мать были одним целым и над оленёнком дышали, волшебно сливаясь

в сверкание молнии с радугой и дождём, в золоте с серебром, в холоде с теплом, белыми кометами в чернеющих пустотах. Невозможно было их осознать и разрушить, а они счастье ловили и привыкли к белоснежной Луне управляющей ходом звезд и измеряющей быстротечное время. Регулярное рождение, исчезновение и возрождение ночного светила заставляло оленёнка считать Луну ответственной за судьбы таёжных обитателей, борющихся с лютыми хищниками, болезнями, холодом и бескормицей — посланцами нижнего мира. Если в лунном небе в ложный рассвет — тьма не отступила, Большая Медведица указала точное время. Разобщённость небесных тел влекла за собой длинную цепь незабываемых видений, стремящихся охватить всё, что способно вместить небо.

Ярко вспыхнула огневая звезда и зависла наперекор лунному свету, а полная Луна перестала появляться на небе рядом с Солнцем. Серебристый лунный взгляд, не забывающий про единство прекрасных звёзд, был печален. Луна была огромна и словно зеркало духа, вращаясь вокруг Земли по бесконечно большой и беспорядочной орбите, холодным светом заливала звёзды на небе. Раскаляясь при соприкосновении со снежными сугробами, низкая Луна слепила очи, старела и медленно удалялась. Лунный ломтик замерзал в ледяной небесной мгле, а во времени медленно таял по кусочкам. Звёздный ветер напевал сладкую ложь, что убывающая Луна создана для Земли, а растущая создана для Неба. В новолуние Луна прерывала полёт, а разделённые Земля и Небо, друг другу не верили, что они вместе. Оторванное Небо вставало высоко, а Земля низко. Они тянулись друг к другу, но при отсутствии Луны, отражающей солнечный свет, пересекая на крыльях небо, обломки звёзд зыбко рассыпались раскалёнными каплями. Из тьмы, на ледяные вершины полился метеоритный дождь, сжимая земную грудь неуверенностью. Перечёркивая небосвод и сближаясь с покрытым пеплом зеркалом гор, светимость небесных огней нарастала, вызывая паническое волнение. Поднимался дым и пепел со дна до небесных вершин, а Земля и Небо сходились в горизонте, чувствуя себя

вновь вместе. В треске землетрясений, извержении вулканов, гроз и огненном зареве, на горы с дождём звездопада рухнул лунный краешек.

Небо улыбнулось и рассыпало чистый свет звёзд на быстротечность таёжной жизни. Оленёнок почувствовал радость и не остывшее чувство доброты. Показалось, что пики гор заботливо взяли его на руки, приподняли над Землей. Он ощутил счастье свободного полета. Не стало преград и заслонов, звёздное небо без лунной полоски, оленёнка не пугало. Под звездопадом оленёнок считал искорки, кружилась голова, казалось, что со снежных кристалликов можно сорваться в небесную бездну. Очарованный величием нового неба, он изумлённым взором рассматривал открывшиеся звёздные россыпи. Без лунного света небо выглядело глубоким, бездонным и казалось, что можно дотронуться до мерцания звезд. Оленёнок видел падение звёзд и осознал, что, если успеть загадать желание, пока падающая звезда не погасла, оно обязательно сбудется. Пожелал увидеть звёздочку сестру Солнца сквозь зеркальный восход тонкого обруча Луны завалившегося за край небосвода.

Олененок преодолевал преграды по хребтам и перевалам в поисках упавшего лунного краешка, рылся в снегу, обломках скал и толще каменистой тундры, прячась в равнодушии звёзд,

зеркальное отражение лунного краешка. Как залог возвращения, отломила Луна кусочек камня трёх миров, притягивающий к себе нетленный свет. В восторге оленёнок, догадался, что, постепенно угасая и загораясь, лунный камень живыми гранями манит в прошлое память, а задаёт новое время. Поверхность лунного оберега отшлифовали прикосновения звёздных ветров, проявляя картину внеземного зеркала и тайну Вселенной. В верхней части лунного оберега углублением умная молния затесала отражение Матери звезд — ось тайги верхнего мира, единственное не крутящееся светило, по которой определил оленёнок направление на Север. Ямочками, зарубками и шрамами ранили ткань камня падения звёзд. Зная неподвижную звезду и несколько звезд оттиснутых на камне, оленёнок нашёл созвездия, одетые в семь медвежьих шкур. Бороздками и связующими точками, звёзды отпечатывали очертания созвездий хранящих души животных. В прозрачных отражениях лунного оберега оленёнок земным видением читал картину среднего мира, а в звездах разумел зажигающиеся мгновения жизни. Созвездия наполняли единый сюжет звездного неба северного полушария через зенит. Сквозь камень озарялась местность с повадками зверей и знакомые медвежьи тропы. Отсвечивало небо с богатой соболем горы наружу, а в тени гора была бурундучьей или кабарожьей. При вращении лунный оберег давал картину неба во времени, надежду восхода лунного светила и подъём на звёздную высоту. Всё он знал и помнил, помогая добыть удачу и справиться с трудностями среди стихий и зверей. Разумные сущности звёзд слезой разбуженные, понимали оленьи желания и искали потерянную седьмую душу. Объясняли причины появления гроз, землетрясений, оползней, ураганов, лавин, подтопления и смену дня и ночи.

Мгновения убегали прочь, а олененок, мечтая к небу прислониться, в наблюдениях разобрался, как связаны вдумчивые звезды и времена года. Небесное поле лунного двойника притягивало золотые самородки падающих звёзд. Ударяясь о лунный камень, они оставляли небесные знаки: солнечные во вре-

мя рассвета и заката — в виде кругов, лунные — в виде рожек. Метеоритный дождь точками выбивал на камне спирали небесного движения, наполняя смыслом жизни тайги. Сквозь оберег, наблюдались двенадцать небес, а оленёнок в воображении безмерно странствовал, преображая суть. Представлял движение Солнца, Луны и звезд, старался установить дни летнего и зимнего солнцестояния, весеннего и осеннего равноденствия, домыслить число дней и месяцев в году, определить стороны света и измерить бег равнодушно ускользающего времени. Разыскивая блуждающие планеты, искал положение их среди неподвижных звезд. Интересовался, чем отличается комета от астероида, метеорита и когда будет полное лунное затмение. Не обозревая небо полностью, дополнял сочинёнными видениями, погружающими в придуманный мир, где не останавливалось невозможное. Суждение о круговороте подлунной жизни и реальные небесные истории, наложенные на узоры звездного

неба в камне, рождали чувство возвышенного единства. Звёзды учили мудрости и рассказывали о невероятном небесном пристанище самого верхнего из миров. Видения помогали мечтать, а путь к осуществлению желаний и обретению счастья начинался с игры воображения. Небесное поле созвездий сравнивал с движением реальных светил. В кривом зеркале отражения блуждали тени тайной зависти лунного камня, думающего, будто ярче его никого нет, на ночном небосводе среди летучих звезд.

Одетый в меховую одежду оленёнок и звёзды одновременно находились в чёрном видении между формами живого, где не было непреодолимой грани. Оленёнок смотрел на густое небо с надеждой увидеть ярко падающую звезду. На ночном небе было множество звезд, что трудно было выделить среди них одну. У маленькой звёздочки с разноцветными бликами счастливо замирало сердечко, когда оленёнок смотрел на мерцающую россыпь. Сестра Солнца дрожала и думала, что он обратит на неё внимание, а она озарится сиянием, вытягиваясь из прошлых и будущих времен, исполнит его желание. Оленёнок ни разу в жизни не видел, как ниспадает звезда по зеркальной тропинке к лунному камню. Надеялся, что ему повезет, а он увидит стремительный полёт искренней звёзды. Пристально смотрел в трясущееся небеса, а видел целый звездопад, а за каждой звездой снисходило исполнение желаний. По небу неистово неслись падающие искры, бесконечно сменяя друг друга, сыпали туманящими желаниями, искажая память лунного камня. Зрелище радовало, но желание оленёнка исчезло в зеркальной мути лунного камня. Он не заметил среди россыпи одну маленькую звездочку и забыл в эту чудо-минуту, о чём хотел просить небо. Оленёнок просто онемел от восторга, что звёзды загадочно и необыкновенно прекрасно обрушились из верхнего мира и соединяясь с нижним миром. Загадывать желание следовало в момент угасающей звездочки касания с земным отблеском лунного камня, в памяти мысленно пронзить время, а её огонь по лучу вернуть на небо. Возможно из глубинных бездн тишины, звёздочка оставит отпечаток на камне и взлётом вернётся в загаданные грёзы оленёнка и возродится новыми странствиями.

Малышка звездочка мечты ловила, что однажды оленёнок заметит её и даст ей красивое имя — Денница, а она засветится ещё ярче своей гордостью. Но её свет был настолько слаб, что его хватало лишь на то, чтобы неподвижно мигать в небе. От блеклого мерцания оттолкнулась изо всех сил, прочерчивая яркий след, полетела по небу. Преодолев невзгоды и сомнения, просто сгорала от счастья и необыкновенно ярко блеснула в зеркале лунного камня. Сверкание, идущее от оберега, ярким светом лучей ударило в глаза оленёнку. Изумлённый оленёнок устремил взор на чёрное небо и узнал свет любящих глаз маленькой звездочки. Звёздочка красиво летела среди полночных молний, смотрела в умилении на оленёнка с небес и ждала доброе желание. Завороженный оленёнок невольно любовался нездешним скитанием звёздочки среди всполохов зарниц, на мгновение был счастлив, но позабыл загадать желание, видимо, в зеркало жизни глядел. Решил задумать сокровенное желание о счастье звёздочке, но не успел произнести достойный порыв. Доверившись мечтаниям оленёнка, медленно приближалась, а уходила быстро маленькая звездочка, лишь мгновение прочертила в тёмном небе мощнейший свет, но этот один миг её жизни был прекрасен. Затмив притяжение земли, сердце звездочки ударилось о ледяное одиночество лунной тени. Меняя взор укоризны, со смущённою улыбкой она невзначай подарила радость отражённой пустоте. Звёздочка не услышала зов заклинаний оленёнка, но почувствовала клич отчаяния и не погасла в вечности, не упала и не разлетелась её сердце — вдребезги искрами прочь. Крошечная звездочка загорелась белым пламенем и полетела не к земле, а в противоположную сторону и увязла в зеркале озноба лунной тени. Беспечная звёздочка знала, что вспыхнула не напрасно осколком света. Спокойная и усталая звёздочка оставила на зеркале снежных вершин светлый след. Не очень большой — обычный след, какой оставляют в бездонном небе звёзды среди бессонницы и сполохов таинственных зарниц.

Без возраста жила природа и время замедлялось, когда оленёнок ждал появление звёздочки. Ищущий простора оленёнок, поддаваясь напору стихии, в скитаниях заблудился и наивно брёл нехоженой тропой. В раздумьях повторял звучные слова,

надеялся, что звёздочка услышит и поймёт их смысл. Призывал звёздочку выйти из суеты теней и стать необычайно ярким сокровищем зарниц. Велел сиять в почёте и славе, чтобы её сразу все замечали, но лунная тень выцветших грёз в не земных снах наедине с одинокой звёздочкой украдкой росла

в ожерелье созвездий. Забыв о зависти тусклой тени, оленёнок поверил в реальную мечту, что небо услышит его волю. Невпопад загадывал заветное желание об огромном счастье звёздочки, а на небо вернулся тонкий обруч Луны, завалившийся за край небосвода. Оленёнок подтянулся до неба, с радостью в сердце послал секрет секретов сквозь зеркальный блеск ровеснице душе. Звёздочка поднебесная услышала чары голоса и магию слова. Вспыхнула нежным пламенем продрогшая звёздочка в таинстве обновления. Вмиг распахнулась в вечных скитаниях Вселенная, отбросив сумрак лунной тени. Изо всех сил устремилась незаметная звёздочка по небесной спирали к ритмам времени и обратилась в звёздочку утренней зари предвестника рассвета, а её следы сделались Млечным Путем.

РЕГАЛИИ ПОЧЁТНОГО ГРАЖДАНИНА

Глава района вручил Русину Сергею Николаевичу ленту, диплом, знак и удостоверение — все регалии для его нового звания «Почётный гражданин района». Высшая степень признательности жителей присвоилось абсолютно увлеченному человеку за неоспоримые заслуги, получившие широкое общественное признание. Сергей Николаевич — это образец трудолюбия, настойчивости и самоотдачи в достижении цели, активной жизненной позиции и любви к природе, личностный ориентир для молодежи. Член Русского Географического Общества, путешественник, писатель и художник Русин Сергей Николаевич внёс большой вклад в создание положительного образа Саян. Трудовая деятельность и яркое творчество Сергея Николаевича — служение Тофаларии и получение «Почётного гражданина» заслуженная награда. Великолепные книги — альбомы «Ленточки странствий» и «Ловец Солнца» — это просто шедевры и до сих пор являются непревзойденными!

— Я рад столь высокой оценкой результатов работы, которые стали возможны благодаря поддержке и помощи земляков

Роленкова Сергея Николаевича и Роленкова Бориса Николаевича. Я здесь родился, получил образование, работаю всю жизнь. Для меня Нижнеудинская земля — родная, она вскормила, дала талант, мудрость и стремление чувствовать себя полезным в этой жизни, — обратился Русин Сергей Николаевич к аудитории, затихшей в напряженном внимании. — Почётный гражданин — не только честь, но и огромная ответственность. Спасибо за то доверие, которое мне оказали, я постараюсь его оправдать. Мне всегда казалось, что горная система Восточных Саян находится в центре мира. Воодушевленный идеей гармоничного взаимодействия личной истины человека и своенравной природы, я организовывал экспедиции и краеведческие изыскания, открывал выставки и одерживал победы в конкурсах, учил детей и писал книги. Большое количество проектов находится в стадии реализации. Благодаря знаниям, здравому смыслу и неподдельной искренности они будут закончены на пользу района и населяющих его людей. Нижнеудинская земля культурный очаг и зона таёжного оленеводства — подлинное олицетворение Сибири и она достойна того, чтобы добрая слава её выходила за границы региона и была общечеловеческой.

Восхищаясь страной гор, рассказал о путешествиях к сердцу Сибири — Тофаларии, удивительном и совершенно необычном мире. Экспедиции с кочевниками и собирателями лекарственных трав в труднодоступные горно-таежные районы Саян — часть проекта, призванная заполнить пробелы о взаимном влиянии человека и природы. Погружаясь в мир многоликой Сибири, раскрыл сюжеты жизни кочевников в дикой местности, на стойбищах и угодьях в полной автономии. Горные панорамы, прозрачная вода озёр и искры белого снега на лапах кедров, девственная тайга и звенящие водопады превращают перекочёвки за оленями в чарующие приключения. Дух странствий приводит к новым встречам с животными и птицами, закаляет характер, приучая радоваться текущему моменту, не распыляя себя между прошлым и будущим. Бесконечное хождение, смысл жизни, личное счастье, мировоззрение, опыт духовной жизни народа — темы исследования. Судьба кочевников неразрывно связана с горной тайгой — источником жизни и материальных благ. Мать-Тайга кормит, поит, оберегает и даёт необходимое,

а дети тайги живут и трудятся на ней, соблюдая её законы, деля с ней радость и тяжесть. Слаб и ничтожен человек перед лицом могучей природы, если берёт с тайги лишнее, неминуемо ждёт его суровое наказание. Тайга бесконечно добра, терпелива и щедра к своим детям, но алчных и хлипких не любит.

Снежные ожерелья горных вершин меняют цвет в зависимости от положения солнца, представая в золотом, серебряном или розовом свете. Встреча восхода солнца в горах наполняет сущность спокойствием и безмятежностью. Северный олень

под охраной гор водится в изобилии, помогая людям в горах, создавать стоянки и расселятся. На огромных территориях оленьих пастбищ разводят и приручают вьючно-верхового оленя, сочетая таёжное оленеводство с охотой на пушного и копытного зверя. Пробуждаясь от зимнего сна — Горы Чёрного Гуся заснеженными вершинами подпирают небеса. Здесь берут начало реки, на проталинах веют свежестью первоцветы, а люди кочуют по тропам на место весенних встреч. Распускаются почки лиственницы, весь день напролёт кукует кукушка, а люди очищают душу дымом багульника. Угостив огонь испечённой лепёшкой, при последних замираниях закатных лучей тушат пламя костров. Погружаясь в темноту, люди ведущие борьбу за выживание смотрят на звёзды, отражающее зависимость между небом, природой и человеком. Желая защитится от невзгод, создают обереги и просят небо дать хороший год. Отталкиваясь от лунных рожек, звёзды, обернувшись золотой пыльцой метеоритов, падают на обереги. Вся небесная пелена созвездий кружится вокруг стойбища, а олень загадывает желание, чтобы люди зажгли в оберегах зеркальное отражение солнечных лучей — отводящих тяготы и приносящих удачу. Звёздной явью оберегов олень по росе за туманом, на перекрёстке дня и ночи ловит рассвет. Поднимает на рогах Солнце и с гордо поднятой головой, разводя

невзгоды, наполняет радужным светом обереги гор и неба. Дарит силы поиску истины, где мечты и реальность встречаются, а люди ощущают себя единой частью.

Сделанные руками незатейливые обереги чистых мыслей, светлых снов и добрых пожеланий привлекают внимание

к осознанию Саянских гор как общего дома, к ощущению общности и зависимости друг от друга. Встречаясь с чистой Землёй, Водой, Воздухом люди выражают единство, вспоминают разорение стихийных бедствий угрожающих благополучию. Думая о том, что могут сделать для решения сокрушительных проблем, оставив равнодушие, создали личные обереги: охраны детских душ и хранители семей. Вместе сотворили общий оберег по улучшению окружающего мира и сохранению разнообразия растений и зверей. Обереги переходят от матери к дочери, от отца к сыну, а семейные — из поколения в поколение. Во время кочевания обереги возят в охотничьей сумке

на посвящённом олене, они наблюдают и охраняют тропинки и жилища животных: норы, гнёзда и логовища. Домик-оберег для совёнка сделал человек, а дружить с ним может любой оленёнок.

В Восточных Саянах сохранились нетронутые места, содержащие подлинные сведения о жизни и процессах человека, Земли и Вселенной. Сила и власть природы здесь повсюду: и у Чатыг-Хемского ледника и у пика Поднебесный. Ледник Кусургашева один из крупнейших участков оледенения в Саянах и находится у истоков рек Орзагайских гольцов. Агульское и Медвежье озёра ледникового происхождения. Речная сеть бассейна Енисея с крупными реками — Уда, Ия, Агул, Бирюса и Казыр. На хребтах Удинский, Гутарский, Ергак-Тарган-Тайга, Бирюсинский и Джуглымский сохраняется естественное равновесие, не нарушенное возможностями человечества. Необходимость выживания на лоне природы вырабатывает восприятие самих себя как часть самой природы. Тайга способствуют существованию и жизнедеятельности людей, открывает возможности и пространство для их реализации. Не каждый регион наделён потенциалом и расположен в особенных условиях. Географическое положение определило характер, традиции, обычаи, сознание таёжных людей. Озёра и реки, каньоны и водопады, горная тундра и тайга, удалённость от мировых столиц и отсутствие дорог влияют на тип хозяйства людей, их быт и внутренний мир. От природных богатств зависит образ жизни, а кочевое таёжное оленеводство и охота неповторимы. Таёжники уважают Духов-хозяев: тайги, горы, воды, неба, наскальные полотна, где предки запечатлели на камнях души промысловых животных и хранилища не рожденных. Развивая характер, моральные нормы, правила поведения и охотничьи обычаи, дикая природа воздействует на род занятий и разделение труда. В суровом климате мужчины добывают охотничье и оленеводческое счастье, оставив женщинам обучение детей, приготовление пищи и изготовление одежды с солнечными оберегами жизни. Связав кочевую жизнь с оленями, передвигаются в любое время года и селятся на сезонных стойбищах в чумах. Год делят на периоды, подчинённые воспроизводству оленя, питанию, и сохранению поголовья. Для охранных обе-

регов используют клыки и когти зверей-защитников: ястреба, волка и медведя.

Тайга укрылась снежным одеялом, с оленями охотятся на пушного зверя. Олень сам добывает еду, разгребая снег или разбивая копытами плотный ледяной покров. Весной трудятся круглосуточно с новорожденными оленятами. Малыши не боятся холода, через день бегают за матерью. Летом уходят в высокогорье от злейшего врага оленей — овода. На ягельных пастбищах устраивают дымокуры, собирая стадо. Страх перед оводом пересиливает даже голод. Прохладный ветер оберегает оленей на снежных вершинах гор всё лето. Кроткие животные во время гона из добродушных самцов превращаются в опасных зверей. Во избежание травм у оленей в это время обрезают рога. Таёжники знают исцеляющие ручьи и озёра, ягельные перевалы и пастбища, кочевые тропинки и солонцы, в постоянных передвижениях за оленями, сохраняют уникальные обычаи, превращая природные объекты в элементы культуры. Крупный подвид, возит на своей спине охотников, лечит болезни, забирает тяжелые мысли и душевные переживания. Олень в белоснежных метелях друг и морозах помощник, центр мироздания. Его считают творцом земли, он движет небесное светило по небесной тропе и ведает ходом времени. Момент, миг, минута, пора, период, времена и эпоха, считает олень дни от дня сотворения. Солнце и фазы Луны служат для знамений

и определения отметок земного годового обращения вокруг Солнца — зимнее и летнее Солнцестояние, весеннее и осеннее Равноденствие. Со сменой времен года совершает олень сезонные перемещения и создаёт календарь, который определяет распорядок жизни на оленьей тропе.

Смелые и сильные люди кочуют и охотятся в одиночку среди бескрайней горной тайги, а природа контролирует и определяет их стороны обитаемости. Для того чтобы жить, таёжники кушают, пьют, имеют жилище, одежду, лечатся и создают новые обереги: очистительные, подорожные, неразлучные и зольные. Все материалы для существования люди находят в природе. Используя возобновляемые дары люди, не покоряют тайгу — кормильцу. Тайга позволяет выживать и наслаждаться жизнью во всей её красе и многообразии. Приспосабливая тайгу к потребностям, люди преобразовывают её — создают притворную среду обитания, нанося непоправимый урон. Загрязнение тайги, уничтожение зверей и растений, приближает увядание величавой природы. Жизнь на взятый у природы заём, вернуть тщетно, а разумные усилия могут послужить сохранению первоосновы. Любой разумный вклад приносит пользу. Закладка питомника хвойных растений, кормушка для птиц и животных сделанная своими руками, очистка завалов на тропинке к стойбищу делают жизнь прекрасней.

Наставница природа дает людям уроки выживания, борьбы со стихией, но она является и источником вдохновения. Слушая пение птиц и журчание ручья, любуются восходом и заходом солнца, слезами дождя и красотой цветка багульника. Влюблённые в природу, считают, что нетронутые кедровники и человек неотделимы. Тайга отдаёт зверя, орех, ягоды, грибы и полезные травы. Медвежьим жиром лечат ожоги и обморожения, кедровой живицей — раны, чагой — бессонницу и надевают серёжки на медведя. Душа-судьба и душа — мысль по сердцу, по разуму, по мечте развивает образы и привычки не эгоистичных потребителей, приученных лишь брать, ничего не отдавая взамен. Дети тайги совершенствуют свой внутренний мир, сохраняя, оберегая и пытаясь восстановить утраченные потенциалы тайги. Соблюдая охотничьи и пищевые установления, не поедают голову медведя, не перешагивают через посуду, нож и тропу охотника, а создают запреты-обереги для предупреждения неприятностей. Скромность — оберег доброты и порядочности. Живость — тайга существует без человека, без неё человеку не дышать и не жить. Любовь — согласие человека и тайги условие продолжения жизни на Земле. Прилежность — охранительные действия и меры. Мудрость — оберег от глупых и недобрых поступков. Забота — оберег от чёрствости и безразличия. Умеренность — оберег бережливости и разумная мера жизни. Честность — оберег счастья, которое всегда будет. Уважение, Преданность жизненный путь освещают.

Не равнодушные к процветанию отчих гор и рек, к будущему детей, в воспитании их любви к Родине, таёжные люди дарят гостям обереги. Ответственные обереги за сохранение первозданности Восточных Саян, без которой жизнь в горах находится под большим вопросом, преподнесли и мне. Добрая воля и сила духа способны исправить неверное направление, и обереги слезами, воспоминанием и сном напоминают об этом. Используем эту возможность, чтобы сохранить перспективу жизни, душу Саян — Тофаларию. Горы Чёрного Гуся — это наш всеобщий оберег.

Иллюстрированное популярное издание

Русин Сергей Николаевич

КАТЫШИНДИГЕРУ

Директор издательства С. Н. Мурзин
Компьютерная верстка С. М. Николаев
Корректор В. С. Старостина
Редактор И. А. Медведева

Сдано в набор 15.06.2020. Подписано в печать 01.08.2020. Формат 62×94 1/16. Гарнитура Kudrashov. Печать офсетная. Усл. печ. л. 30 Тираж 100 экз.

Издательский центр «Артиздат». 664011 г. Иркутск, ул. Чехова, 3-16 Тел.: (3952) 29-52-65. E-mail: artizdat@irkutsk.ru.

Отпечатано в типографии ООО «Принт Лайн», 664043 Иркутск, ул. Сергеева, 3, корп. 4, тел. (3952) 48-66-00, e-mail: 486600@mail.ru